XXIV 138/2
т. 13 в. 2
1874

130 2 312

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XIII, выпускъ 2-й.

802-93
10742-7
A 312/5
XXIV 138/2

ТРУДЫ
ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

Книга 3. Выпускъ 2.

ЗЫРЯНЕ И ЗЫРЯНСКІЙ КРАЙ.

Сочиненіе Клавдія Попова.

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА.

подъ редакціею Н. А. ПОПОВА.

МОСКВА.
Типографія С. П. Архипова, на Кисловкѣ, близь Никитскаго монастыря, въ собственномъ домѣ.
1874.

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

ЗЫРЯНЕ

и

ЗЫРЯНСКІЙ КРАЙ.

Сочиненіе

Члена Общества К. А. Попова.

ЗРІЬИНСКІЦ КЬУЦ

ЗРІЬЯНЕ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе . . . . . V.

ГЛАВА I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ.
Мѣстность, нынѣ занимаемая Зырянами.—Слово «Зыряне»—русское.—Собственное названіе Зырянъ. — Мѣсто, занимаемое ими въ семьѣ Финскихъ народовъ.—Число ихъ. — Обширность территоріи, которую они занимали въ древности.— Слово «Москва» — зырянское. — «Кучко» (бояринъ) — тоже. — Названія разныхъ урочищъ во внутреннихъ губерніяхъ. — Близость зырянскаго языка къ языку Финновъ прибалтійскихъ.—Сходство названій урочищъ въ нынѣшнемъ Зырянскомъ краѣ и недавно обрусѣвшихъ мѣстностяхъ Вологодской губерніи.—Сходство послѣднихъ съ нѣкоторыми собственными именами во внутреннихъ губерніяхъ:—слова «Ростовъ», «Кострома», «Муромъ» или «Мурома».—Постепенное съуженіе чудской территоріи:—Москва и Кучко; Весь на Кубенскомъ озерѣ; чудскіе землевладѣльцы по р. Вагѣ; Пермь въ Котласѣ; село Межогъ . 1.

ГЛАВА II. ПРОЦЕССЪ ОБРУСѢНІЯ ТЕПЕРЬ РУССКОЙ ЧАСТИ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНІИ.
Вступленіе. — Встрѣча племенъ славянскаго и чудскаго. — Нравственная несостоятельность послѣдняго. — Обрусѣніе Чуди главнымъ образомъ совершалось путемъ мирной колонизаціи.—Населеніе нижнихъ частей Вычегды обрусѣло совершенно мирнымъ образомъ. — О завоеваніи, въ прямомъ смыслѣ, остальной части Вологодской губерніи молчатъ лѣтописи.—Примѣръ правомѣрнаго пріобрѣтенія чудскихъ земель Новгородцами.—Частные случаи насильственныхъ захватовъ: преданія о томъ; археологическія находки; земляныя укрѣпленія; бранныя слова и преданіе объ основаніи Халевскихъ приходовъ. — Незначительность непріязненныхъ стычекъ. —Неспособность Чуди къ матеріальному сопротивленію: разсѣянность и разрозненность ея. — Смѣшеніе крови. — Порядокъ обрусѣнія. — Какими путями проникали Русскіе въ Вологодскую губернію? . 5.

ГЛАВА III. МАТЕРІАЛЬНЫЙ И НРАВСТВЕННЫЙ БЫТЪ ДРЕВНЕЙ ПЕРМИ.
Предки Зырянъ не знали прочной осѣдлости. — По крайней мѣрѣ не имѣли прочныхъ жилищъ.— Вопросъ объ отношеніи Чуди къ Зырянамъ. — Древніе Зыряне не занимались хлѣбопашествомъ. — Питались сырыми мясомъ и рыбой. — Ѣли мясо лошадей и бѣлокъ.—Не употребляли соли.—Родовой бытъ.—Отсутствіе гражданскихъ отношеній. — Семейный бытъ. — Равнодушіе къ цѣломудрію женщинъ.—Умыканье и вѣно.—Посланіе Митрополита Симона и ужичество. — Преданіе о происхожденіи Вогуличей. — Древняя религія Зырянъ. — Заключеніе. . . . . 12.

Стр.

ГЛАВА IV. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЗЫРЯНСКАГО КРАЯ.
«Устьвымъ» г. Михайлова. — Мнѣніе о происхожденіи Зырянъ. —Толкованіе слова Біармія.— Знакомство съ Зырянами Новгородцевъ и Норманновъ.—Разсказъ Гюрати Роговича. — Власть Москвы.—Св. Стефанъ Пермскій. — Приготовленіе его къ проповѣди. — Обстоятельства, облегчившія успѣхъ проповѣди: поддержка Вел. Князя; несостоятельность древней пермской религіи; предварительная пропаганда Новгородцевъ.—Начало проповѣди: Пырасъ; Гамъ; Устьвымъ. — Посрамленіе Пама и торжество христіанства. — Хиротонія Св. Стефана въ санъ епископа. — Результаты его дѣятельности.—Зырянскія письмена и переводы Св. Стефана. — Судьба ихъ.— Учрежденіе школъ и судьба ихъ. — Кончина Св. Стефана.—Преемники его: Исаакій; свв. Герасимъ, Питиримъ и Іона; Филофей. — Дальнѣйшая судьба Пермской епархіи . . . . . 21.

ГЛАВА V. КРАТКІЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ КРАЯ.
Астрономическое положеніе. — Границы. — Пространство.—Общій видъ страны.—Геологическій взглядъ. — Почва. — Гидрографическій очеркъ: рѣки, озера и болота.—Климатъ и метеорологическія наблюденія.—Вліяніе климата на здоровье.— Мѣстныя метеорологическія примѣты . . . . 30.

ГЛАВА VI. КАРТИНЫ ПРИРОДЫ ЗЫРЯНСКАГО КРАЯ И ПУТИ СООБЩЕНІЯ.
Общій видъ страны. Выдержки изъ путевыхъ записокъ г. Кашперова. — Путешествіе г. Мельникова къ Синдорскому озеру.—Первая поѣздка на Удору неизвѣстнаго автора. — Дороги. — Заключеніе . . . . . 34.

ГЛАВА VII. ЕСТЕСТВЕННЫЯ БОГАТСТВА КРАЯ.
Ископаемыя: золото, серебро, мѣдь, желѣзо, соль, точильный камень, антрацитъ, нефть, доманикъ, сердоликъ, графитъ, гипсъ и пр. — Растенія. — Животныя. . . . . 41.

ГЛАВА VIII. ФИЗИЧЕСКІЯ И НРАВСТВЕННЫЯ СВОЙСТВА ЗЫРЯНЪ.
Наружность Зырянъ вообще. — Ростъ. — Цвѣтъ волосъ. — Узкоглазость. — Выраженіе физіономіи. — Крѣпость тѣлосложенія. — Умственныя способности. — Религіозность. — Любовь къ роднѣ. — Отсутствіе нищенства. — Гостепріимство. — Честность. — Другія добрыя качества.— Выдержки изъ путевыхъ замѣтокъ г. А. Попова. — Пристрастіе къ горячимъ напиткамъ. — Недостатокъ цѣломудрія. — Лѣность. — Невѣжество.—Сутяжничество и мстительность.—Вспыльчивость. — Мнимые пороки. . . . . 45.

Стр.

ГЛАВА IX. ЗЫРЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ И ПРОИЗВЕДЕНІЯ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Зырянскія грамматики. — Характеристика алтайскихъ языковъ. — Нарѣчія Зырянскаго языка. — Его бѣдность. — Отзывы о его благозвучіи. — Переводы съ русскаго. — Народная поэзія. — Пѣсни. — Непонятное произведеніе зырянскаго слова. — Два образца зырянскаго творчества. — Преданія. — Сказки. — Загадки. — Заключеніе . . 53.

ГЛАВА X. ВѢРОВАНІЯ И ПРЕДРАЗСУДКИ ЗЫРЯНЪ.

Характеръ зырянскихъ вѣрованій. — Лѣшій. — Водяной. — Кикимора. — Домовой. — Сусѣдко. — Овинный. — Банный. — Ортъ. — Колдуны. — Еретники-Чакидчысь. — Порча. — Вѣдьмы. — Гаданья. — Предразсудки. — Объясненія явленій природы. . 57.

ГЛАВА XI. ДОМАШНІЙ БЫТЪ И ОБЫЧАИ.

Распредѣленіе народонаселенія. — Величина и наружность деревень. — Городъ Устьсысольскъ. — Постройки. — Одежда. — Пища. — Родины. — Воспитаніе. — Браки. — Похороны. — Праздники. — Увеселенія. — Братчина. — Бани . . . . . 60.

ГЛАВА XII. ХЛѢБОПАШЕСТВО, ОГОРОДНИЧЕСТВО И СКОТОВОДСТВО.

Общій взглядъ на земледѣліе въ Зырянскомъ краѣ. — Печора, Вишера и верховья Вычегды. — Удора. — Вымскій край. — Южная половина Зырянскаго края. — Степень урожая. — Ячмень, рожь, овесъ и пшеница. — Ленъ и конопля. — Обработываніе полей. — Порядокъ пользованія землями. — Работники. — Помочи. — Половники. — Особый земледѣльческій пріемъ. — Огородныя овощи: картофель, капуста, рѣдька, рѣпа, лукъ. — Скотоводство: рогатый скотъ, овцы, лошади, свиньи. — Домашнія птицы . . . . . 67.

Стр.

ГЛАВА XIII. ЗВѢРИНЫЕ И ПТИЧЬИ ПРОМЫСЛЫ.

Уменьшеніе числа пушныхъ звѣрей. Переселеніе бѣлки. — Сорты ея. — Цѣны. — Количество добычи. — Зайцы. — Горностаи. — Олени. — Лисицы. — Прочіе звѣри: Рябчики. — Количество добычи. — Куропатки. — Тетери. — Водяная дичь. — Лѣсованья. — Охотничьи партіи. — Охотничья провизія. — Ружья. — Собаки. — Матка. — Отправленіе на охоту. — Нарты. — Пывзяны и щамьи. — Производство охоты. — Пимы. — Лыжи. — Ловушки. — Возвращеніе по домамъ. — Второе лѣсованье. — Особенности охоты на другихъ птицъ и звѣрей: охота на рябчиковъ; на оленей. — Заговоръ на петли. — Гоньба. — Охота на медвѣдей. — Охота на лисицъ. — Выкормка ихъ. — Заключеніе. . . . 71.

ГЛАВА XIV. РЫБОЛОВСТВО И ДРУГІЕ ПРОМЫСЛЫ.

Стерлядь. — Семга. — Способы рыбной ловли: въ заплетье кужами; крыленами. — Два способа ловли въ курьяхъ. — Ловля сырномъ. — Разные другіе промыслы: разработка Брусяной горы; разныя работы на заводахъ; доставка дровъ для Сереговскаго завода; судостроеніе и бурлачество; заработки въ Петербургѣ; лѣсопромышленность; ремесла . . . . . 78.

ГЛАВА XV. ТОРГОВЫЯ СНОШЕНІЯ ВЪ ЗЫРЯНСКОМЪ КРАѢ.

Торговые капиталы. — Лавочная торговля. — Торжки. — Ярмарки. — Чердынскіе купцы. — Развозная торговля. — Коммисіонеры. — Мѣстные кулаки . . . . . 80.

ГЛАВА XVI. ОБЩІЕ ВЫВОДЫ ИЗЪ ПРЕДЫДУЩАГО . . . 82.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изъ числа такъ называемыхъ инородцевъ, обитающихъ въ Россіи, едва-ли не всѣхъ менѣе извѣстны Зыряне. Между тѣмъ этотъ народъ по своимъ особенностямъ, обусловливаемымъ его происхожденіемъ и своеобразнымъ вліяніемъ природы заселенной имъ огромной и, въ свою очередь, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательной страны,—заслуживаетъ изученія и извѣстности, быть можетъ, болѣе, нежели многія разноплеменныя группы, разбросанныя по сѣверовостоку европейской части нашего отечества.

Кромѣ того, Зыряне все болѣе и болѣе расширяющимися шагами идутъ по пути къ окончательному обрусѣнію. Не говоря уже о томъ, что каждый годъ, если не каждый день, на многіе десятки и даже сотни единицъ сокращается и безъ того не многочленная сумма зырянской народности, и что то-тамъ, то-здѣсь, одна вслѣдъ за другой, стираются племенныя черты ея,—даже прирожденный цвѣтъ, лежащій на цѣлой совокупности зырянскаго народа, постоянно и быстро линяетъ подъ вліяніемъ многообразныхъ и со всѣхъ сторонъ дружно дѣйствующихъ причинъ; — и уже не за горами то время, когда слово «Зыряне» лишится живаго содержанія и будетъ достояніемъ исторіи. Но и исторія наслѣдуетъ лишь пустой звукъ, если въ современной литературѣ не останется слѣдовъ этого пока живаго, но безъ шума и огласки угасающаго народа.

Нельзя сказать, что о Зырянахъ было мало писано. Напротивъ, въ 30-ти большихъ томахъ неоффиціальной части Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей разсѣянно весьма много болѣе или менѣе обширныхъ статей, касающихся этого народа и населенной имъ мѣстности. Но во 1-хъ всѣ онѣ до того отрывочны, что даже вмѣстѣ взятыя не обнимаютъ предмета во всей его полнотѣ и притомъ, имѣя не рѣдко характеръ случайныхъ, торопливыхъ и неоснованныхъ на твердомъ предварительномъ ознакомленіи съ дѣломъ, замѣтокъ, не чужды ошибокъ, противорѣчій, а иногда и вымысловъ; а во 2-хъ, — и это главное — Вологодскія Губернскія Вѣдомости такъ мало распространены и такъ мало цѣнятся своими исключительно обязательными подписчиками, что полный экземпляръ этого изданія уже теперь болѣе, нежели библіографическая рѣдкость: даже въ архивѣ редакціи нѣтъ такого экземпляра; — вслѣдствіе чего почти все написанное о Зырянахъ рано или поздно можетъ быть невозвратно утрачено, если не будетъ воспроизведено въ болѣе прочномъ изданіи.

Мы провели нѣсколько лѣтъ впечатлительнаго дѣтства близь самой границы заселенной Зырянами мѣстности; послѣ того не одинъ разъ проѣзжали по этой мѣстности въ разныхъ направленіяхъ; находились въ сношеніяхъ съ множествомъ лицъ, по-долгу жившихъ между Зарянами, и даже съ природными Зырянами; и наконецъ черезъ наши руки прошла не одна сотня оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ бумагъ, статистическихъ таблицъ и т. п., касающихся Зырянъ и Зырянскаго края: однимъ словомъ, при помощи собственныхъ наблюденій и разспросовъ другихъ лицъ, мы скопили значительный запасъ разнородныхъ свѣдѣній объ этомъ народѣ.

Въ виду того, что мы сказали сей часъ о необходимости неотложно сдѣлать общедоступными всѣ, касающіяся Зырянъ и Зырянскаго края, свѣдѣнія, было-бы для насъ не простительно, если-бы мы оставили про себя то, что успѣли узнать объ этомъ предметѣ сами, а также и то, что могли почерпнуть изъ источниковъ, которыми развѣ не многіе имѣютъ случай пользоваться.

Сказаннымъ объясняется цѣль нашего труда, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣляется и составъ его. Мы не имѣемъ въ виду написать монографію, которая-бы обнимала предметъ равномѣрно со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ подробностяхъ. — Прежде всего выполненіе столь обширной задачи пока не возможно: одно систематическое изслѣдованіе природы огромной страны потребовало-бы усилій многихъ спеціалистовъ. Но въ этомъ пока нѣтъ и не отложной надобности: мы достигнемъ своей цѣли, если въ нашей монографіи будетъ отмѣчено: во 1-хъ все то, что въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени можетъ исчезнуть, какъ напримѣръ явленія, относящіяся къ области этнографіи и метеорологіи въ самомъ обширномъ смыслѣ этихъ терминовъ; во 2-хъ все то, что имѣетъ современный, такъ сказать практическій интересъ, какъ наприм. свѣдѣнія о мѣстонахожденіяхъ рудъ и другихъ ископаемыхъ, о наружномъ видѣ страны и производительныхъ силахъ природы; и въ 3-хъ все то, что касается древностей и исторіи Зырянъ, какъ напр. преданія и необнародованные памятники древней письменности. Остальное мы изложимъ въ самомъ сжатомъ видѣ: таковы свѣдѣнія о флорѣ и фаунѣ Зырянскаго края, объ орошающихъ его водахъ и т. п. Мы не будемъ также распространяться о движеніи населенія, хотя этотъ предметъ и относится къ области этнографіи; потому что съ одной стороны метрическія книги всегда будутъ доступны изслѣдователю, а съ другой—мы не желаемъ слишкомъ увеличивать объемъ нашего труда.

Само собой разумѣется, что мы оставляемъ за собой право пользоваться, кромѣ выше названныхъ, и другими источниками, когда того потребуетъ существо дѣла.

Такъ какъ содержаніе нашего труда, при всей его сжатости, разнообразно, то мы дѣлимъ его на главы, предпосылая каждой подробный перечень ея содержанія.

ГЛАВА I.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ.

Мѣстность, нынѣ занимаемая Зырянами. — Слово «Зыряне»—русское. — Собственное названіе Зырянъ. — Мѣсто, занимаемое ими въ семьѣ финскихъ народовъ. — Число ихъ. — Обширность территоріи, которую они занимали въ древности. — Слово «Москва» зырянское. — «Кучко» (бояринъ) тоже. — Названіе разныхъ урочищъ во внутреннихъ губерніяхъ. — Близость древнезырянскаго языка къ языку финновъ прибалтійскихъ. — Сходство названій урочищъ въ нынѣшнемъ зырянскомъ краѣ и недавно обрусѣвшихъ мѣстностяхъ, Вологодской губерніи.—Сходство послѣднихъ съ нѣкоторыми собственными именами во внутреннихъ губерніяхъ: — слова «Ростовъ», «Кострома», «Муромъ» или «Мурома». — Постепенное съуженіе чудской территоріи: — Москва и Кучко, Весь на Кубенскомъ озерѣ, чудскіе землевладѣльцы по р. Вагѣ, Пермь въ Котласѣ, село Межогъ.

Обширный сѣверовосточный край Вологодской губерніи (весь Устьсысольскій уѣздъ и двѣ трети Яренскаго) и смежная съ нимъ часть Мезенскаго уѣзда, Архангельской губерніи [1]) заняты инородцами, которыхъ лингвисты причисляютъ къ финскому племени и которые у русскихъ извѣстны подъ именемъ *Зырянъ*.

Слово «Зыряне» — русское. Корень его «зыря» съ производными «зырить», «вызырить» и т. д., до сихъ поръ еще употребляется въ чисто русской части Вологодской губерніи, именно въ Кадниковскомъ уѣздѣ. «Зырей» тамъ называютъ человѣка, много чего нибудь выпивающаго: «все вызырилъ—мнѣ не оставилъ: экой зыря!» [2]). Въ Сольвычегодскѣ между мальчишками употребляется бранная прибаутка: «Зыря-баря! Кашу ѣла, дыра пропрѣла», утратившая уже, впрочемъ, ясный смыслъ.—Поэтому надобно полагать, что слово «Зырянинъ» произошло отъ укоризненнаго прозвища, даннаго Русскими части того народа, который въ древности извѣстенъ былъ подъ названіемъ «Перми». (Савельевъ *(Мухамм. Нумиз. стр. № III)* говоритъ, что Пермь слово финское и значитъ «украйна»; но ни одинъ изъ финскихъ народовъ не называетъ ни себя пермью, и при томъ украйною, ни своихъ соплеменныхъ сосѣдей этимъ именемъ). Такъ и теперь жителей Сольвычегодска сосѣди называютъ «ершеѣдами», Устюжанъ — «краснoязыками», Вологжанъ — «телятниками» и т. п. Это слово, какъ оффиціальное названіе народа, стало употребляться не ранѣе XVIII столѣтія, потому что въ рукописяхъ, относящихся къ болѣе отдаленному времени, оно не встрѣчается. Правда, упоминаются иногда какіе-то Сурьяне, Сыряне, Сырьяне, Серьяне, (безъ сомнѣнія, варіанты названія одного и того же народа) [3]); но это не синонимы Перми и Зырянъ, потому что приведенные въ одной старинной рукописи алфавиты пермскаго и сурьянскаго языковъ существенно разнятся между собою: въ послѣднемъ есть буквы, соотвѣтствующія нашимъ «Ф» и «Х», тогда какъ въ зырянскомъ языкѣ нѣтъ звуковъ, обозначаемыхъ ими [4]). Кромѣ того въ путешествіи

---

[1]) Предупреждаемъ читателей, что предметъ нашего труда главнымъ образомъ составляютъ Зыряне, обитающіе въ Вологодской губерніи, и что о незначительной части этого народа, извѣстной подъ именемъ Ижемцевъ, которые, въ числѣ около 7000 душъ обоего пола, занимаютъ смежную съ Вологодскою губерніею часть Мезенскаго уѣзда Архангельской, мы будемъ говорить только тогда, когда это позволятъ источники, и когда, при томъ, заключающіяся въ такихъ источникахъ данныя имѣютъ общій интересъ.— Теперь-же вообще замѣтимъ, что Ижемцы отличаются, и довольно рѣзко, отъ остальныхъ Зырянъ и нарѣчіемъ, и образомъ жизни, и характеромъ: они славятся оленеводствомъ, которымъ не занимаются прочіе Зыряне; отличаются предпріимчивостью и способностью къ торговлѣ — качествами, которыми не обладаютъ ихъ соплеменники Вологодской губерніи; и наконецъ, нравы ихъ утратили ту простоту, которая рѣзко мечется всякому, кто наблюдаетъ бытъ Зырянъ Вологодскихъ. Объ Ижемцахъ см. Максимова «Годъ на сѣверѣ».

[2]) Вологодскія Губернскія Вѣдомости 1866 года № 16, «Историко-статистическія замѣтки о разныхъ частяхъ Кадниковскаго уѣзда.»

[3]) Тамъ-же, 1850 г. № 4: «Устьвымъ» г. М. Михайлова.

[4]) Тамъ-же, № 14. Подробнѣе въ примѣчаніи 124.

Игумена Даніила говорится, что въ Іерусалимѣ онъ христосовался съ православными *христіанскими* и *сурьянскими*; слѣд. сурьянами, вѣроятно, называли встарину Сирійцевъ. Г. Кичинъ производитъ слово «Зыряне» отъ зырянскаго «суръ» (любимый напитокъ Зырянъ, почти тоже, что наше пиво), не придавая впрочемъ, догадкѣ своей серьознаго значенія, и говоритъ, что «Зырянинъ» значитъ много пьющій пива. Хотя такое производство, по результату, и близко подходитъ къ нашему, но это ни что иное, какъ случайность [5]).

Сами себя Зыряне называютъ «Коми-войтыръ», когда говорятъ о цѣломъ народѣ и «Коми-мортъ», когда рѣчь идетъ объ одномъ человѣкѣ—зырянинѣ. Всѣ попытки объяснить филологически значеніе общей тому и другому выраженію половины «Коми» пока не привели къ удовлетворительнымъ результатамъ. Утверждаютъ, напримѣръ, что родственные Зырянамъ Остяки и Манцы называютъ ихъ «Саранъ-Кумъ», и что остяцкое «кумъ», а слѣд. и «коми», значитъ человѣкъ [6]); но столь незначительное созвучіе словъ «кумъ» и «коми» едва-ли даетъ право считать ихъ тожественными. Представляя спеціалистамъ, близко знакомымъ и съ зырянскимъ и остяцкимъ языками, разрѣшить наше сомнѣніе, замѣтимъ только, что по зырянски человѣкъ называется «мортъ», (въ именительномъ множественнаго «мортъясъ»), и слѣдовательно если «коми» значитъ тоже «человѣкъ», то выраженіе «коми-мортъ» будетъ лишенный смысла плеоназмъ. Правда, г. Михайловъ переводитъ его «человѣкъ-людинъ», но такой переводъ имѣетъ всѣ признаки натяжки, [7]) игры словъ, и едва-ли мы допустимъ болѣе произвола, если остяцкое «саранъ» примемъ за искаженіе русскаго слова Зырянинъ и выраженіе «Саранъ-Кумъ» переведемъ «зырянскій человѣкъ».—Слово «войтыръ» состоитъ изъ двухъ совершенно понятныхъ зырянскихъ корней: «вой»—ночь, сѣверъ или сѣверный, ночной [8]) и «тыръ»—полонъ, полный, и поэтому «Коми-войтыръ» значитъ коми, наполняющіе сѣверную, ночную страну. Другими словами, «Коми-мортъ» соотвѣтствуетъ нашему «русскій человѣкъ», а коми-войтыръ—«Сѣверные русскіе». Безспорно то, что словомъ «коми» Зыряне обозначаютъ особую народность, и именно ту, которая въ древности была извѣстна подъ именемъ пермской; такъ какъ въ памятникахъ нашей древней письменности пермскій народъ иногда называется «Коминами» [9]). Въ настоящее время Пермяки также, какъ и Зыряне, называютъ себя Коми, а Пермскую губернію, въ которой они обитаютъ,—«Ком-му», т. е. земля Коми [10]). Кромѣ того зная, что Зыряне, Пермяки и Вотяки говорятъ почти однимъ языкомъ, [11]) и имѣютъ весьма сходные обычаи, мы можемъ болѣе, нежели съ вѣроятностію утверждать, что народность Коми составляютъ эти три народа, и что всѣ другія древнія названія разныхъ частей страны, населенной нынѣ Зырянами, какъ-то: Печора, [12]) Вишера, Емцы и др. суть географическіе термины: такъ называлась Пермь или, пожалуй, нынѣшніе Зыряне, жившіе по р. Печорѣ, Вишерѣ и Выми (Вымь по зырянски Емъ-ва.) Такого-же свойства и собственное названіе Зырянъ—«Коми-войтыръ», т. е. Сѣверные Комины: эпитетомъ «войтыръ» Зыряне различаются отъ тожественныхъ съ ними южныхъ Коминовъ, т. е. Пермяковъ и Вотяковъ. Съ нашимъ взглядомъ на происхожденіе слова «войтыръ» не соглашается только г. А. Поповъ на томъ основаніи, что Зыряне живутъ не къ сѣверу, а къ сѣверозападу отъ Пермяковъ [13]); но ясно, что это авторская придирка къ слову. Г. А. Попову хотѣлось во что-бы то не стало доказать, что Зыряне переселились въ нынѣшнее мѣсто ихъ жительства или съ р. Сухоны или изъ Сольвычегодскаго уѣзда; но онъ не обратилъ вниманія на то, что и по отношенію къ Сухонѣ, а тѣмъ болѣе къ Сольвычегодскому уѣзду, этотъ народъ живетъ не прямо на сѣверѣ, а на сѣверовостокѣ.

Въ семьѣ финскихъ народовъ Зыряне, вмѣстѣ съ Пермяками и Вотяками, какъ мы сейчасъ видѣли, составляютъ особую группу, которую лингвисты называютъ Біармскою или Пермскою; ближайшая къ ней группа—Угрская, которую составляютъ Остяки, Манцы и Вогуличи; далѣе слѣдуетъ Болгарофинская, состоящая изъ Мордвы и Черемисы; и наконецъ Западнофинская — собственно Финны, Эсты, Ливы и Лапландцы. — Нѣкоторые къ послѣдней группѣ причисляютъ и Мадьяровъ; но этотъ народъ, какъ мы думаемъ, основываясь на историческихъ извѣстіяхъ о переселеніи его въ среднюю Европу, скорѣе долженъ быть причисленъ къ Угрской группѣ (Ungaren, Угры, Югра, т. е. нынѣшніе Остяки [14]).

Въ настоящее время всѣхъ Зырянъ считается до 91,000 душъ обоего пола, именно: въ Устьсысольскомъ уѣздѣ 65,000 д. (въ томъ числѣ 31,000 д. муж. пола и 34,000 жен. п.), въ Яренскомъ 19,000 д. (9,000 д. м. п. и 10,000 д. ж. п.) и въ Мезенскомъ 7,000 д. об. п. [15]).

---

5) Тамъ-же, 1866 года № 6: «Поѣздка въ Устьсысольскъ».

6) Тамъ-же, 1870 года № 14: «Устьвымъ» г. Михайлова.

7) Тамъ-же.

8) Въ зырянской рѣчи существительное, стоящее передъ другимъ существительнымъ, замѣняетъ наше прилагательное качественное.

9) Волог. Губерн. Вѣд. 1853 г. № 34: «Село Лена» г. Устюжанина.

10) См. примѣч. 6.

11) Тамъ-же, 1865 г. № 23: «Зырянскій языкъ», И. Куратова.

12) Мы пишемъ и будемъ писать *Печора*, потому что такъ всѣ пишутъ, хотя сами Зыряне печерскіе говорятъ *Печэра* (Вол. Губ. Вѣд. 1854 г. № 33 «Замѣтки и впечатлѣнія охотника по Вологодской губерніи,» г. Ю. Волкова).

13) Волог. Губ. Вѣдом. 1848 г. № 23: «Мнѣніе о происхожденіи Зырянъ и очеркъ нѣкоторыхъ свойствъ ихъ», г. Попова.

14) См. примѣч. 11,

15) Цифры Зырянскаго населенія Вологодской губерніи взяты круг-

Итакъ число Зырянъ невелико; но ими заселено весьма обширное пространство;—въ древности-же, конечно, подъ другими названіями, они занимали чуть не цѣлую сѣверную половину Европейской Россіи.

Замѣчательно, что слово «Москва» свободно объясняется даже нынѣшнимъ зырянскимъ языкомъ. Оно какъ и большая часть зырянскихъ названій урочищъ, образовалось изъ двухъ корней: «мöсъ» и «ва» [16]). «Мöсъ» значитъ корова, а «ва»—вода или рѣка, преимущественно большая. (Средней величины рѣка называется по зырянски «ю», что̀ значитъ также и «пей»). Звукъ «к» бѣглый, и употребляется при соединеніи двухъ словъ, когда первое изъ нихъ кончается на «с» или «ш»; такъ напр. соотвѣтствующія нашимъ падежамъ видо-измененія слова мöсъ:—мöсъ-ось,—мöс-ыдъ выговариваются «мöскось», «мöскыд.» и. т. п. По этому слово «Москва» значитъ коровья вода или коровья рѣка. По свойству зырянскаго языка, существительное, стоящее передъ другимъ существительнымъ замѣняетъ прилагательное, напр. «мортъ-юръ» значитъ человѣческая голова, хотя обѣ половины этого выраженія имена существительныя.—Такое толкованіе слова не натяжка, и не случайность; потому что и въ настоящее время конструкція названій всѣхъ почти зырянскихъ рѣкъ точно такая-же: Елъ-ва—молочная рѣка, Синъ-ва—ржавая рѣка, Вöлъ-ю—лошадиная рѣка, Льомъ-ю—черемуховая рѣка и. т. д.—Самое имя древняго владѣльца Москвы, такъ называемаго боярина «Кучко»,—зырянское. Чистый корень этого слова, какъ намъ кажется, вышелъ уже изъ употребленія у Зырянъ; но что онъ существовалъ въ древности,—не подлежитъ никакому сомнѣнію: нѣсколько рѣчекъ называются «Кучъ», а зырянскія названія урочищъ всегда имѣютъ ясный смыслъ. Окончаніе «ко», быть можетъ, русская частица, прибавленная къ слову для того, чтобы придать ему значеніе уменьшительнаго, примѣровъ чему много: Варяжко, Василько, Володимерко и т. д.—Впрочемъ, даже полное слово Кучкö и теперь употребляется, и значитъ «ударь», «ушиби». Хотя это собственно повелительное наклоненіе глагола, но такая форма рѣчи въ зырянскомъ языкѣ иногда употребляется вмѣсто имени существительнаго; напр. «ю», какъ мы уже видѣли, значитъ и «рѣка», и «пей».—Точно также и въ русскомъ языкѣ есть прозвища: угадай, сорви-голова и т. п.—По Нестору, въ его время, въ окрестностяхъ озеръ Ростовскаго и Переяславскаго, слѣд. по близости Москвы, обиталъ чудской, т. е. финскій народъ Меря; слѣд. весьма можетъ быть, что Кучко былъ туземный владѣтельный князекъ или родоначальникъ, у котораго русскій князь отнялъ земли. Не въ боевой-ли схваткѣ убитъ Кучко, а не за какую-то дерзость передъ княземъ, какъ говорятъ это *позднѣйшіе* лѣтописцы, передавшіе конечно уже исказившееся отъ времени преданіе? Иначе для чего бы было русскому князю строить во владѣніяхъ своего боярина городъ? Города строились тогда только для защиты отъ непріятелей и въ покоренныхъ странахъ; да намъ неизвѣстно и примѣровъ казни бояръ и конфискаціи ихъ частнаго имущества за дерзости въ ту эпоху. — Наконецъ, интриги противъ сына Юрія Владиміровича Долгорукаго, Андрея Боголюбскаго со стороны Кучковичей, не проще ли объяснятся, если мы допустимъ, что это были обиженные и лишенные наслѣдственныхъ владѣній инородцы?

Подобно слову «Москва» и въ названіяхъ многихъ другихъ урочищъ внутреннихъ губерній, каковы Волга, Ока и др., можно до сихъ поръ распознавать зырянскіе корни, несмотря на то, что они искажены отъ времени и неспособности русскихъ правильно выговаривать зырянскія слова, а также на то, что нынѣшній зырянскій языкъ уже не таковъ, каковъ былъ въ глубокой древности. Многіе слова и обороты рѣчи, встрѣчающіеся въ памятникахъ зырянской письменности, даже сравнительно не слишкомъ древнихъ, напр. въ переводѣ священныхъ книгъ св. Стефана (конца XIV в.) и въ одной рукописи XVII в., [17]) самимъ Зырянамъ теперь непонятны.

По свидѣтельству норвежскаго авантюрюста Отера, жители Біарміи, т. е. Перми, предки нынѣшнихъ Зырянъ, въ IX в. говорили почти однимъ языкомъ съ Финляндцами [18]), а теперь только спеціалистъ по части финской филологіи можетъ найдти сходство въ языкахъ этихъ одноплеменныхъ народовъ. Достовѣрность свидѣтельства Отера подкрѣпляется опять поразительнымъ сходствомъ названій урочищъ въ окрестностяхъ Финскаго залива и по берегамъ Балтійскаго моря съ одной стороны и въ Зырянскомъ краѣ—съ другой. Вотъ любопытныя сближенія этихъ названій, сдѣланныя авторомъ статьи «Село Лена» [19]). «Устьвымъ» (древнее село въ «Яренскомъ уѣздѣ, бывшая резиденція Пермскихъ епископовъ), говоритъ онъ, «по старинному «Старая Пермь», «а по зырянски «Эм-дынъ», или правильнѣе, «Эм-ва-дынъ» [20]). Какъ Эм-ва, такъ и погосты Гамъ, Ваш-

лыми числами: для Устьсысольскаго уѣзда изъ памятной книжки Вологодской губерніи на 1865 и 1866 годы, а для Яренскаго — изъ статьи г. В. Аврамова «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйственный бытъ», помѣщенной въ Вол. Губ. Вѣд. 1859 г. № 30. Первая показана за 1864 г., а послѣдняя по 10-й ревизіи. — Число Зырянъ въ Мезенскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи взято изъ статьи г. Куратова: «Зырянскій языкъ» (см. примѣч. 11).

16) Въ словѣ «мосъ» мы надъ буквою «о» поставили значки (¨), потому что Зыряне произносятъ этотъ звукъ съ легкою помощію гортани, какъ французское «оси».

17) Волог. Губ. Вѣд. 1850 г. № 20: «Устьвымъ» г. Михайлова, и 1855 г. № 50: «Старинныя русскія и пермскія названія мѣсяцевъ», г. П. К—ва.

18) Истор. Госуд. Росс. тм. 1 гл. 2-я, по изд. 1830 г.

19) Волог. Губ. Вѣд. 1853 г. № 34: «Село Лена» примѣч. 1.

20) Не вдаваясь въ длинныя и здѣсь неумѣстныя филологическія объясненія, мы просто замѣтимъ, что авторъ ошибочно полагаетъ, будто Зыряне Устьвымъ неправильно называютъ «Эмдынъ», вмѣсто «Эмвадынъ».

«гордъ, Вен-дын-га и др. напоминаютъ Эмъ или Ямъ «(Häme) прибалтійскую; напр. Гамъ напоминаетъ такой-«же Гамъ, упоминаемый Олеаріемъ и находившійся не-«далеко отъ г. Нарвы [21]), Важгортъ, что̀ былъ на мѣстѣ «нынѣшняго Ревеля, а Венденга [22]) указываетъ на Вен-«денъ, что̀ въ Лифляндіи». Къ этому мы прибавимъ, что извѣстная рѣка Эмбахъ, быть можетъ, онѣмеченная Эм-ва (Вымь), тѣмъ болѣе, что нѣмецкое «Bach» и Зырянское «ва» служатъ для выраженія однородныхъ понятій-ручей и рѣка, или вода; при томъ же сосѣднія съ Эмбахомъ рѣки Нарова, Нева и другія имѣютъ чисто зырянскія окончанія.

Еще болѣе можно сдѣлать сближеній между названіями урочищъ въ нынѣшнемъ Зырянскомъ краѣ и въ обрусѣвшей части Вологодской губерніи съ одной стороны и этихъ послѣднихъ съ названіями разныхъ городовъ и рѣкъ во внутреннихъ губерніяхъ—съ другой. Такъ напр. Вотча есть и въ Устьсысольскомъ уѣздѣ и въ Кадниковскомъ (въ послѣднемъ обитала [23]) Весь), Ерга—и въ Яренскомъ и въ Устюжскомъ, Соденьга—и въ Устьсысольскомъ и въ Вельскомъ; есть озеро Воже въ Новгородской губерніи, близь границы Вологодской, а въ Яренскомъ уѣздѣ одна волость называется Воже-ма.—Точно также Ростовъ,—этотъ старый городъ въ землѣ Мери — напоминаетъ два Ростова въ Вельскомъ уѣздѣ. Замѣчательно, что оба послѣдніе окружены мѣстностями, носящими чисто зырянскія названія и по близости того и другаго находятся Ракулы, да и близь Ростова Ярославскаго и одного изъ Вельскихъ есть рѣка Устья. — Окончанія словъ Кострома и Муромъ (Мурома) чуть не на каждомъ шагу встрѣчаются въ Вологодской губерніи: Судрома, Чадрома съ Вельскомъ уѣздѣ, Катрома—въ Вологодскомъ или Кадниковскомъ (точно не помнимъ) и т. д.; между тѣмъ какъ корни того и другаго слова чисто зырянскіе: «косъ»—значитъ сухой, а «му» — земля.

Всѣ эти сближенія мы сдѣлали, повторяемъ, не для того, чтобы доказать, что въ древности цѣлая половина Европейской Россіи была занята именно Зырянами, но что всѣ встрѣчаемыя у Нестора названія чудскихъ народовъ суть мѣстныя, географическія названія почти однородной этнографической массы, отдѣльныя части которой еще не успѣли выработать себѣ особыхъ, болѣе или менѣе своеобразныхъ физіономій. Мы не можемъ не указать здѣсь на любопытное сближеніе собственныхъ названій Зырянъ, Мордвы, Мери и Муромы; сдѣланное г. Мельниковымъ, который говоритъ: «Мери или точнѣе Мöри по мордовски и на другихъ чудскихъ языкахъ, значитъ человѣкъ. Откуда и племенныя ихъ названія: Меря, Морд-ва, Муро-ма, Мари или Мори (такъ зовутъ себя Черемисы), Мортъ-Коми (такъ зовутъ себя Зыряне). Удъ-мортъ, (такъ зовутъ себя Вотяки). (*Русс. Вѣстн. 1867 г. кн. 6, Очеркъ Мордвы, стр. 491. Примѣч.*) По Ешевскому (*Вѣстн. Евр. 1866 томъ I. Русская колонизація, стр. 229*), южные Финны, Мордва, называютъ себя Удъ-Муртъ.

Какъ бы то ни было предѣлы территоріи, нѣкогда занятой предками Зырянъ, быстро, уже на глазахъ исторіи, съуживались. Мы видѣли, что въ половинѣ XII в. при Юріѣ Владиміровичѣ Долгорукомъ Москва имѣла своего чудскаго владѣльца—Кучко.—Въ половинѣ XIII в. чудской народъ, Весь, еще встрѣчается на сѣверовосточномъ берегу Кубенскаго озера [24]). — Черезъ полстолѣтія, именно около 1315 г., чудскіе князьки уступаютъ свои земли по р. Вагѣ въ нѣнѣшнихъ Вельскомъ и Шенкурскомъ уѣздахъ новгородскому боярину Своеземцеву [25]) Въ 1335 г. Чудь живетъ въ

---

21) Карамзинъ гамскую землю находитъ къ сѣверу отъ финскаго залива, (см. Ист. Госуд. Росс. т. VI, гл. 6-я по изд. 1830 г.

22) Нѣсколько выше авторъ пишетъ это слово «Вен-дын-га», но Венденга ближе къ чисто зырянскому произношенію.

23) Самое слово «весь» существуетъ въ нѣнѣшнемъ зырянскомъ языкѣ: такъ называется четверть (аршина), а производное отъ корня «весь»—же— «веськыдъ» значитъ вѣрный.

24) Волог. Губ. Вѣд. 1847 г. № 32: «О посѣщеніи Бѣлавинской пустыни, находящейся на Каменномъ островѣ», г. Н. Титова.

25) Обозначая здѣсь 1315 годъ, мы основываемся на перепечатанной въ Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ изъ Архангельскихъ (см. первыя за 1855 годъ № 41) статьѣ подъ заглавіемъ «Важская область». Въ статьѣ этой между прочимъ сказано, что «Василій Матвѣевичъ Своеземцевъ купилъ (1315 г.) всю Вагу у чудскихъ князьковъ Азики, *Хараганца Родда* и Игнаца за 20,000 бѣлковъ и 10 рублей». Намъ помнится, что грамота, въ которой заключается сдѣлка о землѣ между Своеземцевымъ и Азикой съ товарищами, напечатана въ какомъ-то спеціальномъ изданіи, но въ какомъ именно, къ сожалѣнію, указать не можемъ. Но можемъ утверждать, что она не купчая, а отступная со стороны Азики и пр., что Азика и пр. въ ней титулуются не князьями, а «старостцами»; что сумма (20,000 и 10 рубл.) въ ней таже и наконецъ, что она относится не къ 1315, а къ 1312 году. Послѣднее обстоятельство для насъ не важно. Въ бывшей у насъ подъ рукою одной рукописи второй изъ князьковъ называется не Хараганцемъ, а Караганцемъ, а третій не Роддою, а Ровдою. Мы думаемъ, что въ статьѣ «Важская область» вкрались опечатки; такъ какъ во 1-хъ въ Зырянскомъ языкѣ нѣтъ звука х и Зыряне всегда замѣняютъ его «к»; такъ напр., они говорятъ не грѣхъ, а грѣкъ, не—хочу, а—кочу и т. д.; и во 2-хъ г. П. Вороновъ въ одномъ изъ примѣчаній къ статьѣ своей «Устьянскія волости или Устье въ Вельскомъ уѣздѣ» (Волог. Губ. Вѣд. 1853 г. № 36), третьяго контрагента Своеземцева называетъ не Роддою, а Ровдою-же, цитируя «Записки Мисникова», помѣщенныя въ 9—12 №№ Сына Отечества за 1827 годъ. Въ Шенкурскомъ уѣздѣ, именно въ той части его, которая была пріобрѣтена Своеземцевымъ, (Благовѣщенское Волостное Правленіе удѣльнаго вѣдомства) есть въ настоящее время *Ровдинское* общество. Вообще въ обрусѣвшихъ уже частяхъ Вологодской, Архангельской и даже Пермской губерній многія мѣстности носятъ имя Ровды: такъ — въ Вельскомъ уѣздѣ есть деревня *Ревдино*. (Слово Ровда слѣдуетъ произносить, какъ сказано въ примѣч. 16); въ Устюжскомъ уѣздѣ—*Ровдинскій станъ* (волость); на одномъ изъ острововъ, находящихся въ низовьѣ Сѣв. Двины — *Ровдина гора;* въ Пермской губерніи — *Ревдинскіе заводы* и т. д. Все это заставляетъ думать, что слово «Ровда» было не собственное имя, а обозначало какое-нибудь званіе. Намъ извѣстно мнѣніе, что «Ровда»

окрестностяхъ Чухломскаго озера (*Чт. въ Импер. Общ. Ист. и древн. Росс. 1865. кн. 4. Разсужд. Прот. Діева:* Какой народъ въ древнія времена населялъ Костромскую губернію). Еще черезъ полстолѣтія, именно въ 1376 г. просвѣтитель Зырянъ, св. Стефанъ встрѣтилъ ихъ уже при впаденіи Вычегды въ сѣверную Двину [26]). Наконецъ теперь раздѣльная черта между русскимъ и зырянскимъ населеніемъ Вологодской губерніи проходитъ черезъ с. Межогъ, Яренскаго уѣзда — 200 верстъ выше устья Вычегды. Замѣчательно, что одна половина этого села говоритъ по русски, а другая еще по зырянски. Такъ было, покрайней мѣрѣ въ 1853 г. [27]).

ГЛАВА II.

ПРОЦЕССЪ ОБРУСЕНІЯ ЧУДСКАГО НАСЕЛЕНІЯ ТЕПЕРЬ РУССКОЙ ЧАСТИ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Вступленіе. — Встрѣча племенъ славянскаго и чудскаго. — Нравственная несостоятельность послѣдняго. — Обрусѣніе Чуди главнымъ образомъ совершалось путемъ мирной колонизаціи. — Населеніе нижнихъ частей Вычегды обрусѣло совершенно мирнымъ образомъ. — О завоеваніи, въ прямомъ смыслѣ, остальной части Вологодской губерніи молчатъ лѣтописи. — Примѣръ граждански-правомѣрнаго пріобрѣтенія чудскихъ земель Новгородцами. — Частные случаи насильственныхъ захватовъ: преданія о томъ; археологическія находки; земляныя укрѣпленія; бранныя слова и преданіе объ основаніи Халевскихъ приходовъ. Незначительность непріязненныхъ стычекъ. — Неспособность Чуди къ матеріальному сопротивленію: разсѣянность и разрозненность ея. — Смѣшеніе крови. — Порядокъ обрусѣнія. — Какими путями проникали Русскіе въ Вологодскую губернію.

Хотя вопросъ о томъ, какимъ образомъ чудскіе обитатели теперь русскихъ уѣздовъ Вологодской, Архангельской и отчасти Олонецкой губерній уступили мѣсто славянскому племени, повидимому не имѣетъ прямой связи съ предметомъ нашего труда; но мы не можемъ обойдти его: потому что разрѣшеніе его дастъ возможность заблаговременно установить болѣе или менѣе вѣрный взглядъ на свойство того положенія, въ какомъ нынѣ находятся Зыряне, какъ народъ, быстро идущій по пути къ окончательной утратѣ своей племенной особенности.—Кромѣ того, вопросъ этотъ, на нашъ взглядъ, имѣетъ непосредственный и общій интересъ.

Исторія и наблюденія новѣйшихъ путешественниковъ обнаружили много видовъ исчезновенія разныхъ народностей. Такъ Обры, по словамъ Нестора, вымерли отъ какой то эпидемической болѣзни; древніе обитатели острова Мадеры и Вестъ-индскаго архипелага — истреблены Европейцами; Эльзасъ, по завоеваніи его французами, чуть не на нашихъ глазахъ усвоилъ себѣ французскую національность; Галлы, Бритты и др., слившись съ завоевателями, образовали самобытные этнографическіе типы; древніе Греки ассимилировали себѣ множество иноплеменниковъ, распространивъ между ними свою цивилизацію и міросозерцаніе; въ эпоху разрушенія Римской имперіи цѣлые народы, тѣснимые пришельцами, оставляли мѣста своего жительства и переселялись въ другія страны; и наконецъ существуетъ мнѣніе, что и нынѣ красные индійцы и океанійскіе островитяне вымираютъ отъ одного знакомства съ Европейцами, такъ какъ, заимствуя у послѣднихъ одни гибельные пороки, не усвоиваютъ ничего полезнаго.—Спрашивается: подъ который изъ исчисленныхъ сейчасъ видовъ исчезновенія народностей подходитъ исчезновеніе Заволоцкой чуди?—Чистые элементы въ природѣ и въ исторіи человѣчества рѣдко, и едва ли встрѣчаются. Такъ и здѣсь: чудское племя исчезло, усвоивъ славяно-русскую народность подъ вліяніемъ нѣсколькихъ причинъ, именно вслѣдствіе племеннаго превосходства русскаго народа, въ связи съ одной стороны съ завоеваніемъ, а съ другой—съ смѣшеніемъ крови. Мы, впрочемъ, слову «завоеваніе» не придаемъ того строгаго смысла, въ какомъ оно обыкновенно употребляется; ибо подчиненіе чудской земли русскому владычеству совершилось почти безъ матеріальнаго насилія и кровопролитія, и выразилось первоначально въ установленіи торговыхъ связей съ туземцами, а потомъ уже наложеніи на нихъ дани.—То, что чудское населеніе Заволочья не выселилось и не вымерло, мы увидимъ ниже, а пока замѣтимъ, что и теперь число жителей Вологодской губерніи въ зырянскихъ уѣздахъ отъ порожденія увеличивается гораздо значительнѣе, нежели въ русскихъ [28]).

Гдѣ первоначально встрѣтились племена славянское и чудское—вопросъ едва ли разрѣшимый, и для насъ посторонній.—Положительно извѣстно, что финское племя вышло изъ глубины сѣверной Азіи, такъ какъ, по языку, оно принадлежитъ къ алтайской расѣ, а славянское двигалось въ Европейскую Россію съ береговъ Дуная. Исторія застаетъ передовые посты того и другаго племени

есть уменьшительное отъ Родіонъ; мы знаемъ также, что Зыряне гораздо болѣе, нежели Русскіе, коверкаютъ христіанскія имена: но трудно допустить, что отъ этого, рѣдко даваемаго имени произошло такъ много названій урочищъ въ отдаленныхъ одна отъ другой мѣстностяхъ.

[26]) Волог. Губ. Вѣд. 1853 г. № 39: «Село Лена» (въ примѣчаніи) г. Устюжанина. Впрочемъ, при Герберштейнѣ по Шексне жители говорили *на своемъ языкѣ,* хотя знали и по русски.

[27]) Тамъ-же, и см. примѣч. 19.

[28]) Волог. Губ. Вѣдом. 1858 г. № 15: «Сельско-хозяйственный очеркъ Волог. губерніи,» г. П. Бунакова.

въ бассейнѣ верховьевъ Оки и по направленію отъ верховьевъ Днѣпра къ озеру Ильменю [29]). Явно, что уже въ это время, т. е. тогда, когда въ Новгородѣ и Кіевѣ зачиналось русское государство, Славяне тѣснили Финновъ: новгородскіе Славяне глубоко и узкой полосой проникли во-внутрь чудской территоріи. И не мудрено! Финны вышли изъ Азіи дикими или полудикими трибами, а Славяне несли съ собою съ береговъ Дуная зачатки цивилизаціи. Въ слѣдующей главѣ мы представимъ фактическія доказательства того, что жизнь предковъ нынѣшнихъ Зырянъ не имѣла сколько нибудь упругаго нравственнаго содержанія. Чудская народность, если можно здѣсь употребить такое выраженіе, была мягкою, не выработавшею строгихъ очертаній формою, способною, безъ всякаго сопротивленія, принять какое угодно живое содержаніе, и—приноровиться къ нему.

Изъ этого уже о priori можно заключить, что обрусѣніе чуди могло совершиться безъ механическаго и даже нравственнаго насилія; но такое предположеніе не трудно оправдать и фактами, а именно:

1) Та часть Пермскаго народа, которая занимала нижнее теченіе Вычегды, именно пространство между селеніями Котласомъ и Межогомъ, обрусѣла уже послѣ XIV вѣка (1376 г.). За этотъ періодъ времени мы имѣемъ множество лѣтописныхъ и другихъ извѣстій, касающихся упомянутой мѣстности, и рѣшительно ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ даже косвеннаго намека на какія нибудь насильственныя или искусственныя мѣры Русскихъ и русскаго правительства къ искорененію въ ней пермской народности; она не подвергалась даже набѣгамъ новгородскихъ ушкуйниковъ, которые, впрочемъ, и нигдѣ не имѣли завоевательнаго характера и были направлены не только на Пермь и другихъ инородцевъ, но и на русскихъ.

2) Точно также молчатъ лѣтописи и о занятіи русскими той части чудскаго заволочья, которая обрусѣла до 1376-го года; между тѣмъ какъ въ нихъ очень часто встрѣчаются извѣстія о походахъ русскихъ князей на разноименныхъ обитателей Балтійскаго поморья, на Мордву и Камскихъ Болгаръ.

и 3) Напротивъ того есть несомнѣнныя, формальныя доказательства того, что огромныя пространства чудскихъ земель пріобрѣтались Русскими посредствомъ гражданскихъ—правомѣрныхъ сдѣлокъ: Таково отчужденіе едвали не цѣлой Важской области, т. е. нынѣшнихъ Шенкурскаго (Архангельской губерніи) и Вельскаго (Вологодской) уѣздовъ Азикою, Карагащемъ, Ровдою и Игнатцемъ въ пользу новгородскаго боярина Своеземцева, о чемъ мы уже упоминали [30]).

Но утверждая, что русская народность водворялась въ предѣлахъ чудской территоріи главнымъ образомъ путемъ мирной колонизаціи, мы обязаны указать и отдѣльные случаи насильственныхъ захватовъ новгородскими авантюристами болѣе или менѣе значительныхъ участковъ земли, хотя, повторяемъ, такіе захваты никогда не имѣли международнаго характера и дѣлались частными лицами безъ санкціи и иниціативы со стороны господина Великаго Новгорода.

Преданія прямо говорятъ, что Русскіе имѣли непріязненныя стычки съ туземцами. Нѣкоторыя изъ этихъ преданій обнародованы въ Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ [31]), а нѣкоторыя мы лично слышали въ городахъ Никольскѣ и Вельскѣ. Въ Никольскѣ разсказываютъ, что въ окрестностяхъ этого города въ незапамятныя времена жилъ не русскій, поганый народъ, который *прятался* отъ нашихъ въ ямахъ, прикрытыхъ сверху землею; наши-же обрушивали эти крыши на поганыхъ и тѣмъ душили ихъ. Остатки такихъ ямъ указывали около нынѣшняго кладбища, близь самаго города. Въ Никольскѣ поганый народъ этотъ прямо называется Чудью съ эпитетомъ «бѣлоглазая». Въ Вельскѣ-же разсказываютъ только, что нѣкогда тамъ жилъ какой-то поганый народъ *подъ землей*. Основательность такихъ преданій, въ существѣ сходныхъ между собою, подтверждается множествомъ ямъ, которыя находятся не только около Никольска и Вельска, но и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ. Въ Яренскомъ уѣздѣ эти ямы называются *чудскими могилами* [32]). Въ Вельскѣ нѣкоторые считаютъ ихъ заброшенными смолокурными печами; но это явная натяжка скептиковъ, потому что такіе памятники древности встрѣчаются часто, и, по большей части, тамъ, гдѣ никогда смолокуреніе не существовало. Но главное, въ ямахъ и около нихъ иногда попадаются, какъ напр. въ Вельскѣ и въ зырянскихъ уѣздахъ Вологодской губерніи, разныя древнія вещицы, именно: такъ называемые «мѣдные коньки», мѣдныя-же бусы и др. мелочи, явно не русскаго происхожденія [33]).

Кромѣ преданій, «могилъ» и находокъ мелкихъ вещей, есть и крупные, хотя и нѣмые, памятники чудской старины, прямо свидѣтельствующіе о непріязненныхъ столкновеніяхъ аборигеновъ Вологодской губерніи съ Русскими: это земляныя укрѣпленія, значеніе которыхъ опять объясняется преданіями и археологическими находками. Въ Вологодской губерніи очень много древнихъ земляныхъ укрѣпленій, иногда, какъ и во внутреннихъ гу-

---

[29]) Самое слово «Ока» имѣетъ корень зырянскій, отъ котораго происходитъ нынѣ уменьшительное «отикъ» — одинъ (маленькій), а также «ок—мысъ»—девять (десять безъ одного).

[30]) См. примѣч. 25.

[31]) Волог. Губерн. Вѣдом.: за 1845 г. № 11: «Объ основаніи 4-хъ Халевскихъ приходовъ.» г. Кичина; 1847 г. № 37: »Тарножскій городокъ,» г. К. Спистунова, и 1849 г. № 36: «Нѣсколько словъ о г. Устьсысольскѣ и его уѣздѣ» г. П. Богданова и нѣк. др.

[32]) Тамъ-же, 1853 г. № 46: «Прогулка по Княжпогосту,» г. П. Богданова.

[33]) Можетъ быть «коньки,» бусы и т. п., равно какъ и «чудскія могилы» находятся и кромѣ названныхъ въ текстѣ мѣстностей; но мы говоримъ то, что намъ лично извѣстно.—Тоже должно сказать и о самыхъ преданіяхъ о Чуди.

берніяхъ, называемыхъ *«осыпями»*; но народная молва сильно склонна относить происхожденіе ихъ къ смутному времени начала XVI вѣка, или ко времени набѣговъ Казанскихъ Татаръ и Вятчанъ; такъ что только тщательныя роскопки такихъ памятниковъ старины могутъ дать возможность положительно объяснить, когда они насыпаны. Впрочемъ есть и такія насыпи, которыя не требуютъ раскопки для того, чтобы быть увѣренными въ томъ, что онѣ древне-чудскаго происхожденія. Въ 260 верстахъ отъ города Вельска, въ Дмитріевскомъ приходѣ, на мысу, образуемомъ рѣками Мехреньгой и Устьей (Мехреньга лѣвый притокъ Устьи, а Устья-Ваги), между лѣвыми берегами той и другой, посреди отовсюду открытой, голой низменности, возвышается очевидно искусственная насыпь. Насыпь эту со всѣхъ сторонъ окружаетъ болотина, зимой не замерзающая, а лѣтомъ —не высыхающая; такъ что мы только въ самую сильную засуху, и то съ большимъ трудомъ, могли добраться до нея. Это кругловатый валъ, имѣющій сажень 30 и ни какъ не болѣе 40 въ поперечникѣ; отвѣсную высоту его съ наружной стороны, по глазомѣру, мы опредѣляемъ въ двѣ сажени; внутренность имѣетъ видъ плоскодонной, весьма неглубокой впадины, поросшей лѣсомъ; на четырехъ сторонахъ вала, въ краяхъ его, замѣтны углубленія, имѣющія видъ съѣздовъ или спусковъ наружу.— Проѣзжая мимо этой мѣстности въ сообществѣ крестьянъ не изъ ближнихъ селеній, мы получили отъ нихъ только свѣдѣніе, что это огромный домъ о четырехъ воротахъ, въ которомъ давно когда-то жили поганые люди,—Чудь; что этихъ людей и съ самымъ домомъ засыпали землею русскіе; что мальчишки достаютъ здѣсь «мѣдные коньки», которыми играютъ; и что въ недавнее время (въ 1850-хъ или даже 1860-хъ годахъ), мѣстные крестьяне думали —было отыскать въ поганомъ мѣстѣ кладъ, и уже начали рыть канаву, но старики сказали, что тутъ засыпанъ поганый народъ, такъ если раскопать—*«не хорошій духъ пойдетъ»*. Хотя мы и не могли получить ни одного «конька», потому что не имѣли возможности отрывать ихъ, да и не знали, гдѣ они достаются, и притомъ въ сосѣднихъ селеніяхъ не нашли ни одного человѣка (это было во время сѣнокоса); однако же послѣ всего того, что мы сейчасъ сообщили, едва-ли можно усомниться въ томъ, что описанный нами памятникъ древности свидѣтельствуетъ о враждебныхъ, непріятельскихъ столкновеніяхъ чудскихъ туземцевъ съ Русскими пришельцами: самая насыпь, и «мѣдные коньки», и преданія говорятъ за-одно.

Какъ на слѣды непріязненныхъ отношеній между двумя племенами, мы должны указать также и на нѣкоторыя, теперь потерявшія смыслъ, иногда русскія, а иногда явно иноязычныя выраженія, употребляющіяся въ разныхъ мѣстностяхъ Вологодской губерніи. Такъ, мы уже упоминали о томъ, что въ Сольвычегодскѣ слово «зыря» имѣетъ укоризненное значеніе, что въ Никольскомъ уѣздѣ, а также Устюжскомъ, слово «бѣлоглазый» —эпитетъ Чуди—употребляется, какъ брань; теперь-же сообщимъ весьма любопытный и имѣющій особенное значеніе фактъ.

Въ Никольскомъ уѣздѣ, въ Халевскихъ приходахъ, жители которыхъ считаютъ себя прямыми потомками новгородскихъ выходцевъ, употребляютъ въ видѣ брани, выраженія «куратъ-сига, коэра лига». Записавшій преданіе [31]) о поселеніи здѣсь Новгородцевъ отставной солдатъ

---

[31]) Въ № 11 Вологод. Губерн. Вѣд. 1845 г. помѣщена статья г. Е. Кичина «Объ основаніи четырехъ Халевскихъ приходовъ Никольскаго уѣзда», составленная по рукописи отставнаго солдата Страхова. Мы приводимъ эту статью цѣликомъ съ пропускомъ лишь не идущихъ къ дѣлу фразъ: «Въ далекія отъ насъ времена на правомъ берегу р. Юга, 27 верстъ ниже г. Никольска, жилъ *шведскій народъ, который въ то время звали Чудью, а по нынѣшнему зовется Чухнами* *) Когда Чудь на время или вовсе оставила это поселеніе, новгородскіе выходцы поселились на другой сторонѣ Юга, построивъ деревянный *молитвенный храмъ* во имя Великомученика Георгія. Эта гора, поднимаясь вверхъ саженъ на 15, вдается въ рѣку и оканчивается крутымъ къ ней скатомъ; подобныя-же крутизны находятся и съ другихъ сторонъ горы, и только на сѣверной имѣются большія отлогости. Чудь не замедлила явиться къ обиталищу Новгородцевъ и злобно *подступала* къ нему; Новгородцы катали съ горы бревна, каменья, лили горячую воду на *поганую Чудь*,—и ничто не помогало. Наконецъ осажденные обратились съ молитвою къ Великомученику Георгію, и вдругъ, около молитвеннаго храма, раздалось нѣсколько восторженныхъ восклицаній: *Слава Богу! Слава Богу! Чуди идутъ прочь!*

«Вскорѣ Чудь опять приблизилась къ новгородскому поселенію, жители коего, уже зная своего спасителя, снова просили его о своемъ спасеніи, и Чудь, даже не дѣлая нападенія, удалилась навсегда отъ этого мѣста, и *не творила больше Новгородцамъ пакости*. Нѣкоторые изъ Чуди полюбили тогда Христіанство, будучи подвигнуты къ тому двумя чудесами, впослѣдствіи ими разсказываемыми. Говорили *крещеные Чуди*, что когда въ первый разъ, при нападеніи ихъ, молились Новгородцы въ своей часовнѣ, тогда всѣмъ имъ видѣлся на крышѣ воинъ, сидящій на бѣломъ конѣ и грозящій копьемъ всей разъяренной Чуди, почему она и отступила. Во второй разъ Чудь видѣла того-же воина съ копьемъ, только не на лошади, а стоящаго просто въ полугорѣ.

«Въ оградѣ нынѣшней церкви видна и до нынѣ *перекопъ* (ровъ), идущая сажень на 30 отъ востока къ западу по отлогой сторонѣ горы. На правомъ берегу р. Юга мѣсто, гдѣ жили Чудь, называется «дворищами», а тутъ-же впадающая въ Югъ рѣчка Молоковица, которая такъ называется потому, что Чудь ее именовала *Нимъ*, что значитъ молоко **). Слово Халега, отъ котораго произошло названіе приходовъ *чудинское* слово ***), означающее *звукъ, сраженіе*.

«Въ настоящее время между жителями Халевскаго края можно слышать бранныя слова, употреблявшіяся Чудью во время сраженія: *куратъ—сига, коэра—лига*, что значитъ: *чертъ—свинья, собака —мясо*.

«Въ другомъ мѣстѣ Никольскаго уѣзда, тоже на р. Югѣ, во 100 верстахъ отъ Устюга, жила Чудь. Она имѣла здѣсь деревянную башню, сажень до 12 высоты и въ 5 ширины, съ малыми отверстіями по бокамъ и съ одной дверью для входа. Эта башня называлась у туземцевъ *городкомъ*, отчего и нынѣшній приходъ Аргонгела-Ми-

---

*) Какъ эти, такъ и другія курсивныя слова, также напечатаны и въ подлинникѣ: вѣроятно, это слова самаго Страхова.

**) По Зырянски молоко „Елъ“ или „Евъ“.

***) У Зырянъ, какъ мы видѣли, нѣтъ звука „х“.

Страховъ говоритъ, что эти бранныя слова произносилъ жившій тутъ *шведскій народъ Чухны*, что они объясняются современнымъ чухонскимъ языкомъ, и, будто-бы, значатъ: «чертъ-свинья, собака-мясо». Мы знаемъ, что древніе обитатели Никольскаго уѣзда, особенно мѣстности, занимаемой халевскими приходами (по средней части теченія р. Юга) были народъ, тожественный съ предками Зырянъ; такъ какъ приходы эти находятся только въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ, по прямой линіи, отъ нынѣшней границы чисто Зырянскаго края: но теперь свинью Зыряне называютъ «порсь», (надобно полагать отъ русскаго слова «поросенокъ», такъ какъ поросенкомъ и до сихъ поръ въ Вельскомъ уѣздѣ уже чисто русское населеніе называетъ свиней вообще, какого бы пола и возраста онѣ небыли) собаку—«понъ», черта—«куль».—Впрочемъ между корнемъ слова «куратъ» «кур» и «кул» разница не велика. Съ другой стороны, названія урочищъ въ Никольскомъ уѣздѣ явно зырянскаго происхожденія: Югъ—отъ Ю—рѣка, Рыстюгъ—сыръ—рѣка и т. д.; грамматическій смыслъ выраженій «куратъ-сига, коэра-лига», гдѣ существитетельныя «куратъ» и «коэра» замѣняютъ опредѣлительныя прилагательныя, чисто зырянскій; въ словахъ «куратъ», «сига» и даже «коэра» какъ будто слышатся зырянскіе корни, напр. «си»—волосъ и щетина, «коинъ»—волкъ.— Нельзя не вспомнить въ настоящемъ случаѣ, что, по свидѣтельству Отера, языкъ древнихъ прибалтійскихъ финновъ былъ почти тожественъ съ языкомъ обитателей Двинскаго края; и что нынѣшнія названія урочищъ въ балтійскомъ поморьѣ: Венденъ, Эмденъ, Эмбахъ и т. д. напоминаютъ Венденьгу, Эм-дынъ, Эмву и т. д. въ Зырянскомъ краѣ [35]). Повторяемъ,— это фактъ замѣчательный.— Мы не имѣемъ никакаго права не вѣрить простодушному разсказу и филологическимъ соображеніемъ солдата Страхова, тѣмѣ болѣе, что утрата множества древнихъ словъ и формъ зырянскаго языка не подлежитъ никакому сомнѣнію: у Зырянъ и теперь есть какія-то старинныя прибаутки, никому не-понятныя [36]); въ переводахъ Св. Стефана священныхъ книгъ нѣкоторыя мѣста до сихъ поръ не объяснены даже природными и образованными Зырянами; тоже должно сказать и о сохранившихся не въ весьма древней (XVII вѣка) рукописи туземныхъ названіяхъ мѣсяцевъ [37]); и наконецъ названія нѣкототорыхъ урочищъ, обыкновенно имѣющія ясный смыслъ, утратили его теперь, хотя конструкція и звуки ихъ безспорно зырянскія.—Мы просили многихъ лицъ, которыя могли слышать говоръ чухонцевъ, объяснить намъ значеніе словъ «куратъ-сига» и «коэра-лига»; но, къ сожалѣнію, получили не вполнѣ удовлетворительные, хотя и одинаковые отвѣты, именно: что эти слова, судя по звукамъ, дѣйствительно чухонскія, но что онѣ значатъ—неизвѣстно.— Подождемъ, пока знатоки языковъ финскаго и эстскаго разрѣшатъ намъ недоумѣніе; а между тѣмъ замѣтимъ, что чухонская брань не могла быть занесена на берега рѣки Юга случайно, наприм. лицомъ, подобнымъ самому Страхову, т. е. солдатомъ, бывавшимъ гдѣ-нибудь около С.-Петербурга или даже въ С.-Петербургѣ, потому что Страховъ чухонскимъ-же языкомъ объясняетъ и происхожденіе названій нѣкоторыхъ урочищъ въ Халевскихъ приходахъ.

Преданія, записанныя и напечатанныя въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, хотя и касаются различныхъ мѣстностей, гдѣ находятся древнія, земляныя укрѣпленія, но также, какъ и преданія, нами слышанныя, имѣютъ общій смыслъ: по нимъ, насыпи сдѣланы новгородскими поселенцами для защиты отъ нападеній туземцевъ,— отъ нападеній, всегда неудачныхъ, вслѣдствіе чудеснаго заступничества за Русскихъ какого-нибудь святаго, напр. Великомученика и Побѣдоносца Георгія.— Надобно замѣтить, что этого рода укрѣпленія всегда устраивались по одному плану: всѣ они находятся при сліяніи двухъ рѣкъ, такъ что съ нѣсколькихъ сторонъ защищены самою природою.

Но, допуская непріязненныя столкновенія между Русскими и туземцами, даже какъ исключенія изъ общаго правила, мы должны также замѣтить, что они не могли быть кровопролитны и значительны; потому что съ одной стороны Новгородцы распространялись по нынѣшней Вологодской губерніи весьма малолюдными партіями, а съ другой—туземцы не въ состояніи были серьозно сопротивляться пришельцамъ, хотя и слабымъ числомъ, но привыкшимъ къ опаснымъ приключеніямъ и, разумѣется, сравнительно лучше вооруженнымъ.

Къ такому заключенію приводитъ во 1-хъ содержаніе всѣхъ преданій, и во 2-хъ незначительность размѣра устроенныхъ русскими укрѣпленій [38]). Кромѣ того, и сами туземцы не могли сопротивляться и нападать значительными массами, вслѣдствіе ихъ разсѣянности и разрозненности.

Если въ настоящее время въ цѣлой Вологодской губерніи приходится только по 2,81 душѣ на квадратную версту, а въ Зырянскихъ уѣздахъ: Яренскомъ по 0, 7 и въ Устьсысольскомъ—по 0, 5 душъ; то каково было это отношеніе за 1,000 лѣтъ назадъ [39])? Положительно извѣстно, что съ 1788 по 1864 г. населеніе губерніи почти

хапла называется также городкомъ. Городка не стало назадъ тому лѣтъ 25 *). Онъ сгорѣлъ. Говорятъ поселяне, что кто изъ нихъ покушался разрушить это строеніе Чуди, тотъ видѣлъ вылетавшія искры отъ ударовъ топора,—и послѣ скоро умиралъ».

[35]) См. въ текстѣ по примѣч. 19.

[36]) Волог. Губ. Вѣд. 1859 г. № 6: «Зырянскія загадки и пѣсни,» г. В. Ардашева.

[37]) Тамъ-же, 1855 г. № 50: «Старинныя русскія и пермскія названія мѣсяцевъ,» г. К—ва.

*) Отъ 1845 г.

[38]) Для примѣра мы сошлемся на «городокъ», упоминаемый въ преданіи объ основаніи четырехъ халевскихъ приходовъ (см. примѣч. 36). Хотя въ статьѣ этой основаніе деревяннаго городка и приписывается Чуди, но явно, по самому названію, что это русская древность.

[39]) Памятн. книжк. Волог. губ. на 1865 и 1866 гг.

удвоилось (въ 1788 году оно состояло изъ 544,000 душъ, а въ 1864—изъ 982,000), въ зырянскихъ-же уѣздахъ оно болѣе, нежели удвоилось (въ 1788 году тамъ было, считая и русскихъ, 47,000 д., а въ 1864 г. 100,000 д.); слѣд. во время появленія въ Заволочьѣ Русскихъ цифра туземнаго населенія его могла равняться развѣ нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ [40]).

Такая разсѣянность въ свою очередь была и причиною разрозненности чудскаго народа, препятствуя ему, для отпора непріятелямъ, сгруппировываться въ сколько-нибудь значительныя, связанныя единствомъ интересовъ,—общества. Это само собою разумѣется, и, по нашему мнѣнію, не требуетъ доказательствъ; а потому, для подкрѣпленія своего убѣжденія, мы приведемъ лишь одинъ, наиболѣе рѣзкій, фактъ: Устьвымъ уже въ то время, когда въ ней проживали Пермскіе епископы, трепетала набѣговъ вогульскаго князька Асыка; при нападеніи на нее этого разбойника въ половинѣ XV вѣка былъ убитъ самъ епископъ (Питиримъ) [41]). Между тѣмъ тотъ-же Асыка, послѣ того, былъ живымъ взятъ въ собственныхъ своихъ владѣніяхъ шайкою Вятчанъ, состоявшею всего изъ 120 человѣкъ [42]).

Во всякомъ случаѣ, и мирная колонизація, и насильственные захваты вводили въ Чудскую землю славяно-русскій элементъ, такъ сказать, механически; претвореніе-же чудской народности совершалось:—съ одной стороны путемъ смѣшенія крови, а съ другой—путемъ усвоенія туземцами славянскаго міросозерцанія, обычаевъ, языка и т. д.

Смѣшеніе крови было необходимымъ послѣдствіемъ поселенія въ краѣ Русскихъ, надобно полагать, преимущественно холостяковъ. — Если князь Юрій Владиміровичъ женилъ своего сына на дочери меряпина Кучко, то тѣмъ легче могли вступать въ браки съ чудинками какіе-нибудь проходимцы. Притомъ-же, какъ это мы еще не одинъ разъ увидимъ, чудское племя, покрайней мѣрѣ часть его, нынѣ извѣстная подъ именемъ Зырянъ, отличалась, и до сихъ поръ еще отличается, крайнимъ равнодушіемъ къ цѣломудрію женщинъ. Конечно, смѣшенію крови слѣдуетъ приписать то обстоятельство, что теперь не только въ обрусѣвшей уже части Вологодской губерніи вовсе не встрѣчается чудскаго типа, но и въ самомъ Зырянскомъ краѣ онъ сохранился,— и то только *можетъ быть*,— гдѣ-нибудь въ глухихъ захолустьяхъ.— Точно также обрусѣвшее населеніе губерніи на столько усвоило себѣ чисто славянское миросозерцаніе, словесное творчество, нравы и обычаи, что въ вѣрованіяхъ его, въ языкѣ, въ образѣ жизни и т. д. только развѣ микроскопическія наблюденія могутъ обнаружить случайные слѣды чудской примѣси. Мало того, бывшихъ предковъ своихъ народъ считаетъ не только иноплеменниками, но и *погаными* [43]).

---

[40]) Тамъ же, статья г. Н. Сухарова: «О движеніи народонаселенія Волог. губерніи съ 1788 по 1862 годъ».

[41]) Вологод. Губ. Вѣд. 1850 г. № 34: «Устьвымъ,» Михайлова.

[42]) Тамъ же.

[43]) Въ Вологодскій Губернскій Статистическій Комитетъ нами была отослана статья подъ заглавіемъ: «Бѣглый этнографическій очеркъ Вологодской губерніи». Выписываемъ изъ нея нѣсколько §§: *Населеніе Вологодской губерніи не только обрусѣло, но и ославянилось.* Настоящее положеніе я разбиваю натрое: я утверждаю: А) что населеніе $8^1/_2$ уѣздовъ Вологодской губерніи, (говорящихъ по русски) и до сихъ поръ сохранило древне-славянскіе обычаи и повѣрья, въ то время, когда въ другихъ мѣстностяхъ Россіи такіе обычаи уже вымерли; Б) что оно (населеніе помянутыхъ $8^1/_2$ уѣздовъ) сохранило древній, напоминающій языкъ лѣтописей, складъ рѣчи и много славянскихъ корней, исчезнувшихъ уже въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ и поднарѣчіяхъ; и В) что въ самостоятельномъ развитіи славянской рѣчи пошло даже далѣе другихъ соплеменниковъ, безспорно чисто славянскаго происхожденія, и самостоятельно создало много словъ, подобныхъ существующимъ напр. у Дунайскихъ Славянъ:

1. Я приведу начало одной свадебной пѣсни, которая поется въ Никольскомъ уѣздѣ:

Штё не рицьки, не рицюшки
Въ одно мѣсто сбѣгалися:
Не рѣнй — глубокй
Въ одно мѣсто стекалися:...
Собирався родъ—племецько
У родимова батюшка,
У родимыё матушки! и т. д. *).

Нужно-ли комментаріи, чтобы почувствовать поэзію въ этомъ отрывкѣ и усмотрѣть живописное изображеніе древнеславянскаго родоваго быта? я не берусь перечислять здѣсь всѣ древнеславянскіе обычаи и повѣрья; потому что это было-бы длинно; притомъ-же и не могу этого сдѣлать, такъ какъ далеко не всѣ обычаи приведены въ извѣстность... Не могу не назвать только тѣхъ изъ нихъ, которые съ одной стороны служатъ доказательствомъ заявленнаго мною положенія, а съ другой — вообще интересны для русской этнографіи: а) Повсемѣстно въ Вологодской губерніи существуетъ обычай разуванья жениха невѣстою въ первую ночь послѣ вѣнчанья. Препод. Несторъ косвенно упоминаетъ о такомъ обычаѣ; разсказывая объ отказѣ Рогнѣды выйдти за мужъ за Владиміра (Святославича), онъ влагаетъ ей въ уста фразу: «не хочу розути робичича!» М. П. Погодинъ пользуется этимъ мѣстомъ лѣтописи съ тѣмъ, чтобы обрисовать норманнскую черту въ характерѣ гордой Рогнѣды. Но трудно согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго историка: трудно допустить, чтобы норманнскій обычай зашелъ такъ далеко въ то время, когда сами Вараги очень рано приняли славянскіе обычаи. б) Способы заключенія брачныхъ союзовъ въ разныхъ мѣстахъ Вологодской губерніи, даже у Зырянъ (въ Яренскомъ уѣздѣ), поразительно напоминаютъ разсказъ Нестора о бракахъ у Полянъ, Древлянъ и др.: существуетъ умыканье дѣвицъ; Волог. Губ. Вѣд. 1866 года №№ 13 и 14: „Янгосарь“ — г. Четверухина. в) Остатки древне-славянскихъ вѣрованій во множествѣ встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ губерніи. Я не говорю уже наприм. о вѣдьмахъ, домовыхъ и т. п. Гораздо интереснѣе остатки почитанія огня, огненныхъ метеоровъ и свѣта: вездѣ пѣтухъ-этотъ предвозвѣстникъ приближенія дня, переносится, вмѣстѣ съ огнемъ, при переходѣ въ новый домъ. Въ Устюжскомъ уѣздѣ пѣтуховъ даже не ѣдятъ, считая ихъ погаными. Конечно первоначальная причина этому заключается не въ томъ, что они искони слыли нечистыми: нечистымъ пѣтухъ сдѣлался уже тогда, когда Христіанство

*) Пѣсня эта была записана мною на мѣстѣ въ началѣ 1840 годахъ, и тогдаже, но въ которомъ именно году — не помню, напечатана бывшимъ учителемъ Вологодской Гимназіи Н. И. Иваницкимъ въ Москвитянинѣ.

Послѣдовательность обрусѣнія мы опредѣлимъ не многими словами. Прежде всего Чудь усвоивала себѣ славянское міросозерцаніе, обычаи, нравы и затѣмъ уже языкъ. До св. Стефана обрусѣніе предшествовало при-

---

смѣнило язычество *). Есть мѣстности, гдѣ часть избы противъ печи считается какъ-бы неприкосновеннымъ мѣстомъ. Вѣрованія въ огненныхъ змѣевъ распространены повсюду. Мнѣ въ Верховажьѣ указывали на одного крестьянина, къ которому летаетъ огненный змѣй и носитъ ему деньги, почему мужикъ и богатъ; только мудрено было ему завести такое знакомство: для этого нужно дождаться, пока пѣтухъ, — все тотъ-же пѣтухъ, — снесетъ яйцо; яйцо это что-то долго нужно носить подъ мышкой, чтобы выпарить огненнаго змѣя. — Сженіе соломы о масляницѣ, Семикъ, Ивановъ день, Купальница, Власьевъ день, въ томъ или другомъ видѣ существуютъ повсемѣстно.

2. Если бы внимательно прочитать наши лѣтописи и древнѣйшіе акты, то можно бы было составить порядочный списокъ древнихъ словъ и выраженій, хотя исчезнувшихъ въ другихъ мѣстахъ, но сохранившихся въ Вологодской губерніи. Теперь я назову только интереснѣйшія: *Гонить*, съ производными выгонить, изгонить, гонный (въ Никольскомъ уѣздѣ) въ смыслѣ вымыть, вычистить, вымести, выбросить изъ избы нечистоту. Если-бы г. Костомаровъ зналъ, что у насъ существуетъ корень древняго слова «изгой», то не отстаивалъ-бы такъ настойчиво опрометчивую мысль, будто Варяги—Русь—Литовцы, между прочимъ потому, что въ литовскомъ языкѣ существуетъ слово «гонить». Наше «гонить» филологически совершенно соотвѣтствуетъ объясненію слова «изгои» въ извѣстной всеволодовой грамотѣ, по словамъ которой такъ назывались лица, исключенныя изъ общества: купецъ задолжаетъ, поповъ сынъ грамотѣ не ученъ и князь безъ стола.—*Лони, лонись*—прошлаго года (въ Никольскомъ уѣздѣ). Помнится, у Карамзина, а можетъ быть и у другаго изъ историковъ нашихъ, я встрѣчалъ разсужденіе о происхожденіи древняго слова «лончакъ». Оно употреблялось для обозначенія возраста домашнихъ животныхъ. Наше слово совершенно свободно объясняетъ смыслъ этого древняго выраженія... Теперь поговорю также о древнемъ выговорѣ нѣкоторыхъ словъ, сохранившемся въ вологодскомъ нарѣчіи: а) Рѣзкое произношеніе буквы «о». Такъ напр. говорятъ «боранъ»—(слово столь часто встрѣчающееся въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ древне-русской письменности) вмѣсто баранъ; б) Замѣна буквы «ь» въ окончаніи неопредѣленнаго наклоненія буквою «и»: по лѣсамъ-лѣсиицети: по рѣкамъ—рыболовницети». И в) вставка буквы «о» между согласными, напр. «Володимеръ», «молонья», «молодшій», «моровъ» и т. п. Въ Вологодской губерніи легко встрѣтить слово «Володимерко».

3. Не менѣе замѣчательно, что въ нарѣчіи населенія Вологодской губерніи видна самобытность славянскаго словеснаго творчества. Прошу обратить вниманіе на слѣдующіе, на мой взглядъ, многознаменательные факты: а)... **). б) Поразительна въ этомъ отношеніи конструкція крестьянскихъ фамилій... На бумагѣ эти фамиліи имѣютъ окончанія: «овъ,» «евъ,» «инъ,» и «скій,» за весьма рѣдкими исключеніями. Извѣстно происхожденіе такихъ фамильныхъ окончаній: всѣ они образовались отъ выпуска изъ оффиціальныхъ, такъ сказать, прозваній слова «сынъ»: вмѣсто Иванъ, сынъ Сорокн, Петръ, сынъ Голубя—Иванъ Сорокинъ, Петръ Голубевъ и т. п. Только послѣднее изъ этихъ окончаній «скій» имѣетъ двоякое происхожденіе: во 1-хъ имъ обозначается мѣсто, откуда происходитъ извѣстное лицо, напр. Верюжскій (съ Верюги), Плесовскій (съ Плеса) и т. д.; и во 2-хъ оно есть дальнѣйшее развитіе фамилій, кончающихся на «овъ» «евъ» и «инъ», напр. Угрюмовскій — сынъ Угрюмова, Сухановскій — сынъ Суханова и т. п. Но рядомъ съ этими фамиліями, не оффиціально, не *по писаному*, какъ говорятъ въ Вельскомъ уѣздѣ, существуютъ другія, которыя оканчиваются на «ичъ» «енко». Первыя господствуютъ въ Вельскомъ, Кадниковскомъ; есть и въ другихъ уѣздахъ. Филологически онѣ совершено соотвѣтствуютъ предыдущимъ, напр. Комаровичъ—сынъ Комара, Чиренко — сынъ Чирка... Вторая форма «енко» встрѣчается въ Никольскомъ уѣздѣ, третья форма на «скихъ» встрѣчается въ Устюжскомъ, а можетъ быть, и въ другихъ уѣздахъ. Она есть дальнѣйшее развитіе формы на «скій», того и другаго происхожденія: „Дементьевскихъ" значитъ сынъ Дементьевскаго, изъ роду Дементьевскихъ. в) Весьма замѣчательное слово встрѣчается въ самомъ глухомъ захолустьѣ въ волостяхъ, расположенныхъ по теченію р. Устьи въ Вельскомъ уѣздѣ—это *скупштына*: оно значитъ здѣсь праздникъ при приходской церкви, для котораго пиво и пр. приготовляются на общій счетъ цѣлой волости. Если трудно предположить, что раньше разобранное мною слово «гонить» занесено въ Никольскій уѣздъ изъ Литвы, то еще труднѣе допустить, что слово „скупштына", служащее для обозначенія народнаго собранія въ Сербіи на берегахъ Дуная, могло быть занесено оттуда на берега Устьи. Ясно, что и здѣсь, и тамъ оно образовалось самобытно для выраженія сходныхъ въ филологическомъ отношеніи понятій. г) Еще фактъ. Мнѣ много разъ случалось быть очевидцемъ того, что въ Москвѣ Вологжанъ, по ихъ выговору, принимали за малоруссовъ, — и не безъ основанія. Въ выговорѣ Вологжанъ слышится во 1-хъ рѣзкое «о»; во 2-хъ въ тѣхъ словахъ, гдѣ по правиламъ великорусской грамматики звукъ «е» изображается буквою «ѣ», произносятъ (Вологжане) «и»; и въ 3-хъ букву «л» передъ согласными и полугласною «ъ» выговариваютъ, какъ «в» и т. д. Теперь я предлагаю слѣдующіе выводы: аа) Вологодское нарѣчіе имѣетъ много общаго съ языкомъ лѣтописей, писанныхъ предками Малоруссовъ, и бб) Великоруссы XIV, XV и XVI столѣтій говорили тѣмъ-же нарѣчіемъ; и за тѣмъ поставляю два вопроса: аа) Какимъ образомъ въ нарѣчіяхъ Вологодскомъ и Малорусскомъ сохранились нѣкоторыя общія черты, которыхъ чуждо Московское, стоящее промежъ ними? и бб) Какимъ образомъ теперь Вологодское нарѣчіе ближе къ языку Нестора, нежели малорусское? Первый вопросъ могъ-бы разрѣшится предположеніемъ, что московское (такъ я называю чистое великорусское), быстрѣе того и другаго подвинувшись впередъ, оставило ихъ за собою; а второй тѣмъ, что Малорусское нарѣчіе, начавъ ранѣе, нежели Вологодское, и притомъ отдѣльно, развиваться подъ вліяніемъ разнородныхъ элементовъ успѣло разойтись и съ нимъ, и съ Московскимъ. Но это гадательныя рѣшенія вопросовъ, прямо до меня не касающихся. Для меня важно только то, что Вологодское нарѣчіе, самобытно и независимо отъ Малорусскаго, успѣло выработать одинаковыя формы и характеристическія черты, чѣмъ доказывается, что населеніе Вологодской губерніи положительно ославянорусилось... Итакъ населеніе Вологодской губерніи не только обрусѣло, — оно ославянилось. Оно всецѣло, физіологически усвоило себѣ общеславянское словесное творчество и слѣд. въ жилахъ каждаго изъ лицъ, составляющихъ его, течетъ кровь, химически сродная съ кровью другихъ Славянъ; ибо и та, и другая производятъ одинаковыя явленія... Само собой разумѣется, что многимъ такой мой выводъ покажется слишкомъ рѣзкимъ и одностороннимъ,— и это справедливо; представивъ крупные факты въ оправданіе своего положенія, я не задалъ еще себѣ вопроса: если славянорусскій элементъ, такъ рѣшительно дѣйствовалъ на финскій, то въ свою очередь и финскій не имѣлъ ли обратнаго воздѣйствія?—Дѣйствительно, есть ли какая-нибудь вѣроятность, чтобы извѣстная народность, поглотивъ другую, нималѣйше не измѣнила ни своей субстанціи, ни даже ни одной внѣшней черты? A priori я не вправѣ утвердительно отвѣчать на послѣдній вопросъ и даже думалъ-бы противное, потому что самъ замѣчалъ разницу и въ наружности, и въ характерѣ напр. Малоруссa и Великоруссa.

---

*) Въ древности, вѣроятно, также не ѣли пѣтуховъ, но по противуположной причинѣ, т. е. считая ихъ священными.

**) Здѣсь пропущены разсужденія, подъ рубрикою „а)" о словахъ, имѣющихъ исключительно филологическій интересъ.

нятію Христіанства. Допуская противное, нельзя-бы было объяснить того, почему населеніе Вологодской губерніи сохранило древнеславянскія вѣрованія и почти ни одного чудскаго [44]). Замѣчательно, что многіе изъ русскихъ поселенцевъ въ чудской землѣ, по видимому, первоначально утрачивали свою народность, покрайней мѣрѣ усвоивали зырянскую рѣчь. И въ настоящее время въ Зырянскомъ краѣ есть много фамилій, несомнѣнно происходящихъ отъ новгородскихъ выходцевъ, но говорящихъ по зырянски и считающихъ себя Зырянами:—таковы фамиліи Титовыхъ, Савиныхъ, Муравьевыхъ. [45]) Латкиныхъ и мн. др.

Наконецъ, о томъ, какими путями-дорогами проникали славяноруссы въ глубину Вологодской губерніи, мы не видимъ надобности распространяться: если, какъ извѣстно, всѣ славяне разселялись по нынѣшней Европейской Россіи, слѣдуя направленію большихъ водныхъ путей; то тѣмъ

Но я имѣю въ виду третій вопросъ: эта разница не лучше-ли объясняется географическими и климатическими причинами, нежели этнографическими и историческими? На такой вопросъ нельзя сформулировать другаго отвѣта, кромѣ нижеслѣдующаго: географическія и климатическія условія несомнѣнно имѣли вліяніе на то, что типъ Великорусса отступилъ отъ типа Малорусса: другое распредѣленіе и другой родъ занятій, другая пища, другая одежда и т. д. очевидно не могутъ не имѣть вліянія на наружность и характеръ индивидуумовъ и цѣлыхъ народовъ. Но допустить, что финскій элементъ имѣлъ обратное вліяніе нѣтъ никакого основанія, пока тщательныя наблюденія не откроютъ примѣси въ типѣ Вологжанъ. Факты этого рода, которые я имѣю въ виду, ничего не доказываютъ. Напр. крестьяне Вельскаго уѣзда, тѣхъ самыхъ волостей, гдѣ встрѣчается слово „скупштына" носятъ одежду весьма сходную съ одеждою Зырянъ; но такое явленіе опять таки объясняется не этнографическими условіями, а условіями мѣстности и сходствомъ занятій. Обрусѣвшее населеніе сѣверныхъ уѣздовъ губерніи, также какъ и Зыряне, преимущественно употребляютъ въ пищу ячмень; но это потому, что ячмень тамъ родится лучше, нежели всякій другой хлѣбъ. Гораздо болѣе можно придать важности слѣдующему доводу въ пользу предположенія, что финское племя, будучи поглощено славянскимъ, имѣло воздѣйствіе и на послѣднее: не помню гдѣ и когда я вычиталъ, что употребленіе буквы «ч», какъ «ц» есть признакъ финскаго вліянія. Дѣйствительно Вологодское нарѣчіе имѣетъ такой филологическій признакъ. Но несостоятельность подобнаго довода я надѣюсь обнаружить безъ особаго затрудненія: а) Подобное убѣжденіе могло-бы имѣть мѣсто, если бы зырянскій языкъ не имѣлъ звука «ч». Напротивъ, этотъ звукъ очень часто употребляется въ зырянской рѣчи, тогда какъ «ц» въ ней почти не встрѣчается *). Мало того русскія слова, переходя въ зырянскую рѣчь, перемѣняютъ его на «ч». Такъ напр. для названія курицы Зыряне заняли у Русскихъ кличку «цыпа» и выговариваютъ это слово «чипа»... и б) Новгородцы, безспорно признаваемые чистыми славянами, искони вѣкъ «ч» замѣняютъ «ц», что доказывается и ихъ настоящимъ нарѣчіемъ, и самыми древними письменными документами».

44) Выписываемъ изъ той-же статьи нашей (см. примѣч. 43) главу: «*Христіанство и русскій языкъ проникли въ Вологодскую губернію послѣ того, какъ прежнее населеніе ея усвоило себѣ преданія, обычаи и языческія вѣрованія Славянъ.* Раньше я сказалъ во 1-хъ, что новгородская колонизація въ Вологодской губерніи началась очень рано; такъ, изъ переданнаго Несторомъ разсказа Гюряти Роговича видно, что Новгородцы около 1000 г., вскорѣ послѣ принятія Христіанства въ Кіевѣ, проникали даже на Печеру, и во 2-хъ, что убѣжденія Финновъ и особенно вѣрованія, по своей простотѣ, не могли представить твердой почвы для отпора высшимъ идеямъ другой, болѣе развитой націи. Эти двѣ посылки ведутъ за собой заключеніе, что славянское язычество принято Финнами прежде, нежели христіанство. Такое предположеніе для юго-западной части Вологодской губерніи тѣмъ болѣе справедливо, что здѣсь славяно-новгородская колонизація началась за нѣсколько вѣковъ до принятія Христіанства самими славянами: ибо если около 1000 года Новгородцы посѣщали Печору, то само собой разумѣется, что въ окрестностяхъ Вологды (Синеусъ на Бѣлѣозерѣ) они завели дѣла гораздо ранѣе... Здѣсь я ожидаю возраженія въ такомъ видѣ: положимъ, что Новгородцы проникли въ Вологодскую губернію до принятія Христіанства; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что они тотчасъ внесли съ собой и свои языческія вѣрованія и обычаи. Наши язычники были чужды религіозной пропаганды. Это такъ. Но я позволю себѣ сдѣлать вопросъ: отчего греческая миѳологія такъ мирно распространилась въ древнемъ мірѣ? Греки также не были религіозными пропагандистами (ex officio), но ихъ миѳологія привилась къ чуждымъ народностямъ сама собою, вмѣстѣ съ греческою цивилизаціею. Извѣстно, что большая часть языческихъ религій создана самими народами, и слѣд. онѣ не только имѣютъ органическую связь съ другими проявленіями духа народнаго, но такъ сказать тожественны съ ними. Точно также и славянскія вѣрованія проявились у Финновъ сами собою, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ эти послѣдніе усвоивали себѣ славянское міросозерцаніе. Это доказательства à priori; но вотъ болѣе фактическія: отчего въ настоящее время у жителей Вологодской губерніи, и даже необрусѣвшихъ еще Зырянъ, не осталось ни какихъ стародавнихъ вѣрованій? Въ этомъ отношеніи за ними стоитъ глушь не проходимая. Отчего они за тѣмъ сохранили, подобно всѣмъ славянамъ, и по принятіи Христіанства славянскія языческія повѣрья? Отъ того, что Христіанство не отъ міра сего, а славянизмъ есть созданіе людей; Христіанство взяло у финизма только то, что нужно для будущей жизни, а славянизмъ поглотилъ его цѣликомъ. Если бы было не такъ, и еслибы принятіе Финнами славянскихъ языческихъ вѣрованій не предшествовало принятію Христіанства, то, повторяю, и теперь-бы у Зырянъ были свои собственныя, оригинальныя повѣрья. Но этого нѣтъ; слѣд. они утратили ихъ до принятія Христіанства. Если св. Стефанъ засталъ еще у Зырянъ старыя вѣрованія или, точнѣе, суевѣрія, поддерживаемыя шарлатанствомъ *туновъ*, то изъ этого еще нельзя заключить, чтобы рядомъ съ ними не имѣли мѣста славянскія языческія вѣрованія и что этими вѣрованіями не было подрыто въ основаніи древнее шаманство. Напротивъ, легкость, съ которою Зыряне уступили проповѣди, говоритъ въ пользу моего убѣжденія. При томъ-же, при св. Стефанѣ Зыряне, хотя и крестились, но не были въ состояніи усвоить истинъ Евангельскаго ученія: у нихъ еще до сихъ поръ не достаетъ словъ для выраженія нѣкоторыхъ христіанскихъ вѣрованій...

«О томъ, что Русскій языкъ Финны усвоили послѣ того, какъ приняли славянскіе обычаи, вѣрованія и т. п., распространяться не стоитъ; потому что у насъ передъ глазами живое доказательство-это остатки Зырянъ».

45) Волог. губ. Вѣд.: 1853 года № 6: «О поселеніяхъ Новгородцевъ въ Зырянскомъ Краѣ», г. Е. Кичина; и 1862 г. № 4: «В. П. Латкинъ и Печорская компанія», г. С. Лашкарева.

---

*) Послѣ составленія цитируемой статьи нашей мы узнали, что въ Ижемскомъ нарѣчіи Зырянскаго языка буква „ц" замѣняетъ „ч", употребляемое въ другихъ зырянскихъ нарѣчіяхъ; но Ижемское нарѣчіе не могло имѣть вліянія на русскій языкъ, потому что оно самое сѣверное, и Ижемцы не сосѣди Русскихъ.— Да и у нихъ „ц" выговаривается не чисто, а съ примѣсью звука „ч".

болѣе такой порядокъ разселенія имѣлъ мѣсто въ Вологоской губерніи, которая изрѣзана многоводными рѣками и покрыта непроходимыми ни для коннаго, ни для пѣшаго болотами и лѣсными дебрями. По какимъ именно рѣкамъ и куда направлялась славянорусская колонизація—вопросъ, для насъ посторонній.

ГЛАВА III.

МАТЕРІАЛЬНЫЙ И НРАВСТВЕННЫЙ БЫТЪ ДРЕВНЕЙ ПЕРМИ.

Предки Зырянъ не знали прочной осѣдлости; по крайней мѣрѣ, не имѣли прочныхъ жилищъ.—Вопросъ объ отношеніи Чуди къ Зырянамъ.—Древніе Зыряне не занимались хлѣбопашествомъ; питались сырымъ мясомъ и рыбой; ѣли мясо лошадей и бѣлокъ; не употребляли соли.—Родовой бытъ.—Отсутствіе гражданскихъ отношеній.—Семейный бытъ: равнодушіе къ цѣломудрію женщинъ.—Умыканье и вѣно.—Посланіе Митрополита Симона и ужичество; преданіе о происхожденіи Вогуличей.—Древняя религія Зырянъ.—Заключеніе.

Мы не обязываемся предложить читателямъ подробный и обстоятельный очеркъ быта древней Чуди; потому что не имѣемъ въ виду достаточныхъ для того источниковъ: въ памятникахъ древней письменности, если иногда и встрѣчаются извѣстія объ этомъ предметѣ, то всегда въ видѣ риторическихъ, безсодержательныхъ фразъ; преданій почти нѣтъ, а если и есть, то сильно искаженныя; вещественныхъ древностей очень мало, да и тѣ, какъ должно, не обслѣдованы и, Богъ знаетъ, гдѣ находятся; и, наконецъ, зырянскій языкъ даетъ матеріалъ только для бѣдныхъ и скудныхъ выводовъ. Однимъ словомъ, даже совокупность всѣхъ названныхъ сейчасъ источниковъ вынуждаетъ насъ ограничиться лишь попыткою составить, по возможности, полный сводъ кое-какихъ свѣдѣній объ образѣ жизни предковъ нынѣшнихъ Зырянъ.

Мы видѣли, что финское племя вышло изъ глубины Азіи и принадлежитъ къ алтайской расѣ. Между тѣмъ извѣстно, что почти всѣхъ народовъ этой расы исторія застала въ кочевомъ или полукочевомъ состояніи. Зауральскіе сосѣди и близкіе родственники Зырянъ,—Вогуличи, Остяки и Манцы, до сихъ поръ не знаютъ осѣдлой жизни; да, наконецъ, и самихъ Зырянъ нельзя назвать народомъ прочно-осѣдлымъ: и теперь еще большая часть ихъ взрослаго мужскаго населенія, занимаясь звѣроловствомъ и птицеловствомъ, всю зиму странствуетъ по лѣсамъ и только лѣто проводятъ въ мѣстахъ такъ называемаго постояннаго жительства; Печорскіе-же Зыряне и лѣтомъ, вмѣстѣ съ семействами, проживаютъ или на Брусяной горѣ или на рыбныхъ промыслахъ,— за цѣлыя сотни верстъ отъ селеній.

Справедливость этого предположенія подтверждается другимъ, уже основаннымъ на болѣе твердыхъ данныхъ. Передавая сущность преданій объ аборигенахъ Вологодской губерніи, мы имѣли случай замѣтить, что жилищами Заволоцкой Чуди были землянки. Теперь-же намъ остается только прибавить, что нынѣшнее устройство избы Зырянина, со всѣми ея принадлежностями, кромѣ не существенной — окна на печкѣ, — чисто русское, и что, слѣдовательно, постоянныя, прочныя жилища Зыряне стали строить послѣ того, какъ познакомились съ Русскими [46]). Едва-ли мы допустимъ много произволу, если позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о томъ, какимъ именно образомъ устроивало свои жилища древнее чудское населеніе Россіи. Указаніе на этотъ предметъ мы находимъ у Ибнъ-Даста (изд. Хвольсона 1869 г.). По словамъ его: «Въ землѣ Славянъ холодъ бываетъ до «того силенъ, что каждый изъ нихъ выкапываетъ себѣ «въ землѣ родъ погреба, который покрываютъ деревян«ною остроконечною крышею и на крышу накладыва-

---

[46]) Здѣсь, пользуясь случаемъ, мы приведемъ не упомянутое нами ранѣе толкованіе слово «Коми» сдѣланное авторомъ статьи «Село Лена» (Вол. Губ. Вѣд. 1853 г. № 39), г. Устюжаниномъ (псевдонимъ). Онъ утверждаетъ, что слово Коми (собственное названіе Зырянъ) происходитъ отъ «комынъ» хижина (не на оборотъ-ли скорѣе?), и значитъ живущій въ хижинѣ, что «Зыряне думали отличить себя отъ здѣшнихъ аборигеновъ—отъ *дикой Чуди*, которую они застали здѣсь живущую въ ямахъ и шалашахъ», что, вытѣснивъ ее отсюда далѣе въ сѣверныя тундры, или истребивъ на мѣстѣ, построили себѣ селенія сперва изъ хижинокъ. «Не отсюда-ли, можно думать, и Куманы, тоже потомки жителей сѣверной Россіи»? Явно, что такое толкованіе слова «Коми», есть незаслуживающая вниманія натяжка. Но для насъ важно то, что г. Устюжанинъ, вторя общему убѣжденію, отправляется какъ отъ факта, что древніе обитатели Зырянскаго края не имѣли домовъ. Замѣчателенъ также и не лишенъ основанія намекъ, что Половцы (Куманы) одного происхожденіе съ Зырянами. Созвучіе словъ Куманы и Комины ничего-бы не значило, если бы такія слова, каковы Саркелъ, Вежа, не были чисто зырянскими и если-бы намъ не было извѣстно, что въ курганахъ Новороссіи выкапываются иногда такія же вещи, какія найдены г. Сидоровымъ на Печорѣ (мѣдныя изображенія лошадей, — „коньковъ“, какъ называютъ ихъ въ Вологодской губерніи). Этому предмету мы предполагаемъ когда нибудь посвятить особое сочиненіе; теперь же ограничиваемся только настоящею замѣткою, чтобы не удалиться отъ прямой цѣли.

«ютъ земли. Въ такіе погреба переселяются со всѣмъ «семействомъ, и, взявъ нѣсколько дровъ и камней, рас«каляютъ послѣдніе до красна. Когда же камни раска«лятся, ихъ поливаютъ водой, отчего распространяется «паръ, нагрѣвающій жилье до того, что снимаютъ одеж«ду. Въ такомъ жильѣ остаются до весны». Хотя Ибнъ-Дастъ и говоритъ это о жителяхъ «земли Славянъ»; но во-первыхъ мы знаемъ, какъ часто арабскіе писатели смѣшивали одну съ другою обитавшія въ нынѣшней Россіи народности; во-вторыхъ извѣстно, что древніе Славяне съ незапамятныхъ временъ жили въ деревянныхъ избахъ, и что Новгородцы, по Нестору, даже парились въ баняхъ, построенныхъ изъ дерева; и въ третьихъ, наконецъ, сказаніе Ибнъ-Даста, ни мало не противорѣча до нашего времени сохранившимся въ Вологодской губерніи преданіямъ о жилищахъ Чуди, даже разъясняетъ ихъ въ подробностяхъ. Поэтому мы можемъ думать, что Ибнъ-Дастъ говоритъ здѣсь о жилищахъ Чуди. Такія именно жилища и пригодны были для звѣролововъ, перемѣнявшихъ мѣсто стоянокъ, смотря по обстоятельствамъ, и имѣвшимъ нужду только на зиму укрывать свои семейства отъ страшныхъ морозовъ. Сообщаемое Ибнъ-Дастомъ извѣстіе подтверждается и раскопками кургановъ въ Московской губерніи (см. г. Гатцука «Изслѣдов. кургановъ Московской губерніи 1863 и 1864 гг.» въ Труд. Московск. Археол. Общ. Т. 1.).

Замѣчательно, что сами Зыряне развалины или, точнѣе говоря, слѣды жилищъ своихъ предковъ, находящіеся въ Устьсысольскомъ и Яренскомъ уѣздахъ, также, какъ и Русскіе, называютъ «чудскими могилами», считая Чудь, т. е. древнихъ обитателей края, народомъ чуждымъ себѣ, иноплеменнымъ и даже враждебнымъ. Это ввело въ заблужденіе многихъ писателей, усиливавшихся объяснить происхожденіе Зырянъ на основаніи туземныхъ преданій безъ всякой критики ихъ. Принимая такія преданія за безспорную историческую истину, они впали въ натяжки и стали-было отыскивать прежнее мѣсто жительства этого народа: то—въ окрестностяхъ Финскаго Залива [47]), то въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, или на берегахъ Сухоны [48]), —и т. п. На самомъ-же дѣлѣ Зыряне такой взглядъ на Чудь, вмѣстѣ съ множествомъ повѣрій и т. п., заняли отъ Русскихъ черезъ посредство обрусѣвшихъ уже сосѣдей своихъ. Это убѣжденіе мы основываемъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что обрусѣвшіе теперь жители Сольвычегодскаго уѣзда были нѣкогда тѣже Зыряне, остатки которыхъ въ Устьсысольскомъ и Яренскомъ уѣздахъ до сихъ поръ сохранили свой языкъ; потому что самые достовѣрные памятники древней письменности, каково напр. житіе св. Стефана, называютъ ихъ однимъ именемъ — Пермь, и не дѣлаютъ между тѣми и другими никакого этнографическаго различенія. Между тѣмъ Сольвычегжане не отличаютъ Зырянъ отъ Чуди. 2) Чудью-же называютъ наши древнѣйшія лѣтописи всѣхъ обитателей Европейской Россіи, начиная съ Мери и Муромы, или къ сѣверу отъ верховьевъ Оки.—Между тѣмъ мы уже видѣли, что многія названія урочищъ даже въ южной части бывшей чудской территоріи объясняются зырянскимъ языкомъ. Слѣдовательно, если и предположимъ, что во времена доисторическія произошло въ предѣлахъ Вологодской губерніи какое нибудь передвиженіе народовъ, то народы эти были одноплеменные и одноязычные. При томъ-же ни лѣтописи, ни другіе письменные документы, называя жителей Заволочья Чудью, ни о какихъ болѣе инородцахъ неупоминаютъ.—Положимъ, что Финское племя, переходя изъ Азіи въ Европу, могло потѣснить какихъ-нибудь иноплеменниковъ; но это могло случиться въ столь отдаленное время, до котораго не способны досягать даже и преданія, особенно зырянскія, вообще начинающіяся не ранѣе эпохи просвѣщенія Перми христіанствомъ. 3) Нетуземное происхожденіе зырянскихъ преданій о Чуди, какъ о народѣ-иноплеменномъ, доказывается также безсодержательностію ихъ. Въ другихъ мѣстностяхъ, къ чудскимъ могиламъ, напримѣръ, всегда привязанъ какой-нибудь, болѣе или менѣе живой и своеобразный разсказъ о столкновеніяхъ Русскихъ съ туземцами; Зыряне же думаютъ только, что въ «могилахъ» скрываются зарытые Чудью клады и о междуродной враждѣ не знаютъ [49]). И 4) Чудскія могилы, какъ въ Устьсысольскомъ и Яренскомъ, такъ и въ другихъ уѣздахъ Вологодской губерніи и по наружности, и по находкамъ въ нихъ,—сходны; слѣдовательно опять Чудь Русскихъ и Чудь—Зырянъ одинъ и тотъ-же народъ.

Уже изъ того, что предки Зырянъ не имѣли прочной осѣдлости, вытекаетъ прямое заключеніе, что они не были народомъ земледѣльческимъ. Несмотря на то существуетъ противное мнѣніе, которое, впрочемъ печатно высказано и обставлено доказательствами однимъ г. М. Михайловымъ. Этотъ писатель утверждаетъ, что Зыряне искони были народомъ земледѣльческимъ; такъ какъ въ языкѣ ихъ есть собственныя слова для выраженія понятій о продуктахъ земледѣлія, земледѣльческихъ орудіяхъ и т. д., каковы наприм. «идъ» — ячмень, «зоръ» овесъ, «сю» — рожь, «тусь» — хлѣбное зерно, «шабды» —ленъ, «контусь»—конопля, «шепъ»—колосъ, «идзясъ» —солома, «кольта»—снопъ, «рынымъ»—овинъ, «горъ» —соха, «пиня»—борона, «чарла»—серпъ, «кодзьны»— сѣять, «вертны» — молотить и т. д. [50]). Мы считаемъ

---

[47]) См. примѣч. 9.

[48]) См. примѣч. 13.

[49]) Вологодскія Губернскія Вѣдомости 1859 года № 35, «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйственный бытъ», г. В. Аврамова.

[50]) Тамъ же 1852 г. № 33: «О земледѣліи и скотоводствѣ у Зырянъ», г. Михайлова.

нужнымъ, сколь можно подробно и осязательно, обнаружить несостоятельность этого мнѣнія: потому что такимъ образомъ получимъ новое подтвержденіе того, что уже сказано нами объ образѣ жизни древнихъ Зырянъ. Во 1-хъ, существованіе въ Зырянскомъ лексиконѣ исчисленныхъ г. Михайловымъ словъ ничего не доказываетъ; потому что если не во всѣхъ, то въ очень многихъ языкахъ есть собственныя слова для выраженія понятій, безспорно позаимствованныхъ у другихъ народовъ. Такъ и въ зырянскомъ есть напримѣръ: «вичько» — церковь, «пыртсьомъ» — крещеніе, «висьтасьомъ» — исповѣдь, «сьодъ-турынъ»—чай, «гижны»—писать и т. д. Во 2-хъ, г. Михайловъ приводитъ зырянское названіе овса—«зоръ». Мы къ этому прибавимъ, что и пшеница также имѣетъ зырянское названіе — «шабды». Но овесъ и пшеница только въ самое недавнее время появились въ Зырянскомъ краѣ; такъ напр. овесъ въ Княжпогостѣ,—мѣстности, относительно не слишкомъ удаленной къ Сѣверу, —стали сѣять только въ 1845 году [51]). И, при томъ, сами Зыряне до сихъ поръ его не употребляютъ ни въ видѣ муки, ни въ видѣ крупы, ни даже въ видѣ корму для скота (лошадей они кормятъ ячменемъ), — и весь урожай его продаютъ для сплава къ Архангельскому порту. — Въ 3-хъ, Зыряне вышли, какъ мы видѣли, вовсе не изъ земледѣльческаго отечества. Въ 4-хъ, многіе изъ нихъ и до сихъ поръ, какъ увидимъ, не занимаются земледѣліемъ и самая мѣстность, ими обитаемая, принадлежитъ къ полосѣ начальнаго хлѣбопашества. Въ 5-хъ, всѣ механическіе пріемы земледѣлія и хозяйственный распорядокъ (трехпольная система, новины, земледѣльческія орудія, половники, помочи и т. п.) заняты у Русскихъ. Въ 6-хъ, земледѣліе находится въ лучшемъ положеніи и составляетъ главное занятіе жителей только въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя несомнѣнно заселены Новгородцами, и, кромѣ того, преданія положительно говорятъ, что Новгородцы, поселяясь въ землѣ Заволоцкой Чуди, *вводили тамъ хлѣбопашество*. Такъ Своеземцевъ, пріобрѣвъ обширныя земли по Вагѣ, распродалъ ихъ «по частямъ, *для обработыванія*, другимъ Новгородцамъ, отчего эти частныя землевладѣнія и извѣстны были подъ именемъ *боярщинъ*» [52]). Въ 7-хъ, есть преданіе, которое прямо говоритъ, что Чудь не занималась земледѣліемъ [53]). И въ 8-хъ Зыряне не имѣли домашнихъ птицъ,—этихъ спутниковъ земледѣлія. Названія пѣтуха и курицы, которые одни и водятся въ Зырянскомъ краѣ,—и то не вездѣ,—заняты у Русскихъ: «пѣтукъ» и «чипа» (отъ ципа) [54]). Точно также у Русскихъ заимствовано и названіе свиньи — «порсь» (отъ «поросенокъ»), — этого по преимуществу хлѣбнаго домашняго животнаго.

Есть основаніе думать, что предки Зырянъ, даже не въ очень давнее время, рыбу и мясо ѣли въ сыромъ видѣ; потому что такое обыкновеніе, говорятъ и даже пишутъ, и теперь еще кое-гдѣ въ Зырянскомъ краѣ существуетъ [55]).

Изъ преданій видно, что они ѣли лошадиное мясо. Мы много разъ слыхали въ Яренскѣ разсказъ, что послѣ того, какъ св. Стефанъ, просвѣтивъ св. крещеніемъ жителей селенія Гамъ, отправился далѣе вверхъ по Вычегдѣ, они обратились къ старымъ, поганымъ обычаямъ и когда онъ возвратился, съ насмѣшкою говорили ему: «Степанъ, Степанъ! Мы опять ѣдимъ кобылятину!»

По всей вѣроятности, до знакомства съ Русскими, Зыряне ѣли бѣличье мясо; потому что первые и теперь еще называютъ ихъ иногда, въ насмѣшку, «векшеѣдами». — Вообще въ древней письменности, какъ наприм. въ посланіи Московскаго Митрополита Симона къ Великопермскому князю Матвѣю Михайловичу отъ 22 августа 1501 года, встрѣчаются сѣтованія на пермскій народъ за употребленіе въ пищу нечистаго и идоложертвеннаго. Правда, названная нами грамота касается собственно новообращенныхъ тогда Пермяковъ, но Пермяки и Зыряне были въ то время одинъ народъ, даже и по названію.

Предки Зырянъ едва ли имѣли понятіе о соли. Не смотря на то, что Зырянскій край весьма изобиленъ соляными источниками, мы достовѣрно знаемъ, что первые солевары тамъ были русскіе. Тому обстоятельству, что соль и по зырянски называется «соль» мы не придаемъ особеннаго значенія; но не можемъ оставить его безъ упоминанія.

Г. И. Куратовъ положительно утверждаетъ, что древній бытъ Зырянъ былъ родовой, патріархальный; но, къ сожалѣнію, мнѣнія своего онъ не подкрѣпляетъ никакими фактами и даже соображеніями [56]). Правда, онъ говоритъ, что въ зырянскомъ языкѣ до сихъ поръ нѣтъ словъ для выраженія понятій, всегда существующихъ въ граждан-

---

[51]) Тамъ же 1853 г. № 46: «Прогулка по Княжпогосту», г. П. Богданова.

[52]) Тамъ же 1855 г. № 41: «Важская область».

[53]) См. послѣ, въ примѣч. 83.

[54]) Передѣлка слова «ципа» въ «чипа» еще можетъ быть объяснено какою нибудь случайностью; но о «пѣтунъ» этаго уже никакъ нельзя сказать, потому что здѣсь явно русское «х» замѣнено зырянскимъ «п», за неимѣніемъ въ языкѣ Зырянъ звука, выражаемаго первою буквою.

[55]) Г. Ф. Арсеньевъ въ статьѣ своей «о промышленныхъ и торговыхъ сношеніяхъ въ Зыранскомъ краѣ», помѣщенной въ Памятной книжкѣ Вол. Губ. на 1865 и 1866 гг. говоритъ: «когда Зыряне на рыбной ловлѣ проголодаются они дѣлаютъ перехваточку (закусываютъ) сырою рыбою, выдавивши изъ ней кишки и соскобливши ногтемъ чешую. Непріятно видѣть, какъ живая рыбешка трепещется и корчится въ зубахъ Зырянина, уписывающаго ее съ великимъ наслажденіемъ». — Объ употребленіи сыраго мяса см. Вол. Губ. Вѣд. 1866 г. № 6: «Поѣздка въ Устьсысольскъ», г. В. Качина.

[56]) Волог. Губ. Вѣдом. 1865 г. №№ 23 и слѣд. «Зырянскій языкъ», г. И. Куратова.

скихъ обществахъ: а) *о различныхъ отношеніяхъ власти къ подчиненнымъ*, каковы: царь [57]), князь, подчиненный, господинъ, рабъ, милость и т. п.; б) *о законности, дисциплинѣ, приличіяхъ и другихъ условіяхъ жизни въ обществѣ*, какъ-то: законъ, судъ, казнь, честь, порядокъ, свобода, неволя, уваженіе, благодарность; в) *о движеніяхъ и потребностяхъ ума и души*, какъ напримѣръ: думать, любить и проч. и г) *о наукахъ, искусствахъ, торговлѣ и ремеслахъ, кромѣ самыхъ простыхъ*. Но изъ всего этого можно только заключить о низкой степени гражданскаго развитія народа—и ничего болѣе.—Напротивъ того, въ лѣтописяхъ и грамотахъ конца XV вѣка упоминаются великопермскіе князья (Михаилъ и сынъ его Матвѣй), какъ самостоятельные (сперва) владѣтели довольно обширной страны по р. Камѣ [58]); упоминаются также князья Вымскіе [59]); въ поступной грамотѣ на земли по р. Вагѣ въ пользу Своеземцева контрагенты его Азика, Караганецъ, Ровда и Игнатецъ называются князьями и *старостцами* [60]); въ преданіи о Ягъ—мортѣ говорится о *старшинахъ*; и наконецъ противникъ св. Стефана—Памъ, по инымъ источникамъ «Панъ» иногда титулуется *сотникомъ* и вмѣстѣ съ тѣмъ называется волхвомъ и чародѣемъ [61]). Но что это были за князья, старосты, старшины, сотники и т. д.—источники положительно не говорятъ.—Только изъ великокняжескаго титула, даваемаго русскими властями въ оффиціальныхъ грамотахъ Пермскимъ владѣтелямъ, мы вправѣ заключить, что въ этомъ княжествѣ существовала даже цѣлая правительственная іерархія: титулъ великаго князя уже предполагаетъ существованіе простыхъ подчиненныхъ, младшихъ правителей. Что касается до прочихъ князей, старостъ и т. д., то мы уже имѣли случай замѣтить, что кругъ ихъ дѣятельности былъ чрезвычайно ограниченъ. Кромѣ того существованіе Вымскихъ князей пока подлежитъ сильному сомнѣнію. Хотя въ лѣтописяхъ одинъ разъ и говорится, что Вымскій князь Василій въ 1465 году, вмѣстѣ съ устюжскимъ атаманомъ Скрябою, принималъ участіе въ походахъ на Вогуличей и Югру [62]); но туземный-ли это былъ князекъ? Странно: ни раньше, ни послѣ того нигдѣ не упоминается о Вымскихъ князьяхъ, хотя случаевъ къ тому представлялось весьма много. Такъ, въ повѣствованіяхъ о проповѣди св. Стефана разсказывается о волхвѣ Памѣ, какъ о лицѣ, имѣвшемъ сильное вліяніе на «всю землю Пермскую»; послѣ, въ извѣстіяхъ о набѣгахъ на Вычегодкій край Вогуличей, Вятчанъ и Новгородскихъ ушкуйниковъ говорится о мѣрахъ, которыя принимали къ умиротворенію страны Устьвымскіе епископы, а о дѣятельности князей—ни слова. Г. Михайловъ думалъ даже отыскать *резиденцію* Вымскихъ князей, пользуясь русскимъ названіемъ одного зырянскаго селенія «Княжпогостъ» [63]); но онъ во первыхъ забылъ, что древній «погостъ» далеко не *резиденція*, т. е., что погостами назывались мѣста временныхъ остановокъ князей и даже ихъ чиновниковъ при разъѣздахъ по подвѣдомственнымъ имъ областямъ для сбора даней, суда и пр.; и во-вторыхъ не принялъ въ соображеніе, что погостовъ въ такомъ смыслѣ для Вымскихъ князей, если бы эти князья и существовали, вовсе не было нужно, по незначительности ихъ владѣній. Иные думаютъ, что Вымскіе князья живали въ сел. Турьѣ, но не видно на чемъ основывается такое мнѣніе [64]). Надобно замѣтить, что ни въ Княжпогостѣ, ни въ Турьѣ нѣтъ никакихъ древностей [65]), кромѣ кое-какихъ мелочей [66]), которыя часто и не тамъ только попадаются. Называютъ, наконецъ, Удорскихъ князей, основываясь на томъ, что въ царскомъ титулѣ есть выраженіе «Князь Удорскій» [67]). Основаніе шаткое; но если и такъ, то каково было это княжество, когда на Удорѣ въ настоящее время только 2000 душъ муж. пола? Намъ кажется, что своеобразностью, въ глазахъ нашихъ лѣтописцевъ и составителей правительственныхъ актовъ, власти всѣхъ этихъ князей, старостъ и т. д. и невозможностью точно мѣрять ее на нашъ аршинъ и объясняется то обстоятельство, что въ памятникахъ или вовсе не упоминается объ нихъ, какъ объ администраторахъ и политическихъ дѣятеляхъ, или если и упоминается, то, за недостаткомъ соотвѣтствую-

---

57) Г. Куратовъ, какъ природный и притомъ образованный Зырянинъ, въ дѣлѣ зырянской филологіи, конечно, долженъ пользоваться сильнымъ авторитетомъ; но мы не можемъ не замѣтить, что г. Михайловъ (Вол. Губ. Вѣд. 1850 г. № 20: «Устьвымъ»), объясняя употребленное въ древнемъ переводѣ на зырянскій языкъ Молитвы Господней выраженіе *каноланыдъ* (царствіе Твое), говоритъ, будто въ удорскомъ нарѣчіи и теперь существуетъ слово *канъ* (Ханъ) для выраженія понятія о царѣ. Впрочемъ, такъ какъ ни изъ одного историческаго документа или преданія не видно, чтобы у Чуди или Зырянъ были лица, коимъ бы придавался такой титулъ; то мы думаемъ, что слово «канъ», если оно дѣйствительно на Удорѣ употребляется, проникло туда случайно, именно посредствомъ переводовъ священнаго писанія. Переводчикъ могъ употребить его потому, что въ то время (во второй половинѣ XIV вѣка) слова Ханъ и Царь были синонимами.—Замѣчательно, что въ новѣйшемъ переводѣ той же молитвы Господней слово «*каналанидъ*» замѣнено «сарало́мыдъ», въ которомъ корень «саръ» уже не имѣетъ столь точнаго смысла, какъ царь или ханъ и, по словамъ г. Михайлова, «выражаетъ понятіе о почтеніи и уваженіи, приличныхъ царямъ, святости и всему высокому, блаженному».

58) См. Тамъ же.

59) Волог. Губ. Вѣд. 1850 г. № 34. Примѣч. къ ст. г. Михайлова—«Устьвымъ».

60) См. примѣч. 25.

61) Волог. Губ. Вѣд. 1849 г. № 20: «Стат. описаніе Яренскаго уѣзда», г. П. Протопопова, и 1847 г. № 2: „О св. Стефанѣ Пермскомъ“.

62) См. Тамъ же.

63) Тамъ же 1853 г. № 46: „Прогулка по Княжпогосту“, г. П. Богданова.

64) См. Тамъ же.

65) Волог. Губ. Вѣд. 1842 г. № 41: „Первая поѣздка на Удору“, неизвѣстнаго автора.

66) См. Тамъ же.

67) См. примѣч. 19.

щихъ туземнымъ понятіямъ русскихъ словъ, употребляются самыя разнообразныя и иногда даже странныя выраженія, напр. сотникъ. Въ виду этого, а также того, что напр. Паму приписывается и свѣтская власть и духовное значеніе — «его-же волхвованіемъ управляемой быти всей земли пермстей»—намъ приходитъ на мысль: не были-ли это старшины родовъ? Мы видѣли, что Азика, Рёвда, Караганецъ и Азика, называемые *старостцами* имѣли право отчуждать огромныя пространства земли, какова Важская область, какъ собственность, на частномъ правѣ, что̀ было-бы несовмѣстно съ предѣлами власти князей въ томъ смыслѣ, какой вообще усвоенъ у насъ этому слову. Кстати замѣтимъ, что слово «Рёвда» едва-ли не имя нарицательное, потому что «Рёвдъ» было очень много. Не обозначало-ли оно старшину рода? Если такъ, то для насъ не странно будетъ, что чудскіе князьки, какъ бы Русскіе ихъ ни титуловали, и продавали земли, какъ частную собственность, и имѣли религіозное, духовное значеніе. Самое слово Папъ, если оно такъ должно читаться, едва-ли не есть имя нарицательное, какой-нибудь титулъ; потому что, кромѣ Пана или Пама зырянскаго мы знаемъ пановъ въ разныхъ частяхъ бывшей чудской территоріи. Такъ близь г. Вельска (Вологодской губерніи) указываютъ по р. Вели мѣста осѣдлости какихъ-то пановъ и устроенныя будто-бы ими, для рыболовства, подводныя сооруженія. Въ статьѣ г. Мельникова «Очерки Мордвы» (Русск. Вѣстн. 1867 г. кн. 6) мы встрѣчаемъ извѣстіе, что въ разныхъ частяхъ Мордовской земли сохраняются преданія о древнечудскихъ князькахъ, называемыхъ «панками».

Столь-же, если не болѣе, скудны и извѣстія о домашнемъ, семейномъ бытѣ древнихъ Зырянъ.

Говоря о томъ, что равнодушіе къ цѣломудрію женщинъ было одною изъ причинъ обрусѣнія Пермскаго народа, мы обѣщали, въ другомъ мѣстѣ, распространиться о такомъ племенномъ порокѣ. Вотъ факты, на которыхъ мы основываемъ наше убѣжденіе. Въ настоящее время изъ всѣхъ уѣздовъ Вологодской губерніи самое большое число незаконнорожденныхъ бываетъ въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, который сплошь заселенъ Зырянами. Такъ, въ 1864 г. тамъ одинъ незаконнорожденный пришелся на 17 законнорожденныхъ. За Устьсысольскимъ уѣздомъ слѣдуетъ Яренскій, часть котораго уже обрусѣла: здѣсь одинъ незаконнорожденный пришелся на $18^1/_2$ законнорожденныхъ. За Яренскимъ — Сольвычегодскій, обрусѣвшій послѣ всѣхъ остальныхъ уѣздовъ: здѣсь одинъ незаконнорожденный пришелся на $20^3/_4$ законнорожденныхъ. За Сольвычегодскимъ — нѣсколько ранѣе его обрусѣвшіе Вельскій и Никольскій: въ первомъ одинъ незаконнорожденный пришелся на 27 законнорожденныхъ, а въ послѣднемъ—на 29 и т. д. [68]). Нельзя не замѣтить здѣсь, что процентъ незаконныхъ рожденій выше всего тамъ, гдѣ обѣ народности ближе одна къ другой, какъ напримѣръ въ Устьсысольскѣ, Сергіевскомъ заводѣ и т. п. Но вообще, сравнивая болѣе обширные округи, видимъ, что чѣмъ чище чудская кровь, тѣмъ выше процентъ незаконныхъ рожденій,—и это теперь, когда христіянская нравственность и новые обычаи имѣютъ сильное вліяніе на Зырянъ. Что-же было въ древности?

Трудно сказать, имѣетъ ли какое нибудь отношеніе къ сейчасъ названному пороку существовавшее у Зырянъ «умыканье дѣвицъ». Такой способъ заключенія брачныхъ союзовъ, можетъ быть, уже не существуетъ въ Зырянскомъ краѣ; но существовалъ недавно: о подробностяхъ его мы слышали отъ лица, непосредственно наблюдавшаго его въ 1830-хъ годахъ. Замѣчательно, что зырянское «умыканье» напоминаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поясняетъ и дополняетъ сказаніе Нестора о бракахъ у древнихъ славянъ. Лѣтописецъ говоритъ: «А Древляне жи«вяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски, убиваху «другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не «бываше; но умыкиваху у воды дѣвиця. И Радимичи, «и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имѣяху; живяху «въ лѣсѣ, яко же всякій звѣрь, ядуще вся нечисто, «срамословье въ нихъ предъ отьцы и предъ снохами; «браци не бываху въ нихъ; но игрища межю селы. Схо«жахусь на игрища и на вся бѣсовьская игрища, и ту «умыкаху жены себѣ, съ нею-же кто свѣщашеся; имяху«же по двѣ и по три жены» [69]). У Зырянъ умыканье подготовлялось также на игрищахъ. Если молодому человѣку нравилась дѣвица, но онъ почему нибудь не могъ разсчитывать на согласіе родителей ея отдать ее за него; то на игрищѣ срывалъ съ нея платокъ и уносилъ съ собой. Если послѣ того дѣвица, имѣя случай просить о возвращеніи платка, не просила, — это считалось согласіемъ съ ея стороны, во что бы то ни стало, отдать свою руку. Въ такомъ случаѣ влюбленные вѣнчались тайно отъ родителей невѣсты. Послѣ вѣнчанья новобрачные выбирали посредника, какого-нибудь кума, свата или просто пріятеля родителей невѣсты, который и отправлялся къ послѣднимъ, запасшись виномъ. Отецъ молодой, конечно зная уже въ чемъ дѣло, сначала горячился, но потомъ, послѣ угощенія, уступалъ убѣжденіямъ посредника, перелагалъ гнѣвъ на милость и давалъ обѣщаніе простить виноватыхъ. А тѣ этого уже ждали: они тотчасъ же являлись, падали, какъ водится, въ ноги, — и получали благословеніе.

Мы слышали также, что въ недавнее время въ Устьсысольскомъ уѣздѣ бывали случаи покупки невѣстъ, что̀, какъ будто, соотвѣтствуетъ нашему древнему «вѣно» [70]).

---

[68]) Памятн. внижн. Волог. губ. на 1865 и 1866 гг., таблица: «Число рожденій».

[69]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. томъ 1, стр. 6.

[70]) Покупка невѣстъ, какъ извѣстно, до выхода помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, имѣла мѣсто вездѣ въ Россіи,

Такимъ образомъ оба способа заключенія брачныхъ союзовъ, существовавшіе у Славянъ, по Нестору, каждый отдѣльно въ разныхъ мѣстностяхъ, — у Зырянъ встрѣчаются совмѣстно, рядомъ одинъ съ другимъ. Профессоръ Соловьевъ происхожденіе того и другаго обычая объясняетъ родовымъ бытомъ Славянъ. Мы-же не отвергая такого мнѣнія, замѣтимъ, что на нашъ взглядъ, бракъ посредствомъ умыканья есть бракъ по страсти, а бракъ за «вѣно» — бракъ по разсчету, что и тотъ и другой порядокъ, можетъ быть, и у Славянъ не исключали другъ друга, и что напротивъ того существованіе одного, именно брака за вѣно, предполагаетъ существованіе другаго и еще скорѣе на оборотъ: иначе «умыканье» не имѣло-бы смысла.

Особенности семейнаго быта пермскаго народа поражали современниковъ. Такъ, Митрополитъ Симонъ въ грамотѣ Великопермскому князю Матвѣю Михайловичу обращается къ Пермякамъ съ такимъ увѣщаніемъ: «Ни женитвъ незаконныхъ не чините, яко же слышу о васъ, что поимаются въ племени по ветхому, по татарскому обычаю: хто у васъ умретъ, а второй его братъ жену его поимаетъ; третій его братъ также творитъ; а жены ваши ходятъ простовласы, непокровенными главами... ино то̀ чините не по закону христіанскому» [71]).

Упоминаемое Митрополитомъ Симономъ обыкновеніе жениться на вдовахъ братьевъ, какъ будто, напоминаетъ еврейское ужичество; но намъ кажется, что тамъ и здѣсь разныя причины вызвали существованіе его: у евреевъ ужичество установлено для продолженія родовой крови, чѣмъ и объясняется удивительная живость еврейскихъ родовыхъ преданій и генеалогіи, тогда какъ у Зырянъ не только родовыхъ, но и никакихъ преданій почти нѣтъ, или очень мало; по типу нынѣшнихъ евреевъ мы узнаемъ предковъ ихъ въ изображеніяхъ древней египетской живописи, между тѣмъ какъ наружность Зырянъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ напоминаетъ выходцевъ изъ Приалтайскаго края. Итакъ, описываемый Митрополитомъ Симономъ обычай установился у древнихъ Пермяковъ скорѣе вслѣдствіе хозяйственныхъ разсчетовъ и хладнокровнаго, исключительно матеріальнаго воззрѣнія на отношенія мужчины къ женщинѣ.

Г. Михайловъ, основываясь, по его словамъ, на народномъ преданіи, о происхожденіи Вогуличей говоритъ между прочимъ слѣдующее: «Зыряне — идолопоклонники, любя проводить жизнь въ чувственныхъ удовольствіяхъ, не считали этой страсти порокомъ; побочныя дѣти ихъ росли и множились, и такимъ образомъ составили особенное племя, бывшее однакожъ въ общемъ народномъ презрѣніи: подобно паріямъ, оно лишено было гражданскихъ правъ, довольствовалось самымъ грубымъ содержаніемъ и служило рабами Зырянамъ. Угнетаемое Зырянами, оно, въ глубокой древности, бѣжало отъ нихъ и составило особый народъ съ прозвищемъ Вогуличей, т. е. незаконнорожденныхъ» [72]). Г. Михайловъ, какъ увидимъ, любилъ украшать произведеніями своей фантазіи не только преданія, но и письменныя извѣстія; такъ и здѣсь онъ придумалъ паріевъ, рабовъ, грубое содержаніе и т. д., забывъ, что въ зырянскомъ языкѣ нѣтъ даже словъ для выраженія понятій о рабѣ, господинѣ и т. п.: но не смотря на то, а также на извѣстный фактъ, что Зыряне и Вогуличи принадлежатъ къ разнымъ, хотя и близкимъ группамъ, одни къ Пермской или Біармской, а другіе—къ Угорской,—самое голое содержаніе преданія, если только оно не чистая авторская выдумка, для насъ не лишено значенія; потому что выражаетъ взглядъ Зырянъ на чувственныя наклонности ихъ предковъ.

Тотъ же авторъ о древнепермской религіи написалъ цѣлыя полторы главы, и не сказалъ ничего положительнаго [73]). Онъ началъ съ голословнаго завѣренія, что религіею Зырянъ было самое грубое идолопоклонство, потомъ, запутавшись въ потокѣ фразъ, высказалъ убѣжденіе, что этотъ народъ имѣлъ самыя чистѣйшія понятія о божествѣ и кончилъ тѣмъ же, съ чего началъ. Разсуждая о кумирницахъ и идолахъ, онъ предварительно сказалъ, что объ этомъ предметѣ не сохранилось никакихъ извѣстій, а потомъ, забывшись, сдѣлалъ подробное описаніе наружнаго вида и внутренности посвященныхъ идолослуженію зданій, обозначилъ въ нихъ мѣста гдѣ хранились орудія жертвоприношеній и т. д. и т. д. Короче сказать, изъ всего многословія г. Михайлова можно понять только то, что все имъ написанное относится къ области фантазіи. Поэтому, умалчивая о подробностяхъ пышныхъ разсужденій его, мы сгруппируемъ болѣе основательныя, хотя и скромныя извѣстія, которыя способны дать возможность покрайней мѣрѣ приблизиться къ истинному взляду на дѣло.

Г. П. Куратовъ утверждаетъ, что предки Зырянъ были народъ шаманствующій [74]) хотя онъ опять ничѣмъ не подкрѣпляетъ своего мнѣнія, но тѣмъ не менѣе оно намъ кажется вѣрнымъ. Многое говоритъ въ пользу его: 1) Шаманство до сихъ поръ существуетъ у соплеменниковъ Зырянъ на ихъ азіатской родинѣ; 2) Чудское племя, судя по лѣтописнымъ извѣстіямъ, и по переселеніи въ Европу, даже во времена историческія, придерживалось шаманства. Чудскіе волхвы и знахари пользовались такою знаменитостью, что даже Русскіе обращались къ нимъ за предсказаніями. Извѣстно, что одинъ изъ нихъ едва не отвлекъ отъ христіанства только что принявшихъ его

вслѣдствіе злоупотребленій отдѣльными лицами помѣщичьей власти; но всѣ Зыряне искони государственные крестьяне; и слѣд. такое обыкновеніе у нихъ объясняется другими, болѣе общими причинами.

71). См. примѣч. 56).

72) Волог. Губ. Вѣд. 1850 г. № 5: „Устьвымъ“.

73) Тамъ же №№ 2 и 3-й.

74) См. по примѣч. 56, Вол. Губ. Вѣд. № 34.

Новгородцевъ; 3) Св. Стефану, какъ говорятъ его жизнеописатели и преданія, при просвѣщеніи Зырянъ христіанствомъ, пришлось бороться главнымъ образомъ съ волхвами и чародѣями, особенно съ вліятельнѣйшимъ изъ нихъ—Памомъ; 4) Тѣ захолустья Пермской земли, куда христіанство проникло позднѣе, еще до сихъ поръ славятся искусствомъ своихъ колдуновъ: таковы въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ—Пинега и въ Яренскомъ—Удора. Но не только Пинега и Удора, а и весь Зырянскій край переполненъ колдунами, пользующимися большимъ вліяніемъ на народъ, — о чемъ подробно скажемъ въ послѣдствіи, и 5) На Удорѣ и Пинегѣ, какъ мы слышали отъ людей, лично наблюдавшихъ бытъ населенія этихъ мѣстностей, дѣйствительно сохранилось замѣчательное искусство напускать нѣкоторыя болѣзни (портить) и вылѣчивать ихъ.

Изъ божествъ, бывшихъ предметами почитанія Пермскаго народа, мы можемъ назвать только двухъ: *Войпеля* и *Золотую бабу*. Первое слово совершенно свободно переводится на русскій языкъ: оно состоитъ изъ двухъ зырянскихъ словъ: «Вой»—сѣверъ, ночь и «пель»—ухо, и слѣд. буквально значитъ сѣверное или ночное ухо; но мы ничего незнаемъ о свойствахъ этого божества. Въ грамотѣ Митрополита Симона къ Великопермскому князю Матвѣю Михайловичу, къ слову Войпель прибавленъ только эпитетъ—«болванъ». Г. Михайловъ, основываясь на грамматическомъ смыслѣ имени идола, говоритъ: «мы думаемъ, что этотъ истуканъ почитался неусыпнымъ стражемъ, вѣрнымъ хранителемъ, защитникомъ народа» [75]); но такое толкованіе болѣе, нежели произвольно.

Что касается до Золотой бабы, то тотъ-же г. Михайловъ считаетъ ее тождественною съ Іомалой Финновъ: «у Финновъ, пишетъ онъ, это грозное, карающее божество «изображалось, какъ извѣстно, въ видѣ злой, безобразной старухи и было въ особенности ими почитаемо. «Зыряне, какъ ближайшая отрасль Финновъ, усвоивъ «формы ихъ языка, отъ нихъ-же заимствовали и миѳологію. Да и самый идолъ «Золотая Баба», упоминаемый «въ грамотѣ Архіепископа Симона, по нѣкоторымъ признакамъ, имѣетъ близкое сходство съ финскимъ «Іомала»; «по смыслу грамоты справедливо можно догадываться, «что онъ есть никто иной, какъ Іомала—въ чемъ убѣждаютъ насъ и преданія, и самыя слова лѣтописей, рѣзко «характеризующія это дикогрозное божество, которое «Зыряне, стараясь умилостивить богатыми приношеніями, всевозможно украшали драгоцѣнными камнями, «серебромъ и золотомъ, и мы думаемъ, что въ грамотѣ «истуканъ этотъ названъ «Золотою Бабою» собственно «по богатству украшеній» [76]). Хотя вся эта тирада состоитъ изъ фразъ и произвольныхъ выдумокъ, основная мысль ея, т. е., что Золотая Баба и Іомала тожественны, вѣрна: къ такому убѣжденію приводятъ слѣдующія соображенія: 1) Въ томъ, что Зыряне нѣкогда почитали Іомалу, трудно сомнѣваться. До сихъ поръ между ними существуетъ поговорка: «іома-баба кодь льокъ», что̀ значитъ: страшна, зла, какъ «іома». Мы спрашивали одну Зырянку, свободно говорящую по-русски, о значеніи слова «Іома», и она не нашла выраженій, чтобы передать страшный смыслъ его. 2) Карамзинъ говоритъ, что [77]) Золотая Баба почиталась въ видѣ каменнаго идола старухи съ двумя младенцами, и что туземцы, убивая оленей, кровью ихъ мазали ротъ этого идола, который пророчествовалъ и *иногда въ окрестныхъ горахъ раздавался звукъ, подобный трубному* и пр. Послѣднее обстоятельство опять указываетъ на тожество Золотой Бабы и Іомалы; потому что, по сказаніямъ исландскихъ сагъ, Норвежцы Тореръ и Карлъ въ XI вѣкѣ, грабя истуканъ Іомалы гдѣ-то на Сѣверной Двинѣ, берега которой, какъ мы знаемъ, были заселены Пермскимъ народомъ [78]), пришли въ ужасъ, услышавъ страшный шумъ и трескъ, разбудившіе стражу, *которая затрубила въ рога* [79]). 3) Герберштейнъ, черезъ 500 лѣтъ послѣ того составлявшій свои записки о Московіи, сообщаетъ весьма интересныя для насъ свѣдѣнія о Золотой Бабѣ. Онъ между прочимъ говоритъ, что «Золотая Баба, т. е. золотая старуха есть идолъ у устьевъ Оби, «въ области Обдорѣ; онъ стоитъ на правомъ берегу». Далѣе: «Разсказываютъ или, справедливѣе, баснословятъ, «что этотъ идолъ Золотой Бабы есть статуя, представляющая старуху, которая держитъ въ утробѣ сына и «что тамъ уже виденъ другой ребенокъ, который, говорятъ, ея внукъ. Кромѣ того говорятъ, что тамъ поставлены какіе-то инструменты, которые издаютъ постоянный звукъ въ родѣ трубнаго. Если это такъ, то, «по моему мнѣнію, это дѣлается оттого, что вѣтры «сильно и постоянно дуютъ въ эти инструменты». Извѣстіе, сообщаемое Герберштейномъ, не только не противорѣчитъ сагѣ, но дополняетъ ее нѣкоторыми подробностями. Разница между ними только та, что идолъ Іомалы Торера и Карла находился въ низовьяхъ Сѣверной Двины, а идолъ Золотой Бабы Герберштейна—при устьѣ Оби, т. е. одинъ на западной, а другой на восточной оконечностяхъ территоріи, которая была занята перм-

---

[75]) Волог. Губ. Вѣд. 1850 г. № 2: «Устьвымъ».

[76]) Тамъ-же.

[77]) Ист. Госуд. Рос. томъ V, гл. 1, по изд. 1830 г.

[78]) Что берега Сѣв. Двины нѣкогда были заселены Пермью, не подлежатъ никакому сомнѣнію. Мы не будемъ утомлять вниманія читателя мелочными доказательствами такой истины, противъ которой никто не спорилъ; мы ограничимся указаніемъ на то, что св. Стефанъ, какъ увидимъ, въ концѣ XIV в. нашелъ еще Зырянъ на Двинѣ (Пырасъ); что ниже Пыраса и даже заштатнаго города Красноборска есть волость Пермогорье (Сольвычегодскаго уѣзда), и въ самомъ почти устьѣ Двины—Ровдина Гора (см. примѣч 25).

[79]) Истор. Госуд. Росс. томъ II, примѣч. 62, по изд. 1830 г.

скою народностью; но такое разнорѣчіе намъ дастъ новый поводъ думать, что тоже божество почиталось и на всемъ пространствѣ, заключающемся между двумя названными рѣками. Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что Зыряне въ лицѣ Золотой-Бабы или Іомалы почитали какое-то страшное, кровожадное божество.

Вообще думаютъ, что въ жертву идоламъ Зыряне приносили звѣриныя шкуры, что̀, безъ всякаго сомнѣнія, справедливо: съ одной стороны, такого рода жертвоприношенія у народа, который исключительно занимался звѣроловствомъ, весьма естественны; а съ другой—добыча Торера и Карла, ограбившихъ храмъ Іомалы, состояла изъ драгоцѣнныхъ мѣховъ.—Нельзя сомнѣваться также и въ томъ, что въ жертву богамъ приносились не только шкуры животныхъ, но и самыя животныя. Не говоря уже о томъ, что ротъ идола Золотой-Бабы намазывался кровью убитыхъ оленей, даже нѣкоторые обычаи нынѣшнихъ Зырянъ напоминаютъ древнія приношенія въ жертву животныхъ: и теперь, въ праздничные дни и въ особыхъ случаяхъ общественныхъ бѣдствій, они колютъ при церквахъ домашнихъ животныхъ; тутъ-же ихъ варятъ и ѣдятъ,—чему противодѣйствуетъ даже духовенство, именно потому, что считаетъ такіе обряды остатками язычества [80]). Вспомнимъ наконецъ ранѣе сказанное нами о сѣтованіяхъ современнаго духовенства на новообращенныхъ Пермяковъ за то, что они употребляли въ пищу нечистое и идоложертвенное.— Кромѣ того, что уже выше сообщено о наружности идоловъ, мы не можемъ умолчать, что, какъ видно изъ одного извѣстнаго намъ преданія, они были и деревянные [81]).

---

[80]) Объ этихъ обычаяхъ въ своемъ мѣстѣ мы будемъ говорить подробно, а пока сдѣлаемъ слѣдующую выписку изъ статьи г. А. Попова „Путевыя замѣтки на пути отъ Устьсысольска къ Вышерскому селенію“ (Вол. Губ. Вѣд. 1848 г. №№ 10—12): «Съ того времени, «какъ на Вышерѣ явилась икона Божіей Матери, обычай жертвоприно«шенія началъ совершаться съ особенною торжественностью. Въ (?) «каждый разъ, когда нужно было совершить обрядъ жертвоприношенія «въ честь явившейся Божіей Матери, утромъ рано прибѣгалъ въ церкви «олень, самый красивый и тучный. Жители замѣчали, что онъ всегда «казался усталымъ, и потому съ вѣроятностью заключали, что про«странство его бѣга было далекое и что онъ не могъ кѣмъ нибудь «быть пріученъ къ явленію въ извѣстный день. Случалось, что иногда «животное опаздывало; но жители всегда были увѣрены въ непремѣн«номъ исполненіи непостижимой Воли, и вѣра въ такомъ случаѣ «всегда оправдывалась. Поэтому, если животное, сверхъ ожиданія, «долѣе обыкновеннаго не являлось, то и богослуженіе не начиналось «до его прихода. Но впослѣдствіи въ каждый годъ стали замѣчать «несповременное явленіе оленя и его чрезвычайную усталость и «худощавость. Незная причины неблагопріятныхъ признаковъ въ жи«вотномъ, все это стали относить къ ослабленію вѣры и къ умно«женію грѣховъ въ народѣ; немедленно обращались къ раскаянію и «молитвамъ и таинственное животное въ назначенный день немедленно «прибѣгало. Наконецъ, въ одинъ годъ необыкновенно долго ждали при«хода его, и когда, потерявъ уже всякую надежду, рѣшились, въ ис«полненіе обычая, принести жертву изъ домашнихъ животныхъ, «вдругъ, послѣ богослуженія, прибѣгаетъ жертвенное животное, и, «видя, что оно замѣнено другимъ, падаетъ тутъ же мертвымъ. Съ тѣхъ «поръ таинственный олень болѣе не являлся... При входѣ въ церковь «показываютъ обломокъ оленьяго рога, весьма похожаго на кисть «человѣческой руки съ пальцами; его считаютъ свидѣтельствомъ пре«данія о давноминувшемъ. Цжемцы, въ проѣздъ по здѣшнему селенію, «всегда стараются пріобрѣсти хотя маленькій кусочекъ, который у «нихъ почитается талисманомъ для умноженія своихъ стадъ и т. д. «Ижемцы занимаются оленеводствомъ». (См. примѣч. 1).

[81]) Здѣсь мы приведемъ это преданіе, на которое уже ссылались и будемъ еще ссылаться, въ томъ видѣ, какъ оно записано авторомъ статьи «Ягъ-Мортъ» (Волог. Губерн. Вѣдом. 1855 года №№ 19 и 20), за исключеніемъ не имѣющихъ никакого значенія фразъ. Для краткости мы разскажемъ также своими словами и вступленіе въ эту статью. Въ полуверстѣ отъ Ижемскаго селенія впадаетъ въ р. Ижму рѣчка Куча. На берегу послѣдней возвышается небольшой холмикъ. „Всякій (подлинныя слова автора статьи: „Ягъ-Мортъ), проходящій мимо этого холмика, непремѣнно дол„женъ бросить на него камень, сукъ, палку или что̀-бы то ни было „и, вдобавокъ, плюнуть. Это ведется съ незапамятныхъ временъ и „туземнымъ жителямъ обратилось въ привычку. Кто почему-либо „не исполнитъ такого обряда, того старики какъ разъ объявятъ „вольнодумцемъ, человѣкомъ легкомысленнымъ, неуважающимъ отеческихъ обычаевъ... Объ этомъ холмикѣ много странныхъ басенъ ходитъ въ народѣ, и всѣ они основаны на чертовщинѣ. Старики увѣряютъ, что въ прежнее время очень часто, особенно въ темныя осеннія ночи, запоздалые путники встрѣчали тамъ какихъ-то ужасныхъ страшилищъ, бродящихъ около кургана, и курганъ обнимался синеватымъ огненнымъ пламенемъ; нерѣдко слышались тамъ нечеловѣческіе вопли и завыванія. Вотъ образчикъ сѣверной легенды — преданіе, которое удалось мнѣ однажды слышать въ Ижемскомъ селеніи... Въ эпоху отдаленной древности, когда еще на берегахъ Печоры и Ижмы разсѣянно жили полудикія чудскія племена и, незная хлѣбопашества, питались отъ промысла звѣрей и рыбъ, когда они еще не знали истиннаго Бога и поклонялись богамъ *каменнымъ* и *деревяннымъ*,—въ дремучемъ лѣсу, окружающемъ одно изъ чудскихъ селеній, появился человѣкъ необыкновенный. Ростомъ онъ былъ едва-ли не съ добрую сосну, по голосу, по виду—дикій звѣрь. Лицо, обросшее черною, какъ смоль, бородою; глаза, налитые кровью и дико сверкающіе изъ подъ густыхъ бровей; косматая одежда изъ невыдѣланной медвѣжьей шкуры: вотъ примѣты этого человѣка, котораго туземцы назвали *Ягъ-Мортомъ*, т. е. лѣснымъ человѣкомъ; — и названіе это вполнѣ соотвѣтствовало образу его жизни: никто не зналъ ни роду, ни племени Ягъ-Морта, никто не вѣдалъ, откуда онъ появился между чудскими жилищами. Ягъ-Мортъ ни съ кѣмъ изъ туземцевъ не имѣлъ сообщенія. Онъ жилъ въ глубинѣ дремучаго лѣса въ недоступныхъ трущобахъ, разсѣянныхъ по берегамъ р. Кучи, и появлялся между людскими жилищами только для грабежа и убійствъ. Робкіе Чудинцы избѣгали всякой съ нимъ встрѣчи. Одно имя Ягъ-Морта наводило страхъ на окрестныхъ жителей; женщины стращали имъ шаловливыхъ дѣтей своихъ:

Ягъ-Мортъ ыджыдъ, вудзь буръ возъ,
Ягъ-Мортъ сіодъ, вудзь пацъ шомъ;
Инъ бордъ, ціо Ягъ-Мортъ воасъ;
Куцянъ бордны—тэнэ сеясъ.

т. е. Ягъ-Мортъ великъ, какъ добрая ель; Ягъ-Мортъ черенъ, какъ печной уголь! Не плачь—замолчи. Ягъ-Мортъ придетъ; станешь плакать—тебя съѣстъ:

«Такъ обыкновенно пѣла молодая чудинка, стараясь унять плачущее дитя свое.

«Для нападеній своихъ на селенія, Ягъ-Мортъ обыкновенно избиралъ ночное время, и тогда, во мракѣ, освѣщенномъ нерѣдко заре-

О почитаніи стихійныхъ божествъ источники вовсе не говорятъ, но оно, конечно, существовало. Въ настоящее время у Зырянъ есть водяные, лѣшіе, домовые, овинные, банные. Хотя нѣкоторыя изъ этихъ вѣрованій заносныя, каково напримѣръ вѣрованіе въ овиннаго, такъ какъ овиновъ у народа, незанимавшагося хлѣбопашествомъ, быть не могло; но другія, несомнѣнно, древняго происхожденія. Въ числѣ послѣднихъ первое мѣсто занимаетъ водяной. Замѣчательно, что названія всѣхъ другихъ нечистыхъ духовъ или чисто русскія, напр. домовой—«сусѣдко», или буквальные переводы съ русскаго; а водяной, кромѣ переводнаго, имѣетъ и чисто Зырянское—«*куль*». Отъ этого корня—«куль» произошло слово—смерть «кулö». Отъ него-же произошли названія множества рѣкъ въ Вологодской и Архангельской губерніяхъ [82]).

Есть основаніе думать, что древніе Зыряне почитали души умершихъ предковъ въ видѣ «Орта», изъ чего и

вомъ пожара, каждый шагъ его обозначался кровью и опустошеніемъ. Онъ уводилъ, рѣзалъ скотъ, похищалъ женъ и дѣтей. Ненависть Ягъ-Морта ко всему живущему простиралась до того, что онъ часто безъ всякой причины убивалъ встрѣчнаго и поперечнаго. Выведенные изъ терпѣнія злодѣйствами разбойника, Чудинцы всѣми мѣрами старались погубить его: они ловили его, какъ дикаго звѣря, строили засады, но ничто не помогало. Хитрости противопоставлялъ онъ хитрость; Открытая сила была не по плечу робкимъ Чудинцамъ. И во всемъ Запечорьѣ не выискалось молодца, чтобы осмѣлился помѣряться силами съ Ягъ-Мортомъ: размахъ вражескаго топора былъ ему ни почемъ, удары копій отражалъ онъ палицею, а стрѣлы отскакивали отъ косматой груди его. Въ добавокъ Ягъ-Мортъ слылъ въ народѣ великимъ чародѣемъ: въ водѣ не тонулъ, и въ огнѣ не горѣлъ... Скотскій падежъ, бездождіе, безвѣтріе и вообще всѣ физическія бѣдствія и даже нѣкоторыя необыкновенныя явленія природы суевѣрная Чудь приписывала мрачнымъ волхованіямъ Ягъ-Морта. Онъ повелѣвалъ стихіями, помрачалъ звѣзды, солнце и луну и, по понятіямъ народа, не было предѣла темному могуществу чародѣя-разбойника, и потому онъ царствовалъ безнаказаннымъ опустошителемъ въ мрачныхъ лѣсахъ Запечорья.

«Разъ у *старшины* одного изъ чудскихъ селеній пропала дочь—красавица, какой не видывали еще между Чудью. Проходитъ день, два, проходитъ недѣля. — прекрасной Райды *) нѣтъ, какъ нѣтъ! Мать ея выплакала глаза отъ слезъ; отецъ, женихъ выходили всѣ ближнія селенія, всѣ лѣса окрестные; но не нашли нигдѣ Райды. Вотъ, кликнули кличъ, созвали народъ на совѣщаніе, объявили горестную утрату и всѣ безъ изъятія старые и малые утвердили, что „весеннему цвѣту Райдѣ нельзя такъ рано увянуть, что если она утерялась, то это непремѣнно должно быть дѣломъ рукъ злаго Ягъ-Морта: онъ позавидовалъ цвѣтущей красотѣ Райды, онъ похитилъ ее и увлекъ въ свою звѣриную берлогу... Но, горе намъ! промолвили старики: нѣтъ суда на Ягъ-Морта; мы ничего не можемъ противъ могучаго чародѣя. Райда погибла“... Но не удовольствовался такимъ рѣшеніемъ удалой женихъ Райды; не удовольствовались имъ и прочіе молодые парни, соискатели руки красавицы. Они снова кликнули кличъ; взволновали все Запечорье; собрали нѣсколько десятковъ удальцовъ завзятыхъ и въ общемъ совѣтѣ положили: во чтобы то ни стало отыскать жилище Ягъ-Морта, схватить его живаго или мертваго, погубить, сжечь окаяннаго чародѣя, хотя-бы самимъ погибнуть. И, вотъ, составилось ополченіе; ратники вооружились стрѣлами, копьями, копоригами (такъ называлось орудіе, родъ копача), вилами — кто чѣмъ могъ, и двинулись въ походъ — сто противъ одного! Но этотъ одинъ былъ не простой человѣкъ, а силачъ необыкновенный, страшный разбойникъ, и, въ добавокъ, чернокнижникъ (sic), а толпа отважныхъ охотниковъ не безъ тайнаго страха ожидала встрѣчи съ Ягъ-Мортомъ: онъ не являлся; нѣсколько сутокъ прошло въ тщетныхъ поискахъ. Но Чудинцы не отступались отъ принятаго намѣренія и не возвращались домой. Наконецъ, они вздумали подняться *на хитрость:* засѣли въ густомъ лѣсу на угорѣ р. Ижмы, близь тропинки, по которой обыкновенно проходилъ разбойникъ. Неизвѣстно долголи хитрецы наши таились въ засадѣ; но вотъ однажды Ягъ-Мортъ переходитъ въ бродъ р. Ижму, прямо противъ того мѣста, гдѣ они притаились и, казалось, прямо идетъ на нихъ: тутъ, вѣроятно, не одно чудское сердце замерло отъ страха; но трусить было уже поздно. Чудинцы поневолѣ должны были сдѣлаться храбрыми, и лишь только непріятель ступилъ на сухой берегъ,—копья, стрѣлы, каменья градомъ посыпались на него изъ чащи лѣса. Изумленный столь внезапнымъ нападеніемъ, ошеломленный первыми ударами, разбойникъ на минуту остановился; но не отступилъ ни шагу.... Онъ сталъ и, казалось, грознымъ взглядомъ измѣрялъ пространство, отдѣлявшее его отъ враговъ.... а безчисленные удары сыпались ему на грудь.... Потомъ взревѣлъ, какъ дикій звѣрь, взмахнулъ тяжелою сѣкирою, и понесся въ средину нападающихъ. Чудинцы на минуту окружили его со всѣхъ сторонъ и началась страшная битва..... Ягъ-Мортъ долго съ простымъ ожесточеніемъ отбивался отъ многочисленной толпы озлобленныхъ противниковъ; палица его разражалась смертью надъ головами Чудинцевъ; огромный топоръ его упился ихъ кровью. Онъ многихъ положилъ на мѣстѣ, и, наконецъ, самъ изнемогъ: усталость, раны обезсилили его; онъ палъ на землю, обагренную кровью своихъ побѣдителей; и торжествующіе Чудинцы схватили Ягъ-Морта, отсѣкли ему руки; но оставили живаго; грозились отрубить голову, если онъ не откроетъ своего жилища, и обезкураженный силачъ-волшебникъ долженъ былъ покориться волѣ своихъ побѣдителей; онъ повелъ ихъ далѣе въ чащу лѣса, гдѣ, на высокомъ берегу р. Кучи, выкопана была огромная пещера, служившая убѣжищемъ Ягъ-Морта. Близь устья этой пещеры, на большой грудѣ разнаго хламу, лежалъ полуистлѣвшій трупъ человѣческій. Это были обезображенные остатки прекрасной нѣкогда Райды, такъ рано погибшей жертвою лютаго разбойника. Въ глубинѣ пещеры Чудинцы нашли множество разной добычи, сложили все въ кучу и сожгли, а страшный притонъ Ягъ-Морта засыпали землею, забросали каменьями, заклали бревнами; потомъ привели обратно своего плѣнника на то мѣсто, гдѣ онъ попался имъ въ первый разъ, отрубили ему голову, въ спину забили осиновый колъ, а трупъ разбойника закопали въ землю (по другимъ преданіямъ Ягъ-Морта сожгли живаго и пепелъ его зарыли въ землю) въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится холмикъ, слывущій въ народѣ могилою Ягъ-Морта».

Мы не вступаемъ въ критическій разборъ преданія, которое явно разукрашено праздными цвѣтами просторѣчія, не смотря на то, что мы пропустили многія фразы, когда черезъ это не терялся общій смыслъ разсказа.

Наша Баба-яга не сродни ли Ягъ-Морту?

*) По примѣчанію автора Райда есть имя, общее почти всѣмъ чудскимъ преданіямъ.

82) Замѣчательно, что названіе рѣки Кулой въ Вельскомъ уѣздѣ не сконяется: куда ты поѣхалъ?—На Кулоэ. Откуда ты пріѣхалъ?—Съ Кулоэ. Черезъ какую рѣку переѣзжалъ? — Черезъ Кулоэ и т. д. Ясно, что это чисто зырянское «Кулö».—«Ракулö» есть въ Вологодскомъ и Кадниковскомъ уѣздахъ, въ Вельскомъ—2, а въ Сольвычегодскомъ еще болѣе.

слѣдуетъ заключить, что они вѣрили въ загробную жизнь. Къ этому вѣрованію мы возвратимся послѣ [83]).

Несомнѣнно также, что Зыряне покланялись священнымъ деревьямъ, какъ видно изъ дошедшаго до насъ преданія о срубленной св. Стефаномъ *прокудливой березѣ* [84]).

О волхвахъ, какъ посредникахъ между людьми и богами, мы уже упоминали. Теперь замѣтимъ только, что они пользовались большимъ вліяніемъ на общественныя дѣла: въ житіи св. Стефана о волхвѣ Памѣ сказано: «Его-же пермстіи людіе прежде крещенія своего почитаху паче всѣхъ волхвовъ и имѣяху того, яко отца, и учителя, и наставника, вѣрующе управляемой быти того волхвованіемъ всей земли Пермстей».

Изъ всего сказаннаго о древнепермской религіи видно, что принадлежность ея составляли идолы. Гдѣ они теперь? Положимъ, что деревянные могли сгорѣть, сгнить; но каменные? Кромѣ того, по находимымъ въ чудскихъ могилахъ мѣднымъ конькамъ, можно заключить, что были и металлическіе идолы. Неужели все это пропало и никогда не будетъ отыскано?—Этого вопроса мы еще коснемся въ слѣдующей главѣ, когда будемъ говорить о судьбѣ древнепермской письменности.

ГЛАВА IV.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЗЫРЯНСКАГО КРАЯ.

Устьвымъ г. Михайлова.—Мнѣнія о происхожденіи Зырянъ.—Толкованіе слова Біармія. —Знакомство съ Зырянами Новгородцевъ и Норманнова.—Разсказъ Гюряти Роговича.—Власть Москвы.—Св. Стефанъ Пермскій. —Приготовленіе св. Стефана къ проповѣди.—Обстоятельства, облегчившія успѣхъ проповѣди: поддержка великаго князя; несостоятельность древней пермской религіи; предварительная пропаганда Новгородцевъ.—Начало проповѣди: Пырасъ, Гамъ, Устьвымъ.—Посрамленіе Пама и торжество христіанства. — Хиротонія св. Стефана въ санъ епископа.—Результатъ его дѣятельности.—Зырянскія письмена и переводы св. Стефана. — Судьба ихъ.—Учрежденіе школъ и судьба ихъ.—Кончина св. Стефана.—Преемники его: Исаакій, свв. Герасимъ, Питиримъ и Іона, Филофей. -Дальнѣйшая судьба Пермской епархіи.

Зыряне, какъ народъ, не имѣютъ исторіи въ собственномъ смыслѣ этого слова. Если-же считать исторіею процессъ обрусѣнія ихъ, то мы не имѣемъ возможности хронологически прослѣдить моменты его; такъ какъ, посамому свойству дѣла, нѣтъ необходимыхъ для того источниковъ, да и быть не можетъ: утрата Зырянами племенной особенности совершалась и совершается безъ скачковъ, безъ наружнаго насилія, такъ сказать органически, сама собою, и незамѣтно ни для посторонняго наблюдателя, ни для самихъ Зырянъ. Только одно событіе въ жизни Зырянскаго народа имѣетъ свойство факта историческаго—это принятіе христіанства. Потому-то г. Михайловъ, который видимо старался написать исторію Зырянъ, озаглавилъ свой трудъ «Устьвымъ», ибо только къ исторіи Устьвымской епархіи и можно механически привязать разныя событія, совершавшіяся въ предѣлахъ Зырянскаго края или близь него. Собственно же всѣ эти событія принадлежатъ русской исторіи.

«Устьвымъ» г. Михайлова, относительно весьма обмъемистый трудъ: онъ, вмѣстѣ съ отдѣльно напечатаннымъ продолженіемъ его «Достопримѣчательности Устьвыма» занимаетъ 40 нумеровъ неоффиціальной части Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей [85]). Но содержаніе далеко не соотвѣствуетъ объему монографіи. Растянутость ея только вредитъ дѣлу, и вредитъ сильно. Авторъ, видимо, желалъ чтобы сочиненіе его составило цѣлую большую книгу. Для достиженія такой цѣли, онъ безпрестанно употребляетъ голыя фразы и прибѣгаетъ къ повтореніямъ; входитъ въ разсужденія о предметахъ къ дѣлу не относящіяся, какъ наприм. объ отношеніяхъ Новгорода къ Великимъ Князьямъ Московскимъ, о покореніи Вятки и Сибири и т. п. Мало того, разсыпая фразы и ни начемъ не основанныя умозаключенія, онъ чуть не на каждомъ шагу забывается, самъ себѣ противорѣчитъ и иногда съ ироніею и упреками пространно опровергаетъ собственныя свои положенія, какъ чужія. — Всѣ эти недостатки сочиненія г. Михайлова особенно потому прискорбны, что самъ онъ отнимаетъ возможность провѣрить его слова по источникамъ: онъ любитъ цитировать Карамзина и нѣкоторыя другія общеизвѣстныя и всякому доступныя изданія, а между тѣмъ нигдѣ не указываетъ точно на тѣ источники, которыми онъ какъ будто пользовался

---

[83]) См. въ главѣ X.

[84]) См. примѣч. 106.

[85]) 1850 г. «Устьвымъ» — №№ 1—14, 16, 17, 19 — 22, 25, 27, 28, 30, 32, 34, 35, 38—42, 44—46, 49, 50 и 52 и 1851 г.—«Достопримѣчательности Устьвыма»—№№ 17 и 44.

и которыя только ему одному или немногимъ извѣстны, что даетъ даже поводъ сомнѣваться въ существованіи такихъ источниковъ. Наконецъ, желая придать неподобающую важность предмету своего труда, онъ явно искажаетъ историческую истину: такъ напр. о разбойничьихъ набѣгахъ на Устьвымъ не одинъ уже разъ нами упомянутаго Вогульскаго князька Асыки разсказываетъ, какъ о глубоко обдуманныхъ и строго разсчитанныхъ походахъ какого нибудь великаго завоевателя.

Поэтому мы, излагая исторію Зырянскаго края, хотя и будемъ имѣть въ виду труды г. Михайлова, такъ какъ въ нихъ все-таки заключаются нѣкоторыя интересныя данныя; но не иначе, какъ каждый разъ подвергая ихъ тщательной критикѣ.

Мы уже не одинъ разъ имѣли случай упоминать, что, по мнѣнію лингвистовъ, Зыряне, какъ и всѣ народы Финскаго племени, вышли изъ Азіи. Такое мнѣніе не подлежитъ спору. Но, желая быть вѣрными своей задачѣ—передать все то, что было писано объ этихъ инородцахъ, не можемъ не сообщить и несогласныхъ съ нашимъ мнѣній о томъ же предметѣ.

Большая часть лицъ, задававшихся вопросомъ о происхожденіи Зырянъ, впали въ одну общую ошибку, почему всѣ попытки ихъ правильно разрѣшить его не имѣли успѣха. Всѣ они, за недостаткомъ положительныхъ историческихъ извѣстій, обратились къ толкованію значенія слова «Зыряне», производя его отъ зырянскихъ корней и забывая, или не зная, что оно чисто русское.

Г. Михайловъ, не смотря на то, что въ перечнѣ содержанія XII-й главы своего «Устьвыма» намекнулъ, что слово «Зыряне» *не туземное*, все таки усиливается объяснить его зырянскимъ языкомъ и даже явно русское окончаніе множественнаго числа его „*яне*“ производитъ отъ Зырянскаго „*анъ*“—женщина. Самый корень онъ производитъ отъ „*саръ*“, которое, по словамъ его, «выражаетъ понятіе о чемъ то святомъ, высокомъ, неземномъ, блаженномъ, а иногда то блаженство и святость, то почтеніе и уваженіе, приличныя царямъ», и такимъ образомъ выходитъ, что «Сарапе, Сырьяне, Серьяне, Сыряне, изъ которыхъ окончательно образовалось нарицательное «Зыряне», значитъ люди, почитающіе святую женщину, т. е. золотую бабу или іомалу. Но такъ какъ изъ этого еще не видно, откуда произошли Зыряне, то г. Михайловъ обратился къ толкованію собственнаго названія ихъ «Коми-войтыръ», и пришелъ только къ одному справедливому заключенію, что Зыряне и Пермяки одинъ народъ [86]).

Г. Устюжанинъ (псевдонимъ) производитъ слово Зырянинъ отъ «*зыродоможъ*» *вытѣсненный*, и полагаетъ, что этотъ народъ переселился на мѣсто настоящаго жительства съ береговъ Балтійскаго моря. Такое мнѣніе онъ подкрѣпляетъ сближеніемъ названій урочищъ въ той и другой мѣстности [87]).

Г. А. Поповъ утверждаетъ, что слово Зыряне происходитъ отъ «зырны»—вытѣснять, и значитъ *вытѣсненные*, *сдвинутые*, и именно изъ Сольвычегодскаго уѣзда или съ береговъ Сухоны, о чемъ мы уже упоминали [88]); или отъ «*зыръ*» лопата. Въ послѣднемъ случаѣ онъ не дѣлаетъ никакого заключенія о происхожденіи Зырянъ, —да и не легко, кажется, сдѣлать это.

Вообще толкованія, основанныя на произвольномъ искаженіи словъ, ведутъ только къ курьозамъ. Для образца мы приведемъ попытку г. Михайлова отъ зырянскихъ корней произвести слово Біармія, а изъ Біарміи сдѣлать Пермь. По его словамъ, «Біармія», иначе «Біурмія» можетъ состоять: Во 1-хъ изъ словъ «би» огонь, «уръ»—бѣлка и «му»—земля: тогда выйдетъ: Біурму, Біурмія или Біармія, т. е. «земля огненой бѣлки,» во 2-хъ изъ «би» огонь, «аракъ» сокращенно «аръ»—годъ, осень и «му»—земля; тогда выйдетъ Біарму, Біармія, т. е. «Земля годоваго огня», и въ 3-хъ изъ «би» — огонь, «югеръ» — лучъ и «му» — земля, и тогда выйдетъ Біюгерму, Біюгрму, Біюгрмія, Біармія, т. е. «земля огненныхъ лучей». Изъ Біарміи опять выходитъ Пермь—такимъ образомъ: Біармія, Піерьмія, Перьмія, Пермь [89]). Вся эта игра словами пущена въ ходъ для того, чтобы доказать, что Пермь входила въ составъ Біарміи, съ чѣмъ никто никогда не спорилъ, да и надобности спорить нѣтъ и не было.

Норманны давно знали Біармію, покрайней мѣрѣ ту ея часть, которая прилегала къ Бѣлому морю [90]). Но собственно съ Зырянами, кажется, первые познакомились Новгородцы [91]). Не вдаваясь въ безполезныя подробности, мы прямо приведемъ переданный препод. Несторомъ разсказъ Гюряти Роговича о сношеніяхъ новгородскихъ промышленниковъ съ приуральскимъ народомъ Югрою, что нынѣ Остяки: «Сказа ми Гюряти Роговичь Новгородецъ, глагола сице: яко посла отрокъ свой на Печору, «людіе, яже суть дань дающе Новугороду, и пришедшю «отроку моему къ нимъ и оттуду иде въ Югру. Югра же «языкъ есть нѣмъ и съсѣдятся съ Самоѣды на полночныхъ «странахъ. Югра же рѣкоша отроку моему: Дивно находимъ «чюдо, егоже несьмы слышали прежде сихъ лѣтъ, сеже «третье лѣто поча быти. Суть горы, зайдуче лукоморя, «имъ же высота до небеси и въ горѣ той просѣчено окон«це мало и ту де молвятъ, и есть не разумѣти языку ихъ, да «кажутъ на желѣзо, и помовають рукою просяче желѣза.

---

[86]) См. по предъидущему прим. № 14 Волог. Губ. Вѣд. 1850 г.

[87]) См. примѣч. 9.

[88]) См. примѣч. 13.

[89]) См. примѣч. 86.

[90]) См. примѣч. 78.

[91]) Г. Мельниковъ въ статьѣ своей «Селеніе Сидоръ и озеръ того же имени въ Яренскомъ уѣздѣ» (Волог. Губ. Вѣд. 1853 г. № 24) говоритъ, что въ сѣверной части Яренскаго уѣзда есть урочище, называемое «Лапла-лунъ» и думаетъ, что это названіе скандинавское. Мы отказываемся высказать въ этому предмету какое-нибудь мнѣніе.

«Кто даетъ имъ ножъ, ли сѣкиру, даютъ скорою противу. «Есть же путь до горъ тѣхъ и не проходимо пропастьми, «снѣгомъ и лѣсомъ». Изъ этого разсказа вытекаютъ слѣдующіе выводы: 1) Новгородцы въ XI столѣтіи уже брали дань съ Печоры, слѣд. и со всѣхъ Зырянъ, находившися по пути туда; 2) уже въ это время Зыряне (Печора) по сравненію съ Югрою (Остяками) считались старыми знакомыми, потому что послѣднюю Гюряти называетъ языкомъ нѣмымъ; значитъ, языкъ Печорцевъ Новгородцамъ тогда былъ хорошо извѣстенъ; 3) Новгородцы имѣли понятіе даже о Самоѣдахъ; и 4) они имѣли тамъ торговыя дѣла, мѣняя металлическія издѣлія на мѣха.— Разсказъ Гюряти подтверждается и другими лѣтописными извѣстіями, каково наприм. о походѣ Новгородца Улѣба къ Желѣзнымъ Воротамъ [92]) въ 1032 году. За тѣмъ, мы не видимъ надобности перечислять безсодержательные факты, свидѣтельствующіе о сношеніяхъ Новгородцевъ съ Зырянскимъ краемъ; но должны замѣтить, что сношенія эти были весьма оживленны: есть извѣстія, что даже русскіе князья черезъ Пермскую землю ѣздили въ Орду, какъ напр. великій князь Дмитрій Михайловичъ Тверской въ 1324 году [93]).

Вскорѣ стали домогаться обладанія этою страною Московскіе Великіе Князья и въ XIV вѣкѣ вся она, кромѣ Печоры, уже принадлежала имъ; да и на Печору Иванъ Даниловичъ Калита и др. посылали своихъ *третниковъ и наймитовъ* [94]). Мы не знаемъ только, въ чемъ выражалась великокняжеская власть. Впрочемъ есть извѣстіе, что въ то время (послѣ 1376 г.), когда св. Стефанъ приступилъ къ проповѣди Евангелія Зырянамъ, волхвы ихъ говорили: «Отъ Москвы можетъ-ли что добро быти «намъ? Не оттуда-ли тяжести намъ быша, и дани тяж«кія, и насильства, и тивуны, и доводчикы, и приставницы?» [95]). Судя по званіямъ администраторовъ, можно думать, что Зырянскій край управлялся на общемъ тогда основаніи, а, по общему смыслу извѣстія, что власть Великаго Новгорода казалась туземцамъ болѣе сносною, нежели власть Москвы.

При такихъ обстоятельствахъ началъ св. Стефанъ дѣло просвѣщенія Пермскаго народа Христіанствомъ.

Онъ былъ урожденецъ Устюга-Великаго, сынъ соборнаго причетника, прозвищемъ Храпа. Рожденію его предшествовало пророчество Св. Прокопія устюжскаго. Когда мать св. Стефана Марія была еще 3-хъ лѣтнею отроковицею, св. Прокопій, замѣтивъ ее въ храмѣ, поклонился ей до земли, и сказалъ: «се, грядетъ матѝ великаго учителя пермскаго!» [96]) Такимъ образомъ еще въ юности св. Стефанъ могъ познакомится съ Зырянами, жившими тогда въ окрестностяхъ Устюга, а, можетъ быть, и въ самомъ Устюгѣ. По словамъ Герберштейна, въ его время, Устюжане еще говорили особымъ языкомъ; слѣд. этотъ городъ былъ тогда тоже, что̀ теперь Устьсысольскъ, т. е. чиновничій классъ его жителей и, можетъ быть, купечество были русскіе, а всѣ остальные—Зыряне. Правда, достовѣрно извѣстно, что св. Стефанъ началъ проповѣдь Слова Божія съ Пыраса, находящагося въ 60 верстахъ отъ Устюга; но Пырасъ могъ составлять границу между крещеными и некрещеными Зырянами, а первые могли жить не только въ ближайшихъ окрестностяхъ Устюга, но и въ немъ самомъ. Тотъ-же писатель передаетъ, что еще до св. Стефана Зыряне съ какого-то проповѣдника—епископа содрали съ живаго кожу. Значитъ, попытки просвѣтить Пермь христіанствомъ были и ранѣе. Положимъ, что такое извѣстіе въ подробностяхъ дошло до Герберштейна въ искаженномъ видѣ; но въ существѣ оно не можетъ быть вымышленнымъ. Подозрѣвать же самого этого добросовѣстнаго писателя въ вымыслѣ нѣтъ никакого основанія.

Итакъ св. Стефанъ могъ и даже долженъ былъ знать Зырянскій языкъ, какъ природный, а можетъ быть еще, что и самъ онъ былъ зырянскаго происхожденія.—Родители съ юныхъ лѣтъ стали приготовлять его къ духовному званію и онъ, будучи еще отрокомъ, помогалъ отцу въ должности чтеца и канонарха. Въ 1366 году, достигнувъ совершеннолѣтія, онъ отправился въ Ростовскій Григорьевъ монастырь, гдѣ нашелъ будто-бы богатую, по тому времени, библіотеку. Вскорѣ онъ былъ возведенъ въ санъ іеромонаха; изучилъ, будто-бы, греческій языкъ [97]), и занялся переводами Священныхъ книгъ на Зырянскій языкъ, для чего изобрѣлъ особыя Зырянскія буквы.— Приготовивъ такимъ образомъ все, что̀ было нужно для успѣшнаго достиженія давно поставленной цѣли, т. е. обращенія въ христіанство Пермскаго народа, онъ отправился въ Москву просить благословенія на подвигъ у завѣдывавшаго тогда Московскою Митрополіею Коломенскаго епископа Герасима.—Преосвященный Герасимъ снабдилъ его св. Мѵромъ и антиминсами на случай успѣха предпріятія, а великій князь Василій Димитріевичъ далъ ему охранныя грамоты, для личной безопасности.

Въ 1376 году св. Стефанъ изъ Москвы отправился въ Устюгъ.

Г. Михайловъ, приступая къ разсказу объ апостольскихъ подвигахъ св. Стефана, старался преувеличить предстоявшія ему препятствія. Но слава Пермскаго Апостола не нуждается ни въ преувеличеніи заслугъ его, ни, особенно, въ искаженіи истины. Однимъ изъ главныхъ

---

92) Мы думаемъ, что Желѣзныя ворота находятся на р. Щугорѣ (Чугуръ), впадающей въ Печору съ правой стороны (Волог. Губ. Вѣд. 1866 г. № 47: («Рѣка Щугоръ» г. Ф. Арсеньева).

93) Ист. Госуд. Росс. Т. IV, гл. 8-я, по изд. 1851 г.

94) Акт. Юрид. №№ 1, 2, 3 и др.

95) См. по примѣч. 85 № 2, Волог. Губ. Вѣд. 1850 г.

96) Волог. Губ. Вѣд. 1847 г. № 2: „О св. Стефанѣ Пермскомъ.“

97) Тамъ же. Мы вполнѣ увѣрены, что св. Стефанъ не зналъ греческаго языка, ибо въ переводѣ его херувимской пѣсни, какъ скоро увидимъ, слово «дориносима» перевелъ — «дары носятся».

препятствій успѣху проповѣди авторъ «Устьвыма» считаетъ то, что при св. Стефанѣ были великокняжескія охранныя грамоты, такъ какъ, будто-бы, туземцы особенно нападали на эти грамоты, а не на личность проповѣдника. Странное соображеніе! Если бы грамоты могли вредить дѣлу, то св. Стефанъ, лучше насъ знавшій Зырянъ и современныя обстоятельства, имѣлъ полную возможность не брать ихъ, не обнаруживать и даже уничтожить. Дѣйствительно, Зыряне, можетъ быть, не были въ то время расположены къ Москвѣ: «отъ Москвы можетъ-«ли что добро быти намъ? Не оттуда ли тяжести намъ «быша? И дани тяжкія? и насильства, и тивуны и доводчики, и приставницы?» Но смиренный монахъ явился въ Зырянскій край не для сбора даней, не въ качествѣ тіуна, доводчика и приставника. При томъ-же Зыряне должны были знать, что онъ Устюжанинъ; они слышали, что онъ говоритъ на ихъ языкѣ.

Напротивъ, тогдашнія обстоятельства не только не препятствовали, но скорѣе способствовали успѣху проповѣди:

1. Вопреки соображеніямъ г. Михайлова, великокняжескія охранныя грамоты принесли огромую пользу: онѣ не только ограждали личность проповѣдника, но и придавали ему серьозный оффиціальный авторитетъ. Самъ г. Михайловъ, въ другомъ мѣстѣ, на этотъ разъ на основаніи факта, говоритъ, что Зыряне боялись бывшихъ тутъ при св. Стефанѣ грамотъ: «Пермяне не смѣяху убить Стефана, яко съ Москвы къ нимъ пришедшаго и грамоты имущаго» [98]).

2. Успѣхъ проповѣди много облегчался тѣмъ, что нравственная пустота древнепермской религіи, поддерживаемой единственно шарлатанствомъ волхвовъ, не могла представить никакого отпора христіанству, полному жизненной силы: могли-ли дикія, безотрадныя вѣрованія не уступить свѣтлымъ обѣтованіямъ христіанства; кровожадный образъ Іомалы, требующей кровавыхъ жертвъ,— кроткому лику Христа, самого себя принесшаго въ жертву за родъ человѣческій! Между тѣмъ нравственныя свойства Пермскаго народа, и до сихъ поръ еще имъ не утраченныя: честность, милосердіе, гостепріимство, были готовымъ и чистымъ сосудомъ для принятія христіанскаго содержанія. — Зыряне называютъ русскихъ Ротчъ, т. е. умный, хитрый, образованный. Одинъ такой взглядъ на русскихъ много значилъ. По словамъ Нестора, Кіевляне крестились, разсуждая, что если князь и бояре крестятся, то, значитъ, новая вѣра лучше. Точно также должны были разсуждать и Зыряне: если смышленый господствующій народъ принялъ христіанство, то, значитъ, Христіанскій Богъ сильнѣе и доступнѣе молитвамъ вѣрующихъ въ него, нежели наши страшные боги.—Бога Зыряне называютъ «Йенъ»—сильный.

Говоря ранѣе о томъ, что принятію христіанства Пермскимъ народомъ предшествовало усвоеніе послѣднимъ славянскаго міросозерцанія, мы умолчали, что это не наше только убѣжденіе: ту-же мысль высказалъ хотя не прямо, но основываясь на фактахъ, и Карамзинъ [99]). Но если Зыряне разъ поддались вліянію русской народности, то она и для будущаго должна была сдѣлаться проводникомъ новыхъ убѣжденій. Однако же это еще не фактъ. Есть болѣе осязательныя основанія думать, что христіанство стало приниматься между Зырянами до св. Стефана. Карамзинъ говоритъ [100]), что, *по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ*, на Двинѣ уже въ XII вѣкѣ были монастыри и что новгородскіе поселенцы среди Чуди водворяли Христіанскую вѣру. Тоже самое утверждаютъ, основываясь на преданіяхъ, и нѣкоторые другіе изслѣдователи Пермской старины [101]). — Намъ извѣстно наприм., что богатый и вліятельный новгородецъ Своеземцевъ, тотъ самый, къ которому перешли отъ чудскихъ князьковъ Азика, Ровды и др. обширныя земли по р. Вагѣ, во владѣніяхъ своихъ построилъ монастырь, въ которомъ и постригся подъ именемъ Варлаама. — Иначе, какимъ образомъ распространилось-бы Христіанство въ той части Вологодской губерніи, гдѣ оно встрѣчаемъ задолго до св. Стефана? Проповѣдниковъ, подобныхъ Пермскому Апостолу не было: въ противномъ случаѣ лѣтописцы, не пропускавшіе самыхъ мелкихъ церковныхъ событій, не умолчали-бы о такомъ крупномъ событіи. Такъ, мы не встрѣчаемъ у нихъ извѣстія о томъ епископѣ, который, по словамъ Герберштейна, погибъ въ Перми: вѣроятно его проповѣдь была безуспѣшна. Хотя и существуетъ мнѣніе, что монахи Бѣлавитской пустыни, находившейся на одномъ изъ острововъ Кубенскаго озера, занимались проповѣдываніемъ Евангелія чудскимъ обитателямъ сѣверовосточнаго берега этого озера [102]); по такому предположенію противорѣчитъ характеръ мѣстности, на которой основана обитель: она явно избрана для личнаго спасенія ея иноковъ, въ сторонѣ отъ міра, нежели для спасенія другихъ. Конечно, подвиги отшельниковъ способствовали прославленію имени Христа, но это не было прямою цѣлью ихъ, и во всякомъ случаѣ подобное извѣстіе не противорѣчитъ нашему убѣжденію, а скорѣе подтверждаетъ его.

Всѣ источники единогласно свидѣтельствуютъ, что св. Стефанъ началъ проповѣдь въ селеніи Пырасъ или Котласъ, находящемся при впаденіи Вычегды въ Двину. —

---

98) См. примѣч. 95.

99) Ист. Госуд. Росс. Т. II-й примѣч. 64, по изд. 1830 г.

100) Тамъ же.

101) Волог. Губ. Вѣд. 1845 г. № 11: «Объ основаніи 4-хъ халецкихъ приходовъ», г. Е. Кичина, и 1853 г. № 6: «О поселеніяхъ Новгородцевъ въ Зырянскомъ краѣ»—его же и др.

102) Тамъ же 1847 г. № 32: «О посѣщеніи Бѣлавинской пустыни, находящейся на Каменномъ островѣ», г. Н. Титова.

Обративъ ко Христу жителей этого селенія, онъ отправился вверхъ по теченію первой. О подробностяхъ этого апостольскаго путешествія по нижней части рѣки мы не имѣемъ свѣдѣній. Вѣроятно, здѣсь проповѣдникъ не встрѣтилъ особенныхъ препятствій, именно вслѣдствіе того, что населеніе мѣстности уже было подготовлено къ отрѣченію отъ ветхихъ заблужденій. Можно съ увѣренностію сказать, что на столь бойкомъ тогда пути уже были новгородскія поселенія, напр. дер. Лена, — Старый Яренскъ [103]) и т. д.

Только поднявшись до села Гамъ, 30 верстъ выше Яренска, Святой встрѣтилъ упорство со стороны язычниковъ, такъ какъ здѣсь была кумирница и жили вліятельные волхвы и *туны* (гадатели): здѣсь онъ подвергся даже оскорбленіямъ и угрозамъ: «И пакости ему творяху «многія: овіи-бо ругахуся ему; овіи-же словесы укориз«ненными досаждаху, а иніи съ дрекольми нападали на «него, воеже убити; другіе-же сожещи того хотяху; «хврастіе-же и солому собираху на огонь» [104]). Если лѣтописецъ не преувеличилъ истины, то значитъ св. Стефану много помогли великокняжескія грамоты: «Пермяне же не смѣяху убити Стефана, яко съ Москвы къ «нимъ пришедшаго и грамоты имущаго». Но мы думаемъ, что, во всякомъ случаѣ, серьозной опасности для личности проповѣдника небыло; такъ какъ Гамичи все таки крестились. Преданія говорятъ, что, по удаленіи св. Стефана, они возвратились къ старымъ обычаямъ, за что онъ назвалъ ихъ слѣпыми, и будто-бы отъ этого, и до сихъ поръ они отличаются подслѣповатостью [105]).

Гораздо болѣе сопротивленія встрѣтилъ св. Стефанъ въ центрѣ Пермской земли, въ нынѣшнемъ Устьвымѣ (Емдынъ). Здѣсь ему пришлось бороться, такъ сказать, съ оффиціальными представителями шаманства — съ главными волхвами и чародѣями, лично въ дѣлѣ заинтересованными: «Какъ можно вѣрить человѣку, пришедшему «изъ Москвы, которая угнетаетъ насъ данями! Мы же родъ вашъ и давніе учители!» говорили Зырянамъ волхвы и туны. Несмотря на то, число крещеныхъ увеличивалось. Въ Устьвымѣ для состязанія со св. Стефаномъ, явился, много разъ уже упомянутый, главный волхвъ Памъ. — Диспутъ между представителями двухъ религій и вообще обстановка его, въ существѣ, напоминаютъ происки какого-то чудскаго волхва, едва не отвратившаго отъ христіанства только что принявшихъ его Новгородцевъ. Какъ тотъ, такъ и пермскій Памъ пророчествовали и хвалились даромъ чудотворенія (Памъ предлагалъ св. Стефану вмѣстѣ перейдти черезъ огонь и воду); но того убилъ смѣлый князь, а этотъ былъ посрамленъ героическою рѣшимостью смиреннаго монаха: «хотя я не повелѣваю стихіями, сказалъ св. Стефанъ, но иду съ тобою во имя Бога истиннаго!» Результатъ былъ одинъ и тотъ-же: въ обоихъ случаяхъ Христіанство одержало надъ шаманствомъ рѣшительную побѣду. Посрамленный Памъ принужденъ былъ удалиться; послѣдователи отшатнулись отъ него. — Для новообращенныхъ была поставлена церковь во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, «яко же Благовѣщеніе спасенія «нашего бѣ начало.» Шаманство, не имѣя нравственной основы, держалось только фокусничествомъ волхвовъ, и поэтому, какъ только шарлатанство послѣднихъ было разоблачено, не оставалось важныхъ препятствій къ распространенію истинной вѣры. Чтобы въ томъ-же смыслѣ сдѣлать послѣдній шагъ къ цѣли, св. Стефанъ сожегъ кумирницы, своеручно срубилъ и тоже сожегъ священное дерево — «прокудливую березу» [106]). Пораженные всѣмъ этимъ, т. е. видя съ одной стороны посрамленіе своихъ волхвовъ, а съ другой—безсиліе своихъ идоловъ, Зыряне со всѣхъ сторонъ начали стекаться въ Устьвымъ «йенэсъ видзедны» — посмотрѣть Бога и креститься. Вслѣдствіе этого были построены, кромѣ Благовѣщенской, еще двѣ церкви, одна во имя Архангела Михаила, а другая во имя Николая Чудотворца. — Само собой разумѣется, что побѣда Христіанства, хотя и рѣшительная, не однимъ разомъ, и не въ конецъ, истребила шаманство. Преданіе о сожженіи «прокудливой березы»

---

103) Яренскъ въ старину стоялъ не тамъ, гдѣ теперь, а на самомъ берегу р. Вычегды.

104) См. по примѣч. 85 № 4.

105) Замѣчательно, что нынѣ поговорка «слѣпой Гамъ» распространена далеко внѣ предѣловъ Зырянскаго края: мы слыхали ее въ г. Вельскѣ. Г. Михайловъ пишетъ, что «у прочихъ Зырянъ Гамичи слывутъ слѣпородами» (см. по примѣч. 85 № 4).

106) Мы передаемъ со словъ г. Михайлова (см. по прим. 85 № 9) сказаніе «о прокудливой березѣ».... «Стефанъ дважды удостоился получить откровеніе отъ Бога: мужайся, Стефане! Испепели и искорени березу прокудливую! Я твой помощникъ. Новообращенные разсказали Стефану свойства березы, которая служила искони оракуломъ, пользовалась общимъ народнымъ уваженіемъ, какъ обиталище духовъ.... Съ надеждою на Бога Стефанъ началъ рубить березу; за каждымъ ударомъ разносились въ воздухѣ жалобные стоны и крики *мужскіе и женскіе, старческіе и младенческіе:* Стефане, Стефане! Зачѣмъ насъ гонишь? Сіе есть наше древнее пребываніе! За каждымъ ударомъ струились изъ дерева разноцвѣтныя струи смрадной крови. Въ потѣ лица трудясь весь день, Стефанъ, за величествомъ, не могъ подрубить березы, оставилъ въ ней сѣкиру и удалился въ келью. Когда, на другой день, приступилъ къ работѣ, къ удивленію своему и къ ужасу бывшихъ идолопоклонниковъ, увидѣлъ березу цѣлою; сѣкира лежала на землѣ. Съ молитвою и твердымъ упованіемъ на Бога, онъ опять началъ рубить дерево, и когда оно на третій день готово было упасть, созвалъ весь народъ, чтобы видѣли сокрушеніе языческаго божества и познали могущество истиннаго Бога. Береза рухнулась съ ужаснымъ грохотомъ и воплемъ; земля подъ ней потряслась и воды рѣки всколыхнулись; народъ, въ изумленіи, простирая руки къ небу, взывалъ: «Господи, помилуй!» Страхъ миновался. Стефанъ велѣлъ рубить березу на части, разломать кумирницу, — наносить сухаго хворосту и поджечь: береза запылала не естественными огнями; черное облако дыму клубомъ поднялось на воздухъ; треснъ и шумъ раздавались далеко въ окрестностяхъ. Зыряне видали безжалостно въ пламя своихъ домашнихъ *пенатовъ* (?), которыхъ боготворили въ язычествѣ».

въ подробностяхъ своихъ служитъ доказательствомъ того, что въ дѣйствительность туземныхъ боговъ вѣрили не одни Зыряне, но и Русскіе—и только уже считали ихъ нечистыми. Этимъ объясняется и то, что даже крещеные Зыряне продолжали приносить жертвы старымъ идоламъ [107]). Хотя г. Михайловъ и старается преувеличить число ново-крещеныхъ; однако-же оно не было, да и не могло быть велико. Онъ утверждаетъ [108]), что Епифаній, біографъ св. Стефана, будто бы не обозначилъ числа новообращенныхъ. Но авторъ статьи «О св. Стефанѣ Пермскомъ» [109]), ссылаясь на того-же Епифанія число это опредѣляетъ въ 700—что ни мало не невѣроятно, такъ какъ Зырянскій край тогда былъ малонаселенъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ его христіанство введено уже при преемникахъ св. Стефана, какъ напр. на Печорѣ [110]), вѣроятно на Удорѣ и въ др. мѣстахъ; и наконецъ не сплошь-же крестились всѣ Зыряне и тамъ, гдѣ св. Стефанъ лично дѣйствовалъ; не одинъ, конечно, Памъ не принялъ Св. крещенія.

Семь лѣтъ трудился св. Стефанъ, проповѣдуя вѣру истинную, и когда все населеніе береговъ Вычегды и большей части притоновъ ея было просвѣщено Св. крещеніемъ, онъ отправился въ Москву просить для новаго стада Христова епископа и, конечно, самъ получилъ этотъ санъ. Есть преданіе, занесенное въ житіе Преподобнаго Сергія Радонежскаго, что, когда св. Стефанъ, проходя мимо обители Сергія и не имѣя времени посѣтить Преподобнаго, остановился вдалекѣ на дорогѣ и заочно привѣтствовалъ его, этотъ послѣдній, бывшій вмѣстѣ съ иноками на трапезѣ, всталъ, поклонился въ ту сторону, гдѣ находился пермскій апостолъ и сказалъ: «Радуйся и ты, Пастырю Христова стада, и благослови насъ грѣшныхъ». На томъ мѣстѣ, гдѣ останавливался св. Стефанъ, въ семи верстахъ отъ Лавры,—стоитъ теперь часовня.

Утвердивъ свое мѣстопребываніе въ Устьвымѣ, св. Стефанъ обратилъ одну изъ мѣстныхъ церквей, именно Михайлоархангельскую въ монастырь, а Благовѣщенскую—въ каѳедральный соборъ. На содержаніе архіерейскаго дома и монастыря великій князь Димитрій Ивановичъ пожаловалъ разныя земли. Самый Устьвымъ сталъ называться *«владычнимъ городомъ»*.

Кромѣ устьвымскихъ церквей и монастыря, св. Стефанъ основалъ въ своей епархіи еще нѣсколько; но подробныхъ и точныхъ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ. Г. Михайловъ хотя и помѣстилъ въ двухъ главахъ своего сочиненія перечни такихъ церквей, но въ другомъ мѣстѣ проговорился, что время основанія ихъ неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ число ихъ незначительно; потому что самъ авторъ «Устьвыма», не смотря на всѣ натяжки, не могъ насчитать болѣе 4-хъ монастырей и пустыней и 15-ти церквей [111]).

Оставляя въ сторонѣ преданія, имѣющія характеръ чудеснаго, мы не можемъ пройдти молчаніемъ дѣятельности св. Стефана, какъ попечителя своей паствы въ гражданскихъ дѣлахъ.

Заслуживъ уваженіе великаго князя и вообще въ народномъ мнѣніи пользуясь извѣстностью святаго человѣка, онъ имѣлъ возможность много благотворить своей паствѣ. Такъ, во время голода онъ лично отправлялся за хлѣбомъ въ Устюгъ и Вологду; чтобы обезопасить предѣлы своей епархіи отъ набѣговъ Вятчанъ, Новгородскихъ ушкуйниковъ и дикихъ Вогуличей и избавить Зырянъ отъ притѣсненій московскихъ даньщиковъ, — онъ ѣздилъ въ Москву и Новгородъ,—и вездѣ встрѣчалъ высокій почетъ и щедрыя пожертвованія, которыя и употреблялъ на помощь бѣднымъ новокрещенцамъ. Разъ, онъ даже принималъ личное участіе въ отраженіи Вогуличей.

Такая дѣятельность св. Стефана, его праведная жизнь, безкорыстіе, щедрость и самоотверженіе, кромѣ непосредственной, матеріальной и временной пользы для настоящаго, принесли и пользу нравственную для будущаго. Высокія, истинно христіанскія качества и подвиги перваго архипастыря, безъ сомнѣнія, вселили въ просвѣщенныхъ и даже еще непросвѣщенныхъ Св. крещеніемъ туземцевъ благоговѣйное уваженіе къ святительскому сану, и тѣмъ облегчили упроченіе и дальнѣйшее распространеніе Христіанства.—Не даромъ подвиги пермскаго Апостола составляютъ предметъ, едва-ли не единственный, всѣхъ историческихъ Зырянскихъ преданій, и святая личность его заслоняетъ собою все прошедшее этого племени.

Прежде, нежели приступимъ къ разсказу о дальнѣйшей судьбѣ Пермской епархіи, распространимся объ изобрѣтенной св. Стефаномъ особой зырянской письменности, какъ о предметѣ, которому иные придаютъ большую важность.

Св. Стефанъ дѣйствительно пытался ввести между Зырянами письменность, по весьма понятной причинѣ,—именно для того, чтобы передать имъ на ихъ родномъ языкѣ христіанскія церковныя книги и священное писаніе и тѣмъ способствовать успѣху своего апостольскаго подвига. Съ этою цѣлію онъ взялъ, кажется, славянскую азбуку, примѣнивъ ее къ зырянскому произношенію, и перевелъ на зырянскій языкъ литургію, кромѣ тайныхъ молитвъ, нѣкоторыя богослужебныя пѣсни и пр. [112]) Объ

---

[107]) См. прим. 96 и по примѣч. 85 № 4.
[108]) См. по примѣч. 85 № 13.
[109]) См. прим. 96.
[110]) См. по примѣч. 85 № 25.
[111]) См. по примѣч. 85 №№ 9, 10 и 11.
[112]) Волог. Губ. Вѣд. 1849 г. № 2: «Статистическое описаніе Яренскаго уѣзда», г. П. Протопопова.

этомъ предметѣ г. Михайловъ написалъ нѣсколько главъ [113]): но изъ такого многословія ничего не вышло; потому что онъ безпрестанно самъ себя опровергаетъ. Такъ, въ одной главѣ (XIII) онъ усиливается доказать, что для составленія пермской азбуки, св. Стефанъ воспользовался зырянскимъ *пасомъ*. — «Пасъ» порусски значитъ знакъ. Въ существѣ это тоже, что наша бирка. Такимъ образомъ мысль г. Михайлова уже съ перваго взгляда кажется странною: буква и знакъ, нарѣзываемый на биркѣ, не одно и тоже; первая обозначаетъ отдѣльный звукъ, а послѣдній — цѣлое понятіе; буква для всѣхъ одна, а знакъ — у каждаго свой. — Послѣ того г. Михайловъ утверждаетъ, что Зыряне, будучи народомъ торговымъ и промышленнымъ (?), задолго до св. Стефана имѣли свои письмена, что̀ прямо противорѣчитъ словамъ современника и сподвижника Стефанова Епифанія, на котораго самъ-же г. Михайловъ часто ссылается. Кромѣ того, если бы были у Зырянъ свои письмена, то для чего-же было св. Стефану хлопотать о письменности?—Самымъ сильнымъ, въ глазахъ г. Михайлова, доводомъ въ пользу втораго его мнѣнія служитъ тотъ фактъ, что Зыряне боялись бывшихъ при св. Стефанѣ великокняжескихъ грамотъ; но на нашъ взглядъ этимъ доказывается противное [114]). Дѣйствительно, Зыряне имѣли извращенное понятіе о грамотахъ; потому что самая бумага на ихъ языкѣ называется *ка̀бала*, но изъ этого все-таки вытекаетъ только заключеніе, что они вовсе не имѣли понятія о письменности.— Наконецъ, г. Михайловъ опровергаетъ всѣхъ, писавшихъ о Зырянской грамотѣ и въ особенности самого себя, на этотъ разъ справедливо утверждая, что въ дошедшихъ до насъ Зырянскихъ рукописяхъ начертаніе буквъ славянское и что славянскими буквами писанъ и уцѣлѣвшій экземпляръ заупокойной обѣдни Стефановой.

Но какія-бы буквы ни приняты были Св. Стефаномъ, достовѣрно то, что зырянская письменность не принялась, доказательствомъ чего служитъ прежде всего то, что теперь ея не существуетъ. Переводы русскими на зырянскій языкъ нѣкоторыхъ священныхъ книгъ и правительственныхъ уставовъ нельзя еще назвать зырянскою письменностію, тѣмъ болѣе, что всѣ эти книги и брошюры пишутся и печатаются русскими литерами. По этому случаю урожденецъ Устьвыми г. Аврамовъ написалъ: «Протекторамъ зырянскаго языка не лишнимъ счи«таю замѣтить, что этотъ языкъ постепенно выходитъ «изъ употребленія жителей. Надобно ожидать, что онъ «съ теченіемъ времени совершенно замѣнится языкомъ «русскимъ. Сожалѣть объ этомъ неумѣстно и поддержи«вать зырянизмъ, какъ доселѣ дѣлало Министерство Го«сударственныхъ Имуществъ, безполезно; потому что Зы«ряне не имѣютъ никакихъ письменныхъ памятниковъ, «не знаютъ своей исторіи, и нынѣ издаваемыхъ на ихъ «нарѣчіи книгъ и переводовъ никогда не читаютъ, час«стію по неудовлетворительности самыхъ переводовъ, а «частію потому, что для нихъ удобопонятнѣе книги рус«скія. Самый языкъ бѣденъ словами, такъ что уже те«перь весьма много, почти на половину, употребляется «въ немъ словъ русскихъ» [115]). О неудовлетворительности новѣйшихъ переводовъ съ русскаго на зырянскій, кромѣ г. Аврамова тоже говорятъ и многіе другіе [116]); такого-же убѣжденія держимся и мы. Вслѣдствіе того, что съ одной стороны русскими буквами нѣтъ возможности изображать зырянскіе звуки, а съ другой — для русскихъ понятій нѣтъ соотвѣтствующихъ зырянскихъ выраженій,—переводы эти не понятны ни для Зырянъ, ни для Русскихъ; и только лица, знающія оба языка, могутъ добраться до смысла ихъ. Памятниковъ древнезырянской письменности сохранилось чрезвычайно мало и остались только отрывки заупокойной и златоустовской обѣдень и тропарей перевода св. Стефана. Они найдены академикомъ Лепехинымъ въ селѣ Киберскомъ. Существуетъ мнѣніе [117]), что св. Стефанъ перевелъ Евангеліе отъ Матѳея; но на чемъ это мнѣніе основано—неизвѣстно; самаго-же перевода не сохранилось. Найденныхъ Лепехинымъ рукописей даже Зыряне его времени ясно не понимали. Остались также надписи на нѣкоторыхъ иконахъ, именно: Яренскаго уѣзда въ Вожемской церкви (Св. Троицы въ видѣ трехъ Ангеловъ, угощаемыхъ Авраамомъ у Маврикійскаго дуба), Чердынскаго уѣзда Пермской губерніи въ Богородской церкви села Бондючи. Но надписей этихъ никто не могъ разобрать: ни одинъ изъ сохранившихся списковъ зырянской аз-

---

113) См. по примѣч. 85 №№ 17, 19 и 21.

114) Для того, чтобы судить о свойствѣ страха, внушаемаго Зырянамъ казенными грамотами, мы выписываемъ изъ помѣщенной въ Памятной книжкѣ Вологодской губерніи на 1865 и 1866 гг. статьи г. Ф. Арсеньева: «О промышленныхъ дѣлахъ и торговыхъ сношеніяхъ въ Зырянскомъ краѣ» слѣдующія интересныя строки: «Давно-ли было во всеобщемъ обычаѣ Зырянъ поразительное уваженіе къ выполненію обязанностей въ дѣлахъ общественныхъ. Какой-нибудь волости нужно внести значительную сумму податей въ казначейство. За сотни верстъ, глухими волоками отправляется, бывало, ходокъ съ деньгами, пѣшкомъ, въ городъ: «Казна нуа! (Казну несу)», говоритъ онъ встрѣчнымъ, и ему почтительно снимаютъ шапки и низко кланяются. Приходитъ на станцію, кладетъ сумму въ передній уголъ, посохъ на лавку: хозяинъ уже догадался, высылаетъ лишній людъ изъ дома и не знаетъ какъ угостить почтеннаго гостя. Ходокъ преспокойно засыпаетъ на сѣновалѣ, ни сколько небезпокоясь о суммѣ... Между тѣмъ вѣсть, что «казна идетъ» (казна муиз) мигомъ проносится по деревнѣ и производитъ магическое на всѣхъ вліяніе: языки любопытныхъ замолкаютъ, всякій бѣжитъ къ себѣ въ керку (изба) и съ какимъ-то благоговѣйнымъ страхомъ объявляетъ это домашнимъ; никого не видно на улицѣ; никто не заглянетъ на станцію до тѣхъ поръ, пока казна не выйдетъ изъ деревни».

115) Волог. Губ. Вѣд. 1859 г. № 28: «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйственный бытъ».

116) Тамъ же 1848 г. № 11: «Путевыя замѣтки на пути отъ Устьсысольска въ Вишерскому селенію». г. А. Попова.

117) См. примѣч. 112.

буки къ нимъ не подходитъ, да и сами они, по начертанію буквъ, не сходны между собою; слѣдов. сомнительно еще, надписи это или просто украшенія [118]). Въ Вологодскомъ соборѣ есть также икона Св. Троицы будтобы съ зырянской надписью, которая тоже не разобрана [119]).

Не смотря на все это, г. Михайлову очень хочется, чтобы у Зырянъ временъ св. Стефана и его первыхъ преемниковъ была своя обширная литература. Но онъ чувствуетъ, что въ такомъ случаѣ остались-бы какія-нибудь рукописи и кромѣ вышеупомянутыхъ. По этому онъ ухватывается за пожары когда-то бывшіе въ Устьвыми. Но если всѣ памятники зырянской письменности сосредоточивались въ однихъ устьвымскихъ церквахъ, то народъ не пользовался плодами и въ ней не участвовалъ. Затѣмъ г. Михайловъ говоритъ, что устюжскій штабъ-лекарь Фризъ не основательно пишетъ, будто, по уничтоженіи Пермской епархіи, большая часть пермскихъ книгъ увезена въ Москву, а другая въ 1779 году, *вмѣстѣ съ нѣкоторыми зырянскими идолами и другими рѣдкостями*, взята бывшимъ Ярославскимъ генералъ-губернаторомъ Мельгуновымъ и куда отъ него поступила—неизвѣстно, и что другіе дополняютъ такой вымыселъ Фриза тѣмъ, что Мельгуновъ зырянскія книги и рѣдкости представилъ Императрицѣ Екатеринѣ II-й, и, по ея повелѣнію, сдалъ ихъ въ Эрмитажную библіотеку. Неосновательность такихъ извѣстій, по словамъ г. Михайлова, обнаружена Митрополитомъ Евгеніемъ, который пишетъ, что «по справкамъ его съ Московскою «Патріаршею и иностранной коллегіи Архивою, а также «Эрмитажною библіотекою, не оказалось въ нихъ ни одной зырянской книги и въ Эрмитажъ отъ Мельгунова «никогда онѣ не поступали, да и сами Зыряне не помнятъ, что у нихъ во времена Мельгунова были Пермскія книги». Намъ кажется, что безуспѣшность попытокъ Митрополита Евгенія отыскать *пермскія древности* еще не есть доказательство, что послѣднихъ нѣтъ и не было: мы знаемъ, что словесныя и даже письменныя справки въ какихъ-бы то ни было архивахъ и библіотекахъ не принадлежатъ къ числу строго научныхъ аргументовъ. Самъ-же г. Михайловъ думаетъ, что «зырянскія книги увезены въ Вятку, къ епархіи которой была причислена Пермская, или въ Вологду. Но мы прежде всего замѣтимъ, что къ Вятской епархіи была причислена, какъ скоро увидимъ, только часть Пермской, безъ Устьвыми. Притомъ-же если-бы было и не такъ, то все же не предстояло никакой надобности вывозить изъ церквей богослужебныя и другія книги, особенно въ Вятку или Вологду, гдѣ въ нихъ не было никакой надобности. Наконецъ, утрату зырянскихъ книгъ г. Михайловъ приписываетъ невѣжеству; но это-то и значитъ, что письмена, изобрѣтенныя св. Стефаномъ, не принялись; потому что пожары и увозъ могутъ истребить книги, но не письменность, не грамотныхъ людей.

Изъ всего вышесказаннаго мы дѣлаемъ слѣдующіе выводы: (1) что св. Стефанъ придумалъ зырянскую азбуку — это фактъ; (2) что онъ кое-что перевелъ на зырянскій языкъ — это тоже фактъ; и (3) что переводы его были переписаны для основанныхъ имъ церквей, въ которыхъ богослуженіе, по словамъ г. Михайлова, производилось на зырянскомъ языкѣ, — это болѣе, нежели вѣроятно, потому что, въ противномъ случаѣ не для чего было и переводить обѣдню, особенно заупокойную и тропари. Но дѣло тѣмъ и должно было кончиться, такъ какъ переводы оказались неудовлетворительными и слѣдовательно не достигающими своей цѣли: они столько же были непонятны Зырянамъ, какъ и славянскіе подлинники, если еще не болѣе. Справедливость послѣдней мысли докажемъ примѣрами: такъ въ трисвятой пѣсни слово «крѣпкій» по-зырянски передано «чорыдъ», что собственно значитъ твердый, жесткій; въ херувимской пѣсни—слово «дориносима» переведено въ смыслѣ «дары носятся», и слѣдов. пѣснь эта, и въ славянскомъ подлинникѣ для незнакомыхъ съ конструкціею греческой рѣчи неудобопонятная,—въ зырянскомъ переводѣ потеряла всякій смыслъ. Бѣдность зырянскаго языка отнимаетъ возможность хотя приблизительно выражать на немъ сколько-нибудь отвлеченныя понятія: молиться напр. передается по-зырянски «юрбитны», т. е. стукаться головою, челомъ бить; слово «Йепъ» значитъ и Богъ, и икона и т. д. Такимъ образомъ переводы св. Стефана, не достигая цѣли, были скоро оставлены, замѣнены славянскими книгами и самая служба церковная стала совершаться на славянскомъ языкѣ,—съ чѣмъ, въ существѣ, согласенъ и г. Михайловъ.

Заключая разсужденія о судьбѣ зырянской письменности, мы считаемъ не лишнимъ замѣтить, что, по словамъ г. Михайлова, въ разныхъ древнихъ зырянскихъ рукописяхъ отыскано нѣсколько алфавитовъ, но онъ не приводитъ начертанія буквъ, а между тѣмъ замѣчаетъ, что существуютъ два мнѣнія объ этомъ предметѣ, что, по словамъ однихъ — св. Стефанъ взялъ за образецъ греческія буквы, а по словамъ другихъ—еврейскія. Мы можемъ указать любопытнымъ на Исторію Государства Россійскаго, гдѣ помѣщается зырянскій алфавитъ, отысканный Миллеромъ [120]), и пусть они сами разсудятъ о характерѣ его. Намъ кажется, что алфавиты, послѣ св. Стефана придуманные какими-нибудь досужими грамотѣями, подобными нынѣшнимъ изобрѣтателямъ зырянскихъ словъ, титулующимъ себя лексикографами,—никогда не

---

[118]) См. примѣч. 113.

[119]) Поѣздка въ Кириловъ-Бѣлозерскій монастырь С. Шевырева—въ 1847 г., изд. 1850 г.

[120]) Ист. Гос. Росс. къ т. V примѣч. 109 (изд. 1830 г.). Мы не перепечатываемъ изображеній буквъ, потому что и въ изданіи Ист. Госуд. Росс. они вышли слѣпо.

имѣли никакого приложенія, тѣмъ болѣе, что въ нихъ не достаетъ буквъ для выраженія нѣкоторыхъ коренныхъ звуковъ зырянскаго языка, какъ напр. ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ буквы, соотвѣтствующей нашей «у», въ иныхъ нѣтъ «ы», въ одномъ—«о» и т. д. Всѣ алфавиты разнятся названіями буквъ [121]).

Послѣ того, что сказано о введеніи и судьбѣ зырянской письменности, не предстоитъ уже надобности распространяться о судьбѣ школъ св. Стефана. Г. Михайловъ думаетъ, что св. Стефанъ учредилъ ихъ при всѣхъ церквахъ [122]); но это невѣроятно. Впрочемъ спорить не стоитъ; потому что, много-ли, мало-ли ихъ было, онѣ не пережили своего основателя, и распространенію зырянской письменности не содѣйствовали.

Св. Стефанъ скончался въ 1396 г. 26 Апрѣля въ Москвѣ, куда онъ отправлялся по вызову Митрополита Кипріана. Такимъ образомъ апостольская и архипастырская дѣятельность его продолжалась 20 лѣтъ. Мощи его почиваютъ въ Москвѣ, въ кремлевской церкви у Спаса на Бору, что за Золотой Рѣшеткой.

Два года, по кончинѣ св. Стефана, Пермская епархія оставалась праздною.

Первымъ преемникомъ его былъ Исаакій. Сколько времени управлялъ онъ Пермскою паствою — неизвѣстно: но имя его встрѣчается въ 1416 году. При немъ крестились Печорцы [123]).

За Исаакіемъ слѣдовали три святителя, памятные Зырянамъ добродѣтельною жизнію, почему и почитаются святыми, хотя и не прославленными. Управленіе ими епархіею не представляетъ ничего особеннаго; но всѣ они были благодѣтелями Зырянъ: въ случаяхъ голода, нападеній Вогуличей, Вятчанъ и т. д. они являлись ходатаями за свою паству. Вотъ въ какомъ порядкѣ они слѣдовали одинъ за другимъ:

Герасимъ. Онъ задушенъ своимъ слугою на возвратномъ пути изъ объѣзда епархіи.

Питиримъ. Убитъ во время набѣга на Устьвымъ Вогуличей и Вятчанъ. Онъ крестилъ Печорцевъ.

Іона. Вступилъ въ управленіе епархіею въ 1456 году. Во время его епископства обратились въ христіанство нынѣшніе Пермяки.

Филоѳей. Замѣчателенъ тѣмъ, что игралъ роль посредника въ сношеніяхъ Московскаго правительства съ разными сибирскими князьками. Онъ уволенъ на покой въ 1501 году.

Послѣ Филоѳея Пермь не имѣла уже особыхъ епископовъ, такъ какъ управленіе Устьвымскою и Вологодскою епархіями сосредоточилось въ лицѣ одного епископа, и епископы эти проживали въ Вологдѣ, которую, какъ городъ богатый, предпочитали малолюдной, бѣдной и находящійся въ глуши и суровомъ климатѣ Устьвыми.

Въ 1585 году Пермская епархія окончательно перестала существовать.

Въ 1676 году часть ея, именно: Соликамскъ, Чердынь, Верховье Вычегды, Сысола и Луза присоединены къ Вятской епархіи.

Въ 1682 году вся она, кромѣ Соликамска и Чердыни, перечислена къ Устюжской епархіи.

Въ 1788 году, по закрытіи послѣдней, она вошла въ составъ Вологодской.

Предѣлы Пермской епархіи съ теченіемъ времени измѣнялись [124]); но это насъ не интересуетъ.

---

[121]) Г. Михайловъ зырянскимъ письменамъ и переводамъ св. Стефана посвятилъ въ своемъ «Устьвымѣ» нѣсколько главъ (Вол. Губ. Вѣд. 1850 г. №№ 16, 17, 19—22). Вотъ выписка изъ его сочиненія (Губ. Вѣд. № 17): «Миллеръ открылъ нѣсколько списковъ зырянской азбуки въ древней рукописи «о житіи и дѣлахъ Стефана», а Лепехинъ отыскалъ названія нѣкоторыхъ буквъ ея. Къ сожалѣнію эта находка не озарила свѣтомъ спорнаго вопроса о письменахъ зырянскихъ; потому что *примѣненная при чтеніи надписей не принесла ожидаемыхъ успѣховъ:* смыслъ ихъ по прежнему остался таинственнымъ и едва-ли не навсегда сокрытымъ отъ потомства. Открытія Миллера и Лепехина послужили ни болѣе, ни менѣе, какъ убѣжденіемъ въ отличіи азбуки Зырянъ отъ азбукъ другихъ народовъ и познакомили насъ съ очертаніемъ и названіемъ буквъ ея. Въ одномъ спискѣ Миллера буквы названы: Анъ, Баръ, Гай, Дой, Е, Жей, Зата, И, Коке, Лей, Мено, Пено, О, Пей, Рѣй, Си, Тай, Цю, Чоры, Шой, Ю, Я. Другой немного полнѣе перваго гласными — Ы, Е, А, и отличается отъ него почеркомъ нѣкоторыхъ буквъ (примѣч: въ бумагахъ покойнаго Миллера въ Московск. Арх. Иностр. Дѣлъ). У Лепехина найденныя имъ буквы расположены въ такомъ порядкѣ: А, Букъ, Вой, Гой, Дой, Ежой, Жой, Зата, Зита, Коке, Лей, Мено, Пено, Пей, Рѣй, Сій, Тай, Сій, Черы, Шуй (примѣч: Зап. Лепехина, ч. III стр. 241.) Впослѣдствіи, въ концѣ одного древняго экземпляра зырянской обѣдни, писаннаго славянскими буквами съ удареніями на словахъ, нашли еще два списка зырянской азбуки, нѣсколько отличные отъ приведенныхъ нами и въ почеркѣ буквъ и въ названіяхъ ихъ. Приводимъ для сличенія съ первыми и эти списки. Въ одномъ они названы: Анъ, Баръ, Гой, Дой, Ежой, Жой, Зата, Зита, Коке, Лей, Мено, Не, Онъ, Пей, Рѣй, Са, Той, Цю, Чоры, Шой, Ири, Ей, Ю, ѡ. Другой, послѣдній изъ всѣхъ, въ видѣ послѣсловія, приложенъ въ той же рукописи къ первому списку съ слѣдующимъ сравненіемъ съ другими азбуками: у жидовскія же азбуки первому слову имя Алфаръ, а у греческія Алфа, Вита; а у сурьянскія Але, Фобе, а у югорскія—Афака, Васава; а у русскія—Азъ, и у пермскія—Азъ, Буръ, Гай, Дой, Ежой, Джой, Зата, Зита, И, Кое, Лей, Мено, Не, Во, Пей, Рѣй, Сій, Тай, Цю, Черье, Шюй, Ы, Е, Ю, ѡ (примѣч. рукопись хранится въ Библ. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.) Оба эти списка, разнящіеся въ начертаніи буквъ отъ Миллеровскихъ, употребленные при разобраніи зырянскихъ надписей филологами, не объяснили нисколько значенія ихъ. Это обстоятельство заставляетъ сомнѣваться въ подлинности зырянскихъ азбукъ и наводитъ на мысль о подложности ихъ».

[122]) См. по примѣч. 85 № 13.

[123]) См. примѣч. 85.

[124]) Излагая судьбу Пермской епархіи послѣ св. Стефана, мы пользовались матеріалами, заключающимися въ сочиненіяхъ г. Михайлова (см. прим. 85), но съ осторожностію; а также статьею г. Н. Суворова «Споръ Вологодскихъ архіепископовъ Маркелла и Симона съ первыми двумя епископами Вятскими, Александромъ и Іоной, объ Устьвымской десятинѣ (Волог. Губ. Вѣд. 1864 г. №№ 8, 9, 11 и 12).

ГЛАВА V.

КРАТКІЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ КРАЯ.

Астрономическое положеніе.—Границы.—Пространство; общій видъ страны; геологическій взглядъ; почва; гидрографическій очеркъ: рѣки, озера и болота. -Климатъ и метеорологическія наблюденія.—Вліяніе климата на здоровье.—Мѣстныя метеорологическія примѣты.

Мы оговорились уже [125]) ранѣе, что предметъ нашего труда главнымъ образомъ составляетъ та часть Зырянскаго края, впрочемъ главная, которая находится въ Вологодской губерніи. Такая оговорка особенно относится къ настоящей главѣ, и также къ тѣмъ, въ которыхъ будемъ говорить о естесвенныхъ богатствахъ страны.

Граничныя точки Зырянскаго края астрономически не опредѣлены. Вообще полагаютъ, что, въ предѣлахъ Вологодской Губерни, онъ доходитъ до 65°,6' сѣверной широты и 77°,20' восточной долготы по Феррскому меридіану [126]). Впрочемъ, въ точномъ опредѣленіи границъ нѣтъ практической надобности; потому что большая часть ихъ проходитъ пустынными мѣстами.

Приблизительное понятіе о фигурѣ края читатель можетъ составить, если на любой географической картѣ возметъ: а) теченіе впадающей въ Вычегду съ правой стороны р. Яреньги, кромѣ самой нижней ея части (верстъ около 10-ти); б) дер. Межогъ въ 22 верстахъ отъ г. Яренска на почтовой дорогѣ въ г. Устьсысольскъ; в) точку пересѣченія р. Лузою границы между Устьсысольскимъ и Устюгскимъ уѣздами, пониже Ношульской пристани; г) Кажимскій заводъ близъ р. Сысолы, въ 230 верст. отъ Устьсысольска; д) точку пересѣченія р. Печорою границы между Вологодскою и Пермскою губерніями; за тѣмъ соединитъ всѣ эти точки прямыми линіями, не выходя изъ предѣловъ Яренскаго и Устьсысольскаго уѣздовъ и по границамъ Вологодской губерніи съ Пермскою, Тобольскою и Архангельскою губерніями дойдетъ до вершины р. Яреньги: внутри обойденной такимъ образомъ площади населеніе сплошь зырянское, за исключеніемъ половины села Межогъ, заводовъ Кажимскаго, Ючпасскаго и Ювчимскаго—въ Устьсысольскомъ и Сереговскаго въ Яренскомъ уѣздахъ, села Устьвыми съ окрестнымъ Заручейскимъ обществомъ и села Важгортъ—въ Яренскомъ и общества чиновниковъ въ Устьсысольскѣ.

Хотя, при генеральномъ межеваніи, Устьсысольскій и Яренскій уѣзды были измѣрены; но это измѣреніе ни въ какомъ случаѣ не могло быть точнымъ, такъ какъ нѣтъ физической возможности обойдти въ натурѣ болотисто-топкія, пустынныя и вмѣстѣ съ тѣмъ на многія сотни верстъ простирающіяся граничныя линіи. Говорятъ, что межевые чины составляли планы, сидя на мѣстѣ, по разсказамъ охотниковъ. Мы принимаемъ пространство Зырянскаго края въ Вологодской губерніи приблизительно въ 180,000 кв. верстъ, или 3,670 кв. миль.

Это обширное пространство нѣкогда было морскимъ дномъ, которое еще и до сихъ поръ не совсѣмъ обсохло. Восточную границу его съ Сибирью составляетъ часть Уральскаго хребта, извѣстная подъ названіемъ Павдинскаго камня, отроги котораго въ видѣ лѣсистой плоской возвышенности, называемой «Большая парма» идутъ внутрь края до р. Печоры [127]). Далѣе къ Западу представляется болотистая низменность, въ видѣ впадины, центръ которой составляетъ долина р. Ирвы (притокъ Мезени) [128]). Берега этой рѣки до того низки, что она сливается съ окрестными озерами; теченіе ея незамѣтно и чрезвычайно извилисто. Отъ Ирвы и къ сѣверу, и къ югу тянутся возвышенія. Вообще возвышенности слѣдуютъ направленію рѣкъ Нема, Сысолы, Вычегды, Вишеры [129]) и особенно Выми [130]). Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они достигаютъ рѣкъ, пространства между подошвами ихъ и окраинами береговъ называются *наволоками*,

---

125) См. примѣч. 1.

126) Волог. Губ. Вѣдом. 1851 г. № 1: «Отрывокъ изъ статистическаго описанія Вологодской губерніи», г. Н. Даниловскаго.

127) *Пармою* въ Зырянскомъ краѣ называется, по опредѣленію г. Попова-Ловчимскаго (Волог. Губ. Вѣдом. 1854 г. № 28: «Печорскій приходъ»), плоская возвышенность, покрытая густымъ лѣсомъ разныхъ породъ, имѣющая влажный грунтъ и ограниченная крутыми спусками; а по опредѣленію г. Даниловскаго, (Тамъ-же 1853 г. № 10: «Гидрографія Вологодской губерніи») поросшее лѣсомъ болото. Мы признаемъ болѣе точнымъ первое опредѣленіе.

128). Вол. Губ. Вѣд. 1847 г № 42: «Первая поѣздка на Удору».

129). Тамъ-же 1865 г. № 12: «Путевыя записки по Вологодской губерніи», г. Ив. Кашперова; 1858 г. № 41: «Описаніе физическихъ свойствъ Яренскаго уѣзда», г. В. Аврамова; 1858 г. № 2. «Взглядъ на геологическое состояніе села Вотчи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи», г. І. Попова, и 1857. г. № 47: «Брусяная гора въ Устьсысольскомъ уѣздѣ» и мн. др.

130) См. прим. 128.

которые считаются лучшими пашенными землями и часто покрыты роскошными лугами.

По Мурчисону, поверхность Зырянскаго края состоитъ изъ наносныхъ формацій. Только восточная часть Устьсысольскаго уѣзда, прилегающая къ Уральскимъ горамъ, представляетъ присутствіе горнокаменной породы. Между первыми и послѣднею находится формація метаморфическая.

Почва главнымъ образомъ состоитъ изъ песку и глины. Въ Яренскомъ уѣздѣ песокъ всякаго вида—бѣлый, красный и бурый встрѣчается вездѣ, а глина: бѣлая—преимущественно по Вашкѣ, синяя—по Мезени и Вашкѣ, а красная — повсемѣстно. Но эти главныя составныя части почвы въ разныхъ мѣстахъ перемѣшаны не въ одинаковой пропорціи, а именно: по берегамъ р. Вычегды, на мѣстахъ возвышенныхъ, глина чаще господствуетъ надъ пескомъ, въ долинахъ же *(на наволокахъ)* они смѣшаны по ровну, а иногда послѣдній господствуетъ надъ первою. По берегамъ Яреньги и Вашки господство песку представляется еще въ большей степени: здѣсь мало встрѣчается и такихъ мѣстъ, гдѣ-бы онъ соединенъ былъ съ глиною въ равной степени. По берегамъ р. Выми пространства, покрытыя пескомъ, являются также часто; однакоже встрѣчаются и глинистыя. При томъ здѣсь въ составѣ почвы не рѣдко присутствуютъ известковыя частицы. Напротивъ того по берегамъ р. Мезени почва земли болѣе глинистая и притомъ болотнаго свойства [131]).— Въ Устьсысольскомъ уѣздѣ таже смѣсь песку и глины. Послѣдній преобладаетъ въ Чуканбскомъ приходѣ по р. Вепри [132]) и по р. Печорѣ [133]). Каменистыя мѣста находятся преимущественно по р. Печорѣ, по верховьямъ Вычегды и по р. Сысолѣ, въ Вотчинскомъ приходѣ [134]).— Черноземy собственно нѣтъ. Мѣстные жители называютъ черноземными мѣста, образовавшіяся отъ осушки болотъ или отъ сильнаго долговременнаго удобренія. Такія мѣста есть въ Яренскомъ уѣздѣ по рѣкамъ Первѣ и Мезени [135]). Настоящій-же черноземъ встрѣчается только въ Устьсысольскомъ уѣздѣ по р. Визенгѣ [136]).

Трудно найдти край, который бы въ такой степени, какъ Зырянскій, изобиловалъ водою, какъ текучею, такъ и стоячею. Объ обиліи текучей воды можно судить по тому, что бассейнъ Печоры составляютъ только извѣстныхъ 319 рѣкъ и рѣчекъ, бассейнъ Мезени—430. Намъ неизвѣстно сколько рѣкъ принадлежатъ къ самому обширному бассейну Сѣв. Двины, такъ какъ мы имѣемъ только общія цифры для цѣлой Вологодской Губерніи.—Но мы не будемъ перечислять всѣ эти рѣки и рѣчки и скажемъ лишь нѣсколько словъ о главныхъ и такихъ, которыя замѣчательны какими нибудь рѣзкими особенностями.

Вычегда,—огромный притокъ Сѣв. Двины, имѣющій до 1000 верстъ длины, болѣе 300 саж. ширины въ средней части своего теченія и отъ 3 до 1 саж. глубины,— кромѣ нижней части (не много менѣе 200 верстъ), вся принадлежитъ Зырянскому краю. Самый большой притокъ Вычегды—*Вымь*, которая въ Вологодской губерніи (Яренскій уѣздъ) течетъ на пространствѣ 250 верстъ, имѣя въ верхней части до 160 саж. ширины, а при устьѣ—до 100 саж. Изъ рѣкъ, впадающихъ въ Вымь, замѣчательны *Ворыква* и *Ёлва*; первая въ одномъ мѣстѣ течетъ подъ землею, [137]) а послѣдняя, при 150-верстовой длинѣ, имѣетъ отъ 80 до 100 саж. ширины.— Изъ числа многихъ другихъ рѣкъ, впадающихъ въ Вычегду и замѣчательныхъ по величинѣ, мы назовемъ только *Сысолу*, которая имѣетъ отъ 400 до 500 верстъ длины, отъ 70 до 100 саж. ширины и отъ $2\frac{1}{2}$ до 4 арш. глубины.

Луза, притокъ Юга, который, по соединеніи съ Сухоною, образуетъ Сѣв. Двину, принадлежитъ Зырянскому краю только верхней частью, замѣчательною не по величинѣ, а тѣмъ, что на ней находятся большія пристани, гдѣ грузятся хлѣбные продукты Вятской губерніи, для сплава къ Архангельскому порту.

Печора—этотъ колоссальный водный потокъ беретъ начало въ Пермской губерніи; въ Вологодскую вливается

---

[131]) Волог. Губерн. Вѣдом. 1858 г. № 41: «Описаніе физическихъ свойствъ Яренскаго уѣзда», г. В. Аврамова.

[132]) Тамъ-же 1865 г. № 6: «Краткія статист. и этнограф. свѣдѣнія объ Устьсысольскомъ уѣздѣ», г. В. Кичина.

[133]) Тамъ-же 1854 г. № 29: «Печорскій—приходъ», г. Попова-Локчимскаго.

[134]) Тамъ-же 1858 г. № 2: «Взглядъ на геологическое состояніе села Вотчи и пр.», г. І. Попова.

[135]) См. прим. 131.

[136]) Составляя гидрографическій очеркъ, мы пользуемся слѣдующими статьями, помѣщенными въ Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ: а) 1853 г. № 10: «Гидрографія Волог. губерніи», г. Данилевскаго; б) 1858 г. №№ 42 и 43: «Описаніе физическихъ свойствъ Яренскаго уѣзда» г. В. Аврамова; в) 1858 г. № 7: «Сельско-хозяйств. очеркъ Вологодской губерніи» г. П. Бунакова; г) 1854 г. №№ 32—34: «Замѣтки и впечатлѣнія охотника по Вологодской губерніи», г. Ю. Волкова; д) 1854 г. № 29: «Печорскій приходъ», г. Попова-Локчимскаго; е) 1847 г. № 15: «Описаніе Вычегды» и ж) 1854 г. № 16: «Замѣчательные изъ притоковъ Вычегды».

[137]) Г. Ю. Волковъ эту рѣчку называетъ Верк—ва (Волог. Губ. Вѣд. 1854 г. № 30: «Рѣчка Верк—ва») и говоритъ слѣдующее: «Все протяженіе этой рѣчки не превосходитъ 150 верстъ. Въ весеннее время она не представляетъ ничего особеннаго; но лѣтомъ, въ «90» верстахъ отъ истока, при 10-саженной ширинѣ, падаетъ она «съ пѣною и шумомъ въ круглую яму около 8 кв. саж. поверхности. «Брошенное туда легкое тѣло вскорѣ невозвратно тонетъ. Ниже ямы «рѣчка течетъ едва замѣтною струею, которая черезъ 2 версты тоже «исчезаетъ, совершенно скрываясь въ береговое отверстіе. Потомъ «русло рѣки на разстояніи 20 верстъ совершенно сухо, а дальше «начинаютъ пробиваться ключи и составляютъ опять рѣчку болѣе 30 «саж. ширины. До исчезанія рѣчки вода въ ней мутно-краснаго цвѣта, «рыба не вкусная, и ея мало; а по образованіи вновь теченія, вода «прозрачна, какъ хрусталь, рыбы больше и она особенно вкусна. «Вода рѣчки, по выходѣ изъ земли, до того прозрачна, что на 4-аршинной глубинѣ на днѣ ея можно видѣть булавку».

уже значительною рѣкою; течетъ по восточной части Устьсысольскаго уѣзда около 550 верстъ и уходитъ въ Архангельскую, гдѣ и впадаетъ въ Сѣверный Океанъ. Еще въ предѣлахъ Вологодской губерніи, принявъ нѣсколько спускающихся съ Уральскихъ горъ, многоводныхъ притоковъ, каковы: *Ылыдзъ*, *Пöччерэмъ* [138]) и *Чугуръ* (Шугоръ), эта рѣка расширяется до полуторы версты.

Мезень принадлежитъ Вологодской губерніи (Яренскому уѣзду) только средней частью своего теченія, на протяженіи около 150 верстъ. Изъ притоковъ ея—*Ирва* вся принадлежитъ Вологодской губерніи и имѣетъ до 150 верстъ длины при ширинѣ отъ 80 до 100 сажень. *Вашка* течетъ по Вологодской губерніи только 250 верстъ, имѣя отъ 50 до 150 саж. ширины.

Озеръ много: но они незначительны, за исключеніемъ *Синдорскаго*, находящагося на границѣ Яренскаго и Устьсысольскаго уѣздовъ и имѣющаго болѣе 15 верстъ длины и 8 ширины.

Болотъ нѣтъ возможности перечислить: гораздо легче поименовать суходолы, которые представляются островами среди огромнаго болотистаго моря. Можно сказать вообще, что сухія мѣста находятся только по берегамъ большихъ рѣкъ, которыя здѣсь имѣютъ значеніе естественныхъ осушительныхъ каналовъ [139]).

Астрономическія условія края, его болотистая, покрытая лѣсомъ почва и открытое положеніе со стороны полярнаго моря уже говорятъ о суровости его климата. Но мы не считаемъ себя въ правѣ ограничится такой общей фразой тѣмъ болѣе, что имѣемъ подъ рукой болѣе точныя данныя.

Въ Сереговскомъ заводѣ съ 1845 по 1852 годъ включительно производились метеорологическія наблюденія, за добросовѣстность которыхъ мы ручаемся, по двумъ термометрамъ Реомюра, изъ коихъ одинъ былъ обращенъ на югъ, а другой—на сѣверъ. Въ пасмурные дни записывались показанія перваго, а въ ясные—послѣдняго, причемъ, иногда, одинъ изъ нихъ повѣрялся другимъ. Наблюденія производились въ 7 часовъ утра, въ полдень и въ 9 часовъ вечера. Вотъ выводы изъ нихъ [140]).

Средняя температура за весь 8-лѣтній періодъ равняется +0,29, а именно:

1845 г.—+0,12	1848 г.—+0,40	1851 г.—+1,11.
1846 »—+0,17	1849 »—+0,16	1852 »—+0,1.
1847 »—+0,52	1850 »—+0,14.	

По временамъ года: 3 весенніе мѣсяца—0,54, 3 лѣтніе+12,10, 3 осенніе+0,28 и 3 зимніе—11,28.

Морозныхъ дней пришлось на каждый годъ по 160, а теплыхъ—по 205. Морозы, хотя не каждый годъ, достигали до—35° и даже до—40°. Вѣтры дули: сѣверо-западные по 19 разъ въ годъ, сѣверные—по 150, сѣверо-восточные—по 23, восточные—по 9, юго-восточные—по 12, южные—по 184, юго-западные—по 29 и западные—по 12. Самые сильные—полярные. Число вѣтровъ не соотвѣтствуетъ числу дней, потому что они записывались по 3 раза въ день, одновременно съ показаніями термометра. Мятелей было по 25 въ годъ; снѣжныхъ дней по 108, а дождливыхъ—по 80. Въ томъ числѣ при вѣтрахъ

	Снѣжныхъ.	Дождливыхъ.
Сѣверо-западномъ. . . .	3	4
Сѣверномъ.	32	28
Сѣверо-восточномъ. . . .	6	6
Восточномъ.	3	2
Юго-восточномъ.	2	4
Южномъ.	59	45
Юго-западномъ.	4	7
Западномъ.	2	3

Грозъ было по 10 въ годъ.

Съ 1832 г. по 1852 г. рѣки Вымь и Вычегда вскрывались между 16 Апрѣля (1848 г.) и 10 Мая (1845 г.), а льдомъ покрывались между 7 Октября (1840 г.) и 13 Ноября (1849 г.); среднимъ числомъ покрыты были льдомъ 185 дней; должайшій періодъ 203 дня, а кратчайшій—154.

Въ Устьсысольскѣ наблюденія термометра производились съ 1818 по 1850 годъ (32 года) [141]). По выводамъ изъ нихъ, средняя годовая температура равняется+0,7; температура весны+0,7, лѣта+12,2, осени—1,0 и зимы—10,9; по мѣсяцамъ: Январь—12,2, Февраль—9,7, Мартъ—4,3, Апрѣль+0,6, Май+5,7, Іюнь+11,2, Іюль+13,8, Августъ+11,5, Сентябрь+6,5, Октябрь+1,1, Ноябрь—4,7 и Декабрь—10,9.

Рѣка Сысола въ Устьсысольскѣ съ 1816 по 1855 г., включительно, вскрылась: въ Апрѣлѣ—34 раза и въ первой трети Мая—6, а замерзала: въ Октябрѣ—29 разъ, въ первой трети Ноября—7 разъ и во второй—4 раза. Самое раннее вскрытіе было въ 1836 г., 4 Апрѣля, а позднѣе въ 1855 г.—8 Мая. Самое раннее замерзаніе случилось 4 Октября—въ 1817 г., а позднее 17 Ноября—въ 1833 г. Всего болѣе рѣка была свободна отъ льда въ 1855 г.—217 дней, а менѣе въ 1819 г.—

---

[138]) Эту рѣчку чаще называютъ на русскій лодъ «Подчеремъ».

[139]) Вол. Губ. Вѣд. 1858 г. № 45: «Описаніе физическихъ свойствъ Яренскаго уѣзда», г. В. Аврамова.

[140]) Тамъ-же № 49.

[141]) Тамъ-же № 9: «Сельско-хозяйств. очеркъ Волог. губерніи», г. Н. Бунакова. Мы имѣемъ основаніе думать, что г. Бунаковъ пользовался подлинными отмѣтками самаго наблюдателя, которыя хранились въ Устьсысольской Публичной библіотекѣ и потомъ были вытребованы въ губернскій Статистическій Комитетъ.

152 дня. Среднее вскрытіе приходится на 9 Апрѣля, а замерзаніе—на 4 Октября. Среднимъ числомъ рѣка бываетъ покрыта льдомъ 185 дней [142]).

Какъ данныя для опредѣленія климата Устьсысольска, приведемъ также свѣдѣнія о времени посѣва и жатвы ячменя въ этомъ городѣ съ 1817 г. по 1874 г. Среднее число для посѣва ячменя есть 10 Мая, а для жатвы—9 Августа; средняя продолжительность растительности 91 день; наибольшая—115 дней (1836 г.) и наименьшая—76 дней (1823 г.). Самый раннiй посѣвъ былъ 26 Апрѣля (1826 г.), а самый поздній—22 Мая (1819 г.); самая поздняя жатва—25 Августа (1835 г.), а самая ранняя—23 Іюля (1844 г.) [143]).

Чтобы дать, такъ сказать, осязательное понятіе о степени суровости климата и континентальныхъ крайностяхъ зырянскихъ зимы и лѣта, мы сообщимъ нѣсколько замѣтокъ, касающихся болѣе удаленныхъ къ сѣверу мѣстностей. По наблюденіямъ съ 1849 по 1854 г. [144]), Печора вскрывается всегда въ половинѣ Мая; ледъ на ней бываетъ отъ 3 до 5 четвертей; иней въ Печорскомъ краѣ начинается въ первыхъ числахъ Августа; рожь поспѣваетъ между 10 и 20 Августа (въ сѣверной части этого края хлѣбопашествомъ вовсе не занимаются); ячмень сѣется между 25 Мая и 5 Іюня, а поспѣваетъ 10—18 августа; ленъ и конопля сѣются 1 Іюня, а поспѣваютъ: первый 6, а послѣдняя,—15 Августа; ягоды поспѣваютъ: земляника и морошка 15 Іюня; поляника, черника и брусника—1 Іюля, но холодъ повреждаетъ ихъ иногда въ цвѣту. Птицы прилетаютъ: лебеди 10 Апрѣля, утки 15, журавли и гуси—1 Мая. Вороны и галки не остаются на зиму.—Въ другой части Зырянскаго края, на Удорѣ (по рр. Мезени и Вашкѣ), лѣто бываетъ такъ коротко, что мѣстные жители, чтобы выиграть какой-нибудь лишній день, удобный для росту хлѣба, свозятъ весною снѣгъ съ полей [145]). Иней тамъ начинается иногда въ первой половинѣ Іюля [146]). Но даже сравнительно въ южной мѣстности, каковъ Устьсысольскъ, морозы бываютъ такъ сильны, что лопаются стекла [147]). За то сколь сильны зимніе морозы, столь-же велики лѣтніе жары. На Удорѣ иногда для росту ячменя, отъ посѣва до уборки, достаточно 40 дней [148]). Вода въ рѣкахъ нагрѣвается, какъ парное молоко [149]).

Несмотря однакожь ни на эту суровость климата и крайности его, ни на болотистое свойство мѣстности, ни на часто повторяющіеся неурожаи, когда Зыряне питаются, вмѣсто хлѣба, пихтовою корою, мохомъ, рябиновымъ листомъ и т. п., народное здоровье находится въ удовлетворительномъ состояніи: отъ перевѣса числа рожденій надъ числомъ смертныхъ случаевъ, населеніе зырянскихъ уѣздовъ Вологодской губерніи, особенно сѣверныхъ частей ихъ, какова наприм. Удора, увеличивается гораздо сильнѣе, нежели населеніе русскихъ [150]). Такое явленіе обыкновенно объясняютъ вліяніемъ климата и воды [151]). Вода р. Вишеры считается цѣлебною [152]);

---

[142]) Тамъ-же 1858 г. № 1: «Вскрытіе и замерзаніе р. Сысолы у Устьсысольска съ 1816 по 1855 г.» Павл. Кокшарова. Изъ этой статьи мы помѣстили въ текстѣ цифры, какъ онѣ есть; но такъ какъ г. Кокшаровъ, дѣлая выводы, явно допустилъ ошибки, или, можетъ быть, въ статью его вкрались опечатки, то здѣсь мы приводимъ тѣ данныя, которыми онъ пользовался:

Годы.	Дни вскрытія.	Дни замерзанія.	Число дней, въ которые рѣка была свободна	Годы.	Дни вскрытія.	Дни замерзанія.	Число дней, въ которые рѣка была свободна
1816	Апрѣля 27	Октября 12	168	1836	Апрѣля 4	Ноября 5	193
1817	— 17	— 4	170	1837	— 27	— 7	194
1818	Мая 2	— 19	170	1838	— 17	— 9	206
1819	— 8	— 7	152	1839	— 24	Октября 19	178
1820	Апрѣля 13	— 12	182	1840	— 23	— 7	167
1821	— 27	— 19	175	1841	— 21	— 31	193
1822	— 7	— 22	198	1842	— 29	— 24	178
1823	— 27	— 7	163	1843	Мая 3	Ноября 3	184
1824	Мая 1	— 20	172	1844	Апрѣля 20	Октября 23	195
1825	Апрѣля 19	Ноября 15	210	1845	Мая 7	— 20	166
1826	— 15	Октября 15	183	1846	Апрѣля 21	Ноября 2	195
1827	— 8	— 8	183	1847	— 30	— 9	193
1828	— 21	— 24	186	1848	— 11	Октября 20	192
1829	— 26	— 26	183	1849	— 18	Ноября 11	207
1830	— 27	— 5	161	1850	— 22	Октября 10	171
1831	— 20	— 7	170	1851	— 20	— 16	179
1832	— 25	— 29	187	1852	Мая 2	— 15	166
1833	— 18	Ноября 17	213	1853	Апрѣля 17	— 23	189
1834	— 22	Октября 29	190	1854	— 28	Ноября 5	191
1835	— 13	— 20	215	1855	Мая 8	— 11	217

Изъ этой таблицы видно во 1-хъ, что лѣто 1855 г. не было самое продолжительное, такъ какъ продолжалось не 217 дней, а 187; въ 2-хъ, что самое продолжительное лѣто было въ 1833 году, когда рѣка вскрылась 18 Апрѣля, а льдомъ покрылась 17 Ноября, т. е. 213 дней; въ 3-хъ, что среднимъ днемъ вскрытія и замерзанія, въ такомъ случаѣ, будутъ не 9 Апрѣля и 4 Октября (послѣднее число есть крайній предѣлъ ранняго замерзанія), а 21 Апрѣля и 26 Октября, и что, слѣдовательно, въ 4-хъ среднимъ продолженіемъ зимы будетъ не 185, а 177 дней. Мы не упоминаемъ объ ошибкахъ въ частныхъ выводахъ продолжительности зимы для каждаго изъ 40 лѣтъ; а что ошибки есть,— укажемъ на 1835 и 1836 гг.

[143]) Тамъ-же 1851 г. № 14: «О времени и количествѣ теплоты, нужныхъ для созрѣванія ячменя въ г. Устьсысольскѣ.», г. Н. Даниловскаго.

[144]) Тамъ-же 1854 г. № 31: «Печорскій приходъ» г. Попова-Локчимскаго.

[145]) Тамъ-же: а) 1849 г. №№ 20 и 21: «Статист. Опис. Яренскаго уѣзда», г. П. Протопопова, и б) 1858 г. № 9: «Сельско-хозяйств. очеркъ Волог. Губерніи», г. Н. Бунакова.

[146]) Тамъ-же. 1858 г. № 47: «Описаніе физическихъ свойствъ Яренскаго уѣзда» г. В. Аврамова.

[147]) Тамъ-же по примѣч. 136.

[148]) Тамъ-же 1865 г. № 12: «Путевыя записки по Вологодской губерніи», г. Кашперова.

[149]) Тамъ-же 1847 г. № 12: «Первая поѣздка на Удору».

[150]) Тамъ-же 1859 г. №№ 28—38: «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйственный бытъ», г. В. Аврамова.

[151]) Тамъ-же 1848 г. № 36: «Нѣсколько словъ о г. Устьсысольскѣ и его уѣздѣ», г. П. Богданова.

[152]) Тамъ-же 1848 г. № 12: «Путевыя замѣтки отъ г. Устьсысольска къ Вишерскому селенію», г. А. Попова.

Сандорскаго озера-тожъ [153]). Г. Аврамовъ утверждаетъ [154]), что до холеры 1848 года въ Яренскомъ уѣздѣ не слышно было ни о какихъ эпидемическихъ болѣзняхъ; но съ этого времени, хотя холера тамъ и не появлялась, стали свирѣпствовать лихорадки, которыя и до сихъ поръ не прекращаются. Однако и лихорадки губительнѣе въ южной, русской части уѣзда, нежели въ сѣверной.—Сами Зыряне удовлетворительность состоянія своего здоровья приписываютъ банямъ, къ которымъ имѣютъ, какъ послѣ увидимъ, сильное пристрастіе. Кромѣ того, они знаютъ и многія спеціальныя средства противъ болѣзней, и, съ замѣчательнымъ искусствомъ, умѣютъ въ этомъ случаѣ пользоваться тѣмъ, что даетъ имъ окружающая природа [155]).

Заключая настоящую главу, упомянемъ о мѣстныхъ примѣтахъ, имѣющихъ метеорологическій характеръ. Вотъ эти примѣты: хлѣбъ родится хорошо, когда полотно зимней дороги ниже уровня снѣгу, и наоборотъ. Появленіе въ большомъ количествѣ клестовъ или полевыхъ тетерь предвѣщаетъ неурожай. Если снѣгъ выпадетъ прежде, нежели опадутъ съ деревьевъ листья, будетъ много больныхъ. Если ледъ весною идетъ тихо, или истлѣваетъ на мѣстѣ, весна будетъ тяжелая. Если на сырой лѣсъ выпадетъ *кухта* (снѣгъ) и останется на немъ всю зиму, годъ будетъ тяжелый и для людей, и для скота. Если съ осени рѣки покроются не гладкимъ льдомъ,—будетъ урожай, и на оборотъ. Если вороны выкидываютъ изъ гнѣздъ яица, а иногда и дѣтей, будетъ годъ зяблый. Если въ началѣ весны у черныхъ жуковъ переднія ноги толще, то будетъ лучше ранній посѣвъ яроваго хлѣба; если среднія, то—средній; если заднія, то—поздній. Если тяжелѣе первое, снесенное курицею яйцо, то лучше будетъ ранній посѣвъ и т. д.—Тоже значитъ толщина передней, средней и задней частей пѣсни у весенній щуки. Весенняя вода разливается до той высоты, до которой поднимаются на берегъ гирки (утки мелкой породы). Если у этой утки спина чиста и бѣла, то лѣто будетъ ясное; если бѣла, но съ красными пятнами—не постоянное; если вся красная—дождливое; если передняя часть красна, то начало лѣта будетъ дождливое и т. д. Если съ осени снѣгъ выпадаетъ не одинъ разъ, то и весна начнется нѣсколькими оттепелями [156]).

ГЛАВА VI.

КАРТИНЫ ПРИРОДЫ ЗЫРЯНСКАГО КРАЯ И ПУТИ СООБЩЕНІЯ.

Общій видъ страны.—Выдержки изъ путевыхъ записокъ г. Кашперова.—Путешествіе г. Мельникова къ Синдорскому озеру.—Первая поѣздка на Удору неизвѣстнаго автора.—Отлетъ птицъ.—Желѣзныя ворота.—Дороги.—Заключеніе.

Обширная, равная пространству Португаліи и Даніи, площадь Зырянскаго края сплошь покрыта лѣсомъ, преимущественно хвойнымъ: по болотамъ—не высокимъ, тощимъ и рѣдкимъ, а по суходоламъ (боръ)—густымъ и достигающимъ громадныхъ размѣровъ. По этому темнозеленому фону тянутся голубыя ленты неисчислимаго множества рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ и только кое-гдѣ мелькаютъ оазисы 500 селеній (по одному на каждыя 7 кв. м.) съ окружающими ихъ полями.—Но это нѣмая, неспособная произвести никакого живаго впечатлѣнія, картина.—Поэтому мы познакомимъ читателя съ впечатлѣніями, которыя производила не картина, а сама природа на людей, находившихся подъ непосредственнымъ вліяніемъ послѣдней: мы сдѣлаемъ выдержки изъ записокъ, проѣзжавшихъ и проходившихъ Зырянскій край не по большимъ дорогамъ, а часто вовсе не по дорогамъ. Надѣемся, что изъ такихъ выдержекъ читатель почерпнетъ много интересныхъ свѣдѣній, которыя не войдутъ въ другія главы нашего труда. Начинаемъ съ записокъ г. Ив. Кашперова [157]).

---

153) Тамъ-же № 44: «Описаніе физическихъ свойствъ Яренскаго уѣзда», г. В. Аврамова.

154) Тамъ-же № 51.

155) Передаемъ, со словъ г. Кочіева (Вол. Губ. Вѣд. 1848 г. № 49: «Зырянскіе обычаи»,) объ одномъ медицинскомъ пріемѣ: «Зыряне «отъ болѣзней, соединенныхъ съ порчею крови, лѣчатся слѣдующимъ «образомъ: берутъ *пакулу* или сухую березовую губку, обрѣзываютъ «ее на подобіе плоскаго кружка, кладутъ на больное мѣсто и зажи«гаютъ сверху. Когда огонь зажженной губки начнетъ достигать до «тѣла и больной почувствуетъ боль,—это значитъ, что въ томъ мѣстѣ «нѣтъ скопленія дурной крови и что губку нужно приложить въ дру«гому мѣсту, и т. д. до тѣхъ поръ, пока губка, коснувшись тѣла, «не отскочитъ сама собою. Иногда она отскакиваетъ вершка на 4. «Это считается признакомъ того, что въ томъ самомъ мѣстѣ есть «сильное скопленіе дурной крови. Тогда губку снова прикладываютъ «къ этому мѣсту, и, придерживая ее чѣмъ нибудь несгараемымъ, вы«жигаютъ тѣло глубиною на 2 или 3 линіи. Послѣ сего начинается «гноеніе раны, и нерѣдко бываетъ, что, при наклоненіи ея книзу, «извергается черная сгустившаяся кровь; потомъ начнется совер«шенно гноетеченіе, и въ такомъ видѣ поддерживаютъ рану до тѣхъ «поръ, пока больной получитъ облегченіе. Для поддержанія такого со«стоянія раны употребляется трава, называемая *подкопытникомъ*, «также свѣжая заячья шкура и капустный листъ лѣвой стороною. «Тотъ-же капустный листъ употребляется и для заживленія раны, «только въ послѣднемъ случаѣ кладутъ его правою стороною, пома«завъ предварительно коровьимъ масломъ.»

156) Вол. Губ. Вѣд. 1849 г. № 6: «Зырянскія повѣрья,» г. Кочіева

157) Тамъ-же 1865, №№ 11 и 12.

«Отсюда (отъ Сереговскаго завода) мы должны были «отправиться верхомъ: иначе ѣхать невозможно. Дорога «или, лучше сказать, тропа извивается по правому и лѣ«вому берегамъ р. Выми, черезъ которую переправы дѣ«лаются вбродъ или вплавь. Замѣчательно, что здѣсь раз«стоянія считаются чемкосами, кои приблизительно имѣютъ «отъ 6 до 7 верстъ и въ сущности означаютъ какое-ни«будь примѣтное мѣсто, какъ напр. рѣчка, зырянскій «станъ и т. п. [158]). Трудно было съ непривычки про«ѣхать 130 верстъ безъ сѣдла; но на другія сутки мы «пріѣхали на Турьинскій погостъ, замѣчательный мѣсто«пребываніемъ князей Вымскихъ [159]). Здѣсь путешествіе «наше приняло другой видъ. Запасшись въ Турьѣ съѣст«ными припасами на цѣлую недѣлю, мы поѣхали въ ма«лыхъ и крытыхъ узкихъ лодочкахъ, управляемыхъ Зы«рянами двумя шестиками, и ѣхали быстро, не смотря «на быстрое теченіе рр. Выми и Елвы. Кромѣ пороговъ «и комаровъ, осаждавшихъ насъ тысячами, мы не встрѣ«чали другихъ неудобствъ. При устьѣ р. Пегышъ уви«дѣли послѣдній погостъ, и вступили потомъ въ Елву. «Отсюда взорамъ нашимъ представлялся одинъ лишь «дремучій лѣсъ; никакого населенія не встрѣчается на «разстояніи болѣе 300 верстъ. За то много здѣсь было «рыбы и дичи. Зырянскія винтовки, некрасивыя на видъ, «и вмѣщающія зарядъ, стоющій не болѣе ½ коп., чрез«вычайно мѣтко поражали утокъ, гусей и рябчиковъ. «Берега гористы, но не далѣе, какъ въ полуверстѣ отъ «берега начинаются обширныя болота, поросшія изрѣдка «лѣсомъ.... Не смотря на быстроту рѣки, мы проѣзжали «до 50 верстъ въ день, раза по три останавливаясь для «отдыха. Черезъ три дня приплыли къ устью ручья Пе«гышъ, изобилующаго травою, подобною мокрецу и раз«стилающеюся по дну этого ручья. Трава эта вкусомъ «похожа на редисъ и составляетъ у Зырянъ главное лѣ«карство отъ простудной болѣзни.—Это мѣсто считается «половиною волока. Здѣсь лодку нашу и поклажу нуж«но было перевозить шесть верстъ сухимъ путемъ на «двухъ колесахъ;—почему работники должны были схо«дить за 6 верстъ и привезти эту одноколку, а потомъ, «съ большимъ трудомъ, общими силами, переправились «мы въ систему водъ р. Мезени, и поплыли по тихому «теченію Ирвы, впадающей въ первую. Ирва имѣетъ до «того низкіе берега, что они постоянно затоплены во«дою и поростаютъ ивою или елью. Извилиста она такъ, «что мы перетаскивали лодку за нѣсколько сажень, что«бы сократить путь на нѣсколько верстъ. Выходить на «такой берегъ невозможно, кромѣ тѣхъ суходоловъ, гдѣ «устроены зырянскіе станы. Въ 40 верстахъ отъ Мезени, «на правомъ берегу Ирвы есть небольшая деревня Кри«вуша, передъ коей рѣка представляетъ огромное озеро, «и, за тѣмъ, дѣлается быстрѣе.

«На другой день мы увидѣли село *Плотово* на высо«комъ и покатомъ берегу Мезени, противъ устья Ирвы. «Преданіе говоритъ, что селеніе это получило названіе «въ 1612 г. отъ какого-то чудовища *Плота*, который, «въ весеннее время, забравшись сюда по р. Мезени изъ «моря, глоталъ приближавшихся къ нему животныхъ и «даже людей, такъ что усилія крестьянъ цѣлой волости «и колдуновъ, съ большимъ трудомъ истребили это чу«довище. Здѣсь двѣ деревянные церкви и до 100 крестьян«скихъ домовъ; отсюда по р. Мезени, проплывъ 50 верстъ, «прибыли въ село Костланское, гдѣ намъ предстояли «работы. Въ 9,000,000 дес. дача требовала повѣрки «межъ, почему работы были за 100 и болѣе верстъ отъ «селеній, и я по нѣскольку недѣль жилъ подъ откры«тымъ небомъ. Лѣсъ изобилуетъ непроходимыми боло«тами и валежникомъ; поэтому доставка провизіи затруд«нительна и не разъ случалось жить безъ хлѣба по сут«камъ и болѣе. Межи не доставляютъ Зырянамъ пользы. «Потому-то они и не имѣютъ о нихъ понятія: не говоря «о лѣсныхъ угодьяхъ, даже сѣнокосами каждый поль«зуется гдѣ угодно. Пожни простираются на нѣсколько «сотъ верстъ по рѣкамъ и рѣчкамъ, и даютъ большое «количество превосходнаго корму [160]). Примѣчательно, «что здѣсь на покосахъ растетъ много луку, подобнаго «сѣянцу. Все пространство по р. Мезени и далѣе по «Вашкѣ извѣстно подъ именемъ *Удоры* и имѣетъ насе«ленія до 2000 д. м. п. Главное достоинство жителей «честность. Здѣсь не знаютъ замковъ; потому что во«ровства никогда не бывало; только амбары отъ живот«ныхъ запираются задвижками. Крестьяне вообще жи«вутъ хорошо. Постройка ихъ не отличается отъ обык«новенныхъ деревенскихъ избъ и весьма удобна. Лѣт«няя одежда мужчинъ состоитъ изъ бѣлой рубахи ниже «колѣнъ, безъ пояса; на головѣ—мѣшокъ съ волосяной «сѣткой отъ комаровъ и мошки, а на ногахъ—валяные «коты и онучи, коими обвертываются ноги по колѣно. «Зимнюю одежду составляетъ *малица*, длинная одежда, сшитая изъ оленьихъ шкуръ, шерстью внизъ, вмѣстѣ

[158]) Г. Ю. Волковъ слово «чемкосъ» пишетъ «чемкость». Правописаніе г. Кашперова правильнѣе. Точно также, какъ и опредѣленіе значенія этого слова у г. Кашперова вѣрнѣе, нежели у другихъ авторовъ, напр. у г. Мельникова, который какъ скоро увидимъ, считаетъ каждый чемкосъ въ 5 верстъ. По этому-то инымъ, какъ напр. г. Ю. Волкову, нѣкоторые чемкосы и кажутся слишкомъ длинными (Вол. Губ. Вѣд. 1854 г. №№ 32—34: «Замѣтки и впѣчатлѣнія охотника по Вологодской губерніи»). Впрочемъ авторъ статьи «Первая поѣздка на Удору» (будетъ сдѣлана выписка) тоже не считаетъ чемкосъ опредѣленною мѣрою, и говоритъ, что каждый чемкосъ имѣетъ свое собственное названіе. *Зырянскими станами* г. Кашперовъ явно называетъ охотничьи избушки Зырянъ—*пьезянъ*, о которыхъ рѣчь будетъ впереди.

[159]) Мы уже видѣли, что Княжъ-погостъ не имѣлъ такого значенія. См. въ текстѣ по примѣч. 63.

[160]) Это безспорно; но доставка сѣна изъ отдаленныхъ мѣстъ слишкомъ затруднительна. Сѣно возятъ въ селенія по рѣкамъ на маленькихъ лодкахъ иногда верстъ за сто.

«съ шапкою и рукавицами, пришитыми къ рукавамъ [161]). «Женщины носятъ сарафаны и круглые повойники. Пищу «составляетъ преимущественно вяленая оленина, либо «рыба, сухари и скоромное масло. Хлѣбопашествомъ за«нимаются очень мало; потому что посѣвы очень часто «вызябаютъ, но, въ случаѣ урожая, приростъ бываетъ «обильный. Быстрота растительности необыкновенная: «со дня посѣва въ 40-й день хлѣбъ убираютъ въ амбары. «Главный родъ хлѣба ячмень. Сѣется также рожь и от«части пшеница и горохъ. Главное занятіе Зырянъ звѣ«риные промыслы и скотоводство. Здѣсь весь скотъ «комолый. Зырянинъ съ Сентября по Мартъ, и далѣе, «живетъ въ лѣсу, стрѣляя бѣлокъ, рябчиковъ, лисицъ, «куницъ, выдру, медвѣдей и проч. Замѣчателенъ здѣсь «ловъ утокъ въ сѣти: дѣлаютъ широкую просѣку отъ «одного озера къ другому или къ рѣкѣ; потомъ завѣ«шиваютъ эту просѣку сѣтями на шестахъ и, въ ве«чернее время, когда утки готовятся на покой, начина«ютъ ихъ гонять. Утки не могутъ вдругъ подняться «вверхъ и перелетѣть черезъ высокій лѣсъ, и летятъ «просѣкою въ сѣти. До 200 и болѣе штукъ заразъ попа«даетъ въ эти ловушки.—Лѣтомъ Зыряне каждый день «вечеромъ ходятъ париться въ баню, но никогда не «моются. Рыбы у нихъ много: семга, лохъ и сиги—луч«шая. Религіозное чувство въ Зырянахъ очень развито; «раскольниковъ здѣсь нѣтъ; во всѣхъ деревняхъ, отда«ленныхъ отъ церквей есть часовни съ колокольнями, «на подобіе церквей, куда каждый праздникъ собира«ются большіе и малые; грамотные изъ нихъ читаютъ «и толкуютъ изъ книгъ Свящ. писанія, большая часть (?) «которыхъ переведены на зырянскій языкъ. — Про«бывъ въ селеніи Костланскомъ нѣсколько мѣсяцевъ, «я.... тѣмъ же путемъ возвратился на р. Вымь и изъ «сел. Керазъ, между Онежецкимъ и Княжь-погостомъ, «отправился пѣшкомъ съ 20 Зырянами въ Синдорскія «селенія, *построенныя послѣ генеральнаго межеванія*. «Одинъ изъ Зырянъ былъ проводникомъ, и шелъ съ «компасомъ (маткою), по прямому направленію безъ «всякаго признака дороги. Много болотъ и почти непро«ходимыхъ валежниковъ встрѣтили мы на этомъ пути; «только берега р. Весленьги представляютъ сухую по«верхность. Здѣсь Зырянскій станъ представилъ плохой «ночлегъ, и потому никто не спалъ, несмотря на усталость. «На другой день путешествіе наше продолжалось тоже боло«тами и лѣсами. Чрезвычайно трудно было идти въ осо«бенности тѣмъ, кто имѣлъ ноши, потому что во мно«гихъ мѣстахъ должны были стлать переходы черезъ «болота и ручьи. Къ вечеру достигли рѣки Іосеръ, ко«торая, соединяясь съ Синвою (Син-ва) и Чичь, выте«каетъ (?) изъ Синдорскаго озера, находящагося на вы«сокой мѣстности между Устьсысольскимъ и Яренскимъ «уѣздами. При устьѣ этихъ рѣчекъ, въ 2 верстахъ отъ «озера расположено 3 селенія: Синдоръ, Пудра и Петро«поль, раздѣленныя между собою только рѣчками. Что«бы переправиться черезъ р. Синву нужны были лодки, «замѣченныя нами на противоположномъ берегу; прово«жатые кричали о переправѣ жителямъ деревни, но тѣ «разбѣжались, испугавшись неожиданнаго нашего появ«ленія. Рабочіе сдѣлали плотъ изъ сухаго лѣсу и до«стали лодки. Переправившись, рабочіе отыскали жите«лей и растолковали имъ цѣль нашего прихода. Тогда «всѣ собрались смотрѣть на насъ, какъ на рѣдкость, «потому что къ нимъ не только чиновники, но даже и «Зыряне не бывали болѣе 50 лѣтъ, т. е. со дня ихъ «здѣсь поселенія [162]). Главный промыселъ этихъ Зы«рянъ рыбная ловля; бытъ ихъ не отличается отъ быта «Удорцевъ».

Записки г. Кашперова слишкомъ сжаты; онъ слишкомъ объективно смотритъ на предметъ, такъ что читатель не видитъ его личныхъ впечатлѣній, производимыхъ природою.—Слѣдующіе выписки изъ замѣтокъ лицъ, посѣщавшихъ тѣ-же мѣста, гдѣ былъ и г. Кашперовъ, но не столь нечувствительныхъ къ лишеніямъ и менѣе равнодушныхъ къ красотамъ природы, пополнятъ основательный, но сухой разсказъ его.

Ранѣе г. Кашперова тоже *ходилъ* въ Синдорскія селенія г. Мельниковъ. Вотъ что онъ пишетъ объ этомъ путешествіи [163]). «Въ 237 верстахъ отъ г. Яренска и «во 100 отъ Княжпогоста находится Синдорское селеніе. «Это селеніе слыветъ недоступнымъ для пѣшехода въ «лѣтнее время и только можно до него добраться во«дою, совершивъ до 600 верстъ.—Но, нетерпящій отла«тельства, случай заставилъ меня, въ товариществѣ трехъ «человѣкъ, для сокращенія времени, идти туда пѣшкомъ. «7-го Іюля отправились мы изъ дер. Кыръ-Кочь, въ 14 «верстахъ отъ Княжпогоста, съ провожатыми ямщиками. «Черезъ 8 верстъ намъ представилась огромная равнина, «въ которой тутъ-индѣ виднѣлись тощія сосны. Эта

---

161) Одежда съ пришитыми шапкою или рукавицами, и притомъ шерстью вверхъ, называется *„совикъ“*. *Малицы*-же бываютъ безъ всякихъ принадлежностей, и шерстью внизъ. Обѣ, также, какъ и лѣтняя рубаха, не имѣютъ полъ и надѣваются, какъ дьяконскій стихарь, черезъ голову. Надобно дополнить зимній костюмъ *„пимами“*. Это длинные, выше колѣна, изъ оленьей-же шкуры сапоги, шерстью вверхъ. Они чрезвычайно легки и теплы.

162) Здѣсь мы должны замѣтить, что г. Кашперовъ, не смотря на дѣльность своей статьи, ошибаетъ, утверждая, что Синдорцы не видали никого, *даже Зырянъ*, болѣе 50 лѣтъ. Сей часъ мы увидимъ, что г. Мельниковъ былъ въ синдорскихъ селеніяхъ въ 1852 г. Самого г. Кашперова проводникъ велъ къ озеру прямо, безъ всякаго признака дороги; слѣд. бывалъ тамъ или слыхалъ о пути туда отъ бывалыхъ людей. Дорогою г. Кашперовъ встрѣчалъ *зырянскіе станы*. Наконецъ Синдорцы платятъ-же подати, отбываютъ повинности, покупаютъ и продаютъ и т. п.; слѣд. должны хоть не часто сообщаться съ другими жилыми мѣстами.

163) Волог. Губ. Вѣд. 1853 г. № 24: «Селеніе Синдоръ и озеро того-же имени въ Яренскомъ уѣздѣ».

«площадь, которой невозможно было окинуть взглядомъ, «казалась моремъ съ желтозеленою поверхностію; она «была ничто иное, какъ болото, заросшее мхомъ. Оно «имѣетъ въ поперечникѣ 3 чемкоса, т. е. 15 верстъ [164]), «а длина его неизвѣстна. Мы начали переходить болото «съ терпѣніемъ. Но увы! Болотомъ этимъ шли мы цѣ«лый день, встрѣчая во многихъ мѣстахъ непріятность «быть поглощенными его неизмѣримой глубиной.—Пере«купавшись въ тинѣ, въ моху, въ водѣ, мы кой-какъ «дотянулись до первой избушки. Оправившись нѣсколь«ко, снова пустились въ путь до второй избушки, от«стоящей за 2 чемкоса. Это пространство, не-смотря «на большія и топкія болота, казалось намъ сноснымъ. «Идя впередъ, мы шли по тропинкѣ, пересѣкавшейся «упавшими деревьями. Вскорѣ представился намъ слу«чай переходить новое болото, Кирча-нюръ. Это болото «было еще топче, еще опаснѣе прежняго, и насъ совер«шенно выбило изъ силъ; нѣсколько разъ утопая въ «немъ, мы съ трудомъ вытаскивали изъ мокраго и вяз«каго мха ноги, свалившись на-бокъ. Вотъ, добрались «до первой рѣчки Кылты-ва; но она низкими своими «берегами доставила намъ мало утѣшенія. Наконецъ, «достигши третьей избушки, пустились продолжать «остальной путь, заключающійся въ 4 чемкосахъ, 20 «верстъ. Перешли опять Кылты-ва и небольшія рѣчки «Каръ-Чекель и Сюдзь; послѣдняя совершенно насъ из«пурила. Представьте себѣ небольшую рѣчку, покрытую «тиною, шириною болѣе, чѣмъ на 100 саженъ, довольно «порядочной глубины, протекающую между высокихъ «сѣдыхъ кочекъ. Нужно было осторожно пробираться «по этимъ кочкамъ, чтобы не упасть въ рѣку; скакать «по нимъ; и послѣ того очутилось передъ нами опять «новое болото. Такимъ образомъ, съ большими затрудне«ніями дошли мы до рѣчки Синъ-ва, отъ селенія Син«доръ въ 4 верстахъ, и по сдѣланнымъ перекладинамъ «достигли наконецъ деревни. Селеніе Синдоръ, состоя«щее изъ трехъ деревень, имѣетъ 14 дворовъ съ 62 ду«шами по 9 ревизіи. Земледѣліе въ Синдорѣ, по случаю «песчанаго мѣстоположенія и раннихъ инеевъ и замо«розковъ весьма ограничено: ржи высѣвается по 2 чет«верика на душу, ячменя по $1^1/_2$ четверика, а иногда «и болѣе. Огородныхъ овощей нѣтъ никакихъ. Луговъ «довольно, и скотоводство достаточно. Главное занятіе «жителей—рыбная ловля. Въ 5-ти верстахъ къ югу отъ «селенія находится озеро Синдоръ, 15 верстъ длины и «8 ширины. Изъ этого озера вытекаетъ рѣчка Визь; «въ озерѣ ловятся щуки, окуни, ельцы и множество «ершей. Въ этой рѣчкѣ сдѣлано до 400 чуповъ (ѣзовъ), «но средина не загорожена. Ерши, во время хода сво«его зимою, спускаясь по срединѣ рѣчки, заходятъ въ «разставленныя тамъ *гымъ-га* (морды) тысячами. — Съ «6 декабря жители всякаго возраста отправляются къ «истоку (?) озера, гдѣ едва успѣваютъ вынимать свои «гымъ-га, наполненныя рыбою. Сверхъ того, когда за«мерзнетъ озеро, дѣлаютъ на льду прорубъ и рыбу «черпаютъ саками на длинномъ шестѣ. Ершей налавли«ваютъ больше 500 пудовъ; цѣна имъ, свѣжимъ, бываетъ «отъ 30 до 16 коп. за пудъ. Отъ продажи рыбы выру«чается до 1000 руб. въ годъ».

Вотъ еще болѣе интересное пополненіе записокъ г. Кашперова — это «Поѣздка» неизвѣстнаго автора «на Удору», тѣмъ-же путемъ, которымъ слѣдовалъ туда и г. Кашперовъ [165]): «Въ Турьѣ мы запаслись провизіей «на 300 верстъ. Она состоитъ изъ бѣлыхъ и черныхъ «сухарей, не говоря о чаѣ. Здѣсь-же берутъ что нибудь «изъ мяснаго и то не въ большомъ количествѣ, потому «что черезъ сутки все испортится. Мы отъѣхали отъ «города (Яренска) уже 200 верстъ. Рѣка (Вымь) по«стоянно становилась шире и полнѣе, несмотря на то, «что мы плыли вверхъ. Правый берегъ ея постепенно «возвышался и наконецъ достигъ высоты значительной, «а именно не менѣе, если не болѣе полуверсты въ от«вѣсѣ; но, противъ обыкновенія, не былъ покрытъ лѣ«сомъ, а спускался къ рѣкѣ роскошнымъ лугомъ. Мы «шли по лѣвому берегу, и на вершинѣ противуполож«наго едва могли разсмотрѣть нѣсколько избушекъ, а «между тѣмъ это были довольно порядочные домы. «Лѣвый берегъ разстилался богатыми пашнями, вечеръ «былъ чудно хорошъ, и мы вышли изъ лодки съ на«мѣреніемъ прогуляться версту или полторы, но про«шли 4, не замѣтивъ того; никогда еще не случалось «мнѣ видѣть такого богатаго и огромнаго цвѣтника: «цѣлая поляна на пространствѣ 3 или 4 верстъ была «густо усѣяна шапками, кашками, дикою гвоздикой, ко«локольчиками, душистою повителью и множествомъ дру«гихъ цвѣтовъ возможныхъ видовъ и колеровъ; косвен«ные лучи солнца придавали имъ необыкновенную яр«кость и живость. Эту поляну можно было безъ всякаго «преувеличенія назвать цѣлымъ моремъ цвѣтовъ, по ко«торому мы брели по колѣно и... Простились съ Вымью, «перешедши во впадающую въ нее рѣку Елву, на бе«регу которой почти возлѣ самаго устья и расположи«лись ночевать.... Мѣсто, на которомъ мы остановились, «могло бы быть съ честью помѣщено въ описаніи лю«баго чувствительнаго путешествія за границей, въ осо«бенности въ Швейцаріи или Америкѣ... Я проснулся «на другой день часу въ десятомъ, мучимый жаромъ и «жаждой; пологъ былъ закрытъ, и первымъ движеніемъ «моимъ было выйдти поскорѣе на чистый воздухъ; но я «не долго наслаждался имъ: въ одну минуту сотни ко«маровъ облѣпили мою голову; я не успѣвалъ ихъ да«вить—мнѣ приходилось плохо; кое-какъ намочивши го-

---

164) См. примѣч. 158.

165) Вол. Губ. Вѣд. 1847 г. №№ 41 и 42.

«лову и лицо, я попробовалъ напиться, но съ перваго «же глотка долженъ былъ отказаться и отъ этой дер«зости—вода была тепла, какъ парное молоко.... Мы «пустились въ путь. Жаръ былъ покрайней мѣрѣ гра«дусовъ въ 25 по Реомюру. (Это было въ половинѣ «Іюля)... Мы обѣдали и пили чай на берегу. Весь обѣдъ «состоялъ изъ обжареныхъ въ маслѣ сухарей, и въ до«бавокъ въ одной рукѣ нужно было держать вилку, «а другою отмахиваться отъ комаровъ. Жаръ и комары «съ каждымъ часомъ увеличивались; подъ сѣтками [166]) «было душно; поднять ихъ—новая бѣда; запереться въ «лодкѣ не хотѣлось: тамъ было еще душнѣе; притомъ «же мы порядочно належали бока; о купаньѣ нечего «было и думать, и два часа, данные ямщикамъ на отдыхъ, «показались мнѣ не менѣе двухъ дней... Шея, лицо и «руки мои были искусаны. Будучи не въ силахъ пере«носить зудъ, я безъ милосердія расчесывалъ искусан«ныя мѣста, отчего зудъ превращался въ сильную боль... «По Мезени... мы сдѣлали 70 верстъ и... были въ Разгортѣ. «Отсюда намъ предстояло перебраться 40 верстъ сухимъ, «или вѣрнѣе, полусухимъ путемъ. Мы переѣхали ихъ «на саняхъ, потому что верхомъ, за неимѣніемъ сѣделъ, «не поѣхали, а на колесахъ нѣтъ возможности: дорога «шла чрезъ болото, покрытое сплошь мостомъ изъ цѣль«ныхъ, не тесанныхъ бревенъ... [167]). День былъ не«обыкновенно жарокъ—солнце жгло насъ, сѣтки душили... «Поднять сѣтку, значило отдать себя на истязаніе, ко«торое нисколько не легче жара... Ко всему этому при«соединилась жажда... ротъ и горло совершенно засох«ли,—я не могъ говорить; еще нѣсколько верстъ—и я «почувствовалъ въ горлѣ сильную боль. Я чуть не пла«калъ, но никакъ не рѣшился на послѣднее средство, «къ которому иногда прибѣгаютъ проѣзжающіе, а имен«но, сходятъ съ мостовинъ, выбиваютъ въ сырой землѣ «каблукомъ сапога небольшую ямку, которая въ одну «минуту наполняется мутной водой, и пьютъ этотъ рас«творъ грязи... На обратномъ пути я ѣхалъ верхомъ и измучился не менѣе; лошадь безпрестанно спотыкалась, «и я, чтобы не сломать шеи, принужденъ былъ поддер«живать ее всю дорогу на уздѣ—занятіе, для непривыч«ныхъ рукъ, очень тяжелое. Этотъ волокъ по всѣмъ пра«вамъ можно назвать депо удорскихъ комаровъ. Можно «смѣло спорить съ любымъ астрономомъ, что какъ бы «далеко онъ не проникалъ въ неизмѣримую твердь не«бесную, никогда ему не открыть тамъ столько свѣтилъ, «сколько мы видѣли здѣсь этихъ докучливыхъ музыкан«товъ... Деревня Пучкомская, въ которую мы ѣздили «лежитъ отъ Яренска на сѣверо-западъ, по прямому пути «верстахъ въ 300, а мы сдѣлали 680... Ходятъ, правда, «прямымъ путемъ; но къ нему прибѣгаютъ только въ «крайности, именно въ началѣ весны и осени, когда ран«нія оттепели въ первомъ случаѣ и ранніе морозы—во «второмъ прекращаютъ сообщеніе рѣками. Онъ дѣйстви«тельно прямъ, но за то во все его протяженіе нужно «идти пѣшкомъ по поясъ въ водѣ; промежутки, по кото«рымъ можно переѣхать на лошади или въ лодкѣ, ни«чтожны; кромѣ того, онъ совершенно не обитаемъ и что«бы рѣшиться на него, нужно имѣть много увѣренности «въ своей силѣ и терпѣніи. Непріятности, перенесен«ныя нами, какъ онѣ ни тяжелы для новичка, ничтожны «въ сравненіи съ тѣми, которымъ подвергаются пѣше«ходы. Этотъ путь ведетъ берегами Яреньги и Вашки, «верховья которыхъ идутъ здѣсь недалеко одно отъ дру«гаго. Впрочемъ и водное сообщеніе не всегда такъ хо«рошо и удобно. Судьба благодѣтельствовавъ мнѣ на «первый разъ, послала намъ все, (безвѣтріе и большая «вода), что нужно было для самаго быстраго и удобнаго «переѣзда,—и мы воспользовались ея благосклонностію, «какъ нельзя лучше: въ Пятницу утромъ мы выѣхали «изъ Серегова, а въ Четвертокъ вечеромъ были на мѣстѣ, «слѣд. въ 6 сутокъ съ небольшимъ перешли водою 580 «верстъ, и на половину ихъ противъ воды. Изъ этихъ «6 сутокъ слѣдуетъ исключить полтора дня, убитые нами «на переѣздъ 46 верстъ: 40—отъ Разгорта до Венденг«скаго погоста и 6—на переволокѣ изъ Ёлвы въ Ирву»...

«Все пройденное нами пространство представляетъ «какъ бы дно бассейна, возвышающееся съ одной стороны «къ городу (Яренску)., съ другой, и гораздо замѣтнѣе— «на сѣверъ, къ границѣ Мезенскаго уѣзда; самая низ«менная часть этого бассейна будетъ по теченію Ирвы, «болотистые берега которой совершенно слились съ «рѣкою въ широкія озера. Это пониженіе выражается «постепеннымъ сглаживаніемъ береговъ Ёлвы и Ирвы «и умелченіемъ покрывающаго ихъ лѣса; а съ другой «стороны—обратными признаками. Самая Вымь, по мѣрѣ «приближенія къ этому дну, становится шире и полно«воднѣе, несмотря на то, что отходитъ отъ устья сво«его на 100 слишкомъ верстъ и приближается къ истоку. «Вся эта ложбина пересѣкается въ двухъ мѣстахъ воз«вышеніями около устья впадающей въ Вымь Ёлвы, «идущими прямо на Сѣверъ правымъ берегомъ Выми, и «еще ранѣе—гребнемъ описанныхъ уже мною холмовъ, «идущихъ съ лѣвой стороны Выми на сѣверозападъ. «Узкая полоса песчаника, поросшая богатымъ сосновымъ «боромъ, по которой мы перебрались изъ Елвы въ Ирву, «есть продолженіе того-же гребня. Только здѣсь холмы «переродились въ плоскую возвышенность, постоянно и «очень замѣтно поднимающуюся по тому-же направленію. «Если-же взять постоянное измелченіе лѣса отъ береговъ «Выми до береговъ Ирвы, изъ которыхъ первые покры«ты порядочнымъ ельникомъ и, мѣстами, сосною, а вто«рые только бѣдной осиной съ мелкимъ кудрявымъ

---

[166]) О назначеніи сѣтки упомянуто въ выдержкахъ изъ записокъ Кашперова.

[167]) На Удорѣ на колесахъ никогда не ѣздятъ и не знаютъ колесныхъ повозокъ (Вол. Губ. Вѣд. 1849 г. №№ 20 и 21: «Статист. описаніе Яренскаго уѣзда», г. П. Протопопова).

«кустарникомъ, а потомъ постепенный переходъ его, «по мѣрѣ приближенія на сѣверъ, въ болѣе и болѣе «крупныя породы до богатыхъ лиственичныхъ и пих«товыхъ рощъ, попадающихъ не рѣдко по берегамъ «Вашки; то почти безошибочно можно предположить, «что самое дно этого бассейна было прежде все покрыто «водою. Не мало въ пользу этого предположенія гово«ритъ и необыкновенное извилистое теченіе Ирвы. [168]).

«Обратный переѣздъ мы совершили также скоро и «благополучно. Вся разница въ томъ, что мы, для раз«нообразія, ѣхали, гдѣ можно, верхомъ (всего верстъ «около 150)»...

Всѣ эти выдержки касаются мѣстностей, находящихся въ сѣверной части Яренскаго уѣзда. Хотя и нѣтъ недостатка въ замѣткахъ лицъ, путешествовавшихъ по Устьсысольскому уѣзду; но они уже не представляютъ новаго интереса. Мы замѣтимъ только, что природа этого послѣдняго уѣзда разнообразнѣе природы Яренскаго; потому что сюда проникаютъ отроги Уральскаго хребта и спускаются свѣтловодныя и быстрыя горныя рѣки, впадающія въ Печору, и сдѣлаемъ лишь двѣ небольшія выписки изъ разсказовъ г. Фл. Арсеньева. Во-первыхъ, объ осеннемъ отлетѣ птицъ, который онъ наблюдалъ въ окрестностяхъ г. Устьсысольска:

«....Я вышелъ на свѣжій воздухъ изъ баньки (охот«ничья избушка).... Ночь все еще была темная, звѣзды «заволокло облаками; только едва замѣтный слѣдъ утрен«ней зари, предвѣстникъ наступающаго дня, протянулся «на востокѣ узенькой ленточкой;... но диво дивное тво«рилось въ воздухѣ. Волны не исчислимыхъ звуковъ— «неслись на землю, будто шли надъ головою невидимыя «дороги, по которымъ путешествовали съ неимовѣрною «быстротою несмѣтные полки воздушныхъ странниковъ. «Говоръ гусей, звонъ и свистъ крыльевъ несущихся «стай утокъ, заунывное курлыканье журавлей, разнород«ный пискъ куликовъ мѣшались съ пронзительными пере«ливами трубнаго лебединаго голоса».

«Въ невольномъ изумленіи стоялъ я передъ этимъ «дивнымъ явленіемъ птичьяго отлета. Я вперилъ глаза «вверхъ, но, за темнотою ночи, ничего не могъ раз«глядѣть. Между тѣмъ звуки раздавались все громче и «громче; все плыли и плыли стаи, все гуще станови«лось ихъ въ воздухѣ, такъ что чувствовалось вѣяніе «звенящихъ отъ быстраго полета крыльевъ, будто надъ «головою неслись и парили духи... и т. д. [169])». —

Впрочемъ, подобное явленіе можно наблюдать не только близь Устьсысольска, а и въ другихъ частяхъ Зырянскаго края. Но вотъ картина природы уже чисто пріуральской: это описаніе ущелья на р. Щугорѣ, называемаго Желѣзными воротами.

«...Въ этой-то странѣ протекаетъ р. Щугоръ, мало «извѣстная въ географіи, не ославленная ни въ про«мышленномъ, ни въ торговомъ мірѣ; но замѣчательная «по своимъ живописнымъ видамъ. Она беретъ начало изъ «Уральскихъ горъ, и впадаетъ въ Печору, сдѣлавши около «350 верстъ извилистаго пути. — Мѣстами, эта рѣка «довольно широка, глубока, почти вездѣ камениста; берега «ея круты и обрывисты. Прозрачность воды изумительна: «маленькій камешекъ, серебряный пятачекъ, нитка ми«шуры видны на глубинѣ 2-хъ и болѣе сажень. Вода «Печоры довольно чиста, но, когда вливаетъ въ нее «свои струи Щугоръ, онѣ рѣзко отличаются отъ Пе«чорской воды, не утрачивая своей прозрачности на «нѣсколько верстъ внизъ по теченію Печоры около пра«ваго ея берега. Одно изъ примѣчательнѣйшихъ мѣстъ «на Щугорѣ—это «Ульдоръ-Кырта»,—«Желѣзныя воро«та». — Широкая рѣка вдругъ стѣсняется съ обѣихъ «сторонъ каменными стѣнами, образующими настоящія «ворота. Эти каменныя стѣны длиною въ нѣсколько «сотъ шаговъ, а высотою — отъ 100 до 150 фут., со«стоятъ изъ известняка, лежащаго отвѣсными пласта«ми. Когда проѣдешь черезъ ворота и оглянешься на«задъ, то увидишь, какъ, начиная отъ самаго узкаго «мѣста, каждый новый пластъ отходитъ въ сторону «далѣе предшествующаго, отчего ворота принимаютъ «такой видъ, какъ будто онѣ устроены изъ натураль«ныхъ кулисъ. Самые пласты гладки, обнажены и «ослѣпительно бѣлы; но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они «прилегаютъ одинъ къ другому, въ узкихъ промежут«кахъ между ними, сбѣгаютъ внизъ по разсѣлинамъ «зеленыя полоски дерна и кудреватаго кустарника, какъ «гирлянды бальнаго убора; а на вершинахъ лѣсъ, вы«соко возносящій свои, зубчатыя вверху, верхушки къ «небу. Сквозь эти каменныя рамы видна по ту сторону «воротъ широкая, гладкая равнина рѣки съ ея зеле«ными берегами, а въ отдаленіи—хвойный дремучій боръ, «замыкающій ландшафтъ. Передъ воротами разстилает«ся такое-же великолѣпное водное зеркало.»

«Трудно себѣ представить то обаяніе, подъ вліяніемъ «котораго находится наблюдатель, окруженный велич«ественною панорамою природы въ видѣ безграничной ска«терти водъ, съ играющими на нихъ лучами яркаго «солнца, или въ видѣ дѣвственнаго, вѣчно зеленаго «лѣса, или въ видѣ смѣло нагроможденныхъ горъ, подъ«ятыхъ страшною силою за облака; но ни одна изъ «подобныхъ картинъ не поражаетъ наблюдателя такъ, «какъ картина воднаго зеркала, обставленнаго снѣго«выми обрывами известковыхъ скалъ, заключенныхъ «въ зеленую раму безграничнаго лѣса. Это такая кар-

---

[168]) Мнѣніе неизвѣстнаго автора «Первая поѣздка на Удору» окончательно подтверждается тѣмъ, что въ мѣстности, орошаемой рр. Ирвой, Мезенью и Вашкой, въ составѣ подпочвы, находится много раковинъ и окаменѣлостей (Вол. Губ. Вѣд. 1858 г. № 41: «Описаніе физическихъ свойствъ Яренскаго уѣзда).

[169]) Вол. Губ. Вѣд. 1861 г. №№ 45 и 46: «Осенняя ночь на берегахъ Вычегды. Глава не охотничьяго разсказа «Лайкоджъ,» г. Ф. Арсеньева.

«тина, которая, даже въ описаніи, заставляетъ сердце «любителя биться сильнѣе» [170]). Послѣднюю выписку мы сдѣлали не только для того, чтобы представить лишнюю картину оригинальной и живописной мѣстности, но и потому, что «Желѣзныя Ворота» имѣютъ нѣкоторую историческую извѣстность: сюда, какъ мы думаемъ, ходилъ въ древности Новгородецъ Улѣбъ.

Такова наружность Зырянскаго края; таковы способы сообщенія въ большей части его. Но въ южной части его есть и настоящія дороги: почтовая, соединяющая города Устьсысольскъ и Яренскъ на разстояніи 150 верстъ и 2 торговыя, соединяющія Устьсысольскъ съ г. Слободскимъ (Вятской губерніи) и съ Устюгомъ (Вологодской). Впрочемъ и на Печору проложена въ 1850-хъ годахъ [171]) дорога, которая проходима только въ самую сухую погоду, и на которой есть огромные волока, напр. въ 150 верстъ [172]) съ неизбѣжными *зимовками* [173]).— На Вишеру путешествуюмъ то пѣшкомъ, то верхомъ, то въ лодкахъ [174]).

Зимою болота и рѣки замерзаютъ; пути спрямляются; но каковы эти пути можно судить по тому, что никто не обнародовалъ замѣтокъ о поѣздкахъ въ глушь Зырянскаго края зимою. Только туземный охотникъ пробѣгаетъ на лыжахъ по глубокимъ снѣгамъ при помощи матки (компаса), да изрѣдка, изъ подъ сильной неволи, пробирается Богъ знаетъ какими способами, уѣздный чиновникъ въ ту или другую волость.

Въ заключеніе настоящей главы, не вдаваясь въ подробности, замѣтимъ, что въ Зырянскомъ краѣ весьма легко можно устроить, если когда нибудь представится въ томъ надобность, превосходную сѣть водныхъ сообщеній: Мезень, Печора, Кама и Вычегда, и даже Обь, во множествѣ пунктовъ могутъ быть безъ особыхъ издержекъ, соединены коротенькими каналами. — Въ настоящее время польза такихъ каналовъ, по малолюдству и бѣдности края, далеко не можетъ соотвѣтствовать издержкамъ на устройство ихъ, какъ бы послѣднія не были незначительны. Это видно изъ того, что Сѣверо-Екатерининскій каналъ, соединявшій Каму съ Вычегдой, былъ закрытъ, какъ совершенно безполезный.

Не лишнимъ считаемъ сдѣлать краткій перечень тѣхъ пунктовъ, гдѣ названныя большія рѣки могутъ быть соединены другъ съ другомъ въ предѣлахъ Зырянскаго края:

а) *Вычегда съ Печорою*—посредствомъ рѣкъ Мылвы Вычегодской и Мылвы Печорской, между которыми волокъ въ 4 версты.

б) *Мезень съ Печорою* — посредствомъ двухъ Ижмъ, между которыми волокъ въ 3 версты.

в) *Печора съ Обью*—посредствомъ Щугора съ одной стороны и Соевы — съ другой. Величина раздѣльнаго пункта намъ неизвѣстна. Впрочемъ, въ предѣлахъ Архангельской губерніи, по изслѣдованію В. Н. Латкина, находится болѣе удобный пунктъ соединенія этихъ двухъ великихъ рѣкъ.

г) *Печора съ Камой* — посредствомъ Волосяницы съ одной и Вогулки — съ другой стороны, раздѣленныхъ 4-хъ верстнымъ волокомъ.

д) *Вычегда съ Мезенью*—посредствомъ Ирвы и Йолвы, между которыми, какъ мы уже видѣли, волокъ въ 6 вер.

и е) *Вычегда съ Камою*, какъ извѣстно, уже были соединены посредствомъ Сѣверо-Екатерининскаго канала между двумя Кельтмами.

---

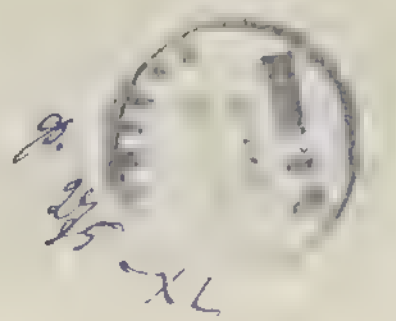
170) Тамъ-же 1866 года № 47: «Рѣка Щугоръ (картины нашего сѣвера)» г. Ф. Арсеньева.

171) Тамъ-же 1854 г. №№ 32 и 33: „Замѣтки и впечатл. охотника по Волог. губерніи» г. Ю. Волкова.

172) Въ Вологодской губерніи вообще *волоками* называется лѣсистое пространство, отдѣляющее одно селеніе отъ другаго или, точнѣе прилегающія къ послѣднимъ поля. Въ Зырянскомъ-же краѣ слово волокъ отчасти еще сохранило свой первоначальный смыслъ переволока между двумя рѣками: таковъ именно волокъ между рѣками Ирвой и Елвой, какъ мы видѣли ранѣе.

173) *Зимовками* называются избы, устроиваемыя на большихъ волокахъ отъ волостныхъ обществъ, для того, чтобы проѣзжающіе, особенно въ трескучіе морозы, могли согрѣться, выкормить лошадей,— и ничего болѣе; хотя въ нихъ и живутъ, тоже по найму отъ обществъ, что-то въ родѣ сторожей, или какой нибудь старикъ или бобыль—мальчикъ, обязанности которыхъ состоятъ только въ томъ, что бы зимовки протапливались. Путешественникъ здѣсь иногда не найдетъ ничего, даже хлѣба, не говоря уже о самоварѣ и т. п. роскоши: столъ, скамейка, кадка и деревянный ковшикъ—вотъ вся мебель и посуда. Таковы покрайней мѣрѣ, тѣ зимовки, которыя мы сами имѣли случай видѣть.

174) Вол. Губ. Вѣд, 1848 г. №№ 10 и 12.



ГЛАВА VII.

ЕСТЕСТВЕННЫЯ БОГАТСТВА КРАЯ.

Ископаемыя: золото, серебро, мѣдь, желѣзо, соль, точильный камень, антрацитъ, нефть, доманикъ, сердоликъ, графитъ, гипсъ и пр.— Растенія.—Животныя.

И письменные, и устные отзывы людей, болѣе или менѣе близко знакомыхъ съ Зырянскимъ краемъ, о естественныхъ богатствахъ его чрезвычайно разнорѣчивы: одни смотрятъ на него, какъ на страну до крайности бѣдную, которая даже впереди не можетъ ожидать лучшаго; а другіе, напротивъ, восторгаются его несмѣтными богатствами и обѣщаютъ ему великолѣпное будущее. — Не высказывая собственнаго взгляда на этотъ предметъ, мы представимъ данныя.

Несмотря на то, что мѣстность, заселенная Зырянами, весьма недостаточно изслѣдована, не подлежитъ сомнѣнію, что она изобилуетъ разнообразными ископаемыми богатствами.

Спеціалистъ въ дѣлѣ золотопромышленности, г. Ю. Волковъ утверждаетъ [175]), что Печорскій край имѣетъ поразительное сходство съ золотоносными мѣстностями, находящимися по ту сторону Уральскаго хребта; но не смотря на то, пишетъ, что *золото* на Печорѣ, можетъ быть, есть, а можетъ быть, и нѣтъ. Достовѣрно то, что неоднократныя попытки отыскать тамъ этотъ драгоцѣнный металлъ до сихъ поръ рѣшительно не удавались. Хотя намъ довольно подробно извѣстны и личности золотоискателей и исторія такихъ попытокъ; но считаемъ безполезнымъ распространяться объ этомъ предметѣ. Замѣтимъ только, что лица, дѣлавшія попытки найдти золото на Печорѣ, брались не за свое дѣло: они не располагали ни необходимыми матеріальными средствами, ни достаточною опытностію. Во всякомъ случаѣ вопросъ о томъ, есть-ли золото въ Зырянскомъ краѣ, остается открытымъ.

Серебро дѣйствительно есть. Еще при Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ III, именно въ 1491 году, были посланы на Печору *рудознатцы* и отыскали серебряную руду на р. Цыльмѣ въ урочищѣ Косму, въ 300 верстахъ отъ самой Печоры. Почему разработка руды оставлена, мы не знаемъ; но Зыряне помнятъ еще о томъ [176]). По завѣренію г. Ю. Волкова, лѣтъ 30 тому назадъ, признаки серебряной руды были отысканы г. Трапезниковымъ по рѣкамъ Вишерѣ и Вычегдѣ, хотя мѣстонахожденія серебра точно неизвѣстны. Г. Волковъ говоритъ также, что у Зырянъ есть много вещей изъ этого металла, очевидно, мѣстнаго происхожденія, изъ чего слѣдуетъ заключить, что оно находится не только въ рудѣ, но и въ самородкахъ [177]). Извѣстно, что Зыряне вообще стараются скрывать мѣстонахожденія рудъ, изъ опасенія, чтобы начальство, не обратило ихъ въ крѣпостное, состояніе устроивъ заводы [178]), примѣръ чему у нихъ былъ на глазахъ въ Сереговскомъ соленарѣнномъ и въ Кажимскихъ желѣзодѣлательныхъ и чугуноплавильныхъ заводахъ, учрежденныхъ на поссессіонномъ правѣ.

Мѣдь въ 1491 г. была отыскана, вмѣстѣ съ серебромъ, но разработка ея также оставлена [179]).—Г. Ю. Волковъ говоритъ, что признаки присутствія мѣди въ колчеданахъ по берегамъ многихъ рѣкъ, впадающихъ въ Печору и Вычегду, несомнѣнны и что самъ онъ видѣлъ *ашеритъ* (кристаллическая мѣдная руда зеленаго цвѣта), найденный въ Верховьяхъ Вишеры [180]). Г. Яблонскій сомнѣвается въ этомъ и полагаетъ, что г. Волковъ за ашеритъ принялъ *кристаллическій малахитъ* или *фосфорохалцитъ* [181]). Но г. Кашперовъ пишетъ, что онъ, на днѣ Вишеры, самъ отыскалъ нѣсколько кусковъ самородной мѣди и очень много *каганскаго камня*(?) [182]). Свящ. І. Поповъ находилъ мѣдную руду близъ села Вотчи въ Устьсысольскомъ уѣздѣ по р. Сысолѣ [183]).

---

175) Тамъ-же 1855 г. № 14: «Минеральныя богатства Вологодской губерніи».

176) Вол. Губ. Вѣд. 1868 г. № 4: «В. Н. Латкинъ и Печорская компанія», г. С. Лашкарева.

177) См. примѣч. 175.—Мы отъ многихъ слыхали, что у Зырянъ есть вещи изъ своего серебра.

178) Вол. Губ. Вѣд. 1848 г. № 12: «Путев. замѣтки на пути отъ Устьсысольска по Вишерскому селенію», г. А. Попова.

179) См. тамъ-же.

180) См. примѣч. 175.

181) Вол. Губ. Вѣд. 1858 г. № 11, примѣч. къ статьѣ г. П. Бунакова. «Сельско-хозяйств. очеркъ Вол. Губерніи».

182) Тамъ-же 1865 года № 12: «Путевыя записки по Вол. Губерніи» г. Кашперова. Не корня-ли?

183) Тамъ-же 1858 г. № 3: «Взглядъ на геологическое состояніе с. Вотчи въ сельско-хозяйств. отношеніи».

Г. Аврамовъ говоритъ, что она есть въ Яренскомъ уѣздѣ по р. Вашкѣ [184]). О мѣдной рудѣ, находящейся недалеко отъ Яренска по рѣчкѣ Кишерѣ упоминаютъ гг. Ардашевъ и Протопоповъ [185]). Изъ всего этого видно, что признаки мѣдной руды встрѣчаются рѣшительно во всѣхъ частяхъ Зырянскаго края.—Мы можемъ допустить, что нѣкоторые изъ указанныхъ нами авторовъ, по той или другой причинѣ, впали въ заблужденіе; но не считаемъ себя въ правѣ думать, что всѣ они умышленно или неумышленно ошиблись. Однако должны замѣтить, что никто изъ названныхъ лицъ не говоритъ о томъ, стоятъли эти руды, по содержанію и массѣ ихъ, разработки.

Желѣзо также есть и даже добывалось во многихъ мѣстахъ: лишь въ послѣднее время перестали дѣйствовать три, находящіеся въ Устьсысольскомъ уѣздѣ по р. Сысолѣ, чугуноплавильные и желѣзодѣлательные завода, извѣстные подъ названіемъ Кажимскихъ, и не отъ недостатка руды, а по другимъ, экономическимъ причинамъ. Эти заводы производили желѣза и чугуна болѣе, нежели на 100,000 р. [186]) Впрочемъ мы не давно слышали, что они снова приведены въ дѣйствіе, но не ручаемся за вѣрность такого слуха. Добывалось нѣкогда желѣзо въ разныхъ мѣстахъ Яренскаго уѣзда, напр. при Жешартскомъ погостѣ, гдѣ былъ и заводъ, и по р. Мезени [187]). Впрочемъ попытка г. Ю. Волкова, по довѣренности г. Бенардаки, устроить производство желѣза въ обширныхъ размѣрахъ по р. Печорѣ не удалась, хотя, говорятъ, что наружные признаки богатства руды, по мнѣнію извѣстнаго ученаго горнаго инженера Озерскаго, казались несомнѣнными.

На упомянутомъ уже Сереговскомъ солеваренномъ заводѣ вываривается *соли* болѣе нежели на 100,000 р. [188]). Увѣряютъ, что берега р. Выми чрезвычайно обильны соляными источниками. Кромѣ того соль есть по р. Мезени и рѣчкѣ Шежамкѣ, въ Яренскомъ уѣздѣ [189]), а также и въ Устьсысольскомъ [190]).

На впадающей въ р. Печору р. Соплясѣ производится правильная разработка *точильнаго камня* въ такъ называемой Брусяной горѣ. По увѣренію г. Ю. Волкова здѣсь могло бы добываться до 70,000 п. точилъ и до 300,000 шт. брусьевъ [191]). Но на самомъ дѣлѣ maximum добычи, именно въ 1853 году, простирался до 37,000 п. точилъ и до 137,000 шт. брусьевъ (до 40,000 шлифованныхъ и до 97,000 не шлифованныхъ) [192]), всего на 12,000 р. Разница весьма значительная [193]); тѣмъ болѣе, что послѣ 1853 г. размѣръ добычи уменьшился вдвое [194]). Кромѣ того утверждаютъ, что точильный камень находится въ Устьсысольскомъ уѣздѣ по р. Немъ въ 123 верстахъ отъ впаденія ея въ Вычегду, гдѣ лежитъ толстымъ слоемъ въ 4 версты длины и въ одну—ширины [195]). Хотя г. Ю. Волковъ и не вѣритъ этому [196]); но сомнѣніе свое основываетъ явно на ошибочныхъ предположеніяхъ.—При впаденіи р. Щугора въ Печору есть цѣлая гора точильнаго камня синяго цвѣта, но слой его тонокъ и камень годится только для выдѣлки небольшихъ брусьевъ, хотя онъ и лучше камня, добываемаго въ Брусяной горѣ, тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ менѣе сѣры и нефти [197]).— Камень, находящійся при устьѣ р. Вон (притокъ Печоры), ни для какого употребленія не годится [198]). Въ Яренскомъ уѣздѣ также находится этотъ камень въ 260 верстахъ отъ города, по берегамъ рр. Выми и впадающей въ нее Веслянки, но пластъ его тонокъ и годенъ только для мелкихъ подѣлокъ [199]). Говорятъ, наконецъ, что онъ есть по р. Мезени и употребляется мѣстными жителями [200]).

По отзывамъ знатоковъ, камень Брусяной горы уступаетъ достоинствами англійскому и добываемому около Кіева [201]); потому что, вслѣдствіе большаго содержанія сѣры и нефти, издавая, при точеніи, вредные пары, требуетъ много воды; но за то изъ него можно приготовлять точила даже въ 60 пуд.,—преимущество, котораго не имѣетъ кіевскій камень [202]).

По системамъ рѣкъ Вычегды, Мезени и Печоры и особенно между верховьями Вычегды и Ухты (притокъ Пижмы печорской) находятся огромныя залежи *антрацита* [203]).

---

[184]) Тамъ-же № 52: «Описаніе физическихъ свойствъ Яренскаго уѣзда».

[185]) Рукопись г. Ардашева не напечатана, и, вѣроятно, находится при дѣлахъ Вол. Губерн. Стат. Комитета. См. также Вол. Губ. Вѣд. 1849 г. № 20: «Стат. Опис. Яренскаго уѣзда.

[186]) См. примѣч. 153.

[187]) См. примѣч. 184.

[188]) Вол. Губ. Вѣд. 1858 г. № 11: «Сельско-хозяйств. очеркъ Вол. Губ.» г. П. Бунакова.

[189]) См. примѣч. 184.

[190]) См. примѣч. 175. и Вол. Губ. Вѣд. 1855 г. № 13: «Замѣтки объ ископаемомъ царствѣ Вол. Губ.» неизвѣстнаго автора.

[191]) См. примѣч. 175.

[192]) Вол. Губ. Вѣд. 1859 г. № 47: «Брусяная гора въ Устьсысольскомъ уѣздѣ».

[193]) 1000 брусевъ шлифованныхъ вѣситъ до 65 пуд., и простыхъ до 80 п. (тмж).

[194]) Тамъ-же.

[195]) Вол. Губ. Вѣд. 1855 № 13: «Замѣтки объ ископаемомъ царствѣ»; Вол. Губ.; 1853 г. № 16: «Гидрогр. Вол. Губерн.», г. Даниловскаго. См. также примѣч. 192.

[196]) См. примѣч. 175.

[197]) См. примѣч. 192.

[198]) Тамъ-же.

[199]) Тамъ-же.

[200]) См. примѣч. 175.

[201]) Тамъ-же.

[202]) См. примѣч. 192.

[203]) Памятн. книжки Вол. Губ. на 1865 и 1866 г. Статья г. Грегоржевскаго: «Статист. очеркъ Вол. Губерніи въ лѣсномъ отношеніи».

Въ Яренскомъ уѣздѣ по р. Малой Ухтѣ (Вук-ва), отъ города лѣтомъ въ 450 верстахъ, а зимою—въ 300 [201]), находятся нефтяные источники. *Нефть*, вытекая изъ береговъ, плыветъ по поверхности воды небольшею струею. Теперь она употребляется только мѣстными Зырянами для смазки кожаныхъ вещей; но говорятъ, что лѣтъ 80 тому назадъ здѣсь существовалъ для очистки нефти заводъ, принадлежавшій сначала московскому гражданину Прадунову, а потомъ какому-то Набатову и устюжскому мѣщанину Сараеву, и, неизвѣстно почему, ими заброшенъ. Эти лица отправляли нефть даже въ Москву [205]). Мы слышали, что въ недавнее время, кажется, г. Сидоровъ принимался за правильную добычу этой нефти, но не знаемъ имѣла-ли какой нибудь успѣхъ его попытка. По словамъ г. Ю. Волкова, въ 2-хъ фунтахъ зырянской нефти содержится $2^1/_2$ драхмы чистой нефти и 2 драхмы воды [206]).—Полагаютъ также, что нефть находится по р. малой Визеньгѣ, впадающей въ Сысолу въ Устьсысольскомъ уѣздѣ; но предположеніе это основывается на томъ только, что тамъ есть ключъ, который бьетъ съ сильнымъ кипѣніемъ и зимой не замерзаетъ, и водою котораго мѣстные жители пользуются отъ разныхъ болѣзней [207]).

Тамъ-же, гдѣ находится нефть, добывается и такъ называемый *доманикъ*. Зыряне думаютъ, что онъ образуется изъ нефти, которая, катясь по поверхности воды, осѣдаетъ на дно и тамъ сгущается [208]). Онъ чернаго лоснящагося цвѣта; въ водѣ мягокъ, но на воздухѣ твердѣетъ; его находятъ между известковыми плитами нетолстымъ слоемъ; онъ горитъ на огнѣ, издавая рѣзкій и тяжелый запахъ.—Химическій составъ его опредѣляютъ различно: одни говорятъ, что онъ «состоитъ изъ извести, пропитанной особливымъ родомъ соли» [209]); другіе,—что, по свойству своему, онъ можетъ быть причисленъ къ горному углю [210]); г. Н. Бунаковъ, называя его bitumen suillium, утверждаетъ, что онъ составляетъ исключительную принадлежность Вологодской губерніи, чему не противорѣчитъ и повѣрявшій сочиненіе г. Бунакова, въ качествѣ спеціалиста, въ той его части, которая касается минералогіи, г. Яблонскій; [211]) и, наконецъ, четвертые полагаютъ, что доманикъ есть известнякъ, проникнутый нефтью [212]). Говорятъ, что по притокамъ Вычегды Малица-ель (при устьѣ) и Воль-ю есть камень, похожій на доманикъ, темносѣраго цвѣта, и хвалятъ его достоинства [213]).—Мы не можемъ высказать собственнаго мнѣнія о химическихъ свойствахъ этаго камня [214]). Онъ достается со дна рѣки на пространствѣ версты, но пространство мѣстонахожденія его не приведено въ извѣстность. Прежде онъ добывался и изъ береговъ, но низшаго качества. Въ послѣднее время изъ него выдѣлывались доски для столовъ, шашечницы, шашки, марки и т. п., чѣмъ занимался только одинъ служитель Сереговскаго завода. Мѣстные жители употребляютъ доманикъ, какъ куренье, полагая, что запахъ его очищаетъ воздухъ и прогоняетъ лихорадки и горячки [215]) и т. п.

И въ Яренскомъ, и въ Устьсысольскомъ уѣздахъ находятъ *сердоликъ* [216]). Г. Ю. Волковъ сомнѣвается въ этомъ и полагаетъ, что за сердоликъ принимаютъ, *должно быть*, роговую обманку [217]); но мы сами видѣли въ Яренскѣ много экземпляровъ этого минерала.

---

201) Разстояніе нефтянаго источника отъ г. Яренска мы показали по г. В. Аврамову (см. примѣч. 184). Г. Ю. Волковъ (Вол. Губ. Вѣд. 1855 г. № 21»: «Минер. богатства Вол. Губ.) и вслѣдъ за нимъ г. Н. Бунаковъ (Тамъ-же 1858 № 11: «Сельско-хозяйств. очеркъ Волог. Губерн.») опредѣляютъ его въ 170 верстъ. Но мы принимаемъ цифру г. В. Аврамова, который, какъ лицо, знакомое съ Яренскимъ уѣздомъ болѣе непосредственно, нежели г. Волковъ, не могъ допустить слишкомъ грубой ошибки. Ухтъ въ Яренскомъ уѣздѣ двѣ: одна впадаетъ въ Ёлву, притокъ Выми, а другая въ Ижму, притокъ Печоры. Нефть добывается въ послѣдней. Г. Волковъ показалъ, вѣроятно, первую.

205) См. примѣч. 184.

206) Волг. Губ. Вѣд. 1855 г. № 21: «Минеральныя богатства Вологодской Губерніи», г. Ю. Волкова.—Мы не ручаемся за вѣрность словъ г. Волкова: мы сомнѣваемся, что-бы онъ имѣлъ случай и возможность химически изслѣдовать зырянскую нефть.

207) Тамъ-же 1849 г. № 36: «Нѣсколько словъ объ Устьсысольскѣ и его уѣздѣ», г. П. Богданова. Мы думаемъ, что г. Богдановъ принялъ за нефтяной другой какой нибудь источникъ. Во всей статьѣ его встрѣчается много явныхъ несообразностей—и даже вымысловъ.

208) См. примѣч. 184.

209) Волог. Губ. Вѣд. 1853 г. № 11: «Гидрографія Волог. губерніи».

210) Тамъ-же 1854 г. № 24.

211) См. примѣч. 181.

212) Вол. Губ. Вѣд. 1854 г. № 24.

213) Тамъ-же 1855 г. № 13.

214) Г. Ю. Волковъ о химическомъ составѣ доманика пишетъ (См. примѣч. 201): «1000 грановъ доманика дали: 1) 24 гр. кислой воды, «похожей на янтарную кислоту; 2) 184 гр. темнокраснаго масла, «запахомъ похожаго на дипиліево животное масло (Ol. animal. Dipp.); «3) въ шейкѣ реторты сюблимировалось 28 грановъ горючей сѣры; «4) На днѣ реторты осталось довольно крѣпкаго угля 648 гр., всего «884 гр. Недостающіе до полнаго вѣса 116 гр. состояли изъ смѣ«шенія газовъ. 648 гр. оставшагося въ ретортѣ угля, будучи прев«ращены въ пепелъ сѣраго цвѣта, вѣсили 456 гр. Пепелъ этотъ былъ «выщелоченъ многократнымъ наливаніемъ 1000 гр. горячей воды. «Щелокъ этотъ перемѣнялъ желтый цвѣтъ бумаги на бурый. Рас«творы серебра въ селитряной кислотѣ и тяжелой земли—въ уксус«ной примѣтно мутили щелокъ. Выщелоченная земля была распу«щена соляною кислотою; за тѣмъ осталось нерастворенной кремни«стой земли 128 гр.; 100 гр. толченаго доманика, настоенные въ нѣ«которомъ количествѣ ѣдкаго щелока, придали ему темный цвѣтъ. «Этотъ растворъ, процѣженный и насыщенный соляною кислотою, «далъ 10 гр. темноцвѣтной смолянистой осадки. На это смолянистое «вещество алкоголь дѣйствовалъ весьма медленно и не прежде, какъ «черезъ 3 дня получилъ темнокрасноватый цвѣтъ, что, по выпаре«ніи, дало 3 гр. темнокрасной смолы довольно пріятнаго запаху.» Мы опять должны оговориться, что за достовѣрность опыта г. Ю. Волкова не ручаемся.

215) См. примѣч. 184.

216) См. примѣч. 213.

217) См. примѣч. 201.

Священникъ І. Поповъ пишетъ, что въ Вотчинскомъ приходѣ (Устьсысольскаго уѣзда) онъ «нашелъ значительное пространство земли, наполненное слоями чернаго камня, который, по отдѣлкѣ, можетъ быть употребляемъ вмѣсто *карандаша*, что простымъ ножемъ онъ сдѣлалъ изъ него порядочный карандашъ, снаружи вышлифованный и добротою немного уступающій настоящему, и что грамотные крестьяне уже стали употреблять карандаши своего издѣлія» [218]).

По р. Помиздъ (притокъ Вычегды) находится превосходный *гипсъ*.

О другихъ ископаемыхъ, каковы: алебастръ, разнаго рода глины и т. п., мы распространяться не будемъ, точно также, какъ и о какихъ-то цвѣтныхъ камеьяхъ, похожихъ на аметисты, аквамарины и т. п., которыми особено изобилуетъ рѣчка Кишера, при г. Яренскѣ впадающая въ р. Кижмолу [219]).

Флора и *фауна* Зырянскаго края ни мало не изслѣдованы. Поэтому мы можемъ дать только приблизительно общее понятіе объ этомъ предметѣ.

О громадности лѣсовъ нѣтъ надобности распространяться: они занимаютъ около 18,500,000 дес., такъ что на каждую душу приходится около 185 дес. [220]) Между тѣмъ этотъ капиталъ приноситъ чрезвычайно несоразмѣрную съ его громадностью выгоду и казнѣ, и мѣстному населенію.—Разрѣшенъ отпускъ за границу чрезъ Архангельскій портъ по 75.000 строевыхъ деревъ и по 30.000 чрезъ устье Печоры [221]). Впрочемъ, эти свѣдѣнія относятся къ 1866 году. Но и этого количества не вырубалось. Смолокуреніе только что начинаетъ приниматься [222]), и во много разъ больше лѣсу гибнетъ отъ гнилости, пожаровъ и бурь, нежели идетъ на пользу человѣка.—Господствующій лѣсъ хвойный; лиственныя деревья растутъ или по берегамъ рѣкъ, или одиночно. Изъ хвойныхъ деревьевъ, по количеству, первое мѣсто принадлежитъ ели и пихтѣ; за елью слѣдуетъ сосна, за сосной лиственица, единственное на сѣверѣ хвойное дерево, роняющее на зиму свои яркозеленыя, мягкія, ароматическія иглы; на Печорѣ есть кедръ, уступающій, впрочемъ, качествами сибирскому, и гибнущій отъ неразсчетливой рубки для сбора орѣховъ [223]). Изъ хвойныхъ кустарниковъ можно назвать лишь одинъ можжевельникъ. Изъ лиственныхъ деревьевъ повсемѣстно распространены: береза, осина, осокорь, черемуха, рябина, ива, а изъ кустарниковъ—черная и красная смородина, малина, калина, шиповникъ, волчьи ягоды, таволга, жимолость и черная ольха. Изъ ягодъ также повсюду растутъ: земляника, поляника, морошка, костяника, клюква, черника, голубица и брусника.—Есть всякаго рода грибы. Нельзя не упомянуть о дикомъ растеніи *толокнянкѣ*, которая пригодна для выдѣлки сафьяна, и сбывается изъ Яренскаго уѣзда въ Архангельскъ [224]), а изъ Устьсысольскаго—въ Казань [225]). Изъ выдѣлываемыхъ полевыхъ растеній можно назвать, ячмень, рожь, овесъ, пшеницу, ленъ и коноплю, а изъ огородныхъ—капусту, лукъ, картофель, рѣдьку, рѣпу, брюкву, горохъ, бобы, хрѣнъ, морковь, свеклу, макъ, мяту, салатъ и огурцы (2 послѣдніе—въ парникахъ) и хмѣль (въ хмѣльникахъ) [226]). Но, какъ увидимъ, всѣ эти растенія далеко не вездѣ распространены.

Садовъ нѣтъ, если не считать таковыми огороды, въ которыхъ сами выросли и посажены по нѣскольку штукъ туземныхъ дикихъ растеній.

Дикія животныя: четвероногія: бѣлка, заяцъ, олень, куница, красная и иногда чернобурая лисица, медвѣдь, волкъ, горностай, песецъ, выдра, норка, россомаха, рысь, лось, бурундукъ, кротъ и, какъ рѣдкость, соболь [227]). Бобровъ теперь вовсе нѣтъ. Нѣтъ также хорьковъ, ежей и крысъ [228]).

---

[218]) Вол. Губ. Вѣд. 1858 г. № 3: «Взглядъ на геологич. состояніе с. Вотчи въ сельско-хозяственномъ отношеніи».

[219]) Тамъ-же 1849 г. № 20. «Статист. Опис. Яренск. уѣзда» г. П. Протопопова. По словамъ автора, при Яренскомъ Уѣздномъ Училищѣ хранится болѣе 1000 разныхъ породъ камней, отломокъ окаменѣлаго зуба огромнаго звѣря и пр.; но г. В. Аврамовъ (См. примѣч. 184) пишетъ, что упоминаемая г. П. Протопоповымъ коллекція уже утрачена. Мы впрочемъ не придаемъ этой коллекціи какого нибудь научнаго значенія; такъ помнимъ, что ее собиралъ въ 1830 годахъ шт. смотр. училища г. Клеопатровъ, не имѣвшій понятія о минералогіи, и помѣщалъ туда все, что ни приносили ученики его по ихъ мнѣнію интереснаго.

[220]) Памятн. книжка Волог. губ. на 1865 и 1866 г. стр. 5.

[221]) Тамъ-же, см. по примѣч. 203.

[222]) См. примѣч. 176.

[223]) См. примѣч. 203. Здѣсь мы должны отмѣтить явленіе, бросившееся намъ въ глаза какъ въ Зырянскомъ краѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ Вологодской губерніи: это то, что лиственные лѣса (мы наблюдали, впрочемъ, только одну березу) вытѣсняютъ хвойные, хотя весьма нечувствительно. Мы не одинъ разъ замѣчали, что на мѣстѣ выгорѣвшаго хвойнаго лѣса вновь выросталъ березовый. Недоумѣніе мое по случаю такого явленія кто-то разрѣшилъ, объяснивъ, что сѣмена березы легче, чѣмъ сосновыя и еловыя, и потому свободно переносятся вѣтромъ на далекія разстоянія.

[224]) Вол. Губ. Вѣд. 1858 г. № 47: «Описаніе физич. свойствъ Яренскаго уѣзда», г. В. Аврамова.

[225]) Тамъ-же № 10: «Сельско-хозяйств. очеркъ Волог. губерн.», г. Н. Бунакова.

[226]) Мы перечисляли огородные овощи по г. В. Аврамову (см. примѣч. 224); но онъ явно имѣлъ въ виду г. Яренскъ и, можетъ быть, Сереговскій заводъ: такъ намъ извѣстно, что въ деревняхъ нѣкоторыхъ изъ названныхъ имъ растеній вовсе не разводятъ, каковы напр. огурцы, салатъ, мята, макъ, даже морковь и свекла. Огурцы и салатъ въ самомъ г. Яренскѣ считаются рѣдкостью; макъ сѣется въ видѣ украшенія грядъ; бобы и горохъ, какъ лакомство.

[227]) Волог. Губ. Вѣд. 1852 г. № 8: «Сравненіе старыхъ цѣнъ съ нынѣшними на мѣха пушныхъ звѣрей», г. Мельникова. б) Памятн. книжк. Волог. губ. на 1865 и 1866 гг: «О промышленныхъ дѣлахъ и торгов. сношеніяхъ въ Зырянскомъ краѣ», г. Фл. Арсеньева, и в) Вол. Губ. Вѣд. 1858 г. № 51: «Осенніе промыслы Зырянъ», г. П. Сорокина. Кротовъ мы видѣли сами.

[228]) Вол. Губ. Вѣд. 1858 г. № 51: «Описаніе физич. свойствъ Яренскаго уѣзда», г. В. Аврамова.

Птицы: дичь—рябчики, куропатки, разныя тетери, лѣсные голуби, клесты [229]), гуси, утки и кулики разныхъ породъ; пѣвчія—жаворонки, чижи, зяблики, малиновки, дрозды, снигири, (фыпы) чечетки, синицы и т. п; хищныя—ястребы, филины, (будуны) совы и др. На Печорѣ вовсе нѣтъ голубей [230]). Само собой разумѣется, что мы перечислили здѣсь далеко не всѣ виды птицъ, водящихся въ Зырянскомъ краѣ. Странно, что тамъ не слышно о соколахъ, которыми край такъ славился въ старину.

Рыбы: щука, окунь, налимъ, семга, лохъ [231]), чиръ, пелядь, сигъ, нельма, стерлядь, харьюзъ, лещъ, язь, ершъ, сорога, карась, пискарь, елецъ, головль, минога и камбала (двѣ послѣднія только въ Мезени) [232]).

Изъ *гадовъ* ящерицы и піявки. Змѣй нѣтъ.

Изъ *насѣкомыхъ*—дикая пчела [233]) и мн. др.

Изъ *домашнихъ животныхъ*: лошади, коровы, овцы, свиньи, собаки и кошки.

Изъ *домашнихъ птицъ*—однѣ куры, и то не вездѣ [234]).

ГЛАВА VIII.

ФИЗИЧЕСКІЯ И НРАВСТВЕННЫЯ СВОЙСТВА ЗЫРЯНЪ.

Наружность Зырянъ вообще: ростъ, цвѣтъ волосъ, узкоглазость, выраженіе физіономіи, крѣпость тѣлосложенія. - Умственныя способности.—Религіозность.—Любовь къ родинѣ.—Отсутствіе нищенства. - Гостепріимство.—Честность.—Другія добрыя качества.—Выдержки изъ путевыхъ замѣтокъ г. А. Попова. Пристрастіе къ горячимъ напиткамъ.—Недостатокъ цѣломудрія. - Лѣность.—Невѣжество. — Сутяжничество и мстительность. — Вспыльчивость. — Мнимые пороки.

О наружности Зырянъ и печатно, и устно высказано много мнѣній, часто одно другому противорѣчащихъ. Въ каждомъ изъ нихъ есть извѣстная доля правды, но ни одного нельзя признать рѣшительно вѣрнымъ. Такого-же взгляда на дѣло держится и г. И. Куратовъ. Но, желая согласить и примирить разнорѣчія, онъ и самъ ошибся. По его словамъ, Зыряне, живущіе въ захолустьяхъ, до сихъ поръ сохранили монгольскія черты, т. е. малый ростъ, тучность, черный цвѣтъ волосъ, смуглость и узкіе маленькіе глаза; Зыряне-же, живущіе по большимъ дорогамъ, и въ городахъ [235]) имѣютъ русые волосы и средній ростъ, бѣлое тѣло и ровный, живой, открытый нравъ. Отправляясь отъ такой гадательной посылки, г. Куратовъ умозаключаетъ, что одни наблюдатели Зырянъ имѣли въ виду первую категорію ихъ, а другіе — послѣднюю, т. е. что одни говорятъ о чистыхъ Зырянахъ, а другіе — о потомкахъ новгородскихъ выходцевъ [236]). Несмотря на всю кажущуюся основательность такого умозаключенія, дѣйствительность противорѣчитъ ему: на дѣлѣ оказывается наприм., что именно *въ захолустьяхъ* Зыряне выше ростомъ своихъ соплеменниковъ, живущихъ по большимъ дорогамъ. Г. Аврамовъ, которому мы, какъ уроженцу Устьвыми и человѣку, по своимъ служебнымъ

---

229) Клестъ—это маленькая птичка и ее скорѣе слѣдовало-бы причислить къ разряду пѣвчихъ; но мы помѣстили ее здѣсь, потому что ее особенно много въ Зырянскомъ краѣ, гдѣ ее солятъ впрокъ и ѣдятъ.

230) См. примѣч. 228 и Волог. Губ. Вѣд. 1854 г. №№ 28 и 31: «Печорскій приходъ», г. Попова-Ловчинскаго.

231) Существуетъ мнѣніе, что лохъ есть самецъ семги. Дѣйствительно, по наружности и вкусу онъ похожъ на нее. Печорскіе Зыряне думаютъ, что лохъ есть таже семга, только не бывавшая въ морѣ. Г. Протопоповъ (Вол. Губ. Вѣд. 1849 г. № 20: «Стат. опис. Яренс. уѣзда») говоритъ, что на Вышскую ярмарку привозятъ крупную икру лоха; слѣд. лохи бываютъ и самки. У семги икра тоже очень крупна, какъ горохъ. Точно также думаютъ, что нельма есть самка сига. Но странно, что напр. въ р. Югѣ и притокахъ его около г. Никольска иногда попадаются лохи, сиговъ даже много; но семги и нельмы нѣтъ. Впрочемъ мнѣніе, что лохъ есть самецъ семги весьма распространено въ мѣстахъ ловли ихъ. Такъ полагалъ и извѣстный ихтіологъ *И. Я. Данилевскій*.

232) См. примѣч. 224.

233) Тамъ-же. Извѣстіе о томъ, что въ Зырянскомъ краѣ водятся піявки, мы заимствовали у г. Абрамова. Будучи вполнѣ убѣждены въ добросовѣстности и осторожности этого автора, мы однакожъ не можемъ не выразить нѣкотораго сомнѣнія: не принялъ-ли онъ за піявокъ похожихъ на нихъ *вьюновъ* и *плетокъ*, которыхъ мы во множествѣ видали въ столичныхъ водахъ въ окрестностяхъ г. Яренска. Особенно похожи на піявокъ вьюны; плетки-же гораздо длиннѣе и притомъ онѣ плоскія. Можетъ быть г. Аврамовъ видѣлъ и настоящихъ піявокъ въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ Яренскаго уѣзда. Мы слыхали тамъ о какихъ-то конскихъ піявкахъ.

234) Г. А. Поповъ въ статьѣ своей: «Путевыя замѣтки отъ Устьсысольска къ Вишерскому селенію (Вол. Губ. Вѣд. 1848 г. №№ 10—12)» говоритъ, что на Вишерѣ священники ѣздятъ съ требами на оленяхъ; но мы думаемъ, что это случайность, исключеніе изъ правила.

235) Собственно въ Зырянскомъ краѣ *одинъ* городъ Устьсысольскъ (по Зырянски сыктыдъінъ). Г. Куратовъ подъ именемъ городовъ разумѣетъ, вѣроятно, преимущественно русскими и обрусѣвшими Зырянами населенные заводы.

236) Волог. Губ. Вѣд. 1865 г. № 23: «Зырянскій языкъ».

обязанностямъ, бывавшему во всѣхъ волостяхъ Яренскаго уѣзда, даемъ большую вѣру, высказываетъ даже удивленіе въ виду того, что населеніе Удоры рослѣе населенія болѣе южныхъ волостей, гдѣ, по его словамъ, «сама природа обусловливаетъ большій ростъ и человѣка и животныхъ.» Отмѣчая такое-же явленіе на Печорѣ, г. Поповъ-Локчимскій объясняетъ его вліяніемъ печорской воды [237]). Даже г. К—ъ, принявшій на вѣру взглядъ г. Куратова, въ существѣ противорѣчитъ ему: онъ утверждаетъ, что встрѣтилъ монгольскій типъ, проѣзжая по тракту отъ Лальска къ Устьсысольску [238]); но во 1-хъ этотъ трактъ идетъ *не по захолустью*, а по самой бойкой части Устьсысольскаго уѣзда, и во 2-хъ мы тоже имъ проѣзжали, но наружность мѣстнаго населенія не поразила насъ своею особенностію. Дѣло въ томъ, что въ Зырянскомъ краѣ типы русскій и природный зырянскій встрѣчаются вездѣ въ болѣе или менѣе механически-смѣшанномъ видѣ.

Въ частности о *ростѣ* Зырянъ мнѣнія всѣхъ другихъ, кромѣ сейчасъ названныхъ писателей, мало разнятся: одни говорятъ, что вообще этотъ народъ средняго роста [239]), другіе [240]) не выше средняго, а многіе, и вовсе не говорятъ о такой этнографической примѣтѣ,—изъ-чего слѣдуетъ заключить, что она не бросается въ глаза. Впрочемъ, вопросъ этотъ давно уже разрѣшенъ правительствомъ, на основаніи опыта: по закону, minimum роста Зырянскаго рекрута опредѣленъ на вершокъ ниже общей нормы;—слѣдовательно мы имѣемъ право думать, что въ сложности Зыряне ниже Русскихъ.—Исключеніе составляютъ, какъ мы видѣли Удорцы и Печорцы. Но отдѣльные случаи замѣчательной великорослости встрѣчаются и въ другихъ частяхъ Зырянскаго края. Г. А. Поповъ видѣлъ на Вишерѣ старика въ 3 арш. $^1/_2$ вер., у котораго сынъ былъ еще выше [241]). Мы слышали отъ очевидцевъ, что въ какой-то другой мѣстности въ 1830 годахъ былъ сданъ въ рекруты такой-же великанъ, и, конечно, это не единственные случаи великорослости. И такъ, г. Куратовъ относительно роста Зырянъ высказалъ неточное мнѣніе; потому что основалъ его на одномъ, такъ сказать, теоритическомъ предположеніи, не провѣривъ его наблюденіемъ дѣйствительности. Къ этому мы присовокупимъ основанное на нашихъ личныхъ наблюденіяхъ замѣчаніе, что случаи особенной малорослости Зырянъ вообще не бросаются въ глаза, но великорослые, т. е. люди росту выше средняго, встрѣчаются между ними замѣтно рѣже, нежели между Русскими ихъ сосѣдями.

Точно также несогласны и отзывы *о цвѣтѣ волосъ* Зырянъ. Мы не говоримъ уже о стереотипной фразѣ, еще не такъ давно бывшей въ большомъ употребленіи у нашихъ піитовъ: „рыжевласый Финнъ". За черный цвѣтъ стоитъ опять одинъ г. Куратовъ. Сами мы не бывали на Удорѣ и Печорѣ, а лица, посѣщавшія эти захолустья, ничего не сказали о цвѣтѣ волосъ жителей ихъ, и поэтому мнѣнія г. Куратова ни принять, ни отвергнуть не можемъ. Намъ остается ограничиться указаніемъ отзывовъ нѣкоторыхъ авторовъ, къ сожалѣнію, необъяснившихъ до какой именно мѣстности отзывы ихъ относятся.—По словамъ всѣхъ печатно высказавшихъ свои мнѣнія, цвѣтомъ волосъ Зыряне не отличаются отъ Русскихъ; но по личнымъ отзывамъ большей части тѣхъ, кто имѣлъ случай посѣщать Зырянскій край, тамъ господствуетъ черный цвѣтъ. Мы придерживаемся послѣдняго мнѣнія, впрочемъ съ небольшимъ ограниченіемъ: мы утверждаемъ только, что между Зырянами темноволосыхъ болѣе, нежели между Русскими. За то мы встрѣчали по Лузѣ и Сысолѣ много совершенно бѣловолосыхъ, что, впрочемъ могло быть дѣломъ случая.

Объ *узкоглазости* Зырянъ упоминаетъ одинъ г. Куратовъ. Болѣе никому не бросилась въ глаза эта особенность ихъ; но не бросилась она въ глаза и намъ, можетъ быть, потому, что уже утратила первоначальную рѣзкость и узковатость; или потому, что мы проѣзжали только по большимъ дорогамъ. Здѣсь не лишнимъ считаемъ вспомнить сообщенное нами ранѣе извѣстіе, что жители селенія Гамъ слывутъ „слѣпородами". Мы проѣзжали черезъ это селеніе, но не останавливались въ немъ, и потому не можемъ сказать, въ какой мѣрѣ справедливо такое прозвище. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, оно заслуживаетъ вниманія. Лица, бывавшія въ захолустьяхъ Зырянскаго края, ничего не пишутъ о формѣ глазъ жителей ихъ.

Объ общемъ характерѣ физіономіи Зырянъ говорятъ только гг. Бергъ и Михайловъ и притомъ почти слово въ слово, именно: «физіономія Зырянина съ перваго «взгляда производитъ невыгодное впечатлѣніе; незнако«мому съ нимъ онъ покажется человѣкомъ подозритель«нымъ, хитрымъ, неспособнымъ ни къ чему хорошему; «но стоитъ только узнать его, чтобы убѣдиться въ «противномъ». По нашему мнѣнію, такой отзывъ слишкомъ безсодержателенъ: подобный характеръ физіономіи можетъ быть объясненъ не физическими ея свойствами, а свойствами отношеній наблюдателя къ наблюдаемому. Мы бы и сами готовы высказать такое-же мнѣніе, какъ и гг. Бергъ и Михайловъ: и намъ физіономіи большей части Зырянъ казались какъ будто мрачными; но это могла быть случайность, тѣмъ болѣе что мы встрѣчали между ними много людей съ добродушными и открытыми лицами.

---

237) Тамъ-же: а) 1859 г. «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйственный бытъ», В. Аврамова, и б) 1854 г. № 31: «Печорскій Пряходъ», г. Попова-Локчимскаго.

238) Тамъ-же 1866 г. № 6: «Поѣздка въ Устьсысольскъ».

239) Тамъ-же 1853 г. № 17: а) «Физическія и нравственныя свойства Зырянъ», г. М. Михайлова, и б) 1859: г. «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйственный бытъ», г. В. Аврамова.

240) Тамъ-же 1854 г. № 29: «Замѣтки о Зырянахъ», г. Ѳ. Берга.

241) См. примѣч. 174.

Всѣ единогласно свидѣтельствуютъ о крѣпости тѣлосложенія Зырянъ; но объясняютъ это физическое свойство разными причинами: одни [212]) приписываютъ его вліянію воды и климата; другіе [213])—суровому образу жизни: сами-же Зыряне—банямъ, до которыхъ они, какъ увидимъ, имѣютъ поразительно сильное пристрастіе. Увѣряютъ [214]), что многіе старики изъ Зырянъ не испытывали никакихъ болѣзней и не имѣютъ объ нихъ ни малѣйшаго понятія. Мы уже указывали на тотъ фактъ, что населеніе Зырянскихъ уѣздовъ Вологодской губерніи отъ нарожденія, т. е. отъ перевѣса числа случаевъ рожденія надъ числомъ смертныхъ случаевъ, увеличивается быстрѣе, чѣмъ въ русскихъ. Впрочемъ г. Арсеньевъ пишетъ, что Зыряне скоро старѣются и объясняетъ это дурною и недостаточною пищею; но статистика смертныхъ случаевъ показываетъ, что Зыряне сравнительно съ русскими ихъ сосѣдями вообще долговѣчнѣе. Кромѣ того мы не сходимся съ почтеннымъ авторомъ и во взлядѣ на вліяніе пищи на здоровье. Дѣйствительно Зыряне иногда мѣшаютъ въ хлѣбъ пихтовую кору, мохъ и другіе суррогаты; но такой недостатокъ съ избыткомъ восполняется обиліемъ рыбной и мясной пищи. Говорятъ, что нѣкоторыя племена Патогонцевъ вовсе не употребляютъ хлѣба; однако-же это не мѣшаетъ имъ слыть великанами. Впрочемъ, объ этомъ предметѣ мы имѣемъ въ виду распространиться въ другомъ мѣстѣ нашего сочиненія.—

Объ *умственныхъ способностяхъ* Зырянъ рѣшительно всѣ отзываются съ самой выгодной стороны: вообще утверждаютъ, что они остроумны, хитры и находчивы, всегда обдуманно приступаютъ къ дѣлу и не любятъ необдуманно приводить его въ исполненіе. Изобрѣтательность ихъ выразилась во множествѣ придуманныхъ ими самыхъ разнообразныхъ способовъ ловли птицъ, звѣрей и рыбы. Г. Кичинъ (надобно замѣтить, что онъ былъ учителемъ Устьсысольскаго уѣзднаго училища) пишетъ [215]), что „Зырянскіе мальчики, едва умѣющіе читать при поступленіи въ школу, очень скоро выучиваются чтенію и письму и, особенно, бойкому счисленію и руской разговорной рѣчи, что не мало говоритъ въ пользу ихъ природнаго ума, памяти и соображенія". Въ Вологодской губерніи установилось убѣжденіе, что воспитанники мѣстной семинаріи изъ Зырянъ особенно отличаются успѣхами и что вообще лучшіе ученики въ это учебное заведеніе поступаютъ изъ Яренскаго духовнаго уѣзднаго училища, въ которомъ обучаются дѣти зырянскаго духовенства.— Любовь къ грамотности, конечно, также принадлежитъ къ числу фактовъ, свидѣтельствующихъ, по-крайней мѣрѣ, о любознательности. Г. Аврамовъ пишетъ, что Зыряне Яренскаго уѣзда весьма охотно отдаютъ дѣтей въ училища, и что нѣкоторые богатые родители въ Ертомской волости (Удора) посылаютъ ихъ даже въ городъ, за 350 верстъ. [216]). По завѣренію того-же г. Аврамова, Удорцы развитѣе другихъ Зырянъ и болѣе склонны къ нововведеніямъ. Нельзя не выразить сожалѣнія, что сельскія школы въ Зырянскомъ краѣ не достигаютъ своей цѣли, по общимъ всѣмъ сельскимъ школамъ въ Россіи причинамъ, о которыхъ здѣсь не умѣстно распространяться; почему мы замѣтимъ только, что Зырянскія школы чаще, чѣмъ гдѣ нибудь, существуютъ лишь номинально, такъ какъ учителя—священники не имѣютъ времени (оставляемъ въ сторонѣ усердіе) заниматься преподаваніемъ.

Обращаясь къ нравственнымъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, свойствамъ Зырянъ, мы прежде всего обращаемъ вниманіе на ихъ *религіозность*. Хотя этотъ народъ цѣлыми четырьмя вѣками послѣ Русскихъ и отъ Русскихъ принялъ христіанство, и хотя не имѣетъ столько-же средствъ выражать свое усердіе къ вѣрѣ, онъ религіознѣе своихъ просвѣтителей.— Во всякомъ сколько нибудь значительномъ селеніи, гдѣ нѣтъ церкви, построены въ видѣ церквей, даже съ колокольнями, часовни, куда, по праздникамъ, и старые и малые собираются слушать чтеніе и толкованіе священныхъ книгъ. Если мы даже предположимъ, что такія чтенія и толкованія остаются не понятными для слушателей; то тѣмъ болѣе они свидѣтельствуютъ объ усердіи къ вѣрѣ туземцевъ. Въ Устьсысольскомъ уѣздѣ на каждыя три населенныя мѣстности приходится по часовнѣ, а въ Яренскомъ— на пять [217]). На перекресткахъ дорогъ по всюду виднѣются деревянные кресты. Первая убитая утка жертвуется духовному отцу; послѣ удачнаго исхода звѣриныхъ и птичьихъ промысловъ, часть добычи отдается въ церковь. Вообще желаніе угодить Богу, доходитъ до излишества, разумѣется, въ формальномъ отношеніи; такъ напр., при посѣвѣ хлѣба, при выгонѣ скота на подножный кормъ, или-же въ случаѣ какихъ нибудь общественныхъ бѣдствій, приносится въ жертву домашнее животное иногда цѣлымъ обществомъ, а иногда и отдѣльными лицами. Въ первомъ-случаѣ еще наканунѣ жертвоприношенія варится общее пиво. Животное колется и варится у церкви; мясо его дѣлится на три части, изъ которыхъ одна продается и вырученныя отъ продажи деньги отдаются въ церковь, другая—предоставляется въ пользу причта, а третья—по освященіи, раздается всѣмъ присутствующимъ, и эти послѣдніе тутъ-же и съѣдаютъ каждый свою

---

212) См. примѣч. 207.

213) Вол. Губ. Вѣд. 1853 г. № 19: «Физическія и нравственныя свойства Зырянъ», г. М. Михайлова.

214) См. примѣч 240.

215) См. примѣч. 238.

216) Вол. Губ. Вѣд. 1859 г. № 31: «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйственный бытъ».

217) Памятн. книжк. Волог. губ. на 1865 и 1866 г. см. табл. «Число населенныхъ мѣстъ» и «Число церквей и другихъ богослужебныхъ зданій».

долю, *безъ хлѣба*. Отсутствующимъ части ихъ посылаются на домъ.—Остатками и отваромъ угощаются нищіе. Наконецъ, кости и несъѣденный отваръ зарываютъ въ землю, чтобы не сдѣлались добычею животныхъ [248]) Говорятъ, что нѣкоторые священники видятъ въ этомъ обычаѣ слѣды язычества. Можетъ быть, это и правда, но мы ни въ нынѣшней формѣ, ни въ существѣ его не видимъ ничего языческаго. — Зырянъ обвиняютъ въ грубости и матеріальности ихъ религіозныхъ вѣрованій и способовъ выраженія этихъ вѣрованій. Конечно, это справедливо; но во всякомъ случаѣ здѣсь виноваты не сами Зыряне, а независящія отъ нихъ условія ихъ быта. Прежде всего они не могутъ достаточно ясно понимать Священное Писаніе, о чемъ мы уже говорили ранѣе. Кромѣ того, они не могутъ посѣщать церквей, гдѣ-бы могли выслушивать по крайней мѣрѣ словесныя поученія священниковъ. Какимъ образомъ будетъ посѣщать свою приходскую церковь, напр.: Спидорецъ, когда въ лѣтнее время онъ почти не имѣетъ физической возможности перебраться черезъ окружающія его селенія болота и рѣки, а зимой для того, что бы сходить на погостъ на лыжахъ по глубокимъ снѣгамъ, долженъ употребить нѣсколько дней. Въ 1853 году, занимаясь извлеченіемъ изъ метрическихъ книгъ свѣдѣній о движеніи народонаселенія Вологодской губерніи, мы встрѣтили, что одинъ Зырянинъ, кажется, Печорскаго прихода, былъ крещенъ 32-хъ лѣтъ отъ роду. И это не единственный примѣръ: мы выбрали только самый рѣзкій. По этому можно судить, какъ рѣдко могутъ посѣщать съ одной стороны прихожане свою церковь, а съ другой—приходскіе священники отдаленныя селенія своего прихода. Печорскій приходъ до учрежденія въ немъ подвижныхъ церквей, имѣлъ протяженія 550 верстъ по теченію р. Печоры [249]). И такъ, самихъ Зырянъ въ грубости религіозныхъ убѣжденій никто не имѣетъ право винить. — Напротивъ того, при такихъ условіяхъ, горячее и искреннее усердіе ихъ къ церкви имѣетъ особенную цѣну. Почитаніе множества чудотворныхъ иконъ и высокое благоговѣніе къ памяти своего апостола также служатъ доказательствами: съ одной стороны — самаго воспріимчиваго чувства вѣры, а съ другой — самаго честнаго и искренняго сознанія правоты и спасительности этой вѣры. — По мнѣнію нашему, даже расколъ, существующій на Печорѣ и состоящій только въ особенности перстосложенія, въ почитаніи старыхъ иконъ и книгъ, служитъ доказательствомъ неравнодушія Зырянъ къ вѣрѣ.

Вообще религіозность Зырянъ не пустая формальность; не сосудъ, лишенный нравственнаго содержанія; не мертвое слово безъ дѣла: потому что они отличаются многими истинно-христіанскими добродѣтелями. Всѣ,—кто имѣлъ случай находиться въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ ними и близко наблюдать ихъ, — съ увлеченіемъ разсказываютъ о ихъ добрыхъ качествахъ. «Если сго«ритъ у кого домъ, «говоритъ г. Ѳ. Бергъ» [250]), то «хозяинъ этого дома не будетъ отчаяваться выстроить «новый, будучи вполнѣ увѣренъ, что сосѣди его не ос«тавятъ и помогутъ завести новый». Мы не приводимъ множество другихъ отзывовъ о добродушіи и человѣколюбіи Зырянъ, такъ какъ всѣ они одинаковы [251]); но не можемъ не упомянуть и о неблагопріятномъ взглядѣ г. Аврамова на взаимныя отношенія членовъ зырянскихъ семействъ. По словамъ этого автора, особенною черствостію отличаются отношенія дѣтей къ родителямъ: онъ говоритъ, что дѣти на дряхлыхъ родителей смотрятъ, какъ на безполезное бремя, такъ что послѣдніе, въ случаѣ раздѣла первыхъ, живутъ у нихъ понедѣльно. Но не говоря уже о томъ, что подобный порядокъ вещей встрѣчается не у однихъ Зырянъ, и что онъ, въ существѣ, не исключаетъ добродушія и человѣколюбія, мы скоро увидимъ живые примѣры совершенно другаго свойства, почему и думаемъ, что г. Аврамовъ или основалъ свой отзывъ на немногихъ частныхъ фактахъ, или слишкомъ требователенъ по отношенію къ народу малоразвитому и бѣдному [252]). Намъ кажется даже, что черствость семейныхъ отношеній несовмѣстна со всѣми другими нравственными качествами Зырянъ.

Такъ, напр., *любовь къ родинѣ* не мало говоритъ въ пользу чувствительности и способности къ глубокимъ сердечнымъ привязанностямъ. Между тѣмъ никто не отнимаетъ у Зырянъ этого качества. Напротивъ того, иные увлекаются имъ до того, что считаютъ его причиною нѣкоторыхъ другихъ добродѣтелей: имъ г. Михайловъ [253]) объясняетъ *отсутствіе* между Зырянами *нищенства*. Но мы непривычку жить на чужой счетъ считаемъ самостоятельною добродѣтелью.

Ни въ чемъ такъ не выражается цѣлая совокупность добрыхъ качествъ, какъ въ *гостепріимствѣ*. Смѣло можемъ увѣрять, что едва-ли гдѣ эта добродѣтель вытекаетъ изъ столь чистыхъ источниковъ, какъ у Зырянъ, и не знаемъ, гдѣ она достигла столь широкаго примѣненія. Отзывъ г. Михайлова, что Зыряне, *живущіе въ глуши*, растворяютъ настежь всѣ двери, чтобы странникъ и безъ хозяевъ нашелъ въ домѣ и пріютъ и пищу, [254]) можетъ показаться баснословнымъ; но мы сами видѣли примѣръ такого гостепріимства, *и не въ глуши*,

---

[248]) Волог. Губ. Вѣд. 1848 г. № 30: «Старинный обрядъ у Зырянъ», г. П. Сорокина.

[249]) См. примѣч. 230.

[250]) См. примѣч. 240.

[251]) См. примѣч. 174, 239.

[252]) Вол. Губ. Вѣд. 1859 г. № 35: «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйственный бытъ», г. В. Аврамова.

[253]) См. примѣч. 239 и. в.

[254]) Тамъ-же.

а на торговомъ трактѣ отъ Устьсысольска къ Лальску. Послѣ этого нужно-ли говорить о томъ, что Зырянинъ не отпуститъ странника, не накормивъ всѣмъ, что у него есть лучшаго, что не возьметъ за это платы и т. п. Но мы будемъ имѣть случай снова возвратиться къ этой добродѣтели.

Теперь-же скажемъ нѣсколько словъ о *честности* Зырянъ,—качествѣ, молва о которомъ распространена широко. Говорятъ, что въ Петербургѣ зырянская прислуга весьма цѣнится,—именно вслѣдствіе увѣренности въ ея безкорыстіи. Воровства разныхъ видовъ между Зырянами не водится. Въ языкѣ ихъ нѣтъ даже собственнаго слова для выраженія понятія о ворѣ. Въ переведенныхъ на этотъ языкъ разныхъ выпискахъ изъ Свода Законовъ слово «воръ» передано русскимъ-же «гусь» (экой гусь!). Въ Яренскѣ, за ненадобностью, закрытъ былъ въ послѣднее время острогъ. Впрочемъ, изъ числа преступленій противъ собственности и доходовъ казны, въ Устьсысольскомъ уѣздѣ до упраздненія откупной системы, — не знаемъ какъ теперь, — было сильно развито корчемство въ видѣ выкурки собственнаго вина.—Въ глухихъ мѣстахъ замки до сихъ поръ неизвѣстны, и если иногда запираются амбары и кладовыя, то не отъ людей, а отъ животныхъ. Если хозяинъ дома почему-бы то ни было не желаетъ, чтобы во время его отсутствія къ нему входили посторонніе, то ставитъ у дверей *пасъ*, т. е. коромысло или простую палку на искось — и это служитъ лучше всякаго замка [255]).

Не мало поражаетъ также наблюдателей строгая честность и безкорыстіе при взаимныхъ отношеніяхъ зырянскихъ охотниковъ. Не говоря уже о томъ, что ни одинъ изъ нихъ и не подумаетъ взять звѣря или птицу, попавшихся въ чужую ловушку,—животное, преслѣдуемое одною партіей охотниковъ, но добитое или пойманное другою, всегда, безъ всякаго спора и сожалѣнія, передается первой. На промыслахъ добыча каждаго охотника извѣстной партіи поступаетъ въ общую массу и, при дѣлежѣ ея, всѣ получаютъ равныя доли, хотя иной и не такъ удачно охотился, какъ другіе. У Зырянъ существуетъ повѣрье, что если кто воспользуется чужими звѣремъ или птицей, тотъ навсегда лишится искусства стрѣлять. Впрочемъ такая охотничья честность свойственна не однимъ Зырянамъ, а и многимъ другимъ звѣроловнымъ народамъ.—Отправляясь на промыслы, иногда за нѣсколько сотъ верстъ, охотники, чтобы не везти на себѣ лишняго груза, на извѣстныхъ мѣстахъ оставляютъ часть взятыхъ съ собою съѣстныхъ припасовъ съ тѣмъ, чтобы подобрать ихъ на обратномъ пути.

Случается, что охотники другихъ партій, истощивъ свои запасы, берутъ себѣ необходимое изъ такихъ временныхъ кладовыхъ, но всегда, взамѣнъ взятаго, оставляютъ часть собственной добычи. Разсказываютъ также, что Зырянинъ, котораго застигнетъ въ лѣсу голодъ, считаетъ себя въ правѣ взять и птицу изъ чужой ловушки, но не иначе, какъ ощипавъ ее извѣстнымъ образомъ на тотъ конецъ, чтобы настоящій хозяинъ ея зналъ, что не хищному звѣрю она досталась.

Точно также строго честны Зыряне и въ исполненіи долговыхъ обязательствъ. Они не знаютъ никакихъ письменныхъ условій и договоровъ: честное слово—«вотъ тэдъ веськидъ кывъ»—замѣняетъ у нихъ всякія росписки, заемныя письма и т. п. Употребляется также *пасъ* (знакъ), тоже, что наша бирка, но не для доказательства правъ кредитора, а для памяти—на случай, если при подробныхъ разсчетахъ возникнутъ между нимъ и должникомъ недоразумѣнія [256]).

Говорятъ однакоже, что въ послѣдніе годы, мѣстами, явилась потребность въ замкахъ и въ болѣе аккуратныхъ способахъ сбереженія запасовъ на промыслахъ, и что въ судебныя мѣста стали чаще поступать дѣла о воровствѣ [257]).

Въ числѣ похвальныхъ качествъ Зырянъ называютъ также *бережливость* [258]) и въ особенности твердость духа, смѣлость и необыкновенное терпѣніе при перенесеніи трудовъ,—качества, обусловливаемыя самымъ образомъ жизни искони охотничьяго народа [259]).

Чтобы дать читателю наглядное понятіе о гостепріимствѣ, честности, услужливости, простодушіи и другихъ добрыхъ качествахъ Зырянъ, живущихъ въ глуши, и вмѣстѣ съ тѣмъ о домашнемъ бытѣ этого народа, мы дѣлаемъ нѣсколько выписокъ изъ «Путевыхъ замѣтокъ отъ Устьсысольска къ Вишерскому селенію», г. А. Попова [260]). Эти выписки, по нашему мнѣнію, потому особенно интересны, что г. А. Поповъ путешествовалъ пѣшкомъ.

«..... Мы пристали (въ дер. Визябожъ) въ первый «отъ дороги нашей домъ.—Съ приходомъ нашимъ выступили на средину избы двое мущинъ. Одинъ изъ нихъ, «пожилыхъ лѣтъ, былъ въ рубашкѣ изъ толстаго холста «съ косымъ воротникомъ, подпоясанной тканымъ изъ «шерсти поясомъ, на которомъ спереди висѣлъ маленькій кожаный кошелекъ. Въ него вкладывается суконный «мѣшочекъ съ нѣсколькими отдѣленіями для храненія «огнива, труту, сѣрныхъ спичекъ и иголки съ нитками.

---

[255]) Вол. Губ. Вѣд. 1856 г. № 32: «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйственный бытъ», г. В. Аврамова.

[256]) Тамъ-же 1853 г. № 18: «Физич. и нравств. свойства Зырянъ» г. М. Михайлова.

[257]) Памятн. книжка Волог. губерн. на 1865-й и 1866-й гг: «О промышленныхъ дѣлахъ и торговыхъ сношеніяхъ въ Зырянскомъ Краѣ»,— г. Ф. Арсеньева.

[258]) Вол. Губ. Вѣд. 1859 г. № 32: «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйств. бытъ», г. В. Аврамова.

[259]) См. примѣч. 13, 139 и 240.

[260]) Вол. Губ. Вѣд. 1848 г. №№ 10—12.

«Принадлежность эта зырянскаго костюма, называемая «у нихъ «бива—вотлукъ»—отъ словъ «би»—огонь и «вот-«лукъ»—мѣшочекъ,—у каждаго порядочнаго Зырянина «необходима.—Рядомъ съ нимъ стоялъ мущина среднихъ «лѣтъ, одѣтый въ короткій, суконный изъ бѣлой шерсти «кафтанъ, подпоясанный кожаною, въ три пальца ши-«рины, тесьмою, на коей съ одного боку висѣлъ на же-«лѣзной винтообразной скобкѣ топоръ, а съ другаго—«длинный ножъ; въ рукахъ онъ держалъ, вмѣсто шляпы, «суконную четвероугольно сшитую ермолку; обувь у него «состояла изъ суконныхъ чулковъ и невыдѣланной кожи, «обтянутой около ступней снурками; она спереди окан-«чивалась острымъ носкомъ;... обувь эта легка и по-«койна, а для того, чтобы она не принимала мокроты, «ее напитываютъ смолистымъ растворомъ. Позырянски «она называется *чут-кӧмъ*. Послѣ разспросовъ о город-«скихъ новостяхъ и о томъ, куда насъ Богъ несетъ, «намъ предложили закуску изъ рыбнаго пирога, самаго «деликатнаго угощенія у Зырянъ. Отъ усталости-ли, или «отъ того, что у насъ были свои домашніе припасы, «намъ не хотѣлось ѣсть, но отказать усердію Зырянина «была бы крайняя обида, а потому, чтобы доказать, что «мы не сердимся на него, должны были согласиться на «предлагаемое.—Потомъ немедлено отвели намъ мѣсто «отдыха, и мы расположились на оленьей шкурѣ подъ «овчинною шубою. Однако всякаго рода насѣкомыя не «давали намъ порядочно успокоиться.—По утру я спро-«силъ самоваръ, но получилъ отказъ съ объясненіемъ, «что у сосѣда *Ӧшъ*-Васьки (Васька-медвѣдь), хотя и есть «мѣдный чайникъ для этой надобности, да онъ никому «не даетъ, и самъ не пользуется, и едва-ли онъ не на «пожнѣ. «Такъ что»? сказала какая-то старуха,—«чай-«никъ-то, вѣдь, у него въ клѣти, такъ не мудрено схо-«дить *буръ мортъясъ понда* (для добрыхъ людей)».—«Не забранился-бы!» вздумалось сказать хозяину. «Вотъ «еще! Намедни бралъ-же безъ насъ пѣтуха, да ничего не «сдѣлалось»... Не дожидаясь рѣшенія по дѣлу о самова-«рѣ, мы разстались съ добродушными хозяевами»....

«..... Пройдя отъ мѣста ночлега верстъ 6, мы под-«ходили къ дер. Додчзь. Въ этой деревнѣ многіе крестьяне «прежде имѣли значительное состояніе и производили ме-«лочную торговлю, но, съ перемѣною обстоятельствъ и «счастія, лишились достатка, и стали въ ряду съ дру-«гими... Мы просили указать на одинъ изъ тѣхъ домовъ, «которые славились прежде своею зажиточностію. . Мы «вошли въ домъ, но, выходивъ вездѣ, никого не нашли, «и расположились въ комнатѣ, довольно чистенькой, «меблированной вокругъ стѣнъ деревянными скамейками «и тремя кожаными стульями. Вскорѣ пришла хозяйка, «одѣтая въ ситцевый изорванный сарафанъ, въ матер-«чатомъ кокошникѣ на неубранной головѣ и чаркахъ на «босую ногу, запачканныхъ свѣжими пятнами, кои ясно «давали знать о ея занятіи около домашняго скота. Она «нѣсколько смутилась отъ небывалыхъ гостей; но я успо-«коилъ ее, объявивъ свою родословную, по коей она «чуть не признала меня за родственника, только очень «дальняго. Она замѣтно была вѣжлива, высказывала «много такого, что обнаруживало, что она не деревен-«скаго поля ягода, и безпрестанно мѣшала русскія слова «съ зырянскими.... Мы здѣсь отдохнули, напившись «чаю съ ячными хлѣбами, кои, вмѣсто булокъ, почти «насильно были навязаны намъ крестьянкой, съ доказа-«тельствомъ, что гораздо здоровѣе ячныя булки...

«..... На другой день рано поутру пришли мы въ «дер. Сторожевскую (Шойнаты). У крестьянина, къ ко-«торому мы пристали, поразилъ меня старикъ—отецъ его, «80 лѣтъ, необыкновеннаго росту и виду. Стоя прямо, «онъ достигалъ мѣрою сажени съ $^1/_2$—вершкомъ, а сынъ «его, взятый въ военную службу, будто-бы, еще былъ «выше. Въ молодости, какъ онъ говоритъ, не зналъ «мѣры своей силѣ и, вслѣдствіе умѣреннаго образа жизни «и трудолюбія, прожилъ до глубокой старости, не испы-«тавъ особенныхъ болѣзней. Онъ хорошо видѣлъ глазами, «но тяжелъ былъ на слухъ. Исполинскіе члены его, «обтянутые въ безобразно-сморщенную желтую кожу, со-«размѣрны были туловищу, которое представляло видъ «мѣшка, насыпаннаго безъ порядка костями. Нечаян-«ная встрѣча съ этимъ старикомъ наединѣ, въ позд-«нюю пору, невольный наведетъ страхъ, хотя на самомъ «дѣлѣ онъ былъ добрый человѣкъ. Супруга этого ста-«рика, слѣпая старуха, была, напротивъ, совсѣмъ дру-«гаго вида... очень маленькая... Почтительный сынъ «старика и старухи лелѣетъ ихъ, доставляя имъ спокой-«ствіе, какое возможно въ крестьянскомъ быту. Пріятно «было замѣтить въ Зырянинѣ, почитающемся полуди-«кимъ, сыновнее чувство, которое не всегда видно бы-«ваетъ въ блестяще образованномъ.— Намъ нужно было «изъ дер. Сторожевской своротить съ главной дороги на «Вишеру... Проселочная, опасная (?) дорога въ Вишеру «пролегаетъ по дремучему дикому лѣсу прямо на сѣверъ. «Намъ предлагали верховыхъ лошадей—иначе весьма «трудно было пробраться,—но мы не могли рѣшиться въ «позднее время дня... Между тѣмъ старикъ, о коемъ я «выше сказалъ, неожиданно принялъ въ насъ самое «живое участіе: тотчасъ велѣлъ сыну снарядить лодку, «отыскать гдѣ-то праздношатающагося крестьянина и «далъ въ помощники работника, который былъ въ услу-«женіи у сына. Мы отправились подъ вечеръ въ откры-«той легкой лодкѣ»....

Здѣсь мы пропускаемъ подробности переѣзда до слѣдующей деревни, но, для связи съ послѣдующимъ, замѣтимъ, что путешественниковъ въ дремучемъ лѣсу, на берегу р. Вишеры, застала сильная буря съ проливнымъ дождемъ, промочившимъ ихъ до костей; и продолжаемъ подлинными словами г. А. Попова.

«....Но наконецъ мы пріѣхали, уже въ полночь; во-«шли въ первую съ конца деревни избу; велѣли достать «огня и попросили у хозяина сухаго бѣлья. Переодѣвшись,

«немедленно легли на полати, куда постлали свѣжей «сухой соломы. Сколь пріятно послѣ холоду быть въ «теплѣ, мы доказали съ товарищемъ глубокимъ сномъ, «продолжавшимся на другой день до полудня.— Пробу«дившись, я удивился необыкновенной тишинѣ въ «домѣ, и полагалъ, что всѣ ушли на работы; но потомъ «иначе все объяснилось. У крестьянина было многолюд«ное семейство изъ большихъ и малолѣтнихъ: всѣ они «скромно сидѣли по лавкамъ, и шепотомъ разговаривали «между собою, унимая дѣтей отъ крику и шуму. На «столѣ собранъ былъ завтракъ. Мы узнали, что все это «дѣлается для насъ, для нашего спокойствія. Пока мы «одѣвались, они безпрестанно оговаривались, что у нихъ «все нечисто, черно и что намъ, вѣрно, худо было «спать.— Казалось, что мы были у какихъ-то близкихъ «родственниковъ, которые съ такимъ добродушнымъ «участьемъ ласкали насъ и заботились о нашемъ удоб«ствѣ. Хозяинъ дома, когда мы еще спали, велѣлъ на«ловить съ рѣкѣ рыбы, которую, приготовленную въ пи«рогѣ, усердно предлагалъ намъ закусить, а жена его «принесла корзину земляники.— Между тѣмъ набралась «полная изба сосѣдей, съ намѣреніемъ любопытствовать «объ насъ и объ нашемъ путешествіи.— Разговорчивый «хозяинъ чрезвычайно хвалилъ нѣкоторыхъ городскихъ «чиновниковъ, пріѣзжавшихъ сюда по дѣламъ службы, «за ихъ благосклонное съ нимъ обращеніе. Зыряне во«обще любятъ тѣхъ, кто не пренебрегаетъ вступать съ «ними въ разговоръ съ участіемъ о ихъ состояніи.— Я «пожалѣлъ, что на Вишерѣ часто случаются неурожаи, «отнимающіе почти возможность существованія; но они «нисколько ни жаловались на судьбу: «зато Богъ далъ «намъ лѣса, наполненные всякаго рода звѣрями и пти«цами,— и это составляетъ источникъ нашего продовольствія и богатства», говорили они.— Дѣйствительно, «здѣшніе жители, послѣ Печорцевъ, лучшіе промышлен«ники: разсказывали, что весной того года жители этой «деревни убили вдругъ до 18 оленей и, по раздѣлу де«негъ, вырученныхъ отъ продажи шкуръ и языковъ, «досталась каждому значительная сумма на уплату пода«тей, кромѣ мяса, которое идетъ въ пищу. Крестьянинъ, «у котораго мы остановились, въ свое время бывалъ «отличный звѣроловъ: увѣряли сосѣди его, что онъ, «прошедшей зимой, случайно встрѣтившись въ ближнемъ «лѣсу, почти близь самой деревни, съ огромнымъ медвѣ«демъ, не вооруженный ничѣмъ, кромѣ топора, долженъ «былъ вступить съ нимъ въ борьбу, успѣлъ убить его, «и, взваливъ на плеча, принесъ домой. Казалось, такой «суровый образъ жизни неминуемо долженъ былъ имѣть «вліяніе на характеръ; но крестьянинъ, убившій медвѣ«дя, ни на минуту не выпускалъ съ колѣней маленькаго «внука, игралъ съ нимъ, какъ дитя, цѣловалъ его и «баловалъ до нельзя. Для удовольствія его не было у «дѣда ничего завѣтнаго, и если-бы маленькій внукъ собла«говолилъ, по шалости своей, вырвать глазъ у дѣда, то, «конечно, не могло быть важныхъ послѣдствій для пер«ваго. Мнѣ кажется, и эта черта чего ни будь да стоитъ «въ мужикѣ темномъ»....

До сихъ поръ мы представляли только свѣтлыя стороны предмета; но, въ видахъ безпристрастія, должны и оттѣнить его.

Вообще принято за правило обвинять Зырянъ *въ пристрастіи къ горячимъ напиткамъ;* но голословно. Только г. В. Аврамовъ какъ будто выставляетъ данныя, по которымъ можно судить о свойствахъ и степени развитія этого порока. Но какія-же это данныя? Онъ говоритъ напр., что въ праздничные дни всѣ кабаки въ зырянскихъ селеніяхъ бываютъ полны народа; что нѣкоторые крестьяне, не имѣя наличныхъ денегъ, пропиваютъ иногда разныя вещи; что на помочи идутъ охотнѣе изъ-за вина, нежели изъ-за денегъ; что въ Зырянскомъ краю пьютъ мужчины и женщины, иногда съ малыхъ лѣтъ; что на общественныхъ сходкахъ изъ за угощенія составляются несправедливые приговоры и т. п., и т. п. [261]); но развѣ подобныя явленія не встрѣчаются вездѣ въ Россіи, да и не въ одной Россіи?— Не отрицая существованія порока, мы смотримъ на него другими, не столь строгими глазами. Прежде всего замѣтимъ, что пьянство у Зырянъ есть порокъ пришлый, позаимствованный: въ языкѣ ихъ нѣтъ даже собственныхъ словъ для выраженія понятій о винѣ и пьяницѣ; одни лексикографы, т. е. изобрѣтатели небывалыхъ зырянскихъ словъ, ставятъ въ своихъ лексиконахъ противъ слова вино—«курыдъ», а противъ пьяницы—«курыдъ-юись», что буквально значитъ—«горькій» и «горькое пьющій» [262]). Положимъ, что и заносные пороки въ иныхъ мѣстностяхъ получаютъ еще большее и гибельнѣйшее развитіе, нежели тамъ, откуда они занесены; но о пьянствѣ Зырянъ этого сказать нельзя. Г. Михайловъ положительно увѣряетъ, что между ними нѣтъ отъявленныхъ пьяницъ, которые пропиваютъ послѣднюю копѣйку, и что они пьянствуютъ только во время праздниковъ [263]). Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе г. Михайлова: не отрицая, какъ и онъ, наклонности Зырянъ къ пьянству, можетъ смѣло завѣрить, что этотъ порокъ у нихъ не доходитъ до гибельныхъ крайностей, какъ у Русскихъ,—можетъ быть не вслѣдствіе природной умѣренности, а вслѣдствіе особыхъ условій жизни. Можетъ-ли пьянство обратиться въ привычку у людей,

---

261) См. примѣч. 258. Здѣсь разъ навсегда замѣтимъ, что г. Аврамовъ, котораго мы лично знали, какъ урожденецъ зырянскаго края и, если можно такъ выразиться, Зырянскій патріотъ, недружелюбно и въ увеличительное стекло смотрѣлъ на темныя пятна въ характерѣ своихъ земляковъ: ему хотѣлось, чтобы вовсе не было такихъ пятенъ. Напротивъ того писавшіе о Зырянахъ Русскіе, восхищаясь добрыми качествами ихъ, равнодушно относятся къ ихъ порокамъ, и даже иногда не замѣчаютъ ихъ.

262) См. примѣч. 243.

263) Тамъ-же.

которые понѣскольку мѣсяцевъ сряду, за цѣлыя сотни верстъ не только отъ кабаковъ, но и отъ ближайшихъ селеній, гоняются за звѣрями и птицами?— Говорятъ, что населеніе Удоры трезвѣе населенія другихъ мѣстностей, что тамъ даже помочи обходятся безъ вина [264]); но не потому-ли опять, что здѣсь полученіе вина сопряжено съ бо́льшими затрудненіями, чѣмъ гдѣ-нибудь.

Гораздо основательнѣе обвиненіе зырянскихъ дѣвицъ *въ недостаткѣ цѣломудрія*. Хотя изъ нравоописателей Зырянъ одинъ г. Аврамовъ упоминаетъ объ этомъ порокѣ; но фактъ не подлежитъ сомнѣнію. Мы ранѣе привели цифры, показывающія отношеніе числа законорожденныхъ къ числу незаконнорожденныхъ въ зырянскихъ и русскихъ уѣздахъ Вологодской губерніи, и, основываясь на нихъ, а также на нѣкоторыхъ другихъ соображеніяхъ, пришли къ заключенію, что равнодушіе къ цѣломудрію женщинъ принадлежитъ къ числу племенныхъ пороковъ Зырянъ. Теперь-же, не входя въ противорѣчіе съ самимисобой, отмѣтимъ не безъинтересный фактъ, что особенная распущенность имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ Зыряне перемѣшаны съ Русскими; этимъ порокомъ особенно славятся: городъ Устьсысольскъ, село Устьвымъ, Сереговскій заводъ, погосты Шежамскій и Кохвицкій, и дер. Айкинская.— Г. Аврамовъ говоритъ, что только на Удорѣ «хорошее поведеніе дѣвицъ достаточно уважается и цѣнится» [265]). Мы вѣримъ ему, хотя намъ лично извѣстны, можетъ быть случайныя, исключенія изъ правила.— Тотъ-же авторъ, говоря вообще о легкомъ взглядѣ Зырянъ на непорочность дѣвицъ, увѣряетъ, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одна обрусѣвшая Зырянка, за нѣсколько поднесенныхъ ей рюмокъ, сама предлагала къ услугамъ двухъ взрослыхъ своихъ дочерей [266]). Легкое поведеніе дѣвицъ ни мало не препятствуетъ выходу въ замужство, лишь-бы онѣ не были беременны и имѣли качества хорошихъ хозяекъ. Поэтому, забеременѣвшія обыкновенно отправляются въ Петербургъ и, разрѣшившись тамъ отъ бремени и пристроивъ ребенка, возвращаются домой, какъ ни въ чемъ не бывало.— Увѣряютъ, что замужнія Зырянки менѣе, нежели дѣвицы, склонны къ незаконному любострастію.

Есть люди, которые Зырянъ [267]), особенно мущинъ, упрекаютъ *въ лѣности* [268]). Намъ кажется страннымъ такой упрекъ: можно-ли считать лѣнивыми людей, которые переносятъ столько трудовъ, въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, въ трескучіе морозы, странствуя по глубокимъ снѣгамъ и развѣ для нихъ только проходимымъ лѣснымъ трущобамъ, и таская на себѣ въ то-же время съѣстные припасы и добычу? Можетъ быть и правда, что Зыряне небрежно обработываютъ поля; можетъ-быть, и имѣетъ какое нибудь значеніе поговорка «дышъ, да агзася» (лѣнь, да боронoю): но равнодушіе ихъ къ хлѣбопашеству объясняется не лѣностью, а съ одной стороны тѣмъ, что это занятіе, въ глазахъ ихъ, принадлежитъ къ числу второстепенныхъ, а съ другой—тѣмъ, что труды земледѣльца во многихъ частяхъ Зырянскаго края рѣдко вознаграждаются. Искони звѣроловы, и только со вчерашняго дня плохіе земледѣльцы, Зыряне, естественно, всѣ свои надежды и стремленія сосредоточиваютъ на охотѣ, и на нее кладутъ всѣ силы, только досуги посвящая обработкѣ полей. Впрочемъ, и упрекъ въ равнодушіи къ земледѣлію едва-ли вполнѣ справедливъ: мы видѣли [269]), что Удорцы для того, чтобы ускорить наступленіе времени посѣва, свозятъ даже снѣгъ съ полей — трудъ, неизвѣстный въ другихъ мѣстностяхъ Россіи!

Еще страннѣе упрекъ въ невѣжествѣ [270]); любопытно знать: какими путями они могли просвѣтиться? Да еще остается вопросъ: много-ли опередили въ этомъ отношеніи Зырянъ ихъ русскіе сосѣди, не смотря на болѣе выгодное положеніе и т. п.?

Гораздо справедливѣе обвиненіе *въ сутяжничествѣ*. Едва-ли гдѣ въ Россіи этотъ порядокъ достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ въ Зырянскомъ краѣ. Составители просьбъ здѣсь пользуются такимъ-же почетомъ, какъ и колдуны. Зырянинъ, имѣющій дѣло, не смотря на то, правое оно или нѣтъ, всегда старается провести его черезъ всѣ возможныя инстанціи, подаетъ просьбы и жалобы всякому проѣзжающему чиновнику и вообще тянетъ его до тѣхъ поръ, пока не раззорится;—отсылая просьбы въ губернскія или столичныя мѣста, онъ старается кла́сть пакеты въ почтовыя конторы не своего уѣзда, изъ опасенія, чтобы они не были умышленно скрыты или уничтожены.—Такой порокъ можно конечно объяснять невѣжествомъ; но мы болѣе склонны приписать его *мстительности*, — этому, по общему убѣжденію, природному свойству Зырянъ, — конечно, не безъ примѣси невѣжества и *подозрительности*.

Говорятъ, что Зыряне очень *вспыльчивы*, особенно въ пьяномъ видѣ [271]).

О нѣкоторыхъ другихъ будто-бы порокахъ, приписываемыхъ иногда Зырянамъ, каково напримѣръ пристрастіе подешевле купить и подороже продать,—мы считаемъ неумѣстнымъ распространяться [272]), какъ объ общечеловѣческой слабости, которую даже едва-ли можно назвать порокомъ.

---

264) См. примѣч. 258.

265) Тамъ-же.

266) Тамъ-же.

267) См. примѣч. 13.

268) Вол. Губ. Вѣд. 1859 г. № 21: «О главныхъ торговыхъ путяхъ изъ Вятской губерніи въ г. Архангельску и о торговыхъ пристаняхъ».

269) См. примѣч. 149.

270) См. примѣч. 13 и др.

271) См. примѣч. 258.

272) Тамъ-же.

ГЛАВА IX.

ЗЫРЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ И ПРОИЗВЕДЕНІЯ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Зырянскія грамматики.—Характеристика алтайскихъ языковъ.—Нарѣчія зырянскаго языка.—Его бѣдность.—Отзывы о его благозвучіи. - Переводы съ русскаго. — Народная поэзія.—Пѣсни. — Непонятное произведеніе зырянскаго слова. — Два образца зырянскаго словеснаго творчества.—Преданія.—Сказки.—Загадки.—Заключеніе.

Извѣстно, что произведенія словеснаго творчества принадлежатъ къ числу лучшихъ источниковъ для опредѣленія нравственныхъ свойствъ того или другаго народа; но для насъ такого источника не существуетъ: Зыряне не имѣютъ письменности и едва-ли есть у нихъ самостоятельныя словесныя произведенія ума и фантазіи.

Какъ ни малоизвѣстенъ этотъ народъ, какъ ни бѣденъ языкъ его, но и въ Россіи, и за границей нашлись люди, которые посвящали труды изученію послѣдняго. Сколько намъ извѣстно, издано пять Зырянскихъ грамматикъ: Флерова (С.-П.-бургъ, 1813 года), Шегрена (С.-П.-бургъ, 1832 г.), Габеленца (Альтенбургъ, 1841 г.), Кастрена (Гельзингфорсъ, 1844 г.) и Савваитова (С.-П.-бургъ, 1850 г.). Кромѣ того, въ Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ помѣщена прекрасная статья г. П. Куратова подъ заглавіемъ «Зырянскій языкъ»; но, къ сожалѣнію, она появилась въ столь мало распространенномъ изданіи и притомъ слишкомъ сжата: авторъ сказалъ далеко не все, чтобы онъ могъ сказать, будучи урожденцемъ Зырянскаго края и человѣкомъ образованнымъ. Это тѣмъ болѣе прискорбно, что всѣ до сихъ поръ изданныя зырянскія грамматики до крайности неудовлетворительны: общій недостатокъ ихъ заключается въ томъ, что составители ихъ старались втиснуть зырянскій языкъ въ несвойственныя ему формы языковъ европейскихъ.

Слѣдуя Видеманну, г. Куратовъ такъ характеризируетъ алтайскіе языки, къ числу которыхъ принадлежатъ финскіе и слѣд. зырянскій: корень и форма словъ имѣютъ самую слабую связь, такъ что окончанія напр. падежей могутъ быть разсматриваемы, какъ особыя самостоятельныя слова, или такъ называемыя послѣположенія; строеніе рѣчи однообразно при бо́льшемъ или меньшемъ разнообразіи корней и формъ; измѣненія-же формы разнообразны, но просты, и потому каждое алтайское нарѣчіе имѣетъ одно склоненіе и одно спряженіе; союзовъ не много; родовъ нѣтъ; при количественныхъ числительныхъ предметы ставятся въ единственномъ числѣ; языкъ богатъ производными глаголами и именами [273]). Мы замѣтимъ, при этомъ, что формы зырянскихъ глаголовъ необычайно богаты (даже частицы отрицанія спрягаются по временамъ, числамъ и лицамъ).

Видовыя особенности Зырянскаго языка мы не беремся обозначить; но должны замѣтить, что самъ онъ распадается на шесть нарѣчій: а) Сысольское, которымъ говоритъ около 19,000 человѣкъ; б) Печорское (2,000 чел.); в) Ижемское (Архангельской губерніи—7,000 ч.); г) Вашкинское или Удорское (10,000 чел.); д) Вычегодское (27,000 чел.) и е) Лузское (5,000 чел.). — Всѣ они отличаются одно отъ другаго главнымъ образомъ различнымъ произношеніемъ нѣкоторыхъ буквъ, напр.: «л» вмѣсто «в», «а» вмѣсто «о» и т. д. Г. Куратовъ Сысольское нарѣчіе признаетъ центральнымъ, потому что оно имѣетъ болѣе общихъ свойствъ со всѣми другими, нежели эти послѣднія. Кромѣ того въ г. Устьсысольскѣ существуетъ не нарѣчіе, а какая-то механическая смѣсь русскаго языка съ зырянскимъ: тамъ говорятъ рядомъ русскихъ словъ по зырянской грамматикѣ и произнося слова на зырянскій ладъ [274]).

Мы не разъ уже говорили, что зырянскій языкъ весьма бѣденъ словами. Хотя такъ называемые зырянскіе лексикографы надосугѣ и насчитываютъ до 70.000 словъ; но такую цифру слѣдуетъ считать произведеніемъ вольной фантазіи: изобрѣтенныя ими слова, по большей части, Зырянамъ непонятны или понимаются превратно, какъ напр. богиня—«йенъ—гётыръ»—выходитъ божія жена [275]).

Но въ то время, какъ одни навязываютъ зырянскому языку чуждое ему богатство, другіе слишкомъ строго судятъ о его благозвучіи. Такое мнѣніе обыкновенно или основывается не на существѣ дѣла, а на предвзятомъ убѣжденіи, что у грубаго, необразованнаго народа и языкъ долженъ быть грубый [276]), или вытекаетъ изъ того,

[273]) Вол. Губ. Вѣд. 1865 г. №№ 23, 27, 31 и 37 и 1866 г.—18 и 19-й: «Зырянскій языкъ».

[274]) Тамъ-же.

[275]) По примѣч. 174.

[276]) См. по примѣч. 85-му № 19.

что о благозвучіи языка судятъ не по живому говору, а по книгамъ, гдѣ зырянскіе звуки передаются русскими буквами. Русскія буквы совершенно неудобопримѣнимы къ зырянскимъ звукамъ [277]); Зыряне часто вовсе не понимаютъ зырянскихъ словъ, прочитанныхъ имъ по русской печати; есть слова, которыхъ, по печатному, почти невозможно выговорить, напр. додчзь, чжачжъ, дъінъ и т. п., тогда какъ, въ устахъ Зырянина, они не кажутся дикими для слуха. Другимъ [278]) не нравится, что многія гласныя Зыряне произносятъ при помощи гортани и ударяютъ на первомъ слогѣ рѣчи; но у всякаго свой вкусъ. Есть впрочемъ и защитники зырянскаго языка въ отношеніи благозвучія [279]). Одинъ изъ нихъ, г. К—нъ, для подкрѣпленія своего мнѣнія, привелъ нѣсколько примѣровъ: это рядъ стихотвореній, явно написанныхъ лицомъ, хорошо знакомымъ съ правилами русскаго стихосложенія, т. е. съ риѳмами, съ размѣромъ и т. п.—Мы приводимъ одно, которое покороче. Оно называется «Томъ нывъ»—молодая дѣвица:

Шонды баной
Буръ таланой,
Муса, мича нывъ!
Ошкомъ ошты
Зонъ мозъ йокты
Вильшась, серавъ, сьывъ!
Юрась думсо,
Вомась юмсо
Петкодъ томъ мортлысь
Медъ тэ борысь
Гажмась порысь
Сьоломъ гажодысь!
Югыдъ Шондъі
Долодъ Шонды
Ставъ Енвелтувсо!
Мича нывъ,
Мытсьывъ ми лы.
Ковньыдъ Оломсо [280])!

Благозвучно-ли это—пусть судятъ другіе—всякій по своему. Мы-же замѣтимъ только, что смыслъ приведеннаго стихотворенія едва-ли пойметъ Зырянинъ, незнакомый съ русскою поэзіею, особенно напр. выраженіе «юрась *думсо*—въ головѣ—думы», гдѣ корень слова «думсо» русскій.

Послѣ того, что ранѣе, въ главѣ IV, уже сказано о переводахъ на зырянскій языкъ русскихъ книгъ, распространяться объ этомъ предметѣ нечего. Повторяемъ, что это брошенные на вѣтеръ труды: это портреты, которыхъ не узнаютъ ни тѣ, съ кого они списаны, ни тѣ, пожалуй, кто ихъ писалъ и, во всякомъ случаѣ, никто другой, если внизу не сдѣлано подписи, что это изображенія такого-то и такого-то лица.

Обращаемся къ произведеніямъ такъ называемой народной словесности. Подъ этимъ названіемъ обыкновенно разумѣютъ народныя пѣсни, сказки и т. п. Но странное дѣло! Не смотря на то, что обнародовано множество замѣтокъ о Зырянахъ, что многія изъ лицъ, посѣщавшихъ Зырянскій край, и даже изъ природныхъ Зырянъ, печатали все, что имъ казалось замѣчательнымъ и незамѣчательнымъ,—мы не имѣемъ въ виду ни одного произведенія собственно зырянской поэзіи. Было порѣшено, что зырянской поэзіи не имѣется. Г. И. Куратовъ протестовалъ противъ такого рѣшенія, основываясь на латинской пословицѣ: гдѣ народъ—тамъ и поэзія; но къ оправданію своего убѣжденія не привелъ ни одного факта, хотя, если бы они были, никто не могъ-бы привести ихъ столько, какъ онъ. На помощь Г. Куратову пришелъ, всегда солидарный съ нимъ въ убѣжденіяхъ, г. К—нъ, и привелъ образцы зырянской поэзіи, какъ мы сейчасъ видѣли, нарочно придуманные: въ напечатанныхъ имъ стихотвореніяхъ зырянскія только слова, да и то не всѣ.—Мы приводимъ подлинный отзывъ о зырянскихъ пѣсняхъ г. Ю. Волкова, такъ какъ въ существѣ, онъ совпадаетъ съ нашимъ собственнымъ мнѣніемъ объ этомъ предметѣ: «Пѣсни поются почти каждымъ изъ недѣли-«мыхъ обоего пола. Но эти... пѣсни сложилъ не Зыря-«нинъ, а часто, даже очень часто, вы услышите пѣвца, «не понимающаго ровно ни одного слова изъ пѣсни, ко-«торую онъ поетъ цѣлый день... Что же это за пѣсни? «И какой это языкъ, ускользающій отъ филологіи? Это «просто русскія, по большой части солдатскія, пѣсни, «занесенныя на родину приходящими на побывку вои-«нами изъ Зырянъ, которыя усвоиваются ихъ родичами, «не понимающими ни слова по-русски, измѣняются въ «произношеніи, переиначивается ритмъ—и является фи-«лологическое чудо, котораго не понимаютъ ни слушаю-«щій, ни поющій... и поютъ съ большимъ удовольствіемъ. «Нѣтъ возможности прослѣдить сколько нибудь внима-«тельно эти изломанные, не подходящіе ни подъ какую «форму и не слѣдующіе никакой системѣ звуки, а по-«тому я приведу только одинъ примѣръ... Въ какой-то «пѣснѣ есть строфа: «солдатъ съ матерью остаются», «или можетъ быть слова другія, но смыслъ тотъ самый. «Солдатъ по-зырянски также, мать—«мамъ»... остаются—«кольдчены». Чтоже выходитъ въ устахъ Зырянина изъ «этой не замысловатой фразы?—«Солдатъ мамкодъ юста-«юста». Неугодно-ли понять?... Сомнительно! А между «тѣмъ дѣло очень просто: это русскій текстъ, измѣнен-«ный зырянскимъ языкомъ и толкомъ и, вслѣдствіе того, «потерявшій смыслъ. Здѣсь глаголъ «остаются» измѣнился «въ «юстаюста»,—и Зырянинъ поетъ, не стѣсняясь ни-«сколько, что ни самъ, ни слушатели ничего не пони-

---

277) Много было сдѣлано попытокъ въ послѣднее время примѣнить русскія буквы къ зырянскимъ звукамъ; почти всякій, кому приходилось записывать зырянскія слова, писалъ ихъ посвоему. Мы, не дѣлая такой попытки, будемъ для выраженій, записанныхъ другими, употреблять орѳографію авторовъ, а для выраженій, самими нами приводимыхъ, держаться орѳографіи г. Куратова.

278) Вол. Губ. Вѣд. 1854 г. № 32: «Замѣтки и впечатл. охотника по Вол. губерн.», г. Ю. Волкова.

279) Тамъ-же 1848 г. № 11: «Путев. замѣтки отъ г. Устьсысольско къ Вишерскому селенію», г. А. Попова.

280) Тамъ-же 1866 г. № 3: «Зырянскія пѣсни». Вотъ переводъ этой курьозной поддѣлки, сдѣланный самимъ г. К—мъ: «О, завидная «молодость и живость! Дѣвушка! Какъ парень, шали, пляши, смѣйся, «пой! Въ головѣ думы, на губы сладострастную улыбку выведи у «юноши! Пусть старый, глядя на тебя, почувствуетъ въ жилахъ преж-«нюю кровь, въ сердцѣ-прежнюю радость, сердце радующая!» Замѣтимъ, что этотъ переводъ, почему-то, очень вольный.

«маютъ» [281]). Мы ничего не можемъ прибавить къ этой «мѣткой характеристикѣ зырянской поэзіи; но признаемъ ошибочнымъ въ другомъ мѣстѣ [282]) сообщенное г. Ю. Волковымъ извѣстіе, будто пѣсни у Зырянъ есть и свои собственно, преимущественно сватебныя, но только не по Вычегдѣ и по Печорѣ, а на Удорѣ, Лузѣ и Сысолѣ, т. е. тамъ, гдѣ онъ, какъ намъ извѣстно, не былъ,—покрайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, когда напечаталъ статью, изъ которой мы сдѣлали выписку. Мы-же на Лузѣ и Сысолѣ были и о тамошнихъ пѣсняхъ сказали-бы тоже, что сказалъ г Волковъ о вычегодскихъ и печорскихъ.—Правда, мы не слыхали тамъ сватебныхъ пѣсенъ, но имѣемъ основаніе думать, что именно сватебныхъ—то пѣсенъ и не можетъ быть у Зырянъ собственныхъ своихъ; потому что всѣ брачные обряды, вся терминологія ихъ цѣликомъ взяты у Русскихъ, какъ это скоро увидимъ: между тѣмъ извѣстно, что сватебные обряды и пѣсни имѣютъ между собою тѣсную связь, что на сватьбахъ поется то, что дѣлается.—Мы знавали также нѣсколькихъ удорцевъ, любителей пѣть; но они пѣли или чисто русскія пѣсни, и именно солдатскія, называя ихъ питерскими, или передѣланныя изъ русскихъ.—Не вполнѣ также согласны мы съ г. Ю. Волковымъ и въ томъ, что зырянскія передѣлки русскихъ пѣсенъ *никогда* не имѣютъ смысла. Намъ извѣстна имъ же записанная «Ивушка»: хотя въ ней есть нѣсколько русскихъ словъ, а складъ рѣчи совершенно русскій; но она, покрайней мѣрѣ, для Русскаго, знающаго по-зырянски, понятна [283]).

Но за то между Зырянами ходятъ такія вещи, такія диковинки, которымъ нѣтъ имени. Напр.

Модла полинъ	Макля бизимъ.	Кодъ буръ?
Панъ чынасе.	Кодъ макля?	Никиль буръ.
Кодъ панъ?	Джи макля:	Кодъ никиль?
Льокъ панъ.	Кодъ джи?	Ва никиль.
Кодъ льокъ?	Іоды джи.	Кодъ ва?
Бизимъ льокъ.	Кодъ іоды?	Эмъ-ва.
Кодъ бизимъ?	Буръ іоды.	Туполъ таполъ [284]).

Прежде всего, ни Зыряне, ни Русскіе ничего не понимаютъ въ этихъ словахъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, напр. льокъ, іоды, буръ и ва чисто зырянскія, а эмъва—значитъ Вымь-рѣка; слѣд. къ какому роду словесныхъ произведеній принадлежитъ прописанное нами—неизвѣстно. Мы догадываемся только, что это рядъ послѣдовательныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, изъ которыхъ первые начинаются зырянскимъ «кодъ»—кто или что; но, можетъ быть, и въ этомъ ошибаемся.

На «Братчинѣ»—праздникѣ въ г. Устьсысольскѣ въ числѣ пѣсенъ есть какія-то въ родѣ зырянскихъ; но онѣ будутъ приведены послѣ [285]).

Кромѣ того мы знаемъ двѣ піесы, которыя одни [286])

---

281) Тамъ-же 1854 г № 51: «Замѣтки и впечатл. охотника по Волог. губ.», г. Ю. Волкова.

282) Въ той-же статьѣ того-же автора.

283) Здѣсь мы приводимъ зырянскую «ивушку» съ обратнымъ буквальнымъ переводомъ.

«Бадьэ, бадьэ! Мый гажтёмъ пукаланъ?
—Ивушка, Ивушка! Что невесело стоишь?
«Али тэныдъ, бадьэ, войтэлысъ тэлэ?
—Или тебя, ивушка, сѣверный вѣтеръ качаетъ!
«Войтэлысъ тэлэ, али изэрысъ зэрэ?
—Сѣверный вѣтеръ качаетъ, или градомъ сѣчетъ?
«Бадь вужьивъ тысись кöджидъ ва визывтэ?
—Ивушки корни озерной холодной водой подмываетъ?
«Мунысны, локтысны *маіоръ* гöтырысъ;
—Ѣхали—поѣхали маіорскія жены;
«Кэралысь—кэ́ ная кывъ пэлысь;
—Сдѣлали—то онѣ два весла;
«Кывъ пэлысь,—войнöдесъ пыжэ.
—Два весла,—третью лодочку.
«Босьтасны—кэ́ ная мича пылэсъ;
—Взяли-то онѣ красную дѣвицу;
«Пуксисны—кэ́ ная самöй пыжэсъ шырэ
—Посадили-то онѣ (на) самую лодки средину:
«Нылъ-лэй, нылъ-лэй гажтёмъ пукаланъ?
—Дѣвушка, дѣвушка! (что) не весело сидишь?
«Али тэныдъ, нылъ-лэй, аидъ, мамыдъ жаль?
—Али тебѣ дѣвушка, отца, матери жаль?
«Аидъ—мамыдъ жаль?—али чондъ, вокъидъ жаль?
—Отца—матери жаль? Или сестры—брата жаль?
«Чондъ—вокъидъ жаль? Али родъидъ—вужъидъ жаль?
—Сестры—брата жаль? Или роду—корня жаль?»

Есть и далѣе, но конецъ намъ неизвѣстенъ. Мы переводили буквально, за ничтожными исключеніями. Такъ напр. выраженіе «я зерысъ зэрэ», или правильнѣе «ій—зэрысъ зэрэ», еще точнѣе можно-бы перевести «ледянымъ дождемъ дождитъ» (градъ собственно по-зырянски «шэръ», а «ій»—ледъ, «зэръ»—дождь.).

284) Волог. Губ. Вѣд. 1859 г. № 6: «Зырянскія загадки и пѣсни», г. В. Ардашева.

285) См. въ главѣ XI.

286) См. примѣч. 284 Вотъ Зырянскій текстъ записаной г. Ардашевымъ, какъ онъ выражается, пѣсни, подстрочный переводъ которой помѣщается въ текстѣ:

Рой, рой, рой! Кытче вэтлын?
» » » Кытче мунан? *)
—Вöлэс корсны
Кучэм тэнад вöлыд?
—Лыса кымэса.
Рой, рой, рой! Кытче вэтлын? и пр.
Мöскöс корсны.
Кучэм тэнад мöсвыд?
—Сура мöс.
Рой, рой, рой! Кытчэ вэтлын? и пр.
—Ыжос корсны.
Кучэм тэнад ыжыд?
—Німыс камбалъ.
Рой, рой, рой! Кытче вэтлын? и пр.
—Межöс корсны.
Кучэм тэнад межыд?
—Зарни сура.

(*) „Кытче ветлынъ“ значитъ—куда ходилъ?, а „Кытче мунан“—куда идешь? Въ печатаемомъ въ текстѣ переводѣ мы помѣстили только первую фразу, а послѣднюю и здѣсь будемъ, для краткости, пропускать въ слѣдующихъ за начальною строфахъ, такъ какъ обѣ онѣ повторяются однообразно до самой послѣдней включительно.

называютъ пѣснями, а другіе [287]), сказками; но это не пѣсни,—потому что не поются, и не сказки,—судя по содержанію.

1.

Рой, Рой! Куда ходилъ?—Лошадь искать.
Какая у тебя лошадь?—Пятнолобая.
Рой, Рой! Куда ходилъ?—Корову искать.
Какая у тебя корова?—Рогатая.
Рой, рой! Куда ходилъ?—Овцу искать.
Какая у тебя овца?—Кличка ей «Камбалъ».
Рой, рой! Куда ходилъ?—Барана искать.
Какой у тебя баранъ?—Золоторогій.
Рой, рой! Куда ходилъ?—Свинью искать.
Какая у тебя свинья?—Съ золотой щетиной.
Рой, рой! Куда ходилъ?—Собаку искать.
Какая у тебя собака?—Съ сорочьими глазами.
Рой, рой! Куда ходилъ?—Пѣтуха искать.
Какой у тебя пѣтухъ?—Шахматносѣрый (?)
Рой, рой! Куда ходилъ?—Курицу искать.
Какая у тебя курица?—Конопляно-сѣрая.
Рой, рой! Куда ходилъ?—Жену искать.
Какая у тебя жена?—Красавица въ красномъ сарафанѣ.

2.

«Дѣвица (есть эпитетъ, но непонятный)! Пойди за меня за мужъ! Пойди, пойди, пойди!—Не пойду, не пойду, не пойду: уже очень ты *пучеглазъ* [288]).

«Дѣвица! Пойди за меня за мужъ! Пойди, пойди, пойди!»—Не пойду, не пойду, не пойду: ужь очень у тебя кривы ноги. «Искривились онѣ у меня отъ долгой ходьбы, отъ скаканья черезъ толстыя колоды.»

«Дѣвица и т. д.»!—Ужъ очень ты горбатъ! «Нажилъ я себѣ горбъ, таская тяжелыя ноши».

«Дѣвица и т. д.»!—Очень далеко отъ тебя за сѣномъ ходить. «У меня путь за сѣномъ около болота, гдѣ кокаютъ куропатки».

«Дѣвица и т. д.»!—Далеко отъ тебя за водой ходить. «Отъ меня за водой ходить къ ручейку, гдѣ рябчики посвистываютъ.»

«Дѣвица и т. д.»!—Изба твоя совсѣмъ не покрыта. «У меня изба толстымъ облакомъ покрыта».

«Дѣвица и т. д.»!—Клѣть твоя совсѣмъ безъ крыши. «Клѣть моя сѣрымъ облакомъ покрыта».

«Дѣвица и т. д.»!—И огороды-то у тебя совсѣмъ не забраны. «У меня огороды вѣтромъ забраны».

«Дѣвица и т. д.»!—Вѣдь я умру когда нибудь.—«Тогда и я умру возлѣ тебя».

Лишь здѣсь, въ этихъ, по всей вѣроятности, самостоятельныхъ произведеніяхъ зырянскаго слова, чуется скудная поэзія. Посмотримъ теперь на преданія и сказки.

Преданій историческаго содержанія у Зырянъ очень мало, и, при этомъ, они относятся преимущественно ко времени св. Стефана (послѣ 1376 г.). Всѣ другія или безсодержательны или искажены лицами, ихъ записав-

---

Рой, рой, рой! Кытче вэтлын? и пр.
—Порсэс корсны.
Кучэм тэнад порсіпд? и пр.
—Зарни щіота.
Рой, рой, рой! Кытче вэтлын? и пр.
—Понмёс корсны.
Кучэм тэнад понмыд?
—Кача сина.
Рой, рой, рой! Кытче вэтлын? и пр.
—Пэтувёс корсны,
Кучэм тэнад пэтувыд?
—Шакмот сера.
Рой, рой рой! Кытче вэтлын? и пр.
—Тчипанёс корсны.
Кучэм тэнад тчипаныд?
—Контус сера.
Рой рой рой! Кытче вэтлын? и пр.
—Бабаёс корсны.
Кучэм тенад бабаыд?
—Лова митчя, гордъ дубника.

[287]) Волог. Губ. Вѣд. 1863 г. № 37: «Зырянскія сказки», г. Обрусѣвшаго Зырянина. Обрусѣвшій Зырянъ обнародовалъ варіантъ приведенной въ предъидущемъ примѣчаніи пѣсни, которую онъ называетъ сказкою. Сказка г. Обрусѣвшаго Зырянина отличается отъ пѣсни г. Ардашева: во 1-хъ болѣе обрусѣвшею начальною строкою каждой строфы: здѣсь, вмѣсто чисто зырянской фразы «кытче вэтлынъ?» значится—«да кытче-же вэтлынъ?»; во 2-хъ она короче: здѣсь нѣтъ плеоназма, т. е. второй строки въ каждой строфѣ «кытче мунанъ?» и Рой не ищетъ овцы, собаки и жены; и въ 3-хъ здѣсь корова не рогатая, а широколобая (мылкья кымэса), пѣтухъ—не шахматносѣрый, а съ гребешкомъ на боку (полосъ сорса). Вотъ и вся разница.

[288]) Послѣдняя пѣсня по зырянски начинается выраженіемъ: «Чуръ «бёжъ нылоі». Это выраженіе непереводимо; потому что слово «Чуръ» неизвѣстно; а «бёжъ» значитъ хвостъ и «нылоі», по нашему, дѣвица (въ звательномъ падежѣ). Пучеглазъ—глаза на выкатѣ не нравятся Зырянкѣ. Первая пѣсня явно изображаетъ Зырянина, пользующагося всѣми житейскими благами, у котораго домъ полная чаша; а вторая—безпріютнаго, забитаго судьбою бобыля. Вотъ зырянскій текстъ послѣдней:

Чур бёж нылоі! Чабанёі, чабанёі!
Мэ саіо тэ мун тэ! Мун, мун, мун!
Ог мун, ог мун, ог мун:
Лова таі тэнад синмыд кырыша.
Чур бёж нылоі! Чабанёі, чабанёі!
Мэ саіо тэ мун тэ! Мун. мун, мун!
Ог мун, ог мун, ог мун:
Лова таі тэнад баріола кокыд
— Куз туі сё мунытгою мэнам баріовтчіс
— Кыз кёлёдавыдты воскековтогён.
Чур бёж нылоі и т. д. до конца 3 строки «мун:»
Лова таі тэныд кардія коскыда!
— Мэнам, вэд, таіа кард'іас, ыджид нёбнёбалыгонъ.
Чур бёж нылоі и пр.
Лова таі тэнад турын туіыд ылынъ.
— Мэнам, вэд, турын туіыд, баідог баксан нур дорын.
Чур бёж нылоі и т. д.
Лова таі тэныд вала туіыд ылын.
— Мэнам, вэд, вала туіис сола чилсан іол' дырын.
Чур бёж нылоі и т. д.
Лова таі тэнад керкаыд вевтомъ.
— Мэнам, вэд, керкаыс вевтёма кыс кымёрён.
Чур бёж нылоі и т. д.
Лова таі тэнад кумыд вевтом.
— Мэнам, вед, кумыс сера кымёрён вевтома.
Чур бёж нылоі и т. д.
Лова таі тэнад посвыд абу почема.
— Менам, вед, посныс тёлаон почема·
Чур бож нылоі и пр.
— Мэ вед, кёрвё и кула.
Ме, вед, тэ дынё-же кула.

шими, какъ напр. о Ягъ-мортѣ [289]). Вообще зырянскія преданія привязаны преимущественно къ рѣкамъ и рѣчкамъ, что и понятно: рѣки составляютъ многое для Зырянина: это пути сообщеній, мѣста остановокъ при промыслахъ.—Преданія о Чуди, какъ о народѣ чуждомъ Зырянамъ, русскаго происхожденія, о чемъ мы уже говорили въ гл. III.

Зыряне очень любятъ слушать и разсказывать сказки. Но къ сожалѣнію ни одной изъ нихъ не записано. Впрочемъ и сказки, по большой части, не суть произведенія зырянскаго вымысла, и онѣ переняты отъ Русскихъ: даже манера разсказывать ихъ русская. Надобно замѣтить, что собственно въ зырянскихъ сказкахъ человѣкъ никогда не является дѣйствующимъ лицомъ, а только звѣри и птицы говорятъ и дѣйствуютъ [290]). Впрочемъ мы не ручаемся за достовѣрность послѣдняго извѣстія, такъ какъ позаимствовали его отъ одного лишь лица, наблюдавшаго только Печорскихъ Зырянъ. Г. Ю. Волковъ пишетъ также, что Зыряне разсказываютъ сказки непремѣнно стоя. Есть у Зырянъ и загадки. Для образца приведемъ ихъ нѣсколько:

«Кузь, кузь мужикъ, да порсьлышетъ эдзисъ озъ»—«Великъ, великъ мужикъ, а свиньѣ до лодыжки не достанетъ». Это значитъ дорога.

«Пу юра, кудель кынома, изъ кöка»—«Деревянная голова, кудельное брюхо, каменныя ноги». Это—неводъ.

«Быдъ керкаынъ—летэмъ вурынъ»—«Во всякой избѣ есть битая шерсть»—Это—дымъ.

«Вансь чужö, бiннъ быдмö, ваеже и кулö»—«Въ водѣ родится, въ огнѣ растетъ и въ водѣ умираетъ»—Это—соль.

«Комынъ вокъ куланы, öтикъ юрлэсъ вылынъ»—«30 братьевъ лежатъ на одной подушкѣ». Это—потолокъ.

«Энъ колö гöгöръ адзянъ, а юръ гöгöръ огъ адзи»—«Все Богомъ данное видитъ, а головы своей не видитъ». Это—глаза [291]).

Замѣчательно, что даже и загадки у Зырянъ, какъ намъ кажется русскаго происхожденія, по крайней мѣрѣ форма ихъ русская, что особенно бросается въ глаза въ первой изъ сейчасъ приведенныхъ; «Кузь—кузь мужикъ, да» и т. д. Остроуміе-же ихъ, можетъ быть, чисто зырянское.

Изъ всего сказаннаго видно, что Зыряне любятъ пѣть, хотя и чужое, очень любятъ слушать и разсказывать сказки: это фактъ, свидѣтельствующій, что они одарены поэтическими наклонностями. Поэтому мы думаемъ, что если искатели зырянской поэзіи и не находятъ ея тамъ, гдѣ ищутъ, т. е. въ пѣсняхъ, сказкахъ и т. п., то это отъ того, что она выражается въ другихъ, для насъ непонятныхъ, формахъ.

ГЛАВА X.

ВѢРОВАНІЯ И ПРЕДРАЗСУДКИ ЗЫРЯНЪ.

Характеръ зырянскихъ вѣрованій.—Лѣшій.—Водяной.—Кинимора.—Домовой.—Сусѣдко.—Овинный.—Банный.—Ортъ.—Колдуны.—Еретники.—Чакидчысь.—Порча.—Вѣдьмы.—Гаданья.—Предразсудки.—Объясненія явленій природы.

Народныя вѣрованія, какъ произведенія фантазіи, принадлежатъ также къ области поэзіи.

Замѣчательно, что здѣсь вліяніе русской народности и русскаго міросозерцанія еще сильнѣе и рѣшительнѣе, нежели въ области словеснаго творчества. На всѣхъ вѣрованіяхъ и предразсудкахъ Зырянъ лежитъ только легкій оттѣнокъ особенности и самобытнаго творчества и, вообще надобно замѣтить, что всѣ они осязательнѣе, живѣе, нежели русскія: у Зырянъ больше лѣшихъ, водяныхъ и т. п.; нечистыя силы чаще являются человѣку и имѣютъ на него болѣе сильное вліяніе.

Лѣшій, лѣшакъ, въ зырянскомъ переводѣ Вöрса (лѣсной). Лѣшіе живутъ въ лѣсахъ, хотя очень часто выходятъ и на открытыя мѣста; у нихъ есть домы и хозяйство [292]). Это хотя и нечистыя силы, но въ существѣ не злыя: лѣшіе любятъ только подшутить надъ человѣкомъ, правда, иногда зло. Такимъ шуткамъ подвергаются обыкновенно тѣ, которые выходятъ изъ дому, особенно въ лѣсъ, не перекрестясь. Этимъ людямъ лѣшіе являются въ видѣ знакомыхъ, заводятъ съ ними

---

289) См. примѣч. 81.

290) См. примѣч. 281.

291) См. примѣч. 284.

292) Волог. Губ. Вѣд. 1859 г. № 4: «Очертаніе демонологіи Зырянъ», г. І. Попова.

разговоры, часто просятъ понюхать табаку, — и, между тѣмъ, заводятъ ихъ въ какую нибудь лѣсную трущобу, пустырь, незнакомое мѣсто и т. д. — Человѣкъ приходитъ въ себя и опознаетъ мѣсто, куда заведенъ, только тогда, когда, догадавшись, что это шутка лѣшаго, перекрестится. Въ такомъ случаѣ лѣшій съ хохотомъ удаляется, принимая свой обыкновенный видъ, т. е. выше лѣсу, и кричитъ: «а, догадался!» Хохотъ его страшно громокъ и производитъ эхо. Когда человѣкъ въ позднюю пору кричитъ, то лѣшій, въ шутку, въ видѣ эха, повторяетъ его слова. Случается также, когда мать проклянетъ ребенка, то лѣшій уноситъ его, и вмѣсто него оставляетъ другаго, большеголоваго, уродливаго. Поэтому такія дѣти и называются *обмѣнами* [293]). Лѣшіе, тоже въ видѣ шалости, раздуваютъ на пожарахъ огонь. Они производятъ вихорь, который есть ничто иное, какъ движеніе воздуха отъ быстрой ходьбы ихъ. Поэтому, если кому хочется увидѣть лѣшаго, то, во время вихря, онъ долженъ посмотрѣть въ сторону его, промежъ ногъ и сквозь распяленные ручные пальцы. Что лѣшіе не имѣютъ злостнаго желанія вредить человѣку, это доказывается тѣмъ, что они во время войны являются на мѣстахъ сраженій и всегда становятся на сторону *нашихъ*. Лѣшихъ очень много; они ходятъ иногда толпами. Проказничаютъ же они преимущественно на Воздвиженьевъ день [294]).

Водяной, въ зырянскомъ буквальномъ переводѣ — Васа, а собственно по зырянски *Кулъ*. Постоянное мѣсто жительства водяныхъ — вода, и именно глубокіе и темные омуты въ рѣкахъ и озерахъ. Это положительно злобныя существа, которыя пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы погубить не только человѣка, но и животное. На войнѣ они держатъ сторону непріятелей.—Особенно опасны они для тѣхъ, кто купается въ позднюю пору, и не перекрестясь; но, и при послѣдней предосторожности, Зырянинъ еще не считаетъ себя безопаснымъ: когда пускается черезъ рѣку въ бродъ, онъ всегда бросаетъ водяному какую-нибудь щепку, камешекъ и т. п. Водяные также, какъ и лѣшіе, живутъ семействами и хозяйствомъ, даже держатъ коровъ. Они непріятны на видъ, голосъ ихъ отвратительный; чертовокъ не рѣдко видаютъ, когда онѣ, выходя на берегъ, расчесываютъ большимъ гребнемъ длинные, мокрые волосы [295]).—Дѣти ихъ сначала имѣютъ неопредѣленную форму, мохнатую фигуру и уже съ теченіемъ времени принимаютъ видъ человѣка. — Водяные выходятъ изъ воды на Крещенье, и тогда называются *«куття-васа»* или *«куття-дадда»* отъ слова кутья, которую Зыряне обыкновенно приготовляютъ въ Рождественскій и Крещенскій сочельники [296]).

Кикимору Зыряне называютъ иногда *Титимера*, конечно, искажая русское слово. Кикиморы поселяются въ домахъ старыхъ, развалившихся, но иногда и въ новыхъ. Въ послѣднемъ случаѣ ихъ напускаютъ плотники, по неудовольствію на хозяевъ за дурное угощеніе во время работъ [297]). Напускаютъ ихъ иногда и колдуны. Въ иныхъ мѣстахъ они принимаютъ видъ безобразныхъ старухъ и молодыхъ дѣвицъ, кошекъ и свиней [298]); а въ другихъ—видъ большихъ мохнатыхъ и уродливыхъ куколъ съ отвратительною физіономіей. — Хотя онѣ и не опасны для жизни человѣка, но чрезвычайно безпокойны: по ночамъ бьютъ посуду, пугаютъ куръ, жалобно стонутъ въ подвалахъ, производятъ стукъ и свистъ въ стѣнахъ дома, неистово кричатъ на разные голоса, стаскиваютъ съ сонныхъ одѣяла; однимъ словомъ столько дѣлаютъ непріятностей хозяевамъ, что послѣдніе часто переселяются въ новые домы. Г. Аврамовъ увѣряетъ, что онъ самъ видѣлъ много такихъ домовъ въ Яренскомъ уѣздѣ; а г. І. Поповъ, что зналъ крестьянина, который сильно каялся въ томъ, что не успѣлъ во время постройки дома поладить съ плотниками.

Зыряне вѣрятъ въ *домовыхъ* и *сусѣдковъ*; но часто смѣшиваютъ ихъ. Собственно *домовой* живетъ въ домѣ. Это существа, хотя и нечистыя, но добрыя. Они представляются или въ видѣ старичковъ, или въ видѣ небольшихъ мохнатыхъ животныхъ. Иногда они душатъ сонныхъ, и тогда ихъ спрашиваютъ: «къ худу или къ добру», и получаютъ отвѣты. Передъ какимъ нибудь особеннымъ несчастіемъ въ домѣ: передъ пожаромъ, смертью и т. п. они душатъ домохозяевъ и иногда дѣлаютъ очень явныя предсказанія.

Сусѣдки живутъ въ скотскихъ дворахъ. Они заботятся о домашнихъ животныхъ,—коровахъ и лошадяхъ; но любятъ извѣстный цвѣтъ и преслѣдуютъ скотину другихъ цвѣтовъ. Любимымъ животнымъ вьютъ гривы, перетаскиваютъ имъ кормъ отъ другихъ, даже изъ чужихъ клѣвовъ и конюшенъ; нелюбимыхъ-же всячески изнуряютъ: на лошадяхъ по ночамъ ѣздятъ и даже забиваютъ ихъ подъ ясли. Поэтому Зырянинъ, при покупкѣ скота, обращаетъ прежде всего вниманіе на цвѣтъ шерсти его. Когда-же замѣтитъ, что то или другое животное, безъ всякой видимой причины, чахнетъ, старается сбыть его въ другія руки, — и покупатели не боятся пріобрѣсти его, на томъ основаніи, что если оно *не пришлось по нутру* одному сусѣдкѣ, то можетъ поправиться другому. Если кто хочетъ выгнать сусѣдку или домоваго, то употребляется трава *«плакунъ»* [299]).

---

[293]) Тамъ-же № 34:—«Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйств. бытъ», г. В. Аврамова.

[294]) См. примѣч. 292.

[295]) См. примѣч. 293.

[296]) См. по примѣч. 294, Вол. Губ. Вѣд. № 5.

[297]) См. примѣч. 292.

[298]) См. по примѣч. 293, Волог. Губ. Вѣд. № 6.

[299]) См. примѣч. 202.

Овинный, въ Зырянскомъ переводѣ *рынышъ*. Это злое существо, котораго Зыряне очень боятся; но подробныхъ разсказовъ о свойствахъ его нѣтъ.

Банные злѣе всѣхъ нечистыхъ. Людей, которые рѣшаются мыться въ банѣ одни, особенно вечеромъ или ночью, или отправятся въ нее не благословясь, они запариваютъ до смерти, запихиваютъ подъ полки и въ печки (подъ каменки), а иногда обдираютъ съ нихъ кожу. Банныхъ представляютъ въ красной шапочкѣ [300]).

Изъ всѣхъ вѣрованій этого рода едва-ли не одно только собственно зырянское: это вѣрованіе въ *Орта*. Г. І. Поповъ утверждаетъ, что его нѣтъ не только у русскихъ сосѣдей, но и у близкихъ соплеменниковъ Зырянъ— Пермяковъ и Вотяковъ [301]). Поэтому мы съ возможною полнотою передадимъ все, что намъ извѣстно объ ортѣ.

Г. Н. Куратовъ говоритъ, что это слово значитъ *духъ* [302]) и что отъ соединенія его со словомъ «му»— земля, образовалось слово «мортъ» — человѣкъ. Зыряне думаютъ, что ортъ обитаетъ въ воздухѣ и у каждаго человѣка свой, особенный. Лишь только появится на свѣтѣ младенецъ, къ нему приставляется ортъ. Онъ иногда принимаетъ тѣлесную форму и является родственникамъ, друзьямъ и знакомымъ человѣка, близкаго къ смерти. Для этого выбираетъ преимущественно ночное время и имѣетъ при себѣ синій огонекъ. Если онъ предвѣщаетъ своимъ появленіемъ смерть хозяйки дома, то перебираетъ лопаты, хозяина—то рубитъ что нибудь, ребенка—то рѣзвится; однимъ словомъ, принимается за занятія того человѣка, которому предстоитъ умереть.— Кромѣ предсказаній смерти, обязанность орта состоитъ въ томъ, чтобы онъ обошелъ всѣ мѣста, которыя, при жизни, посѣтилъ умершій. Поэтому Зырянинъ, побывавшій вдали отъ родины и возвратясь домой, хвастается землякамъ: «Ортъ туй-тö тали-жö», т. е. сдѣлалъ-же я дорогу орту! Одна старуха разсказывала г. І. Попову, что въ ночь, когда умеръ ея отецъ, жившій отъ нея въ 130 верстахъ, къ ней явился ортъ его и, по обыкновенію покойнаго, постучавшись въ четыре пріема палкой подъ окномъ, исчезъ. — Ортъ считается добрымъ духомъ [303]).

Передавши фактъ со всѣми извѣстными намъ подробностями, мы не пускаемся въ объясненія по поводу его; но считаемъ нужнымъ замѣтить, что и въ Зырянскомъ краѣ вѣрованіе въ орта едва-ли распространено повсюду. Не говоря уже о томъ, что сами мы ничего о немъ не слыхали, г. Аврамовъ,—урожденецъ Яренскаго уѣзда и почти постоянный житель его,—съ мельчайшими, часто излишними подробностями, передавшій всѣ другія вѣрованія, ни слова не говоритъ объ ортѣ [304]). Г. К-нъ, житель Устьсысольска, смѣшиваетъ его съ домовымъ: слѣд. не имѣетъ яснаго объ немъ понятія [305]).

Мы уже ранѣе говорили, что въ Зырянскомъ краѣ *колдуновъ* очень много, и что изъ нихъ удорскіе пользуются большою славою. Понятіе Зырянъ о колдунахъ тоже, что и у Русскихъ: они предсказываютъ будущее; въ случаѣ какой нибудь потери, указываютъ гдѣ найдти потерянное; заговариваютъ болѣзни; напускаютъ порчу и выгоняютъ ее; предохраняютъ сватьбы отъ заговоровъ своихъ собратій; заговариваютъ ружья охотниковъ, чтобы тѣ хуже стрѣляли; не чувствуютъ боли при тѣлесныхъ наказаніяхъ; привораживаютъ дѣвицъ къ молодымъ людямъ и т. д. и т. д. Колдуновъ распознаютъ по тому, что они не ходятъ въ церковь и въ глазахъ ихъ все представляется вверхъ ногами.— Вѣра въ колдуновъ у Зырянъ несравненно сильнѣе, чѣмъ у Русскихъ: разсказы о ихъ продѣлкахъ чрезвычайно многочисленны; ни одна сватьба не можетъ обойдтись безъ колдуна, чтобы весь поѣздъ не обратился въ волковъ. Зыряне часто, снимая съ этихъ звѣрей шкуру, находятъ подъ ней человѣческое платье—признакъ, что это оборотни.

Колдуновъ Зыряне называютъ *Ерстниками* (отъ Русскихъ). Какъ ни зловредны живые колдуны—еретники, но мертвые еретники-чакöдчысь еще хуже. Эти послѣдніе, еще при жизни продавшіе душу дьяволу, не имѣютъ покоя и по смерти: каждую ночь бродятъ они по свѣту и надоѣдаютъ своимъ родственникамъ просьбами, чтобы тѣ по чаще служили по нихъ панихиды, поминали ихъ души и т. д. Въ Великій Четвергъ они грызутъ на колокольняхъ колокола, чтобы удачнѣе портить людей [306]). Для того, чтобы мертвые еретники не вставали изъ могилъ, имъ слѣдуетъ вбивать въ спину осиновый колъ, что, впрочемъ, на самомъ дѣлѣ не исполняется [307]).

Порча—шева, хотя и напускается колдунами, но какъ существо самобытное, особое, она, до входа въ человѣка, имѣетъ видъ бабочки изъ породы жуковъ. Припадки порчи тѣ же, что и у Русскихъ.

Вѣдьмы—это старухи-колдуньи, иногда принимающія видъ сорокъ. Онѣ портятъ животныхъ и людей, навязываютъ килы и напускаютъ болѣзни. Онѣ, какъ и еретники, въ Великій Четвергъ грызутъ колокола и каждую ночь, до пѣтуховъ, слоняются по деревнямъ, конечно, не съ доброю цѣлью.

---

300) Волг. Губ. Вѣд. 1859 г. № 51: «Изъ неизданныхъ замѣтокъ о Зырянскомъ краѣ».

301) См. примѣч. 292.

302) Волог. Губ. Вѣд. 1865 г. № 37: «Зырянскій языкъ».

303) См. примѣч. 292.

304) Волог. Губ. Вѣд. 1859 г: «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйственный бытъ».

305) См. примѣч. 280

306) См. примѣч. 300.

307) См. примѣч. 293.

Не одни колдуны, а и всѣ Зыряне занимаются гаданьями: гадаютъ въ карты; грамотные имѣютъ сонники, а неграмотные сами толкуютъ сны, чему и посвящаютъ часть утра, вставъ съ постели. О Святкахъ смотрятся въ зеркало, кладутъ на ночь въ изголовье карты, топятъ воскъ, льютъ свинецъ, морозятъ въ ложкахъ воду, подслушиваютъ подъ окнами сосѣдей, на перекресткахъ, на прорубяхъ, у овиновъ, бань и церковныхъ дверей. Звонъ колокольчиковъ при этомъ и лай собакъ предвѣщаютъ сватьбу, и т. д.

Чтобы хозяйственныя дѣла въ теченіи года шли успѣшно, Зыряне стараются въ Великій Четвергъ переработать всѣ работы: женщины бросаются то къ веретену, то къ шитью, то чесать ленъ; а мужчины исполняютъ всѣ мужскія работы и считаютъ деньги.

Вечеромъ на Ивановъ день парятся въ банѣ вѣниками, въ которые ввязывается купальница и вѣтки рябины, для уничтоженія всякой нечистоты. Послѣ того этотъ вѣникъ, какъ нечистый, бросается или въ потаенное мѣсто, или въ рѣку. Въ послѣднемъ случаѣ смотрятъ, поплыветъ онъ или потонетъ; если потонетъ т. е. его схватитъ *куль* (водяной), то это предвѣщаетъ смерть, и на оборотъ [308]). Тотъ, кто желаетъ удачи на промыслахъ, долженъ въ Христовскую Заутреню на первый возгласъ священника «Христосъ Воскресе!» вмѣсто обычнаго отвѣта «Вопистину Воскресе!» назвать какого нибудь цѣннаго звѣря, рыбу и т. п.

Если отправляясь на охоту, при выходѣ изъ дому Зырянинъ встрѣтитъ женщину, духовную особу, кошку или увидитъ какую-нибудь зловѣщую птицу, напр. ворона, сороку и т. п., то это считаетъ дурнымъ предзнаменованіемъ, возвращается домой и, помолясь Богу, снова пускается въ путь.

Появленіе въ деревняхъ бѣлокъ и выходъ изъ домовъ таракановъ предвѣщаютъ пожары.

Если хозяинъ дома, проснувшись поутру, не найдетъ въ рукомойникѣ воды, то наступающій день считаетъ несчастнымъ.

Умершій съ открытыми глазами предвѣщаетъ новаго покойника.

Зыряне знаютъ траву-силу и траву-невидимку. Они знаютъ также клады. Это сокровища, зарытыя древней Чудью. На такихъ мѣстахъ иногда показываются огоньки. Самые клады выходятъ наружу въ видѣ разныхъ животныхъ, и въ такомъ случаѣ ихъ просто взять: стоитъ только ударить наотмашь рукою. Чтобы взять невыходящіе клады, надобно знать заклинанія.

Картофель считается нечистымъ, потому что изъ него высиживаются ящерицы. Мыло тоже, потому что превращается въ лягушекъ. Распространеніе табаку и чаю предвѣщаетъ кончину міра. Но несмотря на то Зыряне курятъ и нюхаютъ табакъ, ѣдятъ картофель, пьютъ чай и моются мыломъ [309]).

Громъ и молнія созданы для того, чтобы поражать нечистыхъ и поэтому гроза собирается тогда, когда они начинаютъ дѣлать много зла. Въ это время все множество зырянскихъ лѣшихъ, водяныхъ и т. д. приходитъ въ ужасъ; считая себя не безопасными въ своей стихіи, они прячутся гдѣ попало: лѣшій лѣзетъ въ воду, водяной взбирается на дерево, овинный забирается въ клѣвъ и т. д. Иные прячутся даже за людей и въ животныхъ: отъ этого-то громъ поражаетъ иногда человѣка и животныхъ. Такъ какъ нечистые могутъ забраться и въ домъ, то Зыряне, при наступленіи грозы, стараются заткнуть въ немъ всѣ отверстія, чтобы предупредить пожаръ отъ молніи [310]) По той-же причинѣ, во время грозы, они не прячутся подъ осины, какъ деревья нечистыя (на осинѣ повѣсился Іуда), а предпочитаютъ сосну, ель и др. [311]).

Громъ происходитъ отъ того, что Илья Пророкъ ѣздитъ по небу на огненной колесницѣ. — Облака — жидкость, въ родѣ киселя: ихъ часто находятъ на землѣ. Кометы предвѣщаютъ войну.

ГЛАВА XI.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ И ОБЫЧАИ.

Распредѣленіе народонаселенія; величина и наружность деревень.—Городъ Устьсысольскъ.—Постройки.—Одежда.—Пища.—Родины.—Воспитаніе.—Браки.—Похороны.—Праздники.—Увеселенія.—Братчина.—Бани.

Все населеніе Зырянскаго края размѣщено исключительно по берегамъ большихъ рѣкъ: Вычегды съ притоками ея Вишерою, Сысолою и Вымью, Печоры, Лузы и Мезени съ Вашкою. Селенія преимущественно боль-

308) См. примѣч. 300.
309) См. примѣч. 293.
310) См. примѣч. 300.
311) См. примѣч. 234.

шія [312]) и иногда тянутся на нѣсколько верстъ. Такъ напримѣръ въ с. Карткеросскомъ, на Вишерѣ въ Устьсысольскомъ уѣздѣ 309 дворовъ, 2,066 душъ, и оно разбросано на 4-хъ верстахъ [313]). Въ Устьсысольскомъ уѣздѣ на каждую населенную мѣстность въ сложности приходится по 200 душъ. Домы расположены то слишкомъ тѣсно [314]), то слишкомъ разсѣянно [315]); но почти всегда неправильно [316]).

Въ Зырянскомъ краѣ только одинъ городъ — Устьсысольскъ, по-зырянски Сыктылдъинъ. Въ немъ до 3,500 душъ обоего пола. Купцы и мѣщане — Зыряне. Болѣе 580 домовъ, изъ коихъ только три каменные. Званіе города Устьсысольскъ получилъ въ 1780 году и состоитъ собственно изъ нѣсколькихъ населенныхъ мѣстностей, бывшихъ деревень, до сихъ поръ носящихъ старыя названія, напр. Микулъ-сыктъ—Микулова деревня, Подгоре и т. д. Горожане, т. е. мѣщане, и даже купцы, главнымъ образомъ занимаются хлѣбопашествомъ [317]), такъ какъ къ городу приписано 8,533 дес. земли. Однако же, не смотря на то, что эта столица Зырянскаго края находится чуть не на концѣ обитаемой земли, покрайней мѣрѣ далѣе уже нѣтъ городовъ и здѣсь кончается почтовый трактъ, она принадлежитъ къ числу самыхъ передовыхъ городовъ Вологодской губерніи: тамъ давно уже существуетъ публичная библіотека; нигдѣ не выписывается столько газетъ и журналовъ и ранѣе, нежели въ другихъ городахъ, основано дѣвичье училище.

Деревенскія избы — *керки* отличаются массивностью и строятся всегда сосновыя, такъ какъ на домашнія надобности Зыряне имѣютъ право безпошлинно рубить сколько угодно лѣсу. Онѣ кроются на два ската. Къ лицевой сторонѣ керки пристроивается крыльцо, на столбахъ, иногда крытое, иногда — нѣтъ. — Съ крыльца входятъ въ сѣни, имѣющія около сажени ширины и какъ корридоръ раздѣляющія двѣ избы, которыя состоятъ изъ особыхъ срубовъ. Со стороны крыльца онѣ забираются бревенчатою стѣною, а съ противоположной часто бываютъ открыты. Одна изъ избъ, преимущественно та, которая находится по лѣвую сторону сѣней, курная и назначается для житья семейства.— Передній уголъ ея образуютъ стѣны лицевая и смѣжная съ сѣнями. Печь, всегда битая изъ глины, лежанкой упирается въ противоположный переднему уголъ, который освѣщается особымъ окномъ—*падчеръ ошенъ*. Разстояніе между потолкомъ и лежанкой такъ велико, что на послѣдней можно свободно сидѣть и работать. Прочія принадлежности избы тѣже, что̀ и у Русскихъ Вологодской губерніи: тѣже лавки вокругъ стѣнъ, вытесанныя изъ цѣльныхъ бревенъ, и надъ ними полавки (полки); тѣ-же полати и голбецъ; и наконецъ тѣже три маленькія волоковыя окна, изъ коихъ среднее прорубается повыше крайнихъ. Г. А. Поповъ въ своихъ путевыхъ запискахъ [318]) упоминаетъ о четырехъ окнахъ: но это, безъ сомнѣнія, случайность.— Потолокъ настилается изъ цѣльныхъ бревенъ, а полъ — изъ расколотыхъ пополамъ. Другая изба устроивается нѣсколько иначе: въ ней нѣтъ полатей, печь часто голандская, окна большія, лавки иногда замѣняются стульями.— Заднюю половину дома занимаетъ повѣть, гдѣ хранятся сѣно, солома, повозки, земледѣльческія орудія и т. п. На повѣти устроиваются особыя клѣти, для храненія посуды, платья и другаго цѣннаго имущества.— Сзади настилается бревенчатый взъѣздъ для подъема сѣна и т. п. Подъ повѣтью помѣщается скотъ.— Амбары, бани и погреба строятся отдѣльно.

Мы набросали общій или, точнѣе, господствующій типъ зырянскихъ построекъ. Само собой разумѣется, что встрѣчаются и отступленія отъ него: какъ есть деревни, правильно расположенныя, точно также есть и домы городской постройки.

Ясно, что и планъ, и фасадъ зырянскаго жилища и въ существѣ, и почти во всѣхъ частностяхъ заняты у ближайшихъ русскихъ сосѣдей. Но мы не можемъ не остановить вниманія нашихъ читателей на филологическомъ значеніи зырянскаго названія избы — *«керка»*. Это слово имѣетъ общій корень со словомъ гора — *«керосъ»*. Не подтверждается-ли такимъ сближеніемъ двухъ словъ то, что, на основаніи другихъ фактовъ и соображеній, высказано нами въ началѣ III главы настоящаго сочиненія относительно способа устройства жилищъ древней Чуди? Земляныя насыпи на жилищахъ суть тѣже маленькія горы, которыя обозначаются словомъ *«керка»* (во множественномъ числѣ «керка-йасъ»). Намъ кажется, что не мѣшало-бы нашимъ археологамъ, при будущихъ раскопкахъ кургановъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ когда-то несомнѣнно обитали чудскіе народцы, обратить вниманіе на наши замѣчанія, а особенно на слова Ибнъ-Даста, дословно нами приведенныя.

---

312) Памятн. книжка Волог. губерніи на 1865 и 1866-й г. Сравн. табл. «Число населенныхъ мѣстъ» и «Число жителей за 1864-й г.»

313) См. по примѣч. 232. Столь значительная многолюдность зырянскихъ селеній особенно поразительна, въ виду совершенно противнаго явленія въ сосѣднихъ русскихъ частяхъ Вологодской губерніи, даже Яренскаго уѣзда, гдѣ деревни вообще очень мелки. Мы не можемъ положительно объяснить причину такого контраста и лишь догадываемся, что Зыряне жмутся въ большія кучи вслѣдствіе недостатка въ ихъ болотистой странѣ удобныхъ усадебныхъ осѣдлостей.

314) См. потому-же примѣч. Волог. Губ. Вѣд. 1848 г. № 11.

315) Вол. Губ. Вѣд. 1865 г. № 11: «Путев. записки по Волог. губ.», г. Кашперова.

316) См. примѣч. 314 и 315. Съ отзывомъ гг. А. Попова и Кашперова совершенно согласны и мы, основываясь на личныхъ наблюденіяхъ въ тѣхъ частяхъ края, о которыхъ эти наблюдатели не писали.

317) Вол. Губ. Вѣд. 1853 г. № 49: «Объ основаніи Устьсысольска» г. Е. Кичина.

318) См. выше по примѣч. 260.

Керки вообще не отличаются опрятностью: онѣ моются иногда только разъ въ годъ—передъ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ.

Мебель, кромѣ необходимой принадлежности передняго угла—обыкновеннаго стола, иногда крашеннаго и скамѣекъ, составляютъ: *джекъ*—толстый обрубокъ дерева и *улэсъ*—стулъ, выгнутый изъ черемуховыхъ прутьевъ съ досчанымъ сидѣньемъ [319]).

Мы затрудняемся дать общее понятіе объ одеждѣ Зырянъ; потому что принадлежности ея, по большей части занятыя у Русскихъ, въ разныхъ мѣстностяхъ пополнены соотвѣтственно условіямъ климата и занятій. Впрочемъ вообще можно сказать, что женскій костюмъ весь русскій.— Особенности одежды Удорцевъ и Вишерцевъ обозначены въ выдержкахъ изъ путевыхъ замѣтокъ гг. Кашперова и А. Попова [320]). Экземпляръ лѣтняго костюма Удорца, за исключеніемъ обуви (котовъ съ опучами), мы представили въ московскій этнографическій музей. Тутъ есть и волосяная сѣтка для защиты лица отъ комаровъ, вшитая въ холщевой покровъ для остальной части головы и шеи. Замѣчательно, что подобный-же лѣтній рабочій костюмъ, со включеніемъ котовъ, мы встрѣтили въ Вельскомъ уѣздѣ, по верховью р. Устьи. Правда, на Устьѣ мы не видали сѣтокъ отъ комаровъ и лузановъ; но за то встрѣчали на головахъ точь въ точь такія-же бѣлыя шляпы съ низкою закругленною на верху тульей и съ узкими полями, какія видѣли на Зырянахъ, проѣзжая по Вычегдѣ. Между тѣмъ нигдѣ на пространствѣ между Устьей (притокъ Ваги) и среднимъ теченіемъ Вычегды намъ не бросалось въ глаза подобное сходство вкусовъ. Одежду устьсысольскихъ горожанъ—мущинъ составляютъ: длинный шерстяной зипунъ,—родъ халата, изъ подъ котораго виднѣется воротникъ бѣлой холщевой рубахи, а на ногахъ—коты съ пестрыми шерстяными-же чулками. Женщины носятъ китайчатыя шугаи, а по зимамъ—шубейки, крытыя зеленой нанкой съ бѣличьей опушкой, а на головѣ—кокошникъ, покрытый большимъ, распущеннымъ на спину платкомъ. Дѣвицы-же повязываютъ головы платками, изъ подъ которыхъ выпускаютъ косу съ вплетенными въ нее лентами, какъ и платки, всегда яркихъ цвѣтовъ [321]).— Наиболѣе распространенный костюмъ между крестьянами состоитъ изъ слѣдующихъ принадлежностей: у мущинъ—такая-же рубашка, какъ и у горожанъ, съ большимъ воротникомъ, который иногда застегивается мѣдною пуговицею; она подпоясывается шерстянымъ узенькимъ пояскомъ; холщевые штаны, какъ и у Русскихъ; на ногахъ коты изъ телячьей шкуры шерстью вверхъ, пропитываемые отъ мокроты смолою; сверху надѣвается лѣтомъ холщевое-же бѣлое полукафтанье, подпоясанное кожанымъ поясомъ, а зимой—овчинный полушубокъ и на немъ суконный азямъ. У женщинъ, преимущественно по праздникамъ,—холщевая рубашка съ ситцевыми рукавами; ситцевый сарафанъ, а на головѣ повойникъ, повязанный большимъ платкомъ, концы котораго опускаются ниже стана. Зимою надѣваютъ сверхъ того овчинныя шубы, крытыя нанкой или китайкой. На ногахъ носятъ коты, а иногда и башмаки. Дѣвицы одѣваются также, какъ и горожанки [322]).— Праздничный костюмъ мущинъ вездѣ русскій [323]).

Само собой разумѣется, что одежда охотниковъ, когда они отправляются на дальній промыселъ, принаровлена къ этому занятію. Въ одномъ описаніи костюма печорскаго охотника, бывшаго на московской этнографической выставкѣ, мы читаемъ: «Одѣтый въ зипунъ изъ бѣлаго «сукна съ пришитыми къ рукавамъ рукавицами изъ олень«ихъ кисовъ, въ лузанъ изъ полосатаго зырянскаго сукна «съ наплечниками и карманами, охотникъ готовъ идти на «промыселъ. На ремнѣ, надѣтомъ поверхъ зипуна, виситъ «охотничій ножъ; на спинѣ къ лузану особою скобкою «прикрѣпленъ топоръ, въ рукахъ—винтовка. Не только «рукавицы пришиты къ лузану, но и шапка—четверо«угольная прикрѣплена къ воротнику лузана, чтобы не «могла слетѣть съ головы, когда онъ помчится на лы«жахъ по снѣжной равнинѣ. У него и чулки, и портянки «принаровлены къ этому способу передвиженія, и на «ноги, *вмѣсто лаптей* (?), надѣлъ онъ льня-кёмъ—особую обувь, употребляемую при лыжахъ» [324]). Мы видѣли манекенъ Зырянина, но не со всѣми принадлежностями. Тѣ-же, которыя остаются при немъ, хотя дѣйствительно входятъ въ составъ костюма зырянскаго охотника, но не вполнѣ изображаютъ дѣйствительность.— Намъ кажется, что онѣ собраны и употребляются въ разные моменты промысловой жизни. Впрочемъ, мы считаемъ неумѣстнымъ здѣсь вдаваться въ подробный критическій разборъ постановки манекена, тѣмъ болѣе, что послѣ, когда будемъ говорить объ охотѣ Зырянъ, еще коснемся охотничьихъ принадлежностей.

Главное основаніе хлѣбной пищи Зырянина составляютъ ячная мука и такая-же крупа. Рожь и овесъ не употребляются: и та и другой идутъ на продажу. Кромѣ хлѣба ѣдятъ *азяшидъ*—щи съ ячнымъ, не много толченымъ зерномъ и со свининой или дичью—въ скоромные дни, и съ рыбой—въ постные; *кутью* съ конопляным сѣменемъ. *Лязь*—лакомое блюдо—съ сушеными черемуховыми ягодами. Ячные пироги или безъ начинки, или съ рыбой,

---

[319]) Свѣдѣнія объ устройствѣ зырянскихъ жилищъ основаны главнымъ образомъ на личныхъ нашихъ наблюденіяхъ. См. также въ Вол. Губ. Вѣд. по примѣч. 238, 240, 234 и 239 и 1859 г. № 42: «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйств. бытъ», г. В. Аврамова.

[320]) См. по примѣч. 162 и 260.

[321]) См. примѣч. 238.

[322]) См. примѣч. 240.

[323]) См. примѣч. 323 (в. в.)

[324]) Сѣверн. Почт. 1867 г. №№ 124—132.

которые, въ послѣднемъ случаѣ, называются *чери-нянь* (рыбный хлѣбъ). Рыба запекается въ пироги иногда и съ чешуею. *Евва-шидъ* тоже, что и азя-шидъ; но варится на сывороткѣ или подонкахъ, яичница. Хлѣбъ, намазанный коровьимъ масломъ. Надобно замѣтить, что Зыряне не ѣдятъ куринаго мяса и конопляннаго и льнянаго масла. Напитки: *ыгрошъ*—квасъ и *суръ*—пиво,—и тотъ и другое изъ ячнаго солоду. Суръ не переводится круглый годъ; но его пьютъ по праздникамъ. По праздникамъ-же передъ обѣдомъ *гэрмога чужва*—сусло съ стручковымъ перцемъ. Ѣдятъ также вяленую оленину, вяленыхъ же и соленыхъ куропатокъ,—послѣднихъ вмѣсто хлѣба. Рыба составляетъ любимую пищу Зырянъ. Въ случаѣ неурожая, хлѣбъ замѣняютъ пихтовой корой, молодыми отростками ели и мохомъ.—Объ употребленіи молока въ разныхъ видахъ, говядины, баранины, огородныхъ овощей, ягодъ и грибовъ мы считаемъ лишнимъ распространяться [325]).

Приступая къ изображенію домашняго быта Зырянъ, мы принимаемъ за правило пройдти по порядку, начиная съ рожденія, всѣ главнѣйшіе моменты жизни человѣка.

Говорятъ, что рожденіе ребенка не производитъ въ семействѣ радости, а скорѣе непріятность; такъ какъ съ воспитаніемъ его сопряжены для отца—расходы, и для матери—хлопоты [326]). Но мы знаемъ, что не у однихъ Зырянъ новорожденные встрѣчаютъ подобный пріемъ.

Говорятъ также, что, поэтому, и крестины проходятъ безъ особенной торжественности. Однако-же мы знаемъ что, напримѣръ, у Лузскихъ Зырянъ обрядъ крещенія совершается съ весьма оригинальною обстановкою. Тамъ, послѣ крещенія, въ домѣ родителей новорожденнаго накрывается, по праздничному, обѣденный столъ. Распорядитель, т. е. крестный отецъ беретъ по немногу всего, что подано на столъ, какъ-то: хлѣба, пироговъ, мяса, рыбы, соли и т. п. и порядочно перцу; смѣшиваетъ все это; прибавляетъ вина и пива,—и подаетъ родному отцу своего крестника. Съѣвши такое сборное блюдо, послѣдній уже самъ угощаетъ гостей по обычаю [327]).

Послѣ крещенія ребенокъ поступаетъ на попеченіе матери или маленькой родственницы, обязанность которыхъ состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы предохранить его *отъ глазу* (сглазить). Поэтому онѣ отъ постороннихъ отворачиваются съ нимъ, или даже прячутъ его. Еще до разрѣшенія отъ бремени Зырянки берегутся глазу, почему скрываютъ беременность и родить отправляются въ клѣвы или бани. Дальнѣйшій порядокъ воспитанія тотъ-же, что и у Русскихъ; но надобно замѣтить, что зырянскія дѣти съ малыхъ лѣтъ пріучаются къ употребленію ружья [328]).

Вообще *порядокъ заключенія брачныхъ союзовъ* и сватебные обряды Зыряне заняли у Русскихъ. Молодые люди женятся, когда уйдутъ отъ рекрутства, т. е. лѣтъ 23 или 24. Дѣвицы, разумѣется выходятъ за мужъ моложе этого возраста.

Вотъ какимъ порядкомъ играются сватьбы въ Яренскомъ уѣздѣ. Невѣсту, какъ и вездѣ, пріискиваютъ родители жениха. Потомъ засылаютъ въ домъ ея сваху. Отецъ избранной, поблагодаривъ за честь, отлагаетъ отвѣтъ на извѣстное время, чтобы развѣдать стороною о личности жениха и о его состояніи. Наведя справки, онъ или соглашается вступить въ подробные переговоры и назначаетъ день, когда самъ лично явится для осмотра хозяйства жениха, или отказываетъ подъ тѣмъ или другимъ благовиднымъ предлогомъ, напр. что дочь его молода, что она еще нужна для дому и т. п.—Когда-же все устроится и старики согласятся о приданомъ, назначается день для формальныхъ *сговоровъ*, а потомъ и для сватьбы.—Между тѣмъ въ домѣ невѣсты идутъ приготовленія къ сватьбѣ: къ ней каждый день собираются подруги для того, чтобы приготовлять приданое; сама-же она съ причетами оплакиваетъ родительскій домъ и свою дѣвичью косу, при чемъ размахиваетъ нарочно приготовленною косой изъ кудели. Если невѣста не мастерица на причеты или ей худо плачется, то вмѣсто нея причитаютъ опытныя сторонніе вдовы и женщины. Навѣщающихъ въ это время невѣсту подруги ея *опѣваютъ*, т. е. поютъ въ честь посѣтителей припѣвы, за что тѣ дарятъ деньги. Щедрыхъ благодарятъ хвалебными особыми пѣснями, а скупыхъ провожаютъ насмѣшками.—Въ «сговоры» происходитъ *рукобитье* и раздача даровъ жениху и его родственникамъ, а наканунѣ сватьбы, игры между подругами невѣсты и пріятелями жениха. Изъ за даровъ не рѣдко случаются ссоры, такъ какъ родственники жениха, по большей части, остаются ими недовольны. Поэтому иногда заблаговременно условливаются кому и что дарить. Жениху дарится рубашка; свекру, свекрови и другимъ бумажные платки разной цѣны. За подарки обыкновенно отдариваютъ деньгами, но всегда скупо.—Той порой въ домѣ жениха варится пиво и приготовляется сватебный пиръ. Туда въ день сватьбы, собираются гости и, вмѣстѣ съ женихомъ, отправляются къ невѣстѣ. Съ обѣихъ сторонъ назначаются

---

325) Свѣдѣнія о пищѣ Зырянъ, кромѣ лично нами собранныхъ, мы почерпнули изъ слѣдующихъ источниковъ: а) Волог. Губ. Вѣд. 1854 г. № 51: «Замѣтки и впечатл. охотника по Волог. губ.», г. Ю. Волкова; б) 1852 г. № 33: «О земледѣліи и скотоводствѣ у Зырянъ», г. М. Михайлова; в) 1856 г. № 45: «Разныя извѣстія», г. П. Сорокина; г) 1868 г. № 5: «В. П. Латкинъ и Печорская компанія», г. С. Лашкарева; д) 1856 г. № 13: «Печорскій край и р. Печора», неизв. авт.—См. примѣч. 319 и въ Памят. книж. Вол. губ. на 1865 и 1866 гг. въ стат. г. Ф. Арсеньева «О промышленныхъ дѣлахъ и торговыхъ сношеніяхъ въ Зырянскомъ краѣ».

326) Вол. Губ. Вѣд. 1859 г. № 35: «Жит. Яренск. уѣзда и ихъ хозяйств. бытъ», г. В. Аврамова.

327) Тамъ-же 1857 г. № 16: «Обычаи Пошульскихъ Зырянъ».

328) См. примѣч. 326.

дружки, которые обязаны вести переговоры съ духовными и распоряжаться поѣздомъ и пиршествомъ. Они ѣдутъ въ церковь верхомъ съ перевязаннымъ черезъ плечо бѣлымъ полотенцемъ.—Невѣсту везутъ покрытую фатой. Сватьба ѣдетъ непремѣнно съ колокольчиками; въ иныхъ мѣстахъ въ это время палятъ изъ ружей. Подъ вѣнцомъ невѣста стоитъ съ распущенными волосами, которые послѣ вѣнчанья, въ знакъ выхода замужъ, заплетаются въ двѣ косы. Подъ ноги молодымъ кладутъ или небольшой конецъ холста или пару красныхъ шерстяныхъ поясковъ.—Изъ церкви отправляются въ домъ жениха, гдѣ и начинается пированье, продолжающееся дня два или три [329]).

На Ношульской пристани (на югѣ Устьсысольскаго уѣзда близь границы съ Устюжскимъ) сватебные обряды имѣютъ нѣкоторыя особенности. Здѣсь, родители, задумавъ женить сына, являются къ священнику и его просятъ указать невѣсту. По такому указанію посылаются сватъ и сваха. Родители невѣсты, въ случаѣ, если имъ нравится партія, отвѣчаютъ, что имъ нужно подумать и отлагаютъ отвѣтъ на извѣстный срокъ. Это дѣлается съ той цѣлью, чтобы имѣть время приготовиться къ принятію гостей. По истеченіи срока пріѣзжаютъ въ домъ невѣсты: женихъ, его родители и родственники, сватъ и сваха, и привозятъ съ собой вино и пиво; съ невѣстиной-же стороны приготовляется обѣдъ. Это *помолвка*. Потомъ опять священникъ назначаетъ день сватьбы. Наканунѣ сватьбы женихъ ѣздитъ собирать поѣзжанъ по своему и другимъ селеніямъ, верхомъ, въ праздничномъ нарядѣ, привязывая по два колокольчика къ стременамъ и по одному — къ ушамъ лошади. Утромъ, въ день сватьбы, когда всѣ въ домѣ проснутся, невѣста, обращаясь къ брату и сестрѣ (или къ подставнымъ) проситъ перваго дать ей умыться, а у послѣдней — полотенце. — Одѣвшись, она садится у стола на лавку, причитая, что послѣдній день сидитъ она на ней въ родительскомъ домѣ. Пріѣзжаютъ женихъ и поѣзжане. Запираются двери въ избѣ и даже въ сѣняхъ, и пріѣхавшихъ спрашиваютъ: «есть-ли у васъ вино? нѣтъ, такъ сиди на крыльцѣ: сусло въ печи!» Послѣ отвѣта: «есть!»—двери отворяются. Пріѣхавшіе входятъ и становятся посреди избы. Тогда мать невѣсты, показывая на нее, говоритъ жениху: «на, вотъ! пой, корми: хоть вѣкъ не держи!» а между тѣмъ садитъ ее на заранѣе приготовленную скамейку.—Женихъ подходитъ къ невѣстѣ, чтобы ее поцѣловать; но та увертывается. Когда-же достигнетъ цѣли, она встаетъ, а поѣзжане скачутъ на скамейку и ломаютъ ее съ крикомъ: «Наша взяла!» За тѣмъ пьютъ привезенное вино и отправляются къ вѣнцу. На пути въ церковь, и подъ вѣнцомъ, невѣста должна плакать, чтобы не дать повода къ нарѣканіямъ и дурнымъ толкамъ о ея умѣ и поведеніи. Отъ вѣнца ѣдутъ въ домъ жениха, гдѣ и пируютъ нѣсколько дней, смотря по состоянію новобрачныхъ [330]).

О томъ, что у Зырянъ, если не существуютъ теперь, то существовали весьма недавно похищеніе и покупка невѣстъ, мы говорили ранѣе [331]).

Точно также говорили и о томъ, что на каждую сватьбу приглашаются колдуны для предохраненія молодыхъ отъ порчи, или что̀ еще хуже, отъ превращенія всего сватебнаго поѣзда въ волковъ. На сватебныхъ пирахъ колдунамъ предоставляется почетное мѣсто и они называются, какъ и у русскихъ *«опасными»*.

Для того, чтобы нагляднѣе познакомить читателя съ тѣмъ значеніемъ, которымъ пользуются колдуны при зырянскихъ сватьбахъ, мы передадимъ, по возможности дословно, разсказъ одного русскаго, имѣвшаго случай быть на зырянской сватьбѣ въ Устьсысольскѣ. По пріѣздѣ въ этотъ городъ, разскащикъ былъ приглашенъ на сватебный пиръ, который происходилъ уже послѣ вѣнчанья, когда оффиціальнаго колдуна *(опаснаго)* не было. Вотъ, во время пира, является другой колдунъ, и говоритъ хозяину: «что отъ добра?» Хозяинъ струсилъ и послалъ за оффиціальнымъ колдуномъ. Тотъ пришелъ и сѣлъ на порогъ, а незванный, той порой, уже помѣстился за столомъ на почетномъ мѣстѣ. Перваго хозяинъ попросилъ также занять *свое* мѣсто; но тотъ сказалъ, что посидитъ и на порогѣ, а тамъ пусть-де сидитъ мой *старшій братъ*. Послѣ этого начались между двумя колдунами пререканія о старшинствѣ. Оффиціальный колдунъ потребовалъ пива, что тотчасъ же и было исполнено; но только лишь взялъ въ руки братыню, какъ тотчасъ же передалъ ее хозяину, прося попотчивать незваного колдуна. Едва сдѣлалъ послѣдній нѣсколько глотковъ, у него вывалились въ братыню зубы. Тогда онъ сказалъ *«опасному:»* «ну, нѣтъ братъ: выходитъ, что ты старшій-то братъ!» Послѣ этого *опасной* пошепталъ что-то надъ братыней и велѣлъ выпить ее младшему брату. Тотъ выпилъ—и зубы его оказались на своемъ мѣстѣ. Повторяемъ, что разсказанный сейчасъ случай имѣлъ мѣсто въ городѣ съ мужскимъ и женскимъ училищами и публичной библіотекой. Спрашивается: какъ-же смотрять на колдуновъ и ихъ фокусы въ темныхъ углахъ Зырянскаго края?

Смерть людей, удрученныхъ старостію, не возбуждаетъ никакого сожалѣнія. *Похороны* проходятъ безъ всякихъ особенныхъ расходовъ. Только не многія изъ оставшихся дѣтей поставляютъ себѣ въ обязанность отслужить нѣсколько заупокойныхъ обѣденъ и панихидъ. Потомъ имена умершихъ вносятся въ общіе семейные

---

329) См. по примѣч. 326 Вол. Губ. Вѣд. № 36.

330) См. примѣч. 327.

331) См. примѣч. 69 и 70.

поминанники и поминовеніе совершается въ одни сроки: въ Субботу на первой недѣлѣ Великаго Поста, въ Семикъ и Дмитровскую Субботу. Въ эти дни старшіе члены семействъ непремѣнно приходятъ въ мѣстныя церкви и на кладбища съ пивомъ и пирогами, которыми угощаютъ духовныхъ, родственниковъ и знакомыхъ, а остатки отдаютъ нищимъ.—Мертвыхъ Зыряне до крайности боятся и чувствуютъ къ нимъ отвращеніе: никто не рѣшится остаться въ одномъ домѣ съ покойникомъ; почему ихъ тотчасъ-же послѣ смерти и увозятъ въ церковь, при которой бросаютъ даже дровни, везшія гробъ. Мало того, — самыя щепы отъ досокъ, изъ которыхъ сколачиваются гробы, никогда не бросаются въ печь, какъ нечистыя [332]).

Имянины и дни рожденій очень рѣдко празднуются и то только самыми зажиточными людьми [333]).

Послѣ сватебъ всего болѣе веселятся въ храмовые праздники. Въ это время всякій, даже самый бѣдный Зырянинъ варитъ пиво и покупаетъ вино. На праздники собираются всѣ родные и знакомые. Они переходятъ изъ дома въ домъ, и вездѣ пьютъ и ѣдятъ. Шумъ, пѣсни и драки — необходимыя принадлежности праздниковъ; такъ что небезопасно проѣзжать въ такіе дни разгула по зырянскимъ деревнямъ, потому что въ пьяномъ видѣ Зыряне весьма дерзки.—Впрочемъ, и въ русскихъ деревняхъ въ подобныхъ случаяхъ, встрѣчаются тѣже явленія. У Зырянъ покрайней мѣрѣ утро проходитъ чинно: всѣ они отправляются въ церковь, а пировать начинаютъ уже послѣ обѣдня [334]).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ храмовые праздники устроиваются на общій счетъ всѣхъ прихожанъ, т. е. варится пиво изъ сборнаго солоду и колется какое нибудь животное. Такіе праздники называются *моленьями*. Однако же молепья въ послѣднее время почти вышли изъ обыкновенія [335]).

Годовые праздники—Рождество и Пасха, а также Масляница проводятся, какъ и у Русскихъ: тѣ, которые побогаче варятъ пиво для пированья.— О святкахъ молодые люди и дѣвицы собираются на игрища, устроиваемыя въ одномъ какомъ нибудь домѣ. Первые покупаютъ для того свѣчи и угощаютъ хозяина виномъ. Но игрища здѣсь вялы и скучны. Впрочемъ это мнѣніе одного г. Аврамова, писавшаго только о Зырянахъ Яренскаго уѣзда.

На масляной недѣлѣ въ каждомъ селеніи устроиваются ледяныя горы, съ которыхъ катаются, обыкновенно попарно, причемъ молодой человѣкъ держитъ на колѣняхъ дѣвицу и правитъ санками. Мы не знаемъ существуетъ-ли въ другихъ мѣстахъ катанье на шестахъ, такого рода: утверждаются въ наклонномъ положеніи, подъ угломъ градусовъ въ 45 и параллельно одинъ съ другимъ, два обледенѣлые шеста съ площадкою, какъ и у ледяныхъ горъ, у верхнихъ концовъ; на одинъ изъ нихъ становится молодой человѣкъ, а на другой дѣвица, берутъ другъ друга за руки и скатываются внизъ на ногахъ.

О Пасхѣ устроиваются качели и доски для скаканья. Посѣщеніе колоколень составляетъ въ это время любимое занятіе молодежи. Въ храмовые праздники молодежь веселится въ хороводахъ.

Съ осени и до святокъ молодежь собирается вмѣстѣ, при чемъ дѣвицы прядутъ. Эти по нашему посидѣлки у Зырянъ называются *койтанами* [336]).

Есть, конечно, и другія случайныя увеселенія, но они не представляютъ ничего интереснаго.

Ясно, что всѣ эти праздники и увеселенія Зыряне переняли отъ Русскихъ.—Но существуетъ въ г. Устьсольскѣ обычай, по словамъ г. Кичина, русскій-же, но передѣланный на зырянскій ладъ. [337]). Это *братчина*. Справедливость мнѣнія г. Кичина доказывается уже тѣмъ, что самое названіе обычая русское.

Братчина празднуется 1, 2 и 3-го Ноября. Нѣсколько взрослыхъ дѣвицъ дѣлаютъ складчину мукой, мясомъ, коноплянымъ сѣменемъ, масломъ, яицами и картофелемъ, чтобы приготовить къ празднику пиво и три обѣда. Всѣ эти припасы передаются нарочно выбранному *старостѣ*, или хозяину дома, въ которомъ предполагаютъ отправлять *братчину*. Мука главнымъ образомъ употребляется на пиво, а часть ея продается для покупки на вырученныя отъ продажи деньги хмѣлю. Конопляное сѣмя идетъ на щи, если во время праздника случится постный день; изъ яицъ и масла дѣлается яичница; картофель подается просто вареный и идетъ на приправу другихъ блюдъ. На праздникъ, само собой разумѣется, приглашаются и молодые люди. Онъ начинается громкою русской пѣсней дѣвицъ, обращенной къ старостѣ:

Староста гузыня!
Давайте-же пива!
Пересохло наше горло,
Не пиваючи такъ долго.

Староста приноситъ ендову (братыню) пива; четыре старшія дѣвицы наливаютъ по стакану, выходятъ на средину комнаты, становятся крестообразно и, переходя одна другой на встрѣчу, поютъ позырянски:

Нö, нö-жö чоіасъ, чоіасъ!
Нö, нö-жö іуны, іуны!
Нö нö-жö сіоіны, сіоіны!
Оні мііанъ іуны, іуны!
Оні мііанъ сіоіны, сіоіны!
Ну-те-же сестры, сестры!
Ну-те-же пить, пить!
Ну-те-же ѣсть, ѣсть!
Теперь наше время пить, пить!
Теперь наше время ѣсть, ѣсть!

---

332) См. примѣч. 326.
333) Тамъ-же.
334) См. примѣч. 243.
335) См. прим 326.

336) Волог. Губ. Вѣд. 1852 г. № 37: «Жители Яренск. уѣзда и ихъ хозяйств. бытъ». г. В. Аврамова.
337) Тамъ-же 1852 г. № 28: «Братчина».

Воля, воля вошё, вошё,	Воля, воля потеряется, потеряется.
Мужа дома нѣту, нѣту!	Мужа дома нѣту, нѣту!
Тагіеі, тагіеі кокнедысеі!	Хмѣль, хмѣль облегчающій!
Ніаніеі, ніаніеі меведысеі!	Хлѣбъ, хлѣбъ приголубливающій!
Солöі, солöі олöдысеі!	Соль, соль одомовляющая!
Рудзсгъ сурöі!	Пиво ржаное!
Ід сук сурöі!	Пиво ячное, густое!
Ід суроі, да жоліпыд сурöі!	Пиво ячное, да пиво легкое!
Шабды сурöі!	Пиво пшеничное!
Быгіа сурöі!	Пиво пѣнистое!
Стöканъ дорсö мемалöма,	Край стакана облѣпило,
Вом дорсö маалома.	Губы умедовило,
Кодны шедö.—	Кому попадетъ—
Быдсöн, быдсöн!	Все, все!
Кодны шедö—	Кому попадетъ—
Косöдзі, косöдзі!	До суха, до суха!

Дѣвицы выпиваютъ свои стаканы. Ихъ смѣняютъ другія и т. д., пока всѣ участницы братчины невыпьютъ по стакану.

Послѣ того по двѣ дѣвицы, также поочередно, подносятъ по стакану пива молодымъ людямъ, припѣвая порусски:

Пива да пьянаго,	Въ новосвѣтлой свѣтлицѣ,
Меду да сладкаго	Въ бѣлой горницѣ
Наливай ковши полные!	Наши умнешки-молодцы!
Подноси да до румянъ!	Прими нашъ (имя и отечество)!

Пока молодые люди пьютъ, дѣвицы пляшутъ, припѣвая:

Пей, пей наздоровье,	Да опрокиньте,
По нашему челобитью,	Да опростайте,
По кирилловскому	Да на головы поднимите.
По праву неплову!	Веселитеся!

Выпивъ стаканы, молодые люди кладутъ въ нихъ деньги.

Въ заключеніе перваго дня дѣвицы, всѣ вмѣстѣ, поютъ по-зырянски:

Кузіман-Деміанъ, во воіс, во воіс.
Талун талун мііан рочі зыб оз судзі;
Аскі, вед, мііан і рочі зыб судзіас,
Аскомысі мііан і істöг тув судзіас?, т е.
Кузьма-Демьянъ, годъ пришелъ, годъ пришелъ!
Сегодня у насъ русскій шестъ не достаетъ,
А завтра, вѣдь, у насъ и русскій шестъ достанетъ;
А послѣ завтра и сѣряная спичка достанетъ.

2 Ноября вмѣсто этого поютъ, тоже позырянски:

Вчера у насъ русскій шестъ не доставалъ
Сегодня у насъ и русскій шестъ достаетъ;
Завтра и сѣряная спичка не скроется.

А 3 Ноября:

Третьяго дня у насъ русскій шестъ не доставалъ,
Вчера русскій шестъ досталъ;
А сегодня и сѣряная спичка не скрылася!... (338)

Заключаемъ настоящую главу сообщеніемъ свѣдѣній о зырянскихъ баняхъ. *Баня* (*пывзянъ*)—это насущная потребность каждаго Зырянина, это гигіеническое средство отъ всѣхъ болѣзней, особенно отъ *перекрѣпу*, т. е. когда человѣкъ сильно прозябнетъ, долго находясь на морозѣ. Бани топятся рѣшительно каждый день, неисключая и Свѣтлаго Христова Воскресенья. Каждый вечеръ въ зырянскихъ деревняхъ раздаются призывные клики: «Пывзянъ! Пывзянъ!» Всѣ ждутъ этого призыва и отправляются—не мыться, какъ увидимъ, а париться. Сперва отправляются мужчины съ вѣниками въ рукахъ, босые и въ однихъ рубахахъ, которыя снимаютъ у входа въ баню. Бани величиною отъ $1^1/_2$ до 2 саж. въ квадратѣ и устроиваются также, какъ и русскія, съ тою разницей, что здѣсь полокъ бываетъ на одной высотѣ съ лавками, именно отъ 12 вершковъ до аршина отъ полу. Горячей воды вовсе не приготовляется, да и холодной немного,—сколько нужно для поддаванья. Въ каждую баню собирается человѣкъ по 10. Раскаленная каменка, въ которой еще пылаютъ алые угли и надъ которой стоитъ синее облако чаду, производитъ жаръ градусовъ въ 70 и болѣе. Всѣ стоятъ — кто на полу поближе къ каменкѣ, кто — на полкѣ и лавкахъ, хлещутся вѣниками, и—то и дѣло поддаютъ жару. Паренье продолжается отъ 8 до 12 минутъ. Стариковъ, особенно любящихъ такое удовольствіе, выводятъ силою. Домой отправляются также въ однѣхъ рубахахъ и босые, а иногда еще останавливаются на улицѣ потолковать съ встрѣтившимися знакомыми. Послѣ мужчинъ отправляются женщины, тоже босикомъ, за исключеніемъ родильницъ [339]).

И не только въ то время, когда живутъ дома, но и на промыслахъ, Зыряне не могутъ обходиться безъ бани. Самыя охотничьи избушки ихъ суть ничто иное, какъ бани и называются пывзянами [340]).

Г. Мельниковъ, какъ очевидецъ, разсказываетъ [341]), что Печорскіе Зыряне, даже застигнутые ночью въ лѣсу, вдали отъ *пывзяна*, парятся на трескучемъ морозѣ. Для этого они нагрѣваютъ воду и приготовляютъ деревянныя кругловатыя на длинныхъ рукояткахъ скребницы, раздѣваются у огня, поливаютъ на себя горячую воду и скребницей очищаютъ потъ и грязь со всего тѣла; и затѣмъ уже ложатся спать.

Не лишнимъ считаемъ сообщить также, какъ устроиваются въ подобныхъ случаяхъ ночлеги. Изъ еловыхъ вѣтвей дѣлается шалашъ, съ двухъ, одна другой противоположныхъ, сторонъ открытый; между тѣмъ вырубаются два бревна, которыя съ одной стороны выдалбливаются и кладутся одно на другое; полая внутренность наполняется раскаленными угольями. Отъ этого внутренность полости не воспламеняется, а только

338) Тамъ-же.

339) Тамъ-же 1848 г. № 49: «Зырянскіе обычаи», г. Кочіева.

340) См. примѣч. 257.

341) Тамъ-же 1853 г. № 28: «Зырянскія баня».

тлѣетъ и изъ открытыхъ концовъ ея вылетаетъ, какъ изъ трубы, горячій дымъ. Такимъ образомъ жаръ самъ собою поддерживается въ теченіи цѣлой ночи, и Зырянинъ, раздѣвшись и обративъ ноги къ этому нагрѣвательному снаряду, спокойно спитъ въ своемъ шалашѣ на утоптанномъ и устланномъ хвоей снѣгу; а между тѣмъ платье и обувь его сохнутъ, развѣшенныя надъ тлѣющими бревнами [342]).

ГЛАВА XII.

ХЛѢБОПАШЕСТВО, ОГОРОДНИЧЕСТВО И СКОТОВОДСТВО.

Общій взглядъ на земледѣліе въ Зырянскомъ краѣ. — Печора; Вишера и верховья Вычегды; Удора; Вымскій край; южная половина Зырянскаго края.—Степень урожая.—Ячмень; рожь; овесъ; пшеница; ленъ и конопля; обработываніе полей; порядокъ пользованія землями.—Работники; помочи; половники.—Особый земледѣльческій пріемъ. — Огородныя овощи: картофель, капуста, рѣдька, рѣпа, лукъ. — Скотоводство: рогатый скотъ, овцы, лошади, свиньи.—Домашнія птицы.

Изъ того, что̀ уже сказано объ астрономическомъ положеніи и другихъ климатическихъ условіяхъ Зырянскаго края, можно смѣло заключить, что земледѣліе въ немъ процвѣтать не можетъ. Однако-же, вслѣдствіе огромнаго протяженія страны отъ юга къ сѣверу и отъ запада къ востоку, въ земледѣльческомъ отношеніи ее нельзя разсматривать, какъ однородное цѣлое. Въ то время, когда въ самомъ сѣверовосточномъ углу ея, именно по р. Печорѣ, ниже дер. Дутовой, хлѣбопашества [343]) вовсе не существуетъ,—изъ мѣстностей, лежащихъ по рр. Лузѣ, Сысолѣ и нижней части Вычегды, отправляются значительные грузы хлѣба къ Архангельскому порту: одно село Вотча даетъ иногда двѣ барки собственныхъ продуктовъ земледѣлія [344]). Поэтому, Зырянскій край, какъ страну земледѣльческую, мы дѣлимъ на двѣ части: одна лежитъ по правую сторону р. Вычегды, начиная отъ Устьсысольска, а другая—по лѣвую; и первую относимъ къ полосѣ начальнаго хлѣбопашества, а послѣднюю считаемъ мѣстностью, по преимуществу земледѣльческою. Само собой разумѣется, что это общее правило имѣетъ частныя исключенія, и для той и другой половины (не равныхъ) не вездѣ въ одинаковой степени справедливо.

Въ сѣверной части мы различаемъ пять мѣстностей: Печору, верховья Вычегды, Вишеру (въ Устьсысольскомъ уѣздѣ), Удору и теченіе р. Выми (въ Яренскомъ).

Печора, не говоря уже о той части ея, гдѣ вовсе не занимаются земледѣліемъ, вообще никогда не можетъ довольствоваться своимъ хлѣбомъ, и получаетъ его или въ счетъ заработной платы отъ арендаторовъ Брусяной горы, или отъ чердынскихъ торговцевъ, пріѣзжающихъ (на судахъ) за семгой и другой рыбой, изъ Пермской губерніи.

Объ успѣшности хлѣбопашества *по Вишерѣ* и *верхней части* (выше Устьсысольска) *Вычегды* можно судить по тому, что Вишерцевъ даже зырянскіе сосѣди ихъ называютъ обыкновенно *качъ-съöйясъ* (короѣды [345]), а по разсказамъ очевидцевъ, въ окрестностяхъ верхне-вычегодскихъ селеній всѣ молодыя пихтовыя деревья обнажены [346]).

На Удорѣ, по словамъ г. В. Аврамова, вслѣдствіе поздняго начала весны и раннихъ инеевъ, изъ пяти лѣтъ хлѣбъ поспѣваетъ только въ теченіи трехъ, а иногда и двухъ, и неурожайные годы иногда слѣдуютъ одинъ вслѣдъ за другимъ [347]). Здѣсь, въ случаѣ неурожая, часто не собирается не только сѣмянъ, но даже и соломы.—За то въ благопріятные годы сборъ хлѣба бываетъ баснословный, самъ—90 и даже болѣе [348]), такъ что, несмотря на ограниченность посѣва,

---

[342]) См. примѣч. 340.

[343]) Волог. Губ. Вѣд. 1854 г. № 34. «Замѣтк. и впечатл. охотника по Волог. губ.», г. Ю. Волкова.

[344]) Тамъ-же 1848 г. № 4: «Взглядъ на геологич. состояніе с. Вотчи въ сельско-хозяйств. отнош.», г. І. Попова.

[345]) См. примѣч. 234.

[346]) Вол. Губ. Вѣд. 1856 г. «Сельско-хозяйств. очеркъ Вол. губ.», г. Н Бунакова. Считаемъ не лишнимъ сообщить здѣсь, какимъ образомъ приготовляется Зырянами пихтовая кора. Она снимается преимущественно съ молодыхъ деревьевъ; съ нея соскабливается верхняя сѣроватая кожица, а внутренняя, мясистая, сушится, и толчется въ толченяхъ или мелется ручными жерновами въ муку; изъ просѣянной сквозь рѣшето и растворенной въ сырой водѣ муки приготовляется прѣсное тѣсто, изъ котораго пекутъ лепешки. Лепешки высушиваются до суха, а иначе бываютъ очень горьки. Иногда тѣсто приготовляется сперва изъ ячной муки, а когда оно закиснетъ, къ нему прибавляется пихтовая мука.

[347]) Тамъ-же № 47: «Опис. физич. свойствъ Яренск. уѣзда», г. В. Аврамова.

[348]) Тамъ-же 1849 г. № 21: «Стат. Опис. Яренск. уѣзда», г. П. Протопопова.

одна жатва можетъ обеспечить продовольствіе жителей на нѣсколько лѣтъ. Но, за всѣмъ тѣмъ, и на Удорѣ недостатокъ въ хлѣбѣ, при часто повторяющихся, иногда по 7 лѣтъ сряду [349]) неурожаяхъ, до того чувствителенъ, что напр. въ 1830 годахъ изъ этой малолюдной мѣстности выселилось до 300 душъ [350]).

Берега р. Выми представляютъ болѣе условій для успѣховъ хлѣбопашества; но и здѣсь неурожаи суть явленія весьма обыкновенныя. И здѣсь овесъ и пшеницу стали сѣять не раньше 1845 г. [351]).

Совершенно въ иномъ видѣ представляется земледѣліе въ другой, южной части Зырянскаго края. Даже въ волостяхъ Айкинской и Устьвымской (Яренскаго уѣзда), сравнительно самыхъ сѣверныхъ, по словамъ г. Аврамова, и въ самые неблагопріятные годы никогда не случается, чтобы жители вовсе оставались безъ хлѣба, а въ благопріятные—рожь родится тамъ самъ — 10 и болѣе [352]). Въ остальныхъ же мѣстностяхъ, лежащихъ къ югу отъ Вычегды, столь обильные урожаи почти постоянны, и часто даютъ замѣчательные результаты. Такъ, по словамъ г. Я. Красныхъ [353]), въ 1853 году въ Устьсысольскомъ уѣздѣ на новинахъ рожь родилась самъ — 30, а общій урожай хлѣбовъ былъ озимаго самъ — 15 и яроваго самъ — 7. Намъ извѣстно, что даже по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, по которымъ урожаи хлѣба показываются всегда ниже дѣйствительныхъ, урожай ржи на городской землѣ Устьсысольска никогда не значился ниже самъ—10, и что нигдѣ въ Вологодской губерніи хлѣбъ не бываетъ такъ дешевъ, какъ въ этомъ городѣ.

Хотя мы и имѣемъ оффиціальныя числовыя свѣдѣнія о количествѣ посѣва и урожая разнаго рода хлѣбныхъ растеній въ Зырянскомъ краѣ, но считаемъ болѣе полезнымъ не приводить ихъ; такъ какъ положительно знаемъ, что они болѣе, нежели не-вѣрны: всѣ, кто основывался на нихъ, пришли къ самымъ ложнымъ выводамъ, какъ напр. г. Михайловъ [354]), который утверждаетъ, что на Удорѣ, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, хлѣбъ родится самъ — 2 и не болѣе самъ—3.—Притомъ-же ни оффиціальнымъ, ни неоффиціальнымъ путемъ рѣшительно нѣтъ возможности даже приблизительно опредѣлить количество урожая; потому что очень много хлѣба сѣется на *новинахъ*. Тѣ двѣ барки хлѣба, которыя нагружаются, какъ мы сказали, въ с. Вотчѣ, получаютъ весь свой грузъ съ новинъ, находящихся иногда верстъ за 70 отъ этого села: кто-же скажетъ, сколько сѣется и собирается хлѣба на такихъ запрещенныхъ росчистяхъ [355])? Между тѣмъ самъ г. Михайловъ говоритъ, что вообще въ Зырянскомъ краѣ на хорошо удобренныхъ поляхъ рожь даетъ 15 и 20-е зерно, а на новинахъ *всегдашній урожай* считаютъ самъ—50, самъ—80, а иногда и самъ—90; слѣдовательно трудно подвести сложный итогъ урожая, если-бы и было извѣстно количество пахатной земли и посѣва.

Господствующее хлѣбное растеніе въ Зырянскомъ краѣ, какъ это мы уже не разъ видѣли, есть *ячмень*. Зыряне не ѣдятъ никакого другаго хлѣба, даже лошадей, вмѣсто овса, кормятъ ячменемъ. Вообще полагаютъ [356]), что ячменя высѣвается вдвое болѣе, нежели ржи. Само собой разумѣется, что это хлѣбное растеніе распространено гораздо далѣе къ сѣверу, чѣмъ другія; потому что для созрѣванія его нужно меньше времени. Мы видѣли [357]), что наприм. на Удорѣ онъ поспѣваетъ иногда въ 40 дней.

За ячменемъ слѣдуетъ *рожь*; хотя не въ такомъ количествѣ, но вездѣ, гдѣ сѣется первый — сѣется и послѣдняя. Почти весь урожай ея идетъ на продажу. — Зырянская рожь, подъ названіемъ *яренской*, пользуется у сельскихъ хозяевъ большою извѣстностію, какъ превосходный сѣмянной хлѣбъ для болѣе южныхъ мѣстностей. Впрочемъ, и хлѣбъ изъ нея по бѣлизнѣ, припеку и вкусу несравненно превосходитъ ржаной хлѣбъ среднихъ губерній Россіи: онъ лучше, напримѣръ, даже того, который въ перворазрядныхъ московскихъ булочныхъ продается подъ названіемъ *петербургскаго* по возвышенной цѣнѣ, и даже пеклеваннаго.

Овесъ, и то не въ большомъ количествѣ, сѣется только въ южной полосѣ Зырянскаго края; въ сѣверной-же лишь въ самое послѣднее время онъ распространился до Княжпогоста.

Пшеницу также вообще стали сѣять въ недавнее время, и притомъ она дурнаго качества [358]). Но за то ее сѣютъ даже на Удорѣ [359]).

Ленъ и *конопля* распространены почти повсемѣстно; даже на Печорѣ; но малорослы и худо доспѣваютъ [360]). Урожай того и другаго идутъ на мѣстныя надобности. Только изъ самой южной части Устьсысольскаго уѣзда

---

349) См. примѣч. 347.

350) Тамъ-же.

351) Вол. Губ. Вѣд. 1853 г. № 46: «Прогулки по Княжпогосту», г. П. Богданова.

352) Тамъ же.

353) Вол. Губ. Вѣд. 1853 г. № 37: «Устьсысольскъ».

354) Тамъ-же 1852 г. № 33: «О земледѣліи и скотоводствѣ у Зырянъ», г. М. Михайлова.

355) Тамъ-же 1848 г. № 4: «Взглядъ на геологич. состоян. с. Вотчи въ сельско-хозяйств. отношеніи». г. І. Попова.

356) См. примѣч. 354 и Вол. Губ. Вѣд. 1856 г. № 45: «Разныя извѣстія», Здѣсь надобно разумѣть, что ячменемъ засѣвается земли вдвое больше, нежели рожью. Онъ сѣется и на части озимовыхъ полей, разумѣется, весною.

357) См. въ текстѣ гл. XI, противъ примѣч. 157.

358) См. примѣч. 354.

359) См. по примѣч. 357.

360) Вол. Губ. Вѣд. 1849 г. № 20: «Статист. опис. Яренск. уѣзда», г. П. Протопопова.

ленъ сбывается къ Архангельскому порту. Масла ни конопляннаго, ни льнянаго Зыряне не ѣдятъ; но конопляное сѣмя употребляется на постныя щи и кутью.

Вмѣстѣ съ понятіемъ о хлѣбопашествѣ Зыряне заняли у Русскихъ и трехпольную систему обработыванія полей, земледѣльческія орудія и хозяйственный распорядокъ. Мы уже видѣли, что нѣкоторые обвиняютъ ихъ въ лѣности и нерадѣніи къ сельскому хозяйству. Такъ, г. Михайловъ говоритъ [361]), что они вывозятъ навозъ въ концѣ Марта и въ началѣ Октября, и складываютъ его въ кучи, которыя до времени вспашки остаются неразбросанными; что снопы складываютъ въ скирды, ничѣмъ не прикрытыя и что хлѣбъ молотятъ зимою, потому что осенью, въ дождливую погоду, нельзя выполнять эту работу въ открытыхъ гумнахъ. — Мы не имѣемъ въ виду данныхъ, которыя позволили-бы намъ высказать по этому предмету наше личное мнѣніе; но не можемъ не указать на совершенно противуположное мнѣніе г. Аврамова, который говоритъ [362]), что Зыряне весьма тщательно воздѣлываютъ свои поля и отлично ихъ упаживаютъ, такъ что отъ сильнаго удобренія не рѣдко хлѣбъ полегаетъ. Впрочемъ, разнорѣчіе гг. Михайлова и Аврамова можетъ быть объяснено тѣмъ, что первый изъ нихъ имѣлъ въ виду Устьсысольскій, а послѣдній Яренскій уѣзды.

Порядокъ пользованія землею такой-же, какъ и у Русскихъ государственныхъ крестьянъ: земля послѣ каждой ревизіи дѣлится по душамъ, при чемъ принимается за основаніе не наличное число душъ въ каждомъ семействѣ, а рабочія силы и то, за сколько душъ берется тотъ или другой домохозяинъ платить государственныя подати. По-этому земля отводится иногда бездѣтнымъ вдовамъ, когда онѣ обязуются платить подати за душу, полдуши или четверть души. Напротивъ, если кто и изъ мущинъ не желаетъ платить податей, то такимъ вовсе не дается земли и они называются *бобылями*. Этихъ бобылей, обыкновенно нищихъ и незаконно-рожденныхъ, можно найти по нѣскольку въ каждомъ обществѣ. Сѣнокосная земля измѣряется *копнами* и *косами*. *Копна* принимается въ 5 возовъ, а *косой* называется такое пространство, на которомъ одинъ человѣкъ въ одинъ день можетъ скосить траву.

Въ случаѣ невозможности обработать извѣстный участокъ собственными средствами прибѣгаютъ къ найму со стороны постоянныхъ *работниковъ*, *поденьщиковъ* и къ *помочамъ*. *Работники* бываютъ или годовые или нанимающіеся на лѣто (съ Прокопьева дня, т. е. 8 Іюля до Покрова). За это время работнику платится отъ 7 до 12 р., а работницѣ отъ 3 до 5 р. и кромѣ того послѣднія выговариваютъ пару новыхъ *чарковъ* (обувь) или башмаковъ, иногда бумажный платокъ копѣекъ въ 30, нѣсколько льну или конопли и четверикъ (*пудовка*) или два хлѣба. На цѣлый годъ работники и работницы нанимаются рѣдко. Первымъ платится не болѣе 17 р., а послѣднимъ до 7 и 10 р. Нанимающіе работницъ помѣсячно на зиму платятъ отъ 30 до 40 к., безъ всякихъ другихъ условій. Въ лѣтнее же время, съ 7 іюля по Октябрь, нанимаютъ въ иныхъ семействахъ для присмотра за дѣтьми нянекъ, называемыхъ *пѣстуньями*. Въ пѣстуньи поступаютъ дѣвочки отъ 10 до 14 лѣтъ и получаютъ за лѣто отъ 1 р. до 1 р. 50 к. *Поденщики* и *поденщицы* берутся только въ страдное время и зимой, изрѣдка, для молотьбы. Въ лѣтнее время пѣшему поденьщику платится до 30, а конному до 50 к. въ день, поденщицамъ же отъ 10 до 12 к. Женщины иногда нанимаются жать *съ четверика*, т. е. выговариваютъ себѣ плату на своихъ харчахъ за жнитво высѣяннаго четверика ржи или ячменя. Такую плату работницы находятъ выгоднѣе поденной, хотя она, обыкновенно, также незначительна [363]).

Помочи дѣлаются также, какъ и вездѣ въ Россіи. Только на Удорѣ для помочанъ не покупается вина и не варится пива; но приготовляется хорошая пища; потому что тамъ за оказанную сосѣдомъ помощь платится тѣмъ-же.

Замѣчательно, что въ Зырянскомъ краѣ сохранился весьма древній русскій обычай обработыванія земли *изъ полу*. Въ Устюгскомъ, Никольскомъ и Сольвычегодскомъ уѣздахъ Вологодской губерніи *половники* составляютъ особый видъ крестьянскаго сословія, и поселяются на *владѣльческихъ* земляхъ на болѣе или менѣе продолжительные сроки по формально свидѣтельствуемымъ записямъ. Здѣсь-же они существуютъ, такъ сказать, неоффиціально и, пожалуй, даже незаконно, и отношенія ихъ къ хозяевами не тѣ, какія узаконены для половниковъ Устюгскаго и др. уѣздовъ [364]). Въ Зырянскомъ краю половники бываютъ *временные* и *постоянные*. *Временные*, т. е. нанимающіеся каждогодно, получая отъ хозяина сѣмена и навозъ, исполняютъ всѣ земледѣльческія работы, начиная съ посѣва до вымолота, за что и получаютъ половину урожая, за вычетомъ изъ общей массы его, до раздѣла, въ пользу хозяина сѣмянъ. *Постоянные* половники живутъ въ домахъ хозяевъ и пользуются ихъ скотомъ; но за то получаютъ меньшую долю изъ урожая [365]).

---

361) См. примѣч. 354.

362) Вол. Губ. Вѣд. 1858 г. № 41: «Опис. физич. свойствъ Яренскаго уѣзда», г. В. Аврамова.

363) Тамъ-же. Всѣ цѣны на земледѣльческія работы мы заняли у г. Аврамова; слѣд. въ настоящее время онѣ могли уже измѣниться.

364) Въ Устюгскомъ, Никольскомъ и Сольвычегодскомъ уѣздахъ половники живутъ на крѣпостныхъ владѣльческихъ земляхъ. Подробности можно видѣть въ статьѣ нашей, напечатанной въ Журн. Мин. Госуд. Имущ. 1862 г. подъ заглавіемъ: «Половники».

365) См. примѣч. 326.

Говоря о способахъ обработки полей, мы не можемъ не упомянуть объ одномъ земледельческомъ пріемѣ, который едва-ли существуетъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Если съ осени снѣгъ выпадетъ на мокрую землю и зима многоснѣжна, то, чтобы хлѣбъ не подопрѣлъ, нѣкоторые домохозяева стаптываютъ поля лошадьми [366]).

Сѣно косятъ вездѣ *горбушами* [367]).

Мы уже перечисляли, слѣдуя г. Аврамову, тѣ огородные овощи, которые съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ могутъ быть разводимы въ Зырянскомъ краѣ, причемъ замѣтили, что не всѣ они и не повсюду воздѣлываются. Мы видѣли также, что напр. въ Синдорскихъ селеніяхъ огородовъ вовсе нѣтъ [368]). Но это не единственная мѣстность въ своемъ родѣ. Въ сѣверной части печорскаго прихода въ огородахъ встрѣчается одна рѣпа, а въ южной, кромѣ того, въ небольшомъ количествѣ капуста [369]). Въ южной половинѣ Зырянскаго края дѣйствительно повсемѣстно разводятся, кромѣ рѣпы и капусты, рѣдька, лукъ, картофель, хмѣль и горохъ [370]). Послѣдній сѣется и на поляхъ [371]).— Изъ нихъ:

Картофель родится вездѣ хорошо, а на песчаныхъ мѣстахъ превосходно [372]).

Нельзя того-же сказать *о капустѣ*. Хотя г. Михайловъ и пишетъ [373]), что кочни этого растенія бываютъ иногда по 4 фунта; но мы думаемъ, что онъ отмѣтилъ случайность: мы имѣли случай видѣть много капусты около Устьвыми и думаемъ, что еслибы очистить, какъ это водится въ другихъ мѣстахъ, зеленые и не свившіеся листья ея, то не осталось-бы въ кочнѣ и $^1/_4$ фунта. Не лучшую капусту мы видѣли также въ Кажимскомъ заводѣ. Въ Москвѣ ее не стали-бы ѣсть.

Рѣдька и *рѣпа*, по словамъ того-же г. Михаилова, бываютъ по 10 и 15 фунт. [374]). Быть можетъ, и это только рѣдкость.

Лукъ—какъ и вездѣ.

Хотя мы и имѣемъ оффиціальныя цифры о числѣ разнаго рода скота, но не пользуемся ими по тѣмъ же причинамъ, какъ и свѣдѣніями о количествѣ посѣва и урожая.

Обиліе луговъ и сочныхъ травъ даютъ Зырянамъ возможность держать много скота и улучшить его породу. И дѣйствительно, мы можемъ сказать, что, покрайней мѣрѣ, относительно крупнаго рогатаго скота, они пользуются тѣмъ, что имъ даетъ природа страны.— Вообще Зыряне быковъ и коровъ держатъ больше, нежели Русскіе, и продукты скотоводства въ видѣ мяса, кожъ и масла вывозятся за предѣлы края.— По словамъ г. Кашперова, на Удорѣ послѣ звѣриныхъ и птичьихъ промысловъ, скотоводство составляетъ главное занятіе жителей [375]). Достойнствами своими славится скотъ Печорскій, [376]), и Вымскій [377]); но мы знаемъ, что онъ хорошъ и по Вычегдѣ, и продается въ сосѣдніе уѣзды Вологодской и Вятской губерній: зырянскіе быки даютъ мяса до 20 пуд. и чистаго сала до 7 пуд. [378]).

Всѣ *коровы* у Зырянъ комолыя [379]). *Овцы* обыкновенныя и тоже комолыя.

Лошади обыкновенныя. Мы видѣли въ Яренскомъ уѣздѣ хорошихъ крестьянскихъ лошадей; но г. Михайловъ увѣряетъ [380]), что въ Устьсысольскомъ уѣздѣ онѣ слабосильны, съ чѣмъ спорить не будемъ; потому что и намъ такъ казалось, когда мы проѣзжали по Сысолѣ и Лузѣ, на такъ называемыхъ обывательскихъ лошадяхъ, можетъ быть впрочемъ отъ того, что Зыряне или точнѣе Зырянки усердные, но плохіе ямщики [381]).

Зырянскія *свиньи*, извѣстныя подъ названіемъ чудскихъ, имѣютъ длинныя уши и тучны. Онѣ вѣсятъ отъ 3-хъ до 7 пуд. [382]). Ихъ не держатъ только на Удорѣ и Печорѣ, гдѣ дорожатъ хлѣбомъ [383]).

Изъ домашнихъ птицъ однѣ *куры* и то не вездѣ. На Удорѣ ихъ не держатъ, жалѣя хлѣба. Но и въ другихъ мѣстахъ ихъ мало. Зыряне объясняютъ это тѣмъ, что они портятъ поля, которыя дѣйствительно начинаются у самыхъ дворовъ. Куриное мясо почему-то не употребляется; но яйца ѣдятъ охотно [384]).

---

366) Волог. Губ. Вѣд. 1849 г. № 6: «Зырянскія повѣрья», г. П. Кочіева.

367) Это весьма длинная коса на коротенькой рукоткѣ. Лезвее ея находится на внѣшней сторонѣ, и сю косятъ на отмашь.

368) См. въ гл. XI «Путешествіе г. Мельникова къ Синдорскому озеру.»

369) Волог. Губ. Вѣд. 1854 г. № 30: «Печорскій приходъ», г. Попова-Ловчинскаго.

370) Тамъ-же 1852 г. № 34: «О земледѣліи и скотоводствѣ у Зырянъ», г. М. Михайлова.

371) См. примѣч. 357.

372) См. примѣч. 370.

373) Тамъ-же.

374) Тамъ-же.

375) См. примѣч. 357.

376) См. примѣч. 370.

377) См. примѣч. 360.

378) Тамъ-же.

379) См. примѣч. 357 и 370, а также Волог. Губ. Вѣд. 1863 г.: «Двѣ Зырянскія сказки»,

380) См. примѣч. 370.

381) Въ Зырянскомъ краю, особенно зимою, когда мужчины находятся на промыслахъ, ямщичаютъ больше женщины и дѣвицы.—Онѣ припрягаютъ всегда множество лошадей, не требуя за лишнихъ прогоновъ, гусемъ, и на каждой сидитъ наѣздница. Въ 1858 г. мы выѣхали изъ Вологды на тройкѣ, и чѣмъ далѣе подвигались къ сѣверу, намъ запрягали все болѣе и болѣе лошадей; такъ что между Устьсысольскимъ и Кажимскимъ заводомъ впрягались уже цѣлые табуны, которые только путались.

382) См. примѣч. 370.

383) Волог. Губ. Вѣд. 1859 г. № 32: «Жители Яренск. уѣзда и ихъ хозяйств. бытъ», г. В. Аврамова.

384) См. примѣч. 370.

ГЛАВА XIII.

ЗВѢРИНЫЕ И ПТИЧЬИ ПРОМЫСЛЫ.

Уменьшеніе числа пушныхъ звѣрей.—Переселенія бѣлки. —Сортыся.—Цѣны.—Количество добычи. -Зайцы.—Горностаи. -Олени. -Лисицы. -Прочіе звѣри.— Рябчики.— Количество добычи.—Куропатки.—Тетери.—Водяная дичь.—Лѣсованья.— Охотничьи партіи.—Охотничьи провизія. —Ружья.—Собаки.—Матка.—Отправленіе на охоту.—Парты.—Пывзины и щамьи.—Производство охоты.—Пимы.—Лыжи.—Ловушки.—Возвращеніе по домамъ. -Второе лѣсованье. Особенности охоты на другихъ птицъ и звѣрей. -Охота на рябчиковъ; на оленей: заговоръ на петли; гоньба.—Охота на медвѣдей.—Охота на лисицъ.—Выкормка ихъ.—Заключеніе.

Хотя хлѣбопашество въ большей части Зырянскаго края, по цѣнности его произведеній и пользѣ, приносимой населенію, должно-бы почитаться главнымъ занятіемъ; но не такъ смотрятъ на него сами Зыряне. Зырянинъ охотникъ по природѣ и, конечно, ни въ чемъ другомъ не выражаются такъ его племенные инстинкты, какъ въ охотѣ: это его исторія и поэзія. Если-бы нужно и можно было писать исторію зырянъ, то надобно-бы было писать исторію ихъ охоты; если-бы кто хотѣлъ изучить ихъ поэзію, то долженъ-бы былъ познакомиться прежде всего съ ихъ охотничьими разсказами. Не даромъ увѣряютъ, что этотъ народъ, строящій свои дома гдѣ и какъ попало, для охотничьихъ *пывзяновъ* всегда выбираетъ мѣста живописныя. По такой причинѣ мы съ особенною подробностію будемъ говорить о звѣриныхъ и птичьихъ промыслахъ [385]).

Нынѣ установилось мнѣніе, что Зырянскій край оскудѣлъ пушными звѣрями. Такое мнѣніе относительно цѣнныхъ звѣрей совершенно справедливо. Въ старину ловились здѣсь, какъ почти и вездѣ въ Россіи, бобры, а теперь они до-чиста вывелись; были соболи,—даже въ окрестностяхъ Устьсысольска, а теперь хотя и попадаются они Печорцамъ, но *за Камнемъ*, т. е. по ту сторону Уральскаго хребта, и притомъ чрезвычайно рѣдко [386]). Думаютъ, что звѣри истреблены охотниками и что они *ушли за Камень*. Но нельзя того-же сказать о главной статьѣ промысловъ, именно о бѣлкѣ. Истребить ее трудно, потому что она чрезвычайно плодлива: самки носятъ весною и осенью отъ 6 до 10 дѣтенышей, изъ коихъ весенніе, въ свою очередь, плодятся и къ осени того-же года приплодъ ихъ уже готовъ для стрѣльбы. По мнѣнію охотниковъ, отъ каждой пары бѣлокъ, т. е. отъ самца и самки (онѣ живутъ въ гнѣздахъ (*гойна*) по парно) разводится ежегодно до 40 штукъ [387]). Дѣйствительно, въ иные годы этого звѣрка бываетъ очень мало; но это отъ того, что онъ уходитъ въ другія мѣста, а именно на сѣверовостокъ, за Уральскія горы,—когда не находитъ у себя корму.—Надобно замѣтить, что бѣлка тамъ, гдѣ есть кедръ, питается преимущественно кедровыми орѣхами; послѣ кедровыхъ орѣховъ любимую пищу ея составляютъ сосновыя шишки и за тѣмъ уже еловыя [388]). Говорятъ, что до 1851 года въ Зырянскихъ лѣсахъ было такъ мало бѣлки, что самые лучшіе охотники убивали ихъ только по нѣскольку десятковъ; въ 1851-же году, замѣчательномъ по обильному урожаю всѣхъ растеній, она опять появилась въ такомъ изобиліи, что на Удорѣ даже плохіе охотники получали по 200 и болѣе штукъ на ружье. Нѣкоторые думаютъ, что бѣлка появляется періодически, что года по 3 по 4 ея бываетъ мало, а потомъ она снова размножается [389]). При переселеніяхъ своихъ, бѣлка какъ будто руковод-

---

385) Излагая свѣдѣнія о звѣриныхъ, птичьихъ и рыбныхъ промыслахъ, мы главнымъ образомъ будетъ придерживаться помѣщенной въ Памятной книжкѣ Вологодской губерніи на 1865 и 1866 гг. статьи г. Фл. Арсеньева подъ заглавіемъ: «О промышленныхъ дѣлахъ и торговыхъ сношеніяхъ въ Зырянскомъ краѣ». Гг. Дмитріевъ и Владыкинъ въ 1873 г. издали это сочиненіе особой книжкой подъ заглавіемъ: «Зыряне и ихъ охотничьи промыслы». Въ изданіе гг. Дмитріева и Владыкина, къ сожалѣнію, вошла только часть помѣщенной въ Памятной книжкѣ статьи г. Арсеньева и не помѣщенъ цѣлый отдѣлъ ея о рыбныхъ промыслахъ и торговлѣ. Поэтому мы будемъ ссылаться на Памятную книжку.

386) Вол. Губ. Вѣд. 1852 г. № 12: «Сравненіе старыхъ цѣнъ съ нынѣшними на мѣха пушныхъ звѣрей въ Устьсысольскомъ уѣздѣ», г. Мельникова.

387) Памятн. книж. Волог. губ. на 1865 и 1866 гг: «О промышл. дѣлахъ и торгов. сношеніяхъ въ Зырянскомъ краѣ», г. Фл. Арсеньева, стр. 30 и 31.

388) Тамъ-же.

389) Волог. Губ. Вѣд. 1858 г. № 52: «Описан. физич. свойствъ Яренск. уѣзда», г. В. Аврамова.

ствуется какимъ-то непреодолимымъ инстинктомъ: она идетъ огромными стадами всегда по прямому направленію; перебирается черезъ горы, пожарища, селенія и даже озера и широкія рѣки. Въ послѣднемъ случаѣ онѣ употребляютъ пушистые хвосты вмѣсто паруса; иногда садятся на сучья и деревья и, вмѣстѣ съ ними, прибиваются къ противоположному берегу. Проходя чрезъ селенія, онѣ перебираются по крышамъ домовъ, гуменъ, и т. д.—Если переселеніе начинается рано, напр. въ Августѣ, то бѣлка уходитъ далеко; если-же поздно, то сильные морозы заставляютъ ее останавливаться, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она находитъ довольно пищи. Въ такомъ случаѣ она ложится въ гнѣздахъ, изъ которыхъ выходитъ порѣзвиться только въ ясную и теплую погоду.—Бѣлки переселяющіяся называются *ходовыми*, а остающіяся на мѣстахъ—*таборными* [390]).

Достоинство бѣлки зависитъ отъ корму и отъ времени года. Лучшею считается печорская бѣлка; потому что питается кедровыми орѣхами. Лѣтомъ она имѣетъ короткую и рыжую шерсть и для стрѣльбы вовсе не годится. Съ приближеніемъ же осени начинаетъ линять: шерсть ея становится длиннѣе и гуще и рыжій цвѣтъ мѣняетъ на темнодымчатый. Къ Октябрю она вычищается совершенно; а въ Мартѣ снова начинаетъ рыжѣть. Впрочемъ и зимняя бѣлка не равно цѣнится: лучшею считается та, которая ловится въ Ноябрѣ и Декабрѣ, и за тѣмъ достоинство ея постепенно понижается. Оно опредѣляется вѣсомъ шкурокъ: 1,000 ноябрьскихъ или декабрьскихъ шкурокъ печорскаго лова вѣситъ пудъ, февральскихъ не болѣе 35 ф. [391]) а мартовскихъ еще менѣе.

Цѣна бѣличьихъ шкурокъ не одинакова, смотря по большей или меньшей успѣшности промысловъ; но вообще постепенно возвышается. Въ послѣдніе годы она колебалась около 7 р. за сотню и доходила до 8 р.

Количество добычи большая часть писателей, продерживавшихся оффиціальныхъ свѣдѣній, показываютъ въ нѣсколько разъ ниже дѣйствительнаго; такъ напр. г. Бунаковъ опредѣляетъ его для цѣлыхъ двухъ уѣздовъ: Устьсысольскаго и Яренскаго въ 348,000 шт. [392]). Г.-же Богдановъ для одного Устьсысольскаго назначаетъ 800,000 шт. [393]), неизвѣстно на основаніи какихъ данныхъ; но цифра его близка къ истинной. Изъ стотысячнаго почти населенія Зырянскаго края мы считаемъ не менѣе 10,000 охотниковъ. Полагая—же на каждаго очень бѣдную цифру, именно по 100 штукъ, мы получимъ 1,000,000—и это крайній minimum. Зырянскій охотникъ проводитъ на промыслахъ около 100 дней: не поодной-же штукѣ онъ добываетъ каждый день! Если даже мы преувеличили число охотниковъ, то и тогда наша цифра ни въ какомъ случаѣ не превыситъ истинной.

Изъ пушныхъ звѣрей послѣ бѣлки въ Зырянскихъ лѣсахъ больше всѣхъ другихъ водится зайцевъ [394]). Но о томъ, сколько ихъ ловится и стрѣляется, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, кромѣ оффиціальныхъ, которыми, какъ уже и раньше замѣтили, не вѣримъ. Но думаемъ, что эта статья промысловъ не значительна, именно потому, что никто о ней не говоритъ ни слова.

Г. Арсеньевъ главнымъ, по доходности, предметомъ охоты послѣ бѣлки считаетъ горностая [395]); но мы опять не имѣемъ никакихъ цифръ.

По нашему мнѣнію, едва-ли не важнѣе охота на оленей и лосей. Когда мы будемъ говорить о производствѣ ея, увидимъ, что этихъ животныхъ убивается весьма много. При томъ-же здѣсь надобно брать въ разсчетъ не только шкуру животнаго, но и мясо, которое ѣдятъ сами охотники, а также языки и рога, которые продаются. По словамъ г. Арсеньева, въ послѣднее время олень началъ исчезать въ Зырянскихъ лѣсахъ отъ преслѣдованій охотниковъ [396])- Мы по этому поводу не можемъ высказать никакого мнѣнія; но не можемъ не замѣтить, что Зыряне не со вчерашняго дня охотятся за оленями: почему же только нынѣ охота эта стала столь истребительна?

Промыселъ лисицъ весьма скуденъ. Звѣрь этотъ съ каждымъ годомъ попадается все рѣже и рѣже; особенно цѣнные сорта его: черная и даже чернобурая лисица рѣдкость; но за то это кладъ; потому что шкура первой цѣнится отъ 150 до 200 и болѣе рубл., а послѣдней,—отъ 30 до 100 и болѣе [397]).

Остальные звѣри, какъ-то: куницы, медвѣди, волки, россомахи, выдры и рыси стрѣляются и бьются только тогда, когда охотникъ случайно нападаетъ на ихъ слѣдъ. Три послѣдніе звѣря рѣдко попадаются; волковъ также мало [398]).

Изъ птицъ главный предметъ охоты состовляютъ рябчики. Они, также какъ и бѣлки, разнаго достоинства, и лучшими считаются печорскіе.—Нѣкоторые объясняютъ это тѣмъ, что на Печорѣ они питаются кедровыми орѣхами, почему и называютъ ихъ иногда *кедровиками*; но такое объясненіе принадлежитъ къ числу басень. Г. Богдановъ пишетъ [399]), что одинъ любитель птицъ, державшій у себя и рябчиковъ, сталъ было кормить ихъ кедровыми орѣхами; но они переколѣли. На Печорѣ рябчики лучше (больше) потому, что тамъ больше любимой

---

390) См. примѣч. 387.

391) См. по примѣч. 387 на стр. 32.

392) Волог. Губ. Вѣд. 1858 г. № 24: «Сельско-хозяйств. очеркъ Волог. губ.«, г. Н. Бунакова.

393) Тамъ-же 1849 г. № 36: «Нѣсколько словъ о Устьсысольскѣ и его уѣздѣ».

394) См. примѣч 389.

395) См. примѣч. 387.

396) См. по примѣч. 388

397) Тамъ-же.

398) См. примѣч. 389.

399) См. примѣч. 393.

ихъ пищи,—разнаго рода ягодъ, именно: брусники, клюквы, черники, а также потому, что охотники тамъ позже начинаютъ ихъ стрѣлять, т. е. тогда, когда они успѣютъ совсѣмъ развиться [400]).

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, *рябчиковъ* добывается 130,000 шт. [401])—цифра, положительно не вѣрная. По словамъ г. Арсеньева въ одномъ Устьсысольскомъ уѣздѣ въ хорошій годъ добывается до 300,000 паръ [402]). Придерживаясь разсчета, принятаго для опредѣленія цифры добычи бѣлки, мы соглашаемся съ г. Арсеньевымъ и для цѣлаго Зырянскаго края принимаемъ 1.000,000 шт., или 500,000 паръ рябчиковъ. Хотя ихъ бьютъ не цѣлую зиму, какъ увидимъ, но за то, во-первыхъ, во время охоты собственно на нихъ, они истребляются цѣлыми стадами, а во-вторыхъ эта охота, производясь не подалеку отъ селеній, привлекаетъ бо̀льшую массу охотниковъ, чѣмъ охота на бѣлку, тѣмъ болѣе, что рябчикъ цѣннѣе бѣлки. Цѣны на рябчиковъ, какъ и на бѣлку, колеблясь сообразно съ успѣшностью промысловъ, хотя неравномѣрно, но постоянно возвышаются. Въ концѣ 1860-хъ годовъ онѣ доходили до 25 коп. за пару, а въ осень и зиму 187³/₄ г., по словамъ скупщиковъ—спекулянтовъ, до 35 коп. и дороже, что ни мало не невѣроятно, если справедливъ отзывъ одного изъ нихъ (г. Хлызова), что онъ продалъ въ Москвѣ свой товаръ по 80 коп. за пару; а въ справедливости такого отзыва мы не считаемъ себя въ правѣ сомнѣваться, кромѣ другихъ причинъ, и потому, что рябчики изъ Вельскаго уѣзда, во всякомъ случаѣ худшіе зырянскихъ, проданы въ Москвѣ по 45 коп., при чемъ продавецъ (г. Синицкій) сожалѣлъ, что продешевилъ, хотя и сознавался, что товаръ его не перваго сорту.

Послѣ рябчиковъ самая выгодная статья птицеловства—*куропатки*. Онѣ водятся въ Зырянскомъ краѣ огромными стадами и попадаются въ капканы и силки [403]), но цѣны на нихъ низки—копѣйки по 3 и по 2 за штуку [404]). Ихъ много ѣдятъ сами Зыряне, а перья продаютъ по 1 р. за пудъ. Тетерь всякаго рода ловится очень много, но цифръ, кромѣ оффиціальныхъ, мы не имѣемъ.

Объ обиліи водяной дичи послѣ того, что сказано объ этомъ предметѣ раньше, мы считаемъ даже лишнимъ распространяться [405]). Но къ сожалѣнію, она потребляется только на мѣстѣ, и въ продажу идти не можетъ. Въ Зырянскомъ краѣ даже закономъ разрѣшено охотиться на нее безъ всякаго ограниченія.—Мы не наблюдали, подобно г. Арсеньеву, осенняго отлета птицъ изъ за полярнаго круга; но имѣли случай видѣть около Яренска, на обширной равнинѣ сливающихся въ весеннее время водъ рр. Вычегды, Яреньги, Кижмолы и другихъ несчетныя стада отдыхающей перелетной къ полюсу водяной дичи, и отказываемся передать то впечатлѣніе, которое производила на насъ, когда-то, неугомонная картина сторожкихъ пернатыхъ путешественниковъ, густо разсѣянныхъ на широкомъ раздольѣ гостепріимнаго становища, кишащаго даровою рыбою.

Звѣриные и птичьи промыслы производятся въ два періода времени, которые называются *лѣсованьями*. Первое начинается въ концѣ Сентября или въ началѣ Октября, т. е. когда звѣрь и птица вылиняютъ и выспѣютъ, и когда послѣднюю можно бить, не опасаясь порчи, и продолжается до Декабря, когда открываются ярмарки, на которыхъ добыча сбывается. Второе лѣсованье начинается въ Январѣ и продолжается до тѣхъ поръ, пока не покажутся признаки весны, когда звѣрь начнетъ линять, птицу нельзя будетъ бить въ прокъ и пути начнутъ портиться.

На охоту Зыряне отправляются партіями, по словамъ однихъ отъ 2 до 5 человѣкъ [406]), а по словамъ другихъ—до 12 [407]). Дѣйствительно численность партій не вездѣ и всегда одинакова; такъ какъ не всегда равно далеко и на равное время отправляются охотники. Печорцы, наприм., уходятъ верстъ за 500 и болѣе [408]). Но двухъ человѣкъ для партіи во всякомъ случаѣ мало; потому что на бѣлку нужно всегда идти вдвоемъ, такъ какъ она очень искусно прячется отъ охотника въ гущѣ вѣтвей, и ее необходимо одному человѣку *выколачивать*, т. е. стучать по дереву, на которомъ она скрывается, топоромъ, а другому слѣдить ее, когда она, испуганная, перепрыгиваетъ на другое. Кромѣ того, одинъ охотникъ всегда долженъ пораньше забраться на мѣсто остановки, чтобы приготовить пищу.

Отправляясь на промыслы, охотники прежде всего запасаются съѣстною и охотничьею провизіею. По словамъ г. Латкина Печорцы брали на человѣка по 4 пуда сухарей, сушеныхъ пироговъ съ крупой по 1 п., муки—ячной и ржаной по пуду [409]), крупы—по 10 ф., ячной муки для собакъ—по 1 п., масла—по 12 ф., свѣжаго сала для блиновъ—по 2 ф., сухой рыбы—по 15 ф., сырой говядины—по 30 ф., соли—по 10 ф., пороху—по 3 ф., свинцу—по 4 ф., всего—по 10 п. 6 ф.; но г. Арсеньевъ говоритъ [410]), что нынѣ, съ упадкомъ промышленности, охотники уже не роскошествуютъ: блиновъ не пекутъ, масломъ кашицы не сдабриваютъ.

---

400) См. по примѣч. 387 стр. 41.

401) См. примѣч 392.

402) См. примѣч. 400.

403) См. примѣч. 356.

404) См. въ текстѣ противъ примѣч. 157 и 169.

405) См. по примѣч. 387.

406) См. по примѣч. 387 стр. 24.

407) Вол. Губ. Вѣд. 1856 г. № 41: «Осенніе промыслы Зырянъ» г. П. Сорокина.

408) См. примѣч. 406 и 407.

409) Печорцы ѣдятъ и ржаной хлѣбъ; потому что, за недостаткомъ своего, получаютъ его изъ Пермской губерніи.

410) См. по примѣч. 387.

Необходимая принадлежность всякаго охотника—*ружье*. Зыряне употребляютъ винтовочныя ружья, преимущественно издѣлія мѣстныхъ мастеровъ—самоучекъ. Они большею частію узкодульныя; потому что широкодульныя требуютъ много пороху и свинцу, и употребляются только на крупнаго звѣря. Для первыхъ изъ фунта пороху выходитъ болѣе 350 зарядовъ, а изъ фунта свинцу—до 180 пулекъ, величиной въ горошину. Такія ружья, не смотря на все ихъ безобразіе, бьютъ шаговъ на 50 и даже 60. Они всегда бываютъ кремневыя; ложа ихъ иногда составляетъ полѣно, кое-какъ обтесанное, такъ что, при прицѣлѣ, оно берется подъ мышку; курокъ, при взводѣ, удерживается на мѣстѣ посредствомъ придѣланнаго къ нему гвоздя, который однимъ концомъ зацѣпляется за вбитую въ ложе шпильку. О достоинствѣ ствола и говорить нечего.—Несмотря на то, и изъ такихъ ружей Зыряне рѣдко даютъ промахи. Впрочемъ слухъ, что они бьютъ бѣлку, чтобы не попортить шкурки, въ носокъ, а рябчика въ головку, не справедливъ. Мѣткость ихъ стрѣльбы, кромѣ навыка и безспорнаго искусства, объясняется и тѣмъ, что они всегда цѣлятся съ прикладу, т. е. съ сошекъ, которыя и носятъ съ собою, или съ сука дерева; другіе, не увѣренные въ своемъ искусствѣ, ставятъ подпорку даже подъ лѣвую мышку. Само собой разумѣется, что попадаются и хорошія ружья, но это исключеніе изъ правила. Заряжаются они слѣдующимъ образомъ: прежде всего всыпается порохъ; потомъ внутренность ствола натирается наверченною на шомполъ сальною тряпкою; за тѣмъ на отверстіе дула кладется пуля нѣсколько большаго, чѣмъ оно, калибра, придавливается сперва осторожно, чтобы на ней образовались выпуклости, соотвѣтствующія нарѣзкамъ винтовки, и наконецъ догоняется до пороха. Пули Зыряне дѣлаютъ сами. Для этого они носятъ съ собою родъ свинцовой проволоки, спирально свернутой и продѣтой за ремень, на которомъ виситъ пороховница. Въ то время, когда, сдѣлавъ выстрѣлъ, охотникъ снова ищетъ звѣря или птицу, онъ откусываетъ отъ проволоки небольшіе кусочки и округляетъ ихъ зубами. Литыхъ пуль Зыряне не употребляютъ; потому что литой свинецъ тверже и нарѣзки на немъ выдавливаются слабѣе, что можетъ быть причиною невѣрности выстрѣла [411]).

Зырянскія *охотничьи собаки* некрасивы на видъ, но легки, отличаются необыкновенной неутомимостью, тонкимъ чутьемъ и отлично распознаютъ звѣря. Говорятъ, что печорскіе охотники, сдѣлавъ выстрѣлъ, до тѣхъ поръ не заряжаютъ ружей, пока не услышатъ лая собаки, чтобы, соображаясь съ нимъ, приноровить зарядъ къ величинѣ звѣря или птицы. Если собака нападаетъ на слѣдъ крупнаго звѣря, то лаетъ отрывисто и наоборотъ.— Собаки эти не составляютъ особой породы: остроконечная морда, стоячія уши, пушистый хвостъ, шерсть иногда длинная, иногда лоснящаяся, гладкая; ростъ неодинаковъ, но вообще его принимаютъ въ $^3/_4$ арш.; цвѣтъ также неодинаковъ: одни говорятъ, что преобладаетъ черный и пѣгій [412]), а другіе—сѣрый [413]). Къ охотѣ собаки приготовляются, такъ сказать, самоучкой. Еще щенками, вмѣстѣ съ мальчишками, онѣ привыкаютъ гоняться за бѣлками, которыя во множествѣ водятся близь самыхъ зырянскихъ деревень. Послѣ того молодая собака берется въ лѣсъ вмѣстѣ съ старыми, чѣмъ и заключается ея воспитаніе. — Хорошій охотникъ отправляется на промыселъ съ двумя собаками; но при этомъ наблюдается, чтобы обѣ онѣ были равнаго достоинства, такъ какъ въ противномъ случаѣ, плохая только сбиваетъ съ толку хорошую.—Здѣсь выходитъ маленькое недоумѣніе: если на охотѣ плохая собака только мѣшаетъ хорошей; то какимъ образомъ пускаютъ на охоту молодыхъ, не натасканныхъ собакъ, вмѣстѣ со старыми? Такое противорѣчіе мы объяснить не можемъ. Судя по способу образованія собакъ, уже нельзя ожидать, чтобы онѣ напр. подавали охотникамъ дичь: напротивъ, послѣдній долженъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы онѣ не подхватили добычи. Охотники въ свою очередь тоже не много заботятся объ нихъ: лѣтомъ, т. е. не на охотѣ, ихъ вовсе не кормятъ, предоставляя имъ питаться, гдѣ и какъ онѣ хотятъ; а на охотѣ имъ отдается мясо бѣлокъ и другихъ, не употребляемыхъ людьми въ пищу, животныхъ.

Еще необходимая принадлежность Зырянскаго охотника *матка*, т. е. компасъ для опредѣленія пути въ лѣсныхъ трущобахъ. Хотя охотники, по разнымъ примѣтамъ, умѣютъ опредѣлять направленіе пути, такъ напр. и днемъ, и ночью они распознаютъ страны свѣта по корѣ деревьевъ, которая на сѣверной сторонѣ бываетъ толще, грубѣе и съ трещинами; по сучьямъ и игламъ (въ послѣднемъ случаѣ всего удобнѣе наблюдается лиственица), изъ которыхъ первые на южной сторонѣ длиннѣе и обильнѣе хвоею, а послѣднія всегда обращены къ югу и т. п.: но все таки берутъ съ собой и матки. Это маленькая круглая деревянная коробочка, въ которой на тоненькомъ стержнѣ обращается магнитная стрѣлка, а сверхъ стержня положенъ кружекъ съ разноцвѣтными полосками отъ центра къ окружности. Такія матки получаются изъ Архангельска.

Приготовивъ все нужное для промысла, охотничьи партіи отправляются въ путь водою въ маленькихъ и легкихъ лодочкахъ, которыя можно перетаскивать черезъ переборы (пороги) и мели, и даже черезъ волоска и перевалы (изъ рѣки въ рѣку). Въ случаѣ, если ихъ

---

[411]) Тамъ-же.

[412]) Тамъ-же.

[413]) Волог. Губ. Вѣд. 1849 г. № 20: «Стат. опис. Яренск. уѣзда», г. П. Протопопова.

застигнетъ на пути зима, т. е. рѣки замерзнутъ и выпадаетъ снѣгъ, они лодки оставляютъ, а припасы свои перегружаютъ въ *нарты*.

Нарты — это узкія и длинныя, сажени въ двѣ [414]) санки, слѣдующаго устройства: берутся два тонкіе полозка шириною вершка въ два, передніе концы которыхъ выгнуты, какъ и у обыкновенныхъ саней; полозья связываются четырьмя копылами, каждый въ аршинъ; копылы переплетаются между собою тоненькими черемуховыми прутьями, сверхъ которыхъ вдоль нартъ кладется тоненькая дощечка, а къ переднимъ концамъ полозковъ прикрѣпляется въ горизонтальномъ положеніи тоненькая черемуховая дуга, къ которой привязывается поводокъ для тасканья нартъ. Нарты очень легки и поворотливы—качества, необходимыя для того, чтобы таскать за собою значительный грузъ, безъ дороги, перебираясь черезъ валежники, пни и колоды. Г. П. Сорокинъ пишетъ [415]), что зырянскіе охотники послѣ того, какъ замерзнутъ рѣки, запасы свои несутъ на себѣ; но это явная ошибка: надобно быть сказочнымъ богатыремъ, чтобы безъ пути, безъ дороги таскать на плечахъ десяти-пудовую ношу. Положимъ, что приведенная выше цифра вѣса разныхъ охотничьихъ припасовъ, по исчисленію г. Латкина, преувеличена; но если мы уменьшимъ ее вдвое, то и тогда слова г. Сорокина не много болѣе будутъ вѣроятными. — Поэтому мы думаемъ, что онъ или не точно выразился, или имѣлъ въ виду охотниковъ, отправляющихся въ недалекія мѣста промысловъ и на короткое время.

Слѣдуя къ мѣсту охоты, промышленники останавливаются въ такъ называемыхъ *пывзянахъ*, которые разсѣяны по всему пространству Зырянскаго края, одинъ отъ другаго на разстояніи 7, 10 и 15 верстъ. Только на Печорѣ они рѣже; потому что тамъ охотничьи партіи многолюднѣе и слѣдовательно окружность промысловаго участка должна быть больше. Пывзянъ буквально значитъ баня. И дѣйствительно, они устроиваются, какъ бани: это—бревенчатая избушка въ 5 — 6 рядовъ, покрытая на одинъ скатъ досками; на крышу насыпается земля; въ углу кладется каменка, какъ въ черныхъ баняхъ; по стѣнамъ, у самаго потолка устроиваются нары, которыя замѣняютъ банный полокъ; двери прорубаются низенькія и плотно притворяющіяся. Такимъ образомъ пывзяны служатъ и мѣстами ночлега и банями. Въ нихъ такъ тепло, что охотники спятъ, раздѣвшись до нага и просушиваютъ намокшую одежду.

При пывзянахъ, въ сторонѣ, для храненія добычи, устроиваются *щамьи*, т. е. особые чуланы или кладовыя въ видѣ голубятни, иногда на четырехъ, а иногда и на одномъ столбѣ, подтесанномъ книзу въ видѣ конуса. Онѣ отворяются снизу, посредствомъ выдвижной доски. Цѣль щамьи предохранить добычу отъ хищныхъ звѣрей; потому-то онѣ и устроиваются иногда на одномъ, книзу стесанномъ столбѣ: иначе россомаха можетъ попасть въ кладовую.

Г. Сорокинъ [416]) пишетъ, что Зыряне устроиваютъ на мѣстѣ производства охоты шалаши, крытые хвоей и скалою, и съ отверстіемъ для выхода дыму: но это, безъ сомнѣнія, случайность. Очень можетъ быть, что такіе шалаши устроиваются на скорую руку, въ случаѣ надобности, тамъ, гдѣ нѣтъ бревенчатыхъ пывзяновъ. Описывая пывзянъ и щамью, мы слѣдовали г. Арсеньеву, которому не имѣемъ никакого права не вѣрить; такъ какъ онъ наглядно передаетъ даже мелкія подробности устройства ихъ, а къ книгѣ его «Зыряне и ихъ охотничьи промыслы» приложены и рисунки этихъ построекъ.

Помѣстившись въ одномъ изъ такихъ пывзяновъ, охотники каждый день разсыпаются по окрестностямъ. Съ начала перваго лѣсованья, когда снѣгъ неглубокъ, они охотятся преимущественно на бѣлку, и всегда ходятъ по два вмѣстѣ, потому что, какъ уже выше сказано, одинъ долженъ *выколачивать* животное, а другой—стрѣлять. Въ это время собака необходимый спутникъ охотника. Бѣлка собаки не боится, и, по видимому, любитъ слушать лай ея, и смотритъ на нее, прыгая по нижнимъ вѣтвямъ дерева, но тотчасъ-же прячется на вершинѣ, какъ только замѣтитъ приближеніе охотника. Вечеромъ охотники собираются въ пывзянѣ, гдѣ закусываютъ, очищаютъ убитыхъ звѣрей, парятся и длинные зимніе вечера коротаютъ веселыми разговорами о происшествіяхъ истекшаго дня. — Когда звѣрь въ окрестностяхъ одного пывзяна истребится, партія переселяется въ другой.

Такимъ порядкомъ продолжается охота до тѣхъ поръ, пока не выпадетъ столько снѣгу, что трудно будетъ ходить охотнику и собакѣ рыскать, отыскивая слѣды звѣрей. Тогда первые надѣваютъ пимы и лыжи, собакъ съ собой не берутъ, а ружье носятъ только на случай, если натолкнутся нечаянно на добычу. Ружье замѣняется ловушками.

О пимахъ мы говорили ранѣе [417]).

Лыжи дѣлаются изъ еловыхъ досокъ длиною не болѣе 3-хъ аршинъ, шириною въ четверть, а толщиною по срединѣ, гдѣ утверждается нога, въ $^1/_4$ дюйма, къ бокамъ-же и концамъ еще тоньше. Передніе концы округлены и выгнуты кверху; а средина-къ ногѣ. Послѣдній выгибъ поддерживается оленьими жилами, положенными во всю длину лыжъ, и даетъ имъ удивительную быстроту: стоитъ только давнуть лыжу ногою, чтобы она бы-

---

[414]) См. примѣч. 344.
[415]) См. примѣч. 407.
[416]) См. примѣч. 407.
[417]) См. примѣч. 161.

стро двинулась впередъ. Скользкости лыжъ способствуетъ то, что онѣ снизу подклеиваются *кисами* — шкурою, содранною съ ногъ оленя, шерстью, разумѣется, наружу. Такая подбивка способствуетъ также подъему на горы, потому что шерсть, обращенная концами къ задней части лыжи, не позволяетъ ей катиться назадъ. Края шкуры загибаются на верхнюю сторону лыжи и крѣпко къ ней приклеиваются какою-то особенной мастикой. Посрединѣ дѣлаются ременныя путы, которыми нога укрѣпляется такъ, чтобы не могла скользить назадъ. Подъ ноги кладется толстое бересто, чтобы ни къ лыжамъ, ни къ пимамъ не прилипалъ снѣгъ. Отправляясь въ лѣсъ на лыжахъ, охотникъ беретъ съ собой посохъ, къ нижнему концу котораго прикрѣпляется обручъ съ переплетомъ внутри для того, чтобы онъ не глубоко тонулъ въ снѣгу, а на верхній насаживается желѣзный крючекъ, которымъ, при подъемѣ на горы, цѣпляются за сучья деревьевъ.

Ловушки весьма разнообразны; но всѣ устроиваются съ цѣлью привлечь звѣря на приманку, трогая которую онъ роняетъ на себя какую нибудь тяжесть. Для приманки бѣлокъ употребляются особенные маленькіе красно-желтые грибки, которые запасаются съ осени и присаливаются; куница и россомаха ѣдятъ всякое мясо, даже воронье; соболи любятъ рябчиковъ.

Число ловушекъ у каждаго промышленника бываетъ различно: 100, 200 и доходитъ по словамъ г. Арсеньева, до 600 и 800 [418]); но послѣднія цифры мы считаемъ невѣроятными: одному человѣку физически невозможно въ короткій зимній день, продолжающійся въ Зырянскомъ краѣ какихъ нибудь 5 часовъ, осмотрѣть и, при случаѣ, снова насторожить столько ловушекъ [419]). Желающихъ познакомиться съ подробностями устройства ловушекъ на разныхъ звѣрей и птицъ, мы отсылаемъ къ книгѣ г. Арсеньева: «Зыряне и ихъ охотничьи промыслы,» гдѣ читатель найдетъ и рисунки ихъ.

Когда наступаетъ время возвращенія домой, охотники повѣщаютъ сосѣднія партіи, и, въ назначенный день, всѣ снимаются и пускаются въ обратный путь. Впереди идетъ охотникъ налегкѣ, чтобы проложить *лыжницу* для другихъ; за нимъ идутъ другіе, уже съ остатками провизіи и добычею; а позади всѣхъ, уже по мятой тропѣ, бѣгутъ собаки. По мѣрѣ приближенія къ дому, къ этой толпѣ присоединяются другія партіи, такъ что подъ конецъ образуются изъ нихъ огромные караваны.

Второе лѣсованье производится такимъ-же порядкомъ. Само собой разумѣется, что тогда охотники уже отправляются прямо на лыжахъ.

Разсказывая о порядкѣ производства охоты, мы имѣли въ виду преимущественно охоту на бѣлку. Пріемы стрѣлянья и ловли другихъ звѣрей и птицъ имѣютъ нѣкоторыя особенности.

Бѣлка, какъ мы видѣли, не боится собаки, а *рябчикъ* — напротивъ; даже на пріученыхъ къ домамъ и происшедшія отъ нихъ поколѣнія рябчиковъ собачій лай наводитъ такой испугъ, что они улетаютъ въ лѣсъ. Поэтому и охотятся на нихъ безъ собаки. Охота начинается сперва около самыхъ деревень. Промышленникъ отыскиваетъ выводокъ, т. е. цѣлое семейство рябчиковъ, обыкновенно состоящее изъ 5 или 6 паръ. Такое стадо, при появленіи его, поднимается съ земли и садится на самые нижніе сучья деревьевъ. Охотникъ замѣчаетъ, гдѣ какой рябчикъ сѣлъ, и убиваетъ нѣсколько птицъ, одну вслѣдъ за другою, даже не сходя съ мѣста; потому что онѣ не боятся слабаго звука, производимаго выстрѣломъ зырянской винтовки. Только послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ стадо снимается, летитъ далѣе и разсаживается по деревьямъ уже повыше. Но отыскать его не трудно для опытнаго охотника, такъ какъ рябчики всегда летаютъ по прямому направленію; но нужно имѣть навыкъ и зоркость, чтобы усмотрѣть эту птицу на деревѣ,—такъ она искусно прячется въ вѣтвяхъ. — Охотникъ опять убиваетъ одну или нѣсколько штукъ; опять стадо летитъ далѣе, и съ каждымъ перелетомъ садится выше и выше. Тогда употребляется дудка; разлетѣвшіеся рябчики или откликаются или подлетаютъ на свистъ ея. Покончивъ съ однимъ стадомъ, охотникъ отыскиваетъ другое, и продолжаетъ стрѣльбу до тѣхъ поръ, пока въ ближайшихъ къ селенію лѣсахъ дичь истребится, и тогда уже отправляется далѣе. Кромѣ того, рябчики стрѣляются и тогда, когда при производствѣ охоты на бѣлку, случайно попадаются промышленнику. Они попадаются также въ ловушки, но давленые цѣнятся ниже стрѣляныхъ, почему Зыряне иногда нарочно дѣлаютъ на нихъ отверзтія въ видѣ ранокъ.

Оленей или стрѣляютъ, когда найдутъ гдѣ-нибудь на отдыхѣ, или ловятъ петлями, разставляемыми на тропинкахъ, по которымъ эти животныя имѣютъ привычку проходить. Здѣсь кстати приведемъ въ русскомъ переводѣ зырянскій заговоръ на чужія петли, чтобы олени въ нихъ не попадали:

---

[418]) См. по примѣч. 387.

[419]) Мы не знаемъ, какимъ порядкомъ осматриваютъ свои ловушки зырянскіе охотники; но, вѣроятно, онъ тотъ-же, что въ сосѣдственныхъ съ Зырянскимъ краемъ русскихъ уѣздахъ Вологодской губерніи. Здѣсь, именно въ Никольскомъ уѣздѣ, мы имѣли случай сопутствовать одному охотнику, при обходѣ имъ своего *путика*. Путикомъ тамъ называется одному охотнику извѣстная тропа или, точнѣе, направленіе, по которому расположена система его ловушекъ. Близь первой ловушки, на какомъ нибудь деревѣ, пнѣ и т. п., онъ дѣлаетъ составляющій его секретъ знакъ, который указываетъ, по какому направленію нужно идти къ слѣдующей западнѣ; здѣсь онъ повторяетъ тоже и т. д. Слѣдуя по этимъ знакамъ, по видимому по произвольной ломанной линіи, онъ обходитъ всѣ свои ловушки, и наконецъ выходитъ къ тому мѣсту, съ котораго началъ осмотръ. При такомъ порядкѣ, осмотръ ловушекъ идетъ, конечно, очень скоро; но, не смотря на то, послѣднія цифры г. Арсеньева мы продолжаемъ считать преувеличенными.

«Олень, олень! Ты не бѣги!— И олень не бѣжитъ. «Веревка, веревка! Ты не дави!— И веревка не давитъ. «Мышка, мышка! Не грызи веревки!—И мышка не грызетъ. «Кошка, кошка! Задави мышку!— И кошка не давитъ. «Дымъ, дымъ! Задуши кошку!— И дымъ не душитъ. «Огонь, огонь! Сожги дымъ!— И огонь не сжетъ. Вода, «вода! Погаси огонь!— И вода не гаситъ» [420]).

Самый выгодный и вмѣстѣ съ тѣмъ самый трудный способъ охоты на оленей-*гоньба*.— Для этого сговариваются нѣсколько человѣкъ. Они отыскиваютъ тропу, по которой животныя ходятъ на водопой. Надобно замѣтить, что олени всегда водятся семействами и любятъ общество, почему иногда нѣсколько семействъ соединяются въ одно стадо. Стада эти всегда ходятъ вереницами по одной, разъ проложенной тропѣ. По той-же тропѣ, по которой ходятъ лѣтомъ, они продолжаютъ ходить и осенью и зимой, и такимъ образомъ снѣгъ, исподволь выпадающій, утаптывается, и эта тропа зимою становится единственнымъ путемъ посреди глубокихъ рыхлыхъ снѣговъ. Два охотника, въ значительномъ одинъ отъ другаго разстояніи, прячутся около тропы въ снѣгу. Какъ только стадо пройдетъ мимо одного изъ нихъ по направленію къ другому, первый становится на тропу и подаетъ сигналъ другому. Олени кидаются въ сторону, въ глубокій снѣгъ. Первый изъ нихъ грудью пролагаетъ путь другимъ, которые вереницей слѣдуютъ за нимъ, до тѣхъ поръ, пока онъ выбьется изъ силъ и упадетъ. Тогда остальные перескакиваютъ черезъ него, и онъ становится послѣднимъ и бѣжитъ уже по умятой тропинкѣ. Когда устаетъ новый передовой, также падаетъ, также черезъ него перескакиваютъ другіе и т. д. Между тѣмъ охотники несутся за стадомъ на лыжахъ, не давая бѣднымъ животнымъ ни отдыху, ни времени, чтобы подкрѣпить силы пищей; они сбрасываютъ съ себя даже лишнюю одежду и остаются въ однѣхъ рубашкахъ, чтобы легче преслѣдовать добычу, а слѣдующій за ними сзади подбираетъ брошенное. Олени больше и больше устаютъ, чаще и чаще падаютъ передовые; наконецъ одинъ за другимъ совсѣмъ отстаютъ отъ стада, и падаютъ подъ выстрѣлами бѣгущихъ по пятамъ охотниковъ.— Такимъ образомъ истребляется иногда цѣлое стадо. Если стадо велико, то гоньба продолжается не одинъ день.— Какимъ образомъ согрѣваются охотники на морозѣ въ ожиданіи товарища съ подобраннымъ ихъ платьемъ, мы уже говорили выше [421]). Здѣсь замѣтимъ только, что въ подобныхъ случаяхъ иногда они ложатся на теплые трупы только что убитыхъ животныхъ.

Гоньба производится преимущественно передъ весной, когда образуется на снѣгу настъ, который легко держитъ охотниковъ на лыжахъ и не поднимаетъ оленей, и послѣдніе сверхъ того, изрѣзывая объ него ноги, ослабѣваютъ, вслѣдствіе истеченія крови и боли.

Изъ различныхъ способовъ *охоты на медвѣдей*, мы упомянемъ только объ одномъ, такъ какъ всѣ остальные употребляются не въ одномъ Зырянскомъ краѣ. Найдя медвѣжью берлогу, охотники отыскиваютъ, по разнымъ примѣтамъ, скважину, которая образуется въ снѣгу отъ дыханія звѣря; нарубаютъ множество вершинъ съ елей и пихтъ длиною въ сажень, и вбиваютъ ихъ въ скважину комлемъ впередъ; разсерженный звѣрь хватаетъ одну вершину за другой, втаскиваетъ ихъ къ себѣ, а вытолкнуть не можетъ; стѣснивъ себя такимъ образомъ, онъ начинаетъ ревѣть; по реву, узнаютъ, гдѣ онъ лежитъ; продалбливаютъ надъ нимъ отверстіе, и убиваютъ изъ ружей или рогатинами [422]).

Противъ *лисицъ*, когда нападутъ на ихъ слѣды, употребляютъ отраву, но съ крайними предосторожностями, чтобы обмануть хитрое животное. Для этого разбрасываютъ кусочки тухлаго мяса, отравленные челибухой или сулемой. Послѣдняя дѣйствуетъ лучше; потому что скорѣе производитъ изверженія, по которымъ и отыскиваютъ звѣря [423]).

Весною, также по слѣдамъ, отыскиваютъ лисьи гнѣзда, берутъ лисенятъ и выкармливаютъ ихъ дома, пока они малы-молокомъ, а когда подростутъ-всякой падалью. Впрочемъ, когда лисята, по извѣстнымъ Зырянамъ примѣтамъ, окажутся хорошей породы, то ихъ кормятъ и мясомъ. Не смотря на то, шкуры выкормковъ всегда хуже шкуръ дикихъ лисицъ [424]). Ихъ убиваютъ около Рождества.

Заключаемъ настоящую главу слѣдующими соображеніями о доходѣ, получаемомъ Зырянами отъ звѣриныхъ и птичьихъ промысловъ.—По нашему мнѣнію, бѣлокъ и рябчиковъ добывается minimum по 1,000,000 штукъ. Цѣна 1,000 первыхъ по 70 р., а послѣднихъ по 125 р.; получимъ 195,000 р., а прибавляя къ этой суммѣ половину ея, какъ стоимость прочихъ звѣрей и птицъ, какъ-то: горностаевъ, куницъ, оленей, лисицъ, медвѣдей, куропатокъ, тетерь и др., цѣнность всѣхъ промысловъ достигнетъ до 300,000 р.

---

[420]) Волог. Губ. Вѣд. 1853 г, № 33: «Разнообразная ловля оленей и предразсудокъ Зырянъ», г. С. Мельникова.

[421]) См. противъ примѣч. 342. Отсталаго охотника иногда приходится дожидатся часовъ по 20 (См. по примѣч. 387).

[422]) См. по примѣч. 387 стр. 49 и 50.

[423]) Тамъ-же.

[424]) Волог. Губ. Вѣд. 1856 г. № 45: «Разныя извѣстія», г. П. Сорокина.

ГЛАВА XIV.

РЫБОЛОВСТВО И ДРУГІЕ ПРОМЫСЛЫ.

Стерлядь.—Семга.—Способы рыбной ловли: въ заплеты кужами; врыленами; два способа ловли въ курьяхъ.—Ловля сырномъ.—Разные другіе промыслы: разработка Брусяной горы; разныя работы на заводахъ; доставка дровъ для Сереговскаго завода; судостроеніе и бурлачество; заработки въ Петербургѣ; лѣсопромышленность; ремесла.

Безчисленное множество зырянскихъ рѣкъ, рѣчекъ и озеръ, изобилующихъ весьма разнообразными породами рыбъ, уже обусловливаетъ значительное развитіе рыболовства, тѣмъ болѣе, что тамошняя рыба отличается и величиною, и вкусомъ, особенно печорская. Лохъ достигаетъ иногда 5 пуд., щука—3 п., нельма, шипъ и налимъ—1 п., лещи—20 ф., семга—1 п. 20 ф. [425]). Въ 1852 г. была поймана семга въ 2 п. 15 ф. [426]). Достоинство печорской семги всѣмъ извѣстно. Г. Арсеньевъ утверждаетъ, что вычегодская стерлядь лучше волжской [427]).

До 1845 г. въ рѣкахъ сѣверодвинскаго бассейна *стерляди* во все не было. Полагаютъ, что она появилась здѣсь послѣ закрытія Сѣвероекатерининскаго канала, посредствомъ котораго соединялась Вычегда съ Камою, и надобно думать, что ей понравилось новое мѣсто жительства, потому что она съ удивительною быстротою распространилась по всему теченію Вычегды, Сѣв. Двины и по Сухонѣ, чуть не до самаго Кубенскаго озера, т. е. считая по возможно прямому водному пути, на 1,500 верстъ. Другіе говорятъ, что въ Вычегдѣ развелъ стерлядь извѣстный въ свое время яренскій охотникъ—рыболовъ А. В. Клеопатровъ. И то и другое намъ не кажется невѣроятнымъ Однако-же мы знаемъ, что г. Клеопатровъ не дожилъ до времени распространенія стерляди въ Двинской системѣ. Въ 1850 г. въ Устюгѣ маломѣрныя рыбы этой породы продавались дешевле всякой другой. Но послѣ того въ Сухонѣ она стала переводиться, и теперь уже рѣдко попадается даже близъ Устюга. Собственно въ Зырянскомъ краѣ она водится преимущественно въ Вычегдѣ; даже въ большомъ притокѣ этой рѣки Сысолѣ ея нѣтъ, не смотря на то, что сысольская вода чище и свѣтлѣе вычегодской.—Г. Богдановъ пишетъ [428]), будто стерлядь ловится въ Печорѣ; но мы убѣждены, что онъ ошибается. Появленіе этой дорогой рыбы Зыряне встрѣтили съ неудовольствіемъ: они считали ее нечистою; приписывали ей распространеніе лихорадокъ и уменьшеніе другихъ породъ. Они не умѣли ее и ловить, до тѣхъ поръ, пока одинъ, возвратившійся на родину, если не ошибаемся, изъ Казани солдатъ, не объяснилъ имъ цѣнности рыбы и устройства самолововъ. Устьсысольскій купецъ Н. А. Поповъ, воспользовавшись огромною разницею въ цѣнахъ на эту рыбу на мѣстѣ и въ Петербургѣ, сталъ закупать ее и отправлять въ столицу чрезъ каналъ герцога Александра Виртембергскаго, въ особаго устройства судахъ съ двойнымъ дномъ, изъ коихъ на нижнемъ дѣлаются прорѣзы, и между обоими помѣщается рыба. Попытка г. Попова увѣнчалась неожиданнымъ успѣхомъ: товаръ его дошелъ до Петербурга безъ всякой потери. Поэтому отправка стерляди въ Петербургъ продолжается и теперь, хотя цѣны на нее на мѣстѣ сильно возвысились. Въ Устьсысольскѣ напр. сперва фунтъ ея продавался по 2 коп. [429]); въ 1857, мы въ Яренскомъ уѣздѣ покупали по 30 коп.; а въ 1865 г., по словамъ г. Арсеньева, цѣна дошла до 75 коп. [430]). Мы имѣемъ свѣдѣніе о возвышеніи цѣны на стерлядь въ Великомъ Устюгѣ за цѣлое 20—лѣтіе, начиная съ 1853 г. Въ 1853 г. она продавалась тамъ по $4^1/_2$ коп. за фунтъ, въ 1863—по 55, а въ 1873—по 80 к. (мы беремъ цѣны среднихъ годовъ). Зыряне продаютъ стерлядь не на мѣру, а вѣсомъ,—чѣмъ и пользуются закупщики.

Семга водится во всѣхъ зырянскихъ рѣкахъ; но ловля ея только на Печорѣ, преимущественно въ нижней части и въ большомъ притокѣ этой рѣки Щугорѣ, составляетъ

---

425) Тамъ-же и см. примѣч. 413.
426) См. по примѣч. 387 стр. 15.
427) Тамъ-же.
428) См. примѣч. 393.
429) См. примѣч. 426.
430) Тамъ-же.

предметъ самостоятельнаго промысла. Нельзя не пожалѣть, что эту рыбу дурно солятъ. Чрезвычайно жирная, она требуетъ много соли; но рыбаки жалѣютъ столь недорогаго продукта, потому что покупатели вѣсятъ товаръ безъ разсола. Только поэтому во внутреннихъ губерніяхъ сложилось убѣжденіе, что лучшая семга—двинская, и Москвичи, напримѣръ, ѣдятъ, вмѣсто семги, лососину, да еще прихваливаютъ. Впрочемъ, большую часть улова вымѣниваютъ чердынскіе купцы на хлѣбъ и разные другіе предметы, и распродаютъ его въ приуральскихъ губерніяхъ, а остальное количество продается на Важской и Устьсысольской ярмаркахъ, а также на Пинежской (Архангельской губерніи).

Вывозятся также изъ Зырянскаго края и другія рыбы—замороженыя: чиры, пеляди, пельмы, сиги, щуки, окуни и т. п.; но мы не знаемъ выходятъ-ли онѣ за предѣлы Вологодской губерніи. Впрочемъ едвали; такъ какъ вкуснѣйшія изъ нихъ—чиры и пеляди даже въ Вологдѣ рѣдкость, а пельми, сиги и пр. тамъ есть и свои. Доходность рыбнаго промысла, мы не рѣшаемся опредѣлить даже приблизительно; и замѣтимъ только, что онъ упадаетъ, но не смотря на то на мѣстѣ рыба очень дешева: семга напр. продается по 2 р. 50 к. и по 3 р. за пудъ [431]).

Послѣ звѣроловства и птицеловства рыбачество составляетъ самое любимое занятіе Зырянъ, и они столь-же искусные рыболовы, какъ и охотники. Способы ловли чрезвычайно разнообразны и часто весьма замысловаты. Мы не будемъ говорить о тѣхъ изъ нихъ, которые употребляются и въ другихъ мѣстахъ, напр. ловля неводомъ (семга главнымъ образомъ попадается въ невода), самоловами (стерлядь) и т. д.; но распространимся о тѣхъ, которые, какъ намъ кажется, существуютъ только въ Зырянскомъ краѣ.

Ловля рыбы производится главнымъ образомъ весною. Только стерлядь и семга составляютъ исключеніе: первая ловится преимущественно въ межень, а послѣдняя, когда, выметавъ въ рѣкахъ икру, спускается въ море, тоже въ Іюлѣ и Августѣ [432]).

Еще съ осени, по склонамъ рѣчекъ и ручьямъ, въ лугахъ и оврагахъ, заливаемыхъ весеннею водою, дѣлаются огороды изъ тонкихъ прутьевъ, въ переплетъ. Эти огороды всегда имѣютъ видъ ломанной линіи, въ каждомъ изломѣ которой оставляется окошко, и въ каждое окошко ставятся *кужи*, т. е. надѣтыя на кувшинообразный остовъ изъ прутьевъ мережи. Кужи опускаются въ воду, когда начнется ходъ рыбы изъ рѣки и при томъ такъ, что одни изъ нихъ горлами обращены къ рѣкѣ, а другіе—напротивъ. Такимъ образомъ въ нихъ попадается и та рыба, которая поднимается изъ рѣки, и та, которая спускается въ нее. Этимъ способомъ ловится только крупная рыба: лещи, чиры, сиги, пельмы, язи, щуки и окуни; потому что ячеи мережи вяжутся величиной по вершку въ квадратѣ. Это называется ловля *въ заплеты кужами*.

Въ Зырянскомъ краѣ большія рѣки весною образуютъ заливы, называемые *курьями*. Въ такія курьи спускаются *крылены* или *крылачи*, Это—двугорлые мережи, у которыхъ каждое горло имѣетъ *приполки*, которыя растопыриваются, надѣваясь на большія дуги. Крылены опускаются въ воду или съ камнемъ, или притыкаются ко дну шестиками.

Есть курьи, имѣющія очень узкія устья, черезъ которыя заливается въ нихъ рѣчная вода. Когда вода начнетъ сбывать, рыболовы запираютъ выходы изъ такихъ заливовъ въ рѣку заранѣе приготовленными ширмами изъ тоненькихъ дранокъ, перевязанныхъ мочалами и съ заостренными книзу концами. Такимъ образомъ выходъ изъ курьи почти мгновенно запирается, и рыба въ ней дочиста вылавливается неводами.

Если курья скатывается въ рѣку русломъ какой нибудь рѣчки; то, вмѣсто ширмъ, устье ея запирается тычинами, вбиваемыми такъ, чтобы вершины ихъ были наклонены въ сторону рѣки, и съ этой стороны подпираются упорами. На тычки надѣвается мережа. Такимъ способомъ иногда въ одной курьѣ налавливается по 150 пудъ въ разной рыбы.

Въ теченіе всего лѣта ловятъ рыбу *сырпомъ*. Это—плавительная мережа сажень въ 30 длины и отъ 3 до 4 с. ширины. Она двойная: затылочная часть ея частая, а передняя—рѣдкая.—Сырпъ плавится по теченію воды, обыкновенно рано утромъ, при чемъ соблюдается самая глубокая тишина. Выбирать его изъ воды начинаютъ, когда рыбаки почувствуютъ, что рыба въ немъ уже запуталась. Этимъ способомъ ловится исключительно крупная рыба, какъ наприм. пельма [433]).

Рыболовство, хотя не такъ прибыльно, какъ звѣриные и птичьи промыслы, однако имъ занимаются всѣ Зыряне.

Теперь мы обращаемся къ тѣмъ промысламъ, которые составляютъ занятіе населенія отдѣльныхъ мѣстностей, и сообщимъ объ нихъ только краткія свѣдѣнія.

Крестьянамъ Троицко-Печорскаго и Устьнемо-Мыелдинскаго обществъ предоставлено исключительное право разработки Брусяной горы. Эта гора отдается въ арендное содержаніе стороннему лицу, которое одну половину заработываемой мѣстными Зырянами платы вноситъ въ казначейство, въ уплату за нихъ податей, а другую—выдаетъ имъ на руки. Работы продолжаются цѣлое лѣто; такъ что крестьяне перебираются на все время производства ихъ изъ своихъ селеній на гору. Рабочихъ бываетъ до 350 человѣкъ, изъ которыхъ каждый выручаетъ до

---

431) Тамъ-же.

432) См. примѣч. 387 стр. 5.

433) Тамъ-же стр. 9—14.

18 руб. деньгами и сверхъ того получаетъ готовое содержаніе, рублей на 12.—Брусья и точила сплавляются въ Пермскую губернію [434]).

Довольно значительныя выгоды доставляли прежде Сысольскимъ Зырянамъ подвозка руды, сженіе угля и т. п. для Кажимскихъ желѣзодѣлательныхъ и чугуноплавильныхъ заводовъ; потомъ эти заводы перестали было дѣйствовать, но слышно, что нынѣ они снова пущены въ ходъ.

Вымскіе Зыряне занимаются рубкою и доставкою дровъ для Сереговскаго солевареннаго завода. Замѣчательно, что дровяные плоты съ верхней части рѣки спускаются безъ проводниковъ; но на нихъ кладутся мѣтки. На заводѣ плоты перенимаются заводскими служителями, а поставщики получаютъ разсчетъ послѣ, по мѣткамъ.

Еще больше выгодъ получаютъ Зыряне, особенно лузскіе, отъ постройки, нагрузки и сплава судовъ. Суда эти главнымъ образомъ сплавляются въ Ношульской и Вымско-быковской пристаней, находящихся на р. Лузѣ. Здѣсь грузится иногда болѣе 100 большихъ барокъ, требующихъ до 6,000 рабочихъ. На Сереговскомъ заводѣ (на р. Выми) грузится до 20 судовъ соли, требующихъ до 100 рабочихъ, и около того въ Устьсысольскѣ и другихъ мелкихъ мѣстахъ нагрузки. Кромѣ того, множество Зырянъ отправляется бурлачить на Вологодскую и другія пристани.—По нашимъ соображеніямъ, эта статья заработковъ приноситъ до 100,000 рублей валоваго заработка [435]). Надобно замѣтить, что Вологда отъ ближайшаго Зырянскаго селенія находится болѣе, чѣмъ въ 700 верстахъ. Изъ этого видно съ какимъ трудомъ Зыряне заработываютъ средства къ существованію.

Многіе Зыряне отправляются на заробтки въ Петербургъ, гдѣ, говорятъ, зырянская прислуга славится своей честностью и потому цѣнится. Въ этой столицѣ многіе изъ нихъ работаютъ въ типографіяхъ.

Лѣсопромышленность, т. е. смолокуреніе, дегтекуреніе, сажекопченіе и т. п. могли-бы приносить огромныя выгоды населенію края, особенно при удобствѣ и дешевизнѣ сплава лѣсныхъ издѣлій къ Архангельску; но этотъ родъ промышленности началъ приниматься лишь въ послѣднее время, и притомъ въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ. Сплавъ строеваго лѣса, въ сравненіи съ громадностью превосходныхъ лѣсовъ, столь ничтоженъ, что не заслуживаетъ упоминанія.

Ремесленной промышленности, произведенія которой служили-бы предметомъ сбыта на сторону, вовсе не существуетъ, за исключеніемъ нехитрыхъ издѣлій изъ доманика, которыхъ выпускается лишь на нѣсколько рублей.

ГЛАВА XV.

ТОРГОВЫЯ СНОШЕНІЯ ВЪ ЗЫРЯНСКОМЪ КРАѢ.

Торговые капиталы.—Лавочная торговля.—Торжки.—Ярмарки.—Чердынскіе купцы.—Развозная торговля.—Коммисіонеры.—Мѣстные кулаки.

Сообщивъ свѣдѣнія о естественныхъ богатствахъ Зырянскаго края, какъ эксплуатируемыхъ, такъ и ожидающихъ эксплуатаціи, а также о количествѣ и качествѣ рабочихъ силъ, которыя направлены, или могутъ быть направлены къ разработкѣ этихъ богатствъ,—обращаемся къ торговлѣ.

Размѣръ торговыхъ оборотовъ прежде всего опредѣляется массой *капиталовъ*. По оффиціальнымъ, на этотъ разъ безъ сомнѣнія точнымъ свѣдѣніямъ, по Устьсысольскому уѣзду въ 1864 году выдано торговыхъ свидѣтельствъ: 1-й гильдіи—одно; 2-й гильдіи, въ 25 рублей,—30; на мелочной торгъ, въ 8 руб.—151 и на мѣщанскіе промыслы, въ 2 руб. 50 коп.—9 [436]). Это цифры старыя, но онѣ не могли чувствительно измѣниться, и по нимъ, во всякомъ случаѣ, можно судить о ничтожности мѣстной торговли. По Яренскому уѣзду мы не имѣемъ цифръ, относящихся собственно къ зырянской части его.

О незначительности *лавочной торговли* можно судить потому, что въ Устьсысольскѣ съ населеніемъ въ 3,500 душъ считается только 18 кое-какихъ лавокъ [437]), да и тѣ не постоянно открыты. Въ другомъ городѣ,

---

[434]) Волог. Губ. Вѣд. 1859 г. № 47: «Брусяная гора въ Устьсысольскомъ уѣздѣ».

[435]) См. примѣч. 273.

[436]) Памят. книжк. Волог. губ. на 1865 и 1866 г. см. таблицу: «Число выданныхъ въ 1864 г. торговыхъ свидѣтельствъ».

[437]) Тамъ-же: таблица. «Число торговыхъ лавокъ».

Яренскѣ, находящемся близь самой границы Зырянскаго края, только одна постоянно открытая лавка.

Въ праздники бываютъ при нѣкоторыхъ сельскихъ церквахъ *торжки*; но на нихъ продаются лишь крестьянскія лакомства на не многіе рубли [438]).

Ярмарокъ въ обоихъ зырянскихъ уѣздахъ, Устьсысольскомъ и Яренскомъ, считая и русскую часть послѣдняго, 11; на нихъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, привозится товаровъ на 262,000 р. и продается на 150,000 р. Цифры эти, конечно, гадательныя, а, вѣрнѣе сказать, выставленныя на обумъ; но онѣ все-таки позволяютъ сдѣлать заключеніе, что и ярмарки далеко не соотвѣтствуютъ потребностямъ края, тѣмъ болѣе, что большая часть ихъ главнымъ образомъ служитъ для сбыта мѣстныхъ произведеній, а на самую важную Вашкинскую привозятся мѣха, дичь и рыба не только изъ большей части Зырянскаго края, но и изъ Сибири, какъ напримѣръ мороженая осетрина, и являются Самоѣды съ стадами оленей и продуктами оленеводства [439]). Вообще надобно замѣтить, что зырянскія ярмарки очень мало служатъ для снабженія мѣстнаго населенія привозными товарами и не много болѣе для сбыта туземныхъ; а продажа и покупка производятся здѣсь особыми способами, о которыхъ мы и скажемъ нѣсколько словъ.

Печорскую часть Зырянскаго края снабжаютъ всѣмъ нужнымъ чердынскіе купцы, которые каждую весну являются сюда съ нѣсколькими десятками каюковъ, нагруженныхъ мукой, желѣзомъ, чугуномъ, свинцомъ, краснымъ товаромъ и пр., и отправляются въ обратный путь съ семгой, точилами и брусьями съ Брусяной горы и т. п.—Само собой разумѣется, что весьма немногіе Печорцы имѣютъ столько наличныхъ денегъ, чтобы закупить у наѣзжихъ торговцевъ годовую пропорцію всего, что имъ нужно, и по этому прибѣгаютъ къ посредству мѣстныхъ кулаковъ, о которыхъ сейчасъ мы будемъ говорить особо.

Въ другія части Устьсысольскаго уѣзда въ недавнее время одинъ купецъ сталъ посылать своихъ прикащиковъ преимущественно съ краснымъ товаромъ. Останавливаясь въ разныхъ селеніяхъ только на время, эти торговцы продаютъ свой товаръ всегда на наличныя деньги.

Для закупки произведеній мѣстной промышленности разъѣзжаютъ по деревнямъ коммисіонеры и прикащики разныхъ торговыхъ домовъ. Закупкой ржи, овса, льна, телячьихъ и другихъ шкуръ въ Сысольской и Лузской частяхъ Зырянскаго края занимаются преимущественно повѣренные архангельскихъ купеческихъ конторъ; но и они имѣютъ дѣла не съ непосредственными производителями, а опять съ тѣми-же кулаками.

Кулаками мы называемъ маленькихъ капиталистовъ, которые встрѣчаются почти во всякой деревнѣ, и которые на наличныя деньги закупаютъ запасы всего нужнаго въ семейномъ и охотничьемъ быту Зырянина, для раздачи нуждающимся въ долгъ, съ тѣмъ, чтобы ссуда была возвращена продуктами охоты, рыболовства и т. д. Само собой разумѣется, что кулакъ своему товару, давая его въ долгъ, назначаетъ высокую цѣну, а товаръ промышленника принимаетъ въ уплату по самой низкой. И ничто не ограничиваетъ произвола ростовщика: обходя его, негдѣ взять, напр. охотнику, пороху, провизіи и пр., а если и есть гдѣ, то нужны деньги, трата дорогаго времени.—Такимъ образомъ, у подобныхъ кулаковъ сосредоточиваются всѣ произведенія мѣстной промышленности, и уже отъ нихъ поступаютъ въ руки иногородныхъ крупныхъ торговцевъ,— всегда за наличныя деньги.

Изъ сказаннаго, кажется, можно-бы было заключить, что между Зырянами должны встрѣчаться значительные капиталисты; но на самомъ дѣлѣ этого мы не видимъ. Во первыхъ, кругъ дѣятельности каждаго изъ зырянскихъ кулаковъ весьма ограниченъ, а во вторыхъ они и сами неспособны расширить свои обороты. Зырянскій торгашъ никогда не торгуетъ иначе, какъ на наличныя, и не рискуетъ всѣмъ своимъ капиталомъ: онъ копитъ деньги, а не торгуетъ; онъ не купецъ, а ростовщикъ, и даже не ростовщикъ, а скряга, который, даже подъ вѣрное обезпеченіе, не выпускаетъ всей своей наличности [440]).

---

438) См. примѣч. 387.

439) Волог. Губ. Вѣд. 1849 г. № 21: «Стат. опис. Яренскаго уѣзда», г. П. Протопопова. Удивительно дешево продается на Вашкинской и Пинежской ярмаркахъ сибирская (обская) осетрина. Мы не знаемъ точно, почемъ забираютъ ее тамъ московскіе и другіе торговцы, но о дешевизнѣ ея можно судить потому, что наприм. въ Вельскѣ, значитъ уже изъ вторыхъ рукъ, мы въ 1860-хъ годахъ покупали ее по 5 рубл. за пудъ съ икрой, клеемъ и отчасти вязигой. По такой же цѣнѣ она продавалась въ то время и въ Вел. Устюгѣ. Столь низкую цѣну объясняли дешевизною доставки этой рыбы изъ Сибири на оленяхъ. Впрочемъ цѣны на осетрину теперь сильно возвысились, неизвѣстно по какой причинѣ: въ 1873 г. въ Устюгѣ она уже продавалось по 17 р. за пудъ.

440) Свѣдѣнія о сельской торговлѣ въ Зырянскомъ краѣ переданы по запискамъ покойнаго П. Кокшарова г. Арсеньевымъ (см. по примѣч. 387).

ГЛАВА XVI.

ОБЩІЕ ВЫВОДЫ ИЗЪ ПРЕДЪИДУЩАГО.

Мы кончили свой трудъ. Приступая къ нему, въ предисловіи мы опредѣлили цѣль его: тамъ мы сказали, что предприняли его съ тѣмъ, чтобы, по возможности, сдѣлать достояніемъ литературы всѣ тѣ свѣдѣнія о природѣ Зырянскаго края и свойствахъ его обитателей, которыя, по существу своему, преходящи и, вслѣдствіе того, могутъ безслѣдно пропасть для науки. Къ числу этихъ недолговѣчныхъ свѣдѣній мы отнесли и заключающіяся въ болѣе или менѣе обширныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ уцѣлѣвшихъ №№ неоффиціальной части «Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; но не упомянули, что приняли за правило строго-критически относиться къ этому литературному матеріалу, хотя и думали, и теперь продолжаемъ думать, что очистка его отъ грѣховъ вольныхъ и невольныхъ должна имѣть въ глазахъ будущаго изслѣдователя, отрицательное, но не маловажное значеніе; тѣмъ болѣе, что никто, кромѣ насъ, по обстоятельствамъ, само собой разумѣется случайнымъ и не отъ нашей воли зависѣвшимъ, не имѣетъ столько, какъ мы, возможности исполнить такую задачу. Мы много лѣтъ близко стояли къ редакціи названной выше губернской газеты и лично знали большую часть ея сотрудниковъ и корреспондентовъ на столько, чтобы безошибочно судить о ихъ человѣческихъ и писательскихъ наклонностяхъ, что получаетъ особый вѣсъ въ виду непосредственнаго знакомства нашего съ цѣлою Вологодскою губерніею.

Въ предисловіи къ своему труду мы заявили также, что далеки отъ мысли написать всестороннее, округленное изслѣдованіе, а намѣрены обработать лишь часть, правда значительную, *матеріаловъ* для будущаго изслѣдователя края и его населенія. Поэтому, излагая факты, мы сами старались стоять въ сторонѣ, и позволяли себѣ высказывать свои собственные взгляды на тотъ или другой отдѣльный предметъ и предлагать вниманію читателей собственныя наблюденія лишь тогда, когда нужно было пополнить пробѣлы въ источникахъ, исправить невѣрныя свѣдѣнія, или заявить сомнѣніе въ достовѣрности нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такимъ образомъ нигдѣ въ своемъ сочиненіи мы не высказали собственного цѣльнаго взгляда на предметъ своей монографіи. Изъ этого однако же не слѣдуетъ заключать, что мы не выработали такого взгляда. Изложенію его посвящаемъ настоящую главу.

Не станемъ возвращаться къ содержанію начальныхъ главъ нашего сочиненія, посвященныхъ прошедшему Зырянъ; такъ какъ въ этихъ главахъ несравненно болѣе, чѣмъ во всѣхъ послѣдующихъ, и почти исключительно, мы излагали собственный взглядъ на предметъ. Теперь-же, и прежде всего, сдѣлаемъ безпристрастную оцѣнку естественныхъ богатствъ Зырянскаго края.

Начиная VII главу своей монографіи, мы указали два извѣстныя намъ и совершенно одно другому противорѣчащія воззрѣнія на богатства природы Зырянскаго края: одни наблюдатели, которыхъ мы, для краткости, будемъ далѣе называть пессимистами, смотрятъ на этотъ край, какъ на страну, до крайности бѣдную и даже впереди не имѣющую права ожидать лучшаго; а другіе, которыхъ будемъ называть оптимистами, восторгаются его несмѣтными богатствами и обѣщаютъ великолѣпную будущность. Оба эти воззрѣнія отчасти ошибочны; такъ какъ оба они, хотя и добросовѣстны, но равномѣрно непрактичны. Взглянемъ на предметъ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ.

Оптимисты, убѣжденія которыхъ очень долго раздѣляли, а можетъ быть и теперь раздѣляютъ, подлежащія губернскія и иныя власти, главнымъ образомъ напираютъ на ископаемыя богатства края: на золото, серебро, мѣдь, желѣзо, нефть, и т. п. За такія воззрѣнія многіе изъ нихъ поплатились трудомъ, нѣкоторые—капиталами, болѣе или менѣе значительными, а одинъ—разсудкомъ.

Мы исчислили въ VII главѣ существующія дѣйствительно и въ воображеніи оптимистовъ ископаемыя богатства. При этомъ мы видѣли, что: 1) *Золото* на Печорѣ можетъ быть есть, а можетъ быть нѣтъ; скорѣе же всего нѣтъ, такъ какъ, несмотря на нѣсколько болѣе или менѣе энергическихъ попытокъ отыскать этотъ благородный металлъ, не найдено ни одной крупинки его, да и слуховъ о томъ до сихъ поръ нѣтъ, впрочемъ теперь, кажется, и самое золотоискательство прекратилось; 2) *Серебро*—тоже. О существованіи его носятся только слухи, быть можетъ, основанные на превратно истолкованныхъ фактахъ. Никто изъ лицъ, сообщившихъ такіе слухи, самъ не видалъ серебра ни въ рудѣ, ни въ самородкахъ. Въ 1850-хъ годахъ кричали-же въ Вологдѣ и заводили оффиціальную переписку о несмѣтномъ количествѣ богатѣйшей въ мірѣ золотой руды, которая въ концѣ концовъ оказалась мѣдными колчеданами. 3) *Мѣдь* несо-

мнѣнно есть; но надобно еще разрѣшить вопросъ, стоитъ-ли она разработки? Оптимисты ухватываются за тотъ фактъ, что еще при Иванѣ Васильевичѣ III этотъ металлъ добывался на Печорѣ, а по нашему мнѣнію такой фактъ прежде всего свидѣтельствуетъ о бѣдности руды: иначе не для чего было-бы прекращать разработку ея. 4) *Желѣзо* также есть. Существуютъ даже такъ называемые Кажимскіе чугуноплавильные и желѣзодѣлательные заводы, изъ которыхъ, впрочемъ, только три, и притомъ самые незначительные, а именно: Кажимскій, Нючпасскій и Нювчимскій находятся въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, а важнѣйшіе: Кирсинскій и Песковскій — въ Вятской губерніи. Но и эти заводы обязаны своимъ основаніемъ искуственнымъ административнымъ мѣрамъ, т. е. поссессіонному праву; и не смотря на то, что въ концѣ 1850-хъ годовъ ихъ пріобрѣлъ извѣстный капиталистъ Бенардаки, заплатившій за нихъ огромную сумму (около 800,000 рублей.), и, слѣдовательно, имѣвшій и желаніе, и средства поддержать ихъ,—будущность ихъ сомнительна. Между тѣмъ кажимское желѣзо высоко цѣнится по своимъ качествамъ. Существовавшая когда то въ Яренскомъ уѣздѣ выдѣлка желѣза прекратилась, какъ и разработка мѣдной руды на Печорѣ. 5) *Антрацитъ* и *каменный уголь* конечно есть; но это наслѣдство, которымъ могутъ воспользоваться лишь отдаленные наши потомки. 6) *Графитъ* найденъ на Вотчѣ; но ни качества, ни степень изобилія этого ископаемаго не обслѣдованы. 7) *Точильный камень*, какъ мы видѣли, приноситъ самую скудную пользу самому незначительному числу лицъ. 8) *Нефть* до сихъ поръ не оправдывала ожиданій ея эксплоататоровъ. 9) *Соль*, вывариваемая на одномъ Сереговскомъ заводѣ, также, какъ и точильный камень, доставляетъ скудные заработки лишь окрестному населенію. Не будемъ продолжать и безъ того довольно длиннаго перечня Зырянскихъ ископаемыхъ, которыя не эксплоатируются и неизвѣстно, будутъ-ли когда нибудь эксплоатироваться. Изъ поименованныхъ сейчасъ и наиболѣе бросающихся въ глаза ископаемыхъ только три разработываются, именно: желѣзо, соль и точильный камень, отъ чего получается, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, не болѣе, а въ случаѣ исключительнаго счастія, немного болѣе 200,000 р. валоваго дохода. Если изъ этой суммы вычесть доходы капиталистовъ, владѣющихъ заводами, и арендатора Брусяноточильной горы, а также казенныя пошлины и т. п.; то увидимъ, какъ мало выгодъ приноситъ населенію края горнозаводская промышленность. Эта истина всего лучше доказывается тѣмъ, что жители тѣхъ селеній, которыя снабжаютъ заводы рабочею силой, не пользуются бо̀льшимъ довольствомъ, чѣмъ остальное населеніе страны, а скорѣе можно сказать, что они болѣе бѣдны.

Мы не считаемъ себя въ правѣ утверждать, что горнозаводская промышленность въ Зырянскомъ краѣ не приметъ когда нибудь большихъ размѣровъ; но твердо убѣждены, что если это и случится, то не скоро, очень не скоро; такъ какъ между Зырянами нѣтъ ни одного сколько нибудь замѣтнаго капиталиста, а прилива капиталовъ извнѣ, въ почти неизвѣстный край, особенно въ виду недавнихъ неудачъ г. Бенардаки (покупка Кажимскихъ заводовъ), В. Н. Латкина (сбытъ за границу Печорскаго лѣса) и М. К. Сидорова (добыча нефти), трудно ожидать: безъ капиталовъ — же разработка Зырянскихъ ископаемыхъ не мыслима. Но пусть явятся капиталы; пусть устроятся новые заводы; откроются пріиски: на долю туземцевъ можетъ достаться только одна черная и неблагодарная работа, и ихъ будутъ эксплоатировать капиталисты наравнѣ съ неорганическими продуктами ихъ родины.

Гораздо болѣе обѣщаютъ растительныя богатства края. Одни чуть не безмѣрные лѣса говорятъ сами за себя; но еще болѣе говорятъ за нихъ рачители пользъ Зырянскаго края. Не смотря на то, этотъ даръ природы въ настоящее время приноситъ еще менѣе пользы, чѣмъ ископаемыя. Нельзя не пожалѣть, что даже такія лица, какъ покойный В. Н. Латкинъ, потратившій столько трудовъ и пріобрѣтенныхъ трудомъ средствъ на благородныя попытки оживить промышленность излюбленной имъ Печоры, еще недавно смотрѣли на эксплоатацію Зырянскихъ лѣсовъ съ невѣрной точки зрѣнія: думали, а, можетъ быть, и теперь кто нибудь думаетъ облагодѣтельствовать Зырянъ, устроивъ въ широкихъ размѣрахъ сбытъ строеваго лѣса за границу. Предположимъ, что такая, пока не удающаяся попытка, удалась-бы. Но, тогда Зыряне какую-бы пользу извлекли для себя изъ лѣсоистребленія?—Отвѣчаемъ: точно такую-же, если не меньшую, какъ и тѣ изъ нихъ, которые теперь доставляютъ топливо для Сереговскаго солевареннаго и Кажимскихъ чугуноплавильныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ, т. е. населеніе края подверглось-бы эксплоатаціи капиталистовъ наравнѣ съ лѣсами. Мы бы иначе посмотрѣли на дѣло, если бы лѣса Зырянскаго края составляли собственность живыхъ единицъ, его населяющихъ; ибо въ такомъ случаѣ, лѣсами онѣ бы пользовались, или могли бы пользоваться, какъ собственнымъ капиталомъ; но теперь лѣсной капиталъ принадлежитъ казнѣ, которая не извлекаетъ изъ него никакой выгоды, если принять въ соображеніе расходы на содержаніе четырехъ лѣсничихъ съ соотвѣтствующимъ числомъ низшихъ лѣсныхъ чиновъ. Зырянскіе лѣса, какъ предметъ отпуска за границу въ сыромъ, такъ сказать, видѣ, моглибы получить значеніе, если бы даже и были достояніемъ частныхъ лицъ, только тогда, когда не будетъ существовать конкурренціи со стороны смежныхъ лѣсныхъ уѣздовъ Вологодской губерніи, болѣе близкихъ къ Архангельску; а прекращенія такой конкурренціи можно ожидать лишь не въ близкомъ будущемъ.

Гораздо болѣе обѣщаетъ выгодъ производство такъ называемыхъ лѣсныхъ издѣлій, т. е. смолы, скипидару,

канифоли, пеку и т. п.—Изъ Вельскаго, напримѣръ, уѣзда давно отправлялся строевой лѣсъ къ Архангельскому порту; но рубка и сплавъ его ни мало не содѣйствовали развитію народнаго благосостоянія. Напротивъ того, смолокуреніе доставляетъ хорошіе заработки, которые, притомъ, требуютъ сравнительно меньшаго труда. Главная же выгода смолокуренія заключается въ томъ, что оно не нуждается въ капиталахъ, и производится каждымъ смолокуромъ у себя дома. Даже выдѣлка скипидару, канифоли и т. д. требуетъ лишь незначительныхъ капиталовъ, какіе найдутся и у Зырянъ. Какъ выгодно смолокуреніе опять доказывается примѣромъ Вельскаго уѣзда, гдѣ, по случаю возвышенія цѣнъ на смолу во время сѣвероамериканской войны, съ поразительною быстротою поднялось общее благосостояніе и появились у крестьянъ капиталы, хотя не крупные. Впрочемъ, въ послѣднее время смолокуреніемъ стали заниматься по р. Вычегдѣ. Мы не сомнѣваемся въ близкомъ развитіи этого рода промышленности, такъ какъ выгодность ея очевидна и для каждаго крестьянина, и для правительства,—для послѣдняго потому въ особенности, что для выкурки смолы употребляется лѣсъ маломѣрный.

Еще болѣе значенія имѣетъ воздѣлываніе хлѣбныхъ растеній, т. е. хлѣбопашество. На эту статью народнаго хозяйства весьма ошибочно смотрятъ и оптимисты, и пессимисты (къ числу послѣднихъ, въ этомъ случаѣ, принадлежитъ и губернская администрація). Первые слишкомъ увлекаются иногда поразительнымъ обиліемъ урожаевъ и не обращаютъ должнаго вниманія: во первыхъ на ограниченность посѣвовъ, а во вторыхъ на частые неурожаи въ сѣверной половинѣ Зырянскаго края. Послѣдніе-же, не придавая значенія обилію урожаевъ, съ настойчивостію указываютъ на употребленіе въ пищу разныхъ суррогатовъ хлѣба: пихтовую кору, мохъ, рябиновой листъ и т. п. Сколько хлопотъ, бывало, причиняли губернскимъ властямъ донесенія окружныхъ начальниковъ о плохомъ урожаѣ хлѣба у Зырянъ! Опустошались хлѣбные запасные магазины въ хлѣбородныхъ уѣздахъ губерніи; сгонялись тысячи подводъ для подвозки хлѣба къ пристанямъ; зафрахтовывались суда для доставки его нуждающимся! Но суда эти почти никогда не доходили до мѣстъ назначенія, и рѣшительно никогда — во время; и это бывало счастіемъ для Зырянъ. Если бы хлѣбъ доходилъ до извѣстныхъ пристаней, то, какъ это въ подобныхъ случаяхъ водилось, начальство стало бы высылать за нимъ самихъ нуждающихся, а каково бы это было для населенія деревень, отстоящихъ отъ р. Вычегды за многія сотни верстъ, при извѣстномъ намъ состояніи путей сообщенія въ краѣ, или, вѣрнѣе, при отсутствіи ихъ? Затѣмъ, хлѣбъ во всякомъ случаѣ не могъ придти ко времени посѣва, а между тѣмъ онъ всегда главнымъ образомъ предназначался для обсѣмененія полей. Наконецъ, если бы онъ какимъ нибудь чудомъ пришелъ благовременно; то, состоя преимущественно изъ овса и отчасти ржи, все таки не принесъ бы пользы; такъ какъ мы видѣли, что населеніе такъ называемой голодной части края овса вовсе не сѣетъ, ржи очень мало, и ни того, ни другой не ѣдятъ. Между тѣмъ всегда, на встрѣчу судамъ, нагруженнымъ вспомогательнымъ хлѣбомъ и съ страшными усиліями поднимающимся противъ быстраго теченія Вычегды, не имѣющей бичевника, свободно спускались другія, нагруженныя тѣми же самыми продуктами Зырянскаго края, конечно южной его части. — И что же? Оставались-ли въ такіе годы поля не засѣянными? Умирали-ли Зыряне голодною смертью? Развивались-ли между ними повальныя болѣзни? — Ничего этого не случалось. Правда, именно въ такіе годы усиливалось употребленіе вышеупомянутыхъ суррогатовъ хлѣба, но это не имѣло, по видимому, вреднаго вліянія на здоровье населенія. Во всякомъ случаѣ такое вліяніе бывало незначительно. Такое, на первый взглядъ, странное явленіе не трудно объяснить многими причинами.

Прежде всего вспомнимъ, что предки Зырянъ вовсе не были земледѣльцами, что неурожаи въ Зырянскомъ краѣ начались не со вчерашняго дня. Потомъ, обратимъ вниманіе на обиліе въ краѣ животной пищи. Если и допустимъ, что лѣсная дичь вся идетъ въ продажу, то все безчисленное множество водяной остается въ краѣ, а изъ рыбъ, населяющихъ тысячи зырянскихъ рѣкъ и озеръ, только незначительная часть вывозится за предѣлы края. Мясо множества убиваемыхъ оленей и лосей все потребляется охотниками. Наконецъ, мало-ли можно указать кочевыхъ и звѣроловныхъ народовъ, которые вовсе не знаютъ растительной пищи? Сами Зыряне употребляютъ иногда вмѣсто хлѣба сушеныхъ куропатокъ. Мудрено-ли же послѣ этого, что они сравнительно мало нуждаются въ растительной пищѣ, и что, при обиліи пищи животной, незначительное количество пихтовой коры, моху и т. п. не можетъ имѣть замѣтнаго вреднаго вліянія на ихъ здоровье?

Какъ бы то ни было, а хлѣбопашество составляетъ главнѣйшую статью народнаго хозяйства во всемъ Зырянскомъ краѣ, за небольшими исключеніями; такъ какъ, за удовлетвореніемъ собственныхъ потребностей, довольно значительная, судя по географическому положенію края, масса хлѣба сбывается за предѣлы его. Нельзя не пожалѣть, что Зыряне, вслѣдствіе прирожденнаго имъ пристрастія къ охотничьимъ и рыбнымъ промысламъ, по нашему мнѣнію, недостаточно заботятся объ увеличеніи посѣвовъ. Жалобы на недостатокъ удобной для хлѣбопашества земли намъ не кажутся основательными. Смѣшно сказать, что въ двухъ уѣздахъ Устьсысольскомъ и Яренскомъ, по экономическимъ примѣчаніямъ къ планамъ генеральнаго межеванія, изъ 20.000,000 дес. общаго количества земли только 31,000

дес. показана подъ пашнями. Несомнѣнно, что послѣдняя цифра ниже истинной, такъ какъ въ нее не могли войдти многочисленныя новины; но если мы ее поднимемъ до 100,000 дес., то и въ такомъ случаѣ она составитъ только $^1/_{200}$ всей площади двухъ уѣздовъ. Не уже-ли же изъ остальныхъ 19.900,000 дес., нельзя ничего выбрать для пашень?

Звѣриные и птичьи промыслы, послѣ хлѣбопашества, по цѣнности продуктовъ, составляютъ самое важное занятіе Зырянъ, хотя послѣдніе, можетъ быть, думаютъ, и не такъ, какъ мы. И на этотъ предметъ оптимисты и пессимисты смотрятъ каждый съ своей точки зрѣнія. Первые видятъ въ звѣриныхъ и птичьихъ промыслахъ только свѣтлую сторону, и не обращаютъ вниманія на то, что доходность охоты далеко не соотвѣтствуетъ трудностямъ ея. Мы видѣли какихъ, почти нечеловѣческихъ, усилій она требуетъ, — усилій, на которыя способна только закаленная въ трудахъ натура Зырянина и его безотчетное пристрастіе къ охотѣ. Пессимисты, напротивъ, жалуются на скудость промысловъ, особенно сравнительно съ добрымъ старымъ временемъ, когда въ Зырянскомъ краѣ водились бобры, соболи, чернобурыя и черныя лисицы, и не обращаютъ вниманія на то, что главный предметъ охоты — бѣлка, какъ мы видѣли, вслѣдствіе ея плодовитости, не можетъ быть истреблена, пока не истреблены лѣса,—а лѣсовъ теперь у Зырянъ столько-же, сколько было и за 1,000 лѣтъ до нашего времени, и что теперь охотники владѣютъ лучшимъ орудіемъ для промысловъ—ружьемъ. Пессимисты упускаютъ изъ виду, что нынѣ Зыряне получаютъ выгодъ столько же или почти столько-же, какъ и отъ звѣриныхъ промысловъ,—отъ птицеловства. Мы не хотимъ утверждать, что въ Зырянскихъ лѣсахъ теперь дичи стало больше, чѣмъ прежде; но убѣждены въ томъ, что въ старое время, когда почти вся тогдашняя Россія была покрыта полными птицъ и звѣрей лѣсами, продукты птичьихъ промысловъ, если не вовсе не вывозились изъ края, то, во всякомъ случаѣ, далеко не имѣли нынѣшней цѣнности.

Рыбные промыслы не имѣютъ того значенія, какъ звѣриные и птичьи. Хотя зырянскія воды сравнительно не богаты рыбою; но въ нихъ водится много весьма вкусныхъ породъ ея, каковы: стерлядь, семга, лохъ, чиръ, пелядь, нельма и сигъ. Однако только двѣ первыя изъ нихъ составляютъ предметъ вывоза, а послѣднія лишь въ самомъ ограниченномъ количествѣ въ зимнее время закупаются для нѣкоторыхъ городовъ Вологодской губерніи; большая же часть рыбы потребляется на мѣстахъ лова.

О скотоводствѣ мы здѣсь не будемъ распространяться, такъ какъ все, что могли, сказали въ своемъ мѣстѣ. О разныхъ другихъ промыслахъ также не будемъ говорить отчасти по той же причинѣ, а, главное, потому что они, по незначительности своей, не заслуживаютъ вниманія.

Изъ сказаннаго нами о количествѣ и качествѣ естественныхъ богатствъ Зырянскаго края и о томъ, въ какой мѣрѣ пользуется ими мѣстное населеніе, мы выводимъ такое общее заключеніе: сопоставляя массу ихъ съ пространствомъ страны, мы находимъ ихъ довольно скудными; принимая-же въ соображеніе число лицъ, призванныхъ пользоваться ими,—болѣе, нежели достаточными, и если Зыряне не извлекаютъ изъ нихъ надлежащихъ выгодъ, то въ этомъ виновата не сама природа. Обращаемся къ самимъ обитателямъ края.

Въ сочиненіи своемъ мы изложили, по возможности, всѣ свѣдѣнія о физическихъ и нравственныхъ свойствахъ Зырянъ, о ихъ привычкахъ, образѣ жизни и занятіяхъ, о вѣрованіяхъ ихъ и предразсудкахъ,—упоминали о ихъ языкѣ и скудныхъ произведеніяхъ словеснаго творчества и фантазіи; но, признаемся, мы сами неудовлетворяемся нашимъ изложеніемъ: всѣ приведенные нами отзывы кажутся школьными отмѣтками объ успѣхахъ, прилежаніи и поведеніи учениковъ, — отмѣтками, не имѣющими между собой органической связи. Всѣ черты ихъ физической и нравственной физіономіи вѣрны; но изъ нихъ почему-то не слагается живаго типа. Напротивъ, выходитъ что-то странное. Такъ, если бы насъ пригласили составить, на основаніи нашихъ отмѣтокъ, краткую атестацію Зырянъ; то мы бы должны были написать, что они, при очень хорошихъ способностяхъ, поведеніи и прилежаніи, оказали весьма слабые успѣхи въ наукахъ. Чѣмъ объяснить такое противорѣчіе? Тѣмъ-ли, что у этого способнаго, благонравнаго и трудолюбиваго народа былъ плохой учитель? Или тѣмъ, что какія-то обстоятельства, какой-то fatum препятствовали его развитію? Мы постараемся дать отвѣтъ на такіе вопросы ниже; теперь же обратимъ вниманіе на первое сейчасъ высказанное нами недоумѣніе относительно того, почему вѣрно намѣченныя отдѣльныя черты физической и нравственной физіономіи Зырянъ не сливаются въ нашемъ представленіи въ цѣльный живой типъ? Мы полагаемъ, что такое недоумѣніе удовлетворительно разрѣшится, если мы припомнимъ разнорѣчивые отзывы разныхъ наблюдателей о наружности Зырянъ. Мы уже объяснили и причину разнорѣчія тѣмъ, что наблюдатели любили обобщать частныя явленія, иногда не безъ предвзятой мысли. Но, подводя общій итогъ подъ всѣ сообщенные нами факты, мы неминуемо приходимъ къ убѣжденію, что теперь въ средѣ Зырянъ существуютъ два типа: такъ называемый уральскій и русскій, что эти типы неравномѣрно и механически перемѣшаны въ разныхъ частяхъ Зырянскаго края, и что, наконецъ, смѣшеніе ихъ не выработало средняго самостоятельнаго типа: тамъ нѣтъ ни мулатовъ, ни метисовъ, ни даже квартероновъ. Въ другихъ нашихъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ одно, въ выдержкахъ, мы помѣстили въ 43 и 44 примѣчаніяхъ къ настоящему труду, а другое напечатали въ «Бесѣдѣ» на 1872 г. подъ заглавіемъ

«Колонизація Заволочья и обрусѣніе Заволоцкой Чуди», подробно объяснили, что даже на самой границѣ, въ настоящее время раздѣляющей два племени, нѣтъ никакихъ слѣдовъ химическаго, такъ сказать, смѣшенія. Именно по этой причинѣ и нѣтъ возможности сложить изъ валяющихся на зырянскихъ кладбищахъ костей стройный скелетъ человѣка, который былъ бы самъ по себѣ; русые волоса положить надъ угловатыми черными глазами—и т. д.

То, что сію минуту мы сказали для объясненія невозможности начертать стройный наружный обликъ Зырянина, нельзя-ли сказать и о его нравственномъ обликѣ? Кажется, что въ такомъ случаѣ мы не будемъ непослѣдовательны; такъ какъ противъ связи внѣшности съ внутренностію пока еще не спорятъ. Но это было бы сужденіемъ à priori. Вдумываясь въ вопросъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что хотя духовная сторона, какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго народа, во многомъ зависитъ отъ физіологической; но, какъ и послѣдняя, подвергается и постороннимъ вліяніямъ, и даже болѣе, вслѣдствіе бо́льшей своей свободы, подвижности. Мы затрудняемся объявить столь же рѣзкій дуализмъ духовной стороны Зырянина, какой указали въ его внѣшности, и потому еще, что она не столь легко поддается наблюденіямъ; явленія ея несравненно разнообразнѣе. Чтобы составить себѣ сколь возможно рельефное понятіе о духовныхъ свойствахъ Зырянина, бросимъ общій взглядъ на всю совокупность ихъ. Разсматривая сообщенныя нами свѣдѣнія о добрыхъ качествахъ, каковы: честность, гостепріимство, религіозность и т. п., мы замѣчаемъ въ основѣ ихъ теплую гуманность, искренность и самое честное чувство законности. Останавливаясь же на признанныхъ нами дурныхъ качествахъ, каковы: подозрительность, сутяжничество, мстительность и нецѣломудріе, — мы встрѣчаемся съ противнымъ. Это огонь и вода. Какъ могутъ они ужиться? Такой кажущійся дуализмъ въ настоящемъ случаѣ нельзя объяснить при помощи того пріема, къ которому мы прибѣгли, говоря о наружности Зырянъ: тамъ племенныя разновидности представляются разными единицами, а здѣсь онѣ встрѣчаются въ одномъ недѣлимомъ; тамъ, напримѣръ, Удорцы представляютъ уральскій типъ, а Вычегодцы-русскій, здѣсь же противуположныя свойства приписываются и тѣмъ и другимъ. Не проще-ли будетъ, если мы, для разъясненія недоумѣнія, предположимъ, что добрыя качества Зырянъ искони прирождены имъ, а дурныя развились подъ вліяніемъ постороннихъ обстоятельствъ, существуютъ случайно. Но прежде, чѣмъ будемъ говорить о происхожденіи дурныхъ свойствъ, исключимъ изъ числа ихъ: во первыхъ мстительность, такъ какъ этотъ порокъ условный и можетъ вытекать изъ неудовлетвореннаго чувства законности; а во вторыхъ нецѣломудріе, такъ какъ оно легко можетъ ужиться и съ гостепріимствомъ, и съ добродушіемъ, и съ чувствомъ гражданской законности и т. д. Остаются подозрительность или, пожалуй, недовѣрчивость и сутяжничество. Но, по самому существу своему, эти качества даже должны развиться вслѣдствіе постороннихъ вліяній. Выражаясь опредѣленнѣе, скажемъ, что, по нашему мнѣнію, и недовѣрчивость и сутяжничество появились у Зырянъ вслѣдствіе сношеній съ Русскими. Даже въ настоящее время едвали существуетъ во взаимныхъ отношеніяхъ самихъ Зырянъ недовѣрчивость, потому что всѣ свѣдѣнія о скрытности ихъ идутъ отъ Русскихъ и преимущественно чиновниковъ; да и многіе Русскіе свидѣтельствуютъ, что коль скоро заговоришь съ Зыряниномъ по-зырянски и отнесешься къ нему сочувственно, онъ становится какъ-бы другимъ человѣкомъ. Мы уже говорили, что Зыряне называютъ Русскихъ «Ротчъ», т. е. хитрый и т. д., а Русскіе ихъ въ старину называли Чудью, т. е. народомъ чуднымъ (чудакъ), страннымъ, смѣшнымъ, недоразвитымъ. [441]) Уже только такой взаимный взглядъ одного народа на другой, предполагаетъ необходимость недовѣрчивости со стороны Чуди къ Русскимъ. Характеръ послѣдующихъ отношеній между ними, какъ мы знаемъ, не способенъ былъ измѣнить разъ составившееся убѣжденіе. Какъ ни мягка была сравнительно новгородская колонизація чудскихъ странъ, о чемъ мы подробно писали въ вышеупомянутой статьѣ нашей: «Колонизація Заволочья и обрусѣніе Заволоцкой чуди»; но все-же Новгородцы, а потомъ Московское правительство эксплоатировали Зырянскій край, а Зыряне были предметомъ эксплоатаціи.

Обращаемся къ сутяжничеству. Этотъ порокъ, такъ-же безспорно, привился извнѣ. У предковъ Зырянъ, если и былъ судъ, то, во всякомъ случаѣ, не было длиннаго ряда инстанцій; если была какая нибудь администрація, что̀ весьма сомнительно, если не считать администраціей патріархальный распорядокъ, то также въ ней не было инстанцій, и она не дробилась между множествомъ властей, обязанности и права которыхъ смѣшивались и перекрещивались. Слѣдовательно, при такомъ порядкѣ вещей, сутяжничество было не мыслимо, физически невозможно. По этому очевидно, что оно вызвано было русскими судебно-административными порядками.

Такимъ образомъ и подозрительность и сутяжничество суть не коренные, не прирожденные пороки: съ весьма возможнымъ прекращеніемъ дѣйствія постороннихъ и случайныхъ причинъ, способствовавшихъ ихъ появленію, они могутъ, если не совсѣмъ, то почти совсѣмъ исчезнуть.

---

[441]) У насъ вообще принято производить слово Чудь отъ «чуждый», но намъ кажется, что наше производство и вѣрнѣе филологически, и имѣетъ за себя тотъ фактъ, что предки наши называли Чудью только народы низшаго развитія; всѣмъ-же прочимъ, каковы: Варяги, Нѣмцы, Греки и Болгары, изъ коихъ послѣдніе (здѣсь мы разумѣемъ Камскихъ Болгаръ) были даже чудскаго происхожденія, не смотря но то, что всѣ они были для Славянъ чуждые,—давали собственныя имена.

Итакъ, совокупность душевныхъ качествъ Зырянъ намъ представляется въ самомъ свѣтломъ, мы сказали-бы идиллическомъ видѣ, еслибы на свѣтломъ фонѣ не лежало немного, хотя и случайныхъ, но все-же темныхъ пятенъ. — Не смотря на то, мы все еще, какъ будто не возпроизвели цѣльнаго этнографическаго типа, съ выпуклостями и углубленіями. Добрыя свойства всякаго наименованія не трудно найдти у многихъ, особенно стоящихъ на одной степени развитія съ Зырянами народовъ; есть, кромѣ того, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, гостепріимные, честные, правдивые люди и между Русскими, и между Испанцами, и между Японцами и т. д.; эти качества не представляются, общимъ правиломъ; у Зырянъ же узаконены всенароднымъ обычаемъ — не личными вкусами нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ, а неотразимымъ требованіемъ племенной крови. Если безъискуственно ровна и блѣдна нравственная натура Зырянами; то это и не его, и не наша вина: таковы всѣ первобытныя народности. Однако-же, трудно оттѣнить особенности какого-бы то ни было народа, даже успѣвшаго развить подробности своей нравственной физіономіи, изображая, такъ сказать отвлеченныя, духовныя свойства его. Эти свойства рельефнѣе выдаются, когда воплощаются въ жизненныхъ явленіяхъ, каковы: обычаи, вѣрованія, предразсудки и занятія народа. И нигдѣ въ такой степени, какъ здѣсь, столь легко не выдѣляются и не бросаются въ глаза прирожденныя особенности Зырянъ; потому что вся бытовая обрядность позаимствована ими у Русскихъ. Эта обрядность позаимствована въ существѣ и даже во многихъ частностяхъ, но, за всѣмъ тѣмъ, есть многія чисто зырянскія частности, которыя, стоя объ руку съ первыми, нагляднѣе обрисовываются. Кромѣ того, отмѣчая послѣднія, мы узнаемъ то, чѣмъ зырянизмъ, при всемъ своемъ стремленіи усвоить все русское, не могъ поступиться; слѣдовательно въ такихъ особенностяхъ мы и должны искать чистыя племенныя черты. Однако, не будемъ закрывать глаза на то, что нѣкоторыя изъ нихъ обусловливаются не свойствами народа, а свойствами страны, имъ заселенной.

Мы уже видѣли, что вся обстановка жизни занята Зырянами у Русскихъ, что всѣ ихъ вѣрованія и предразсудки русскія, что изъ числа ихъ занятій только охота и рыболовство туземнаго происхожденія. Зырянъ даже нельзя считать народомъ, и если мы употребляли иногда это слово, то только потому, что не придумали другаго подходящаго выраженія. Они сами, даже тѣ изъ нихъ, которые печатно называютъ себя обрусѣлыми Зырянами, т. е. люди способные, по своему развитію, понимать значеніе народности, считаютъ себя лишь частью русскаго народа, провинціалами, говорящими особымъ языкомъ: ихъ проказники лѣшіе во время войны сражаются съ непріятелями въ рядахъ русскаго войска, и, конечно, приносятъ намъ своею помощью много пользы, такъ какъ ни для пули, ни для штыка не доступны, а сами валятъ цѣлые ряды непріятелей выдернутыми съ корнемъ деревьями; ихъ злые черти, напротивъ, уходятъ къ непріятелямъ, но не могутъ намъ вредить, такъ какъ хотя сами тоже не уязвимы, но бросаются только камнями, и притомъ безвредно; ибо и Русскій и Зырянинъ, не благословясь, не идутъ въ сраженіе.

Несмотря однакожь на такой русскій патріотизмъ Зырянъ, разсматривая поочередно всѣ этнографическія примѣты ихъ, мы замѣчаемъ, что тамъ и сямъ, сквозь русскую наружность, просвѣчиваетъ зырянская подкладка.

Зырянскія *керки*, какъ мы видѣли, устроиваются также, какъ и избы русскихъ сосѣдей, но въ нихъ есть и особенность, придуманная Зырянами: это—своеобразная постановка печи съ ея *падчеръ-ошенъ* (окномъ надъ лежанкой печи) — приспособленіе, весьма практичное.

Принадлежности одежды Зырянъ отчасти русскія (у женщинъ вообще, а у мущинъ въ торжественныхъ случаяхъ), и отчасти зырянскія, приноровленныя къ ихъ занятіямъ и климату.

Пища Зырянъ совершенно нерусская, о чемъ въ своемъ мѣстѣ мы подробно сказали и вновь перечислять зырянскія кушанья считаемъ излишнимъ. Особенности пищи Зырянъ не могутъ, подобно особенностямъ одежды, быть объяснены климатическими и бытовыми условіями. Онѣ созданы требованіями чисто зырянскихъ желудка и изобрѣтательности, и притомъ въ недавнее время, на что указываетъ *гэрмога-чужва* (сусло съ стручковымъ перцемъ); такъ какъ съ перцемъ Зыряне могли познакомиться уже черезъ Русскихъ, какъ и съ самымъ сусломъ. Даже продукты позаимствованнаго у Русскихъ земледѣлія они приготовляютъ и употребляютъ на свой ладъ: такова, кромѣ гэрмога-чужва, кутья изъ коноплянаго сѣмени. — (Зырянское названіе конопли «контусь» имѣетъ, очевидно, русскій корень «кон», ибо окончаніе «тусь» значитъ зерно, а цѣлое слово «конопля» Зырянину, употребляющему почти исключительно односложныя слова, трудно выговорить).

Описанные нами обычаи, сопровождающіе главнѣйшіе моменты жизни человѣка, начиная отъ рожденія до похоронъ и поминовеній по усопшимъ, само собой разумѣется, приняты отъ Русскихъ, вмѣстѣ съ Христіанствомъ. Можетъ быть, и сюда вкралось что нибудь зырянское; можетъ быть, изображая такіе обычаи, мы и сами, не зная того, отмѣтили туземное происхожденіе того или другаго обряда, каковъ, напримѣръ, порядокъ крестинъ у Ношульскихъ Зырянъ: но эти обычаи такъ разнообразны въ широкой Русской землѣ, что мы, покрайней мѣрѣ, не имѣемъ возможности по совѣсти утверждать, что кажущіяся намъ особенности не русскаго происхожденія.

Вѣрованія и предразсудки Зырянъ, за исключеніемъ, можетъ быть, вѣрованія въ «Орта», по содержанію, какъ мы и ранѣе сказали, чисто русскія; но здѣсь-то именно болѣе всего и просвѣчиваетъ, сквозь массу подробностей, Зырянская подкладка: здѣсь мы видимъ искреннее вѣрованіе, искреннее движеніе сердца. Русскій знаетъ и лѣшаго, и черта, и кикимору, и сусѣдка; но какъ-то небрежно относится къ нимъ: онъ норовитъ самъ обмануть лѣшаго; обойдетъ омутъ, гдѣ сидитъ чертъ, а не кинетъ, въ угоду ему, какъ Зырянинъ, какой-нибудь палочки; онъ не броситъ дома, гдѣ поселилась кикимора; онъ не воротится домой, если ему перебежитъ дорогу заяцъ. Русскій знаетъ, что громъ и молнію производитъ Илья-Пророкъ, разъѣзжая по небу на огненной колесницѣ; онъ, можетъ быть, и знаетъ, что молнія создана для того, чтобы поражать нечистыя силы: но равнодушно смотритъ на то, дѣйствительно ли она поразила какого-нибудь черта или баннаго; такъ какъ тутъ его дѣло сторона. Русскій, во время грозы, не станетъ затыкать щелей въ своемъ домѣ для того, чтобы не пролѣзла въ нихъ какая нибудь испуганная нечистая сила: а пролѣзетъ, думаетъ онъ, такъ не что возметъ съ крещенаго человѣка. Русскій вообще шатко вѣритъ во все неосязаемое. Зырянинъ-же, принявшій вѣрованія въ лѣшихъ, чертей, домовыхъ и т. д. отъ Русскихъ, считаетъ ихъ, не сомнѣваясь, живыми, дѣйствительными силами. Во время грозы онъ не спрячется подъ осину, какъ подъ дерево, на которомъ повѣсился Іуда, а предпочитаетъ сосну и ель, не обращая вниманія на то, что послѣднія, по свойствамъ своимъ, скорѣе осины могутъ привлечь къ себѣ электричество: онъ боится подъ іудинымъ деревомъ встрѣтиться съ нечистыми силами.

Здѣсь, кромѣ искренности убѣжденія, насъ поражаетъ и производительная сила фантазіи, стремящаяся создать возможно осязательные образы не видимыхъ силъ природы, по принятому убѣжденію, не свойственная обитателямъ глубокаго сѣвера. Поражаетъ насъ и то, что отъ всѣхъ, правда, очень не многихъ извѣстныхъ намъ произведеній зырянской фантазіи вѣетъ теплою гуманностью.

И такъ, и по физическимъ, и по нравственнымъ своимъ свойствамъ, Зыряне, по видимому, не менѣе Русскихъ способны къ развитію; но на дѣлѣ мы этого не видимъ; напротивъ, есть люди, которые упрекаютъ ихъ въ невѣжествѣ. Гдѣ-же искать причину такого явленія? Намъ кажется, что отыскать ее не трудно. Дѣло въ томъ, что все то, что выдается надъ уровнемъ массы Зырянскаго народа по умственному развитію, общественному положенію, богатству и т. д., уже перестаетъ быть зырянскимъ и зачисляется въ массу русскаго народа. Зыряне, заняли у Русскихъ слово «мужикъ», и все то, что не подходитъ подъ понятіе этого слово, не считается зырянскимъ. Такимъ образомъ, нельзя утверждать, что Зыряне не развиваются: Зырянпномъ можетъ быть только мужикъ и всякій не мужикъ eo ipso перестаетъ быть Зырянпномъ. Зыряне вѣрятъ, что такъ ужъ имъ на роду написано. Такова судьба не ихъ однихъ, и не одного чудскаго племени, а цѣлаго слоя народовъ, населявшихъ Европу до появленія въ ней такъ называемой арійской расы, каковы: Кельты, Иберійцы [442]). Не можемъ, впрочемъ, не замѣтить, что и Чудь, въ лицѣ Камскихъ Болгаръ, и Кельты, въ лицѣ Галловъ, доказала способность къ самостоятельному развитію, достигнувъ нѣкоторой степени цивилизаціи, благодаря, можетъ быть, благопріятнымъ условіямъ доставшейся имъ для поселенія территоріи. Можетъ быть, поэтому кельтическіе аборигены Западной Европы, слившись съ арійцами, оказались способными произвести особый этнографическій типъ; а если Болгары не могли сдѣлать того-же, то

---

[442]) Намъ давно бросалось въ глаза, такъ сказать, географическое тожество Финновъ, Кельтовъ и Иберійцевъ. Всѣ они теперь притиснуты къ западной и сѣверной морскимъ окраинамъ Европы, противуположнымъ—воротамъ на юговостокѣ этой части свѣта, черезъ которыя арійскіе народы должны были въ нее проникнуть; всѣхъ ихъ исторія застала на значительномъ разстояніи отъ береговъ Атлантическаго и Сѣвернаго океановъ, изъ чего явствуетъ, что ранѣе того они обитали и внутри европейскаго материка, который, можетъ быть, еще ранѣе и весь имъ принадлежалъ.—Но изъ такого факта мы не считали себя въ правѣ выводить другое заключеніе, кромѣ того, что Финны и Кельты были ровесниками между собою, и старшими братьями арійцевъ. Послѣ того, намъ иногда бросалось въ глаза сходство названій нѣкоторыхъ урочищъ въ древнихъ Галліи и Британіи (особенно по Цезарю) съ одной стороны, и въ Зырянскомъ краѣ—съ другой; но опять мы не рѣшались высказать мнѣніе о родствѣ Кельтовъ и Финновъ, въ виду возможной случайности этого сходства, а также потому, что недостаточное знакомство съ Зырянскимъ языкомъ и совершенное незнаніе кельтскаго не позволяли намъ, и теперь не позволяютъ, фактически провѣрить смутную догадку. Такую догадку мы не позволили бы себѣ высказать и теперь, если бы на дняхъ не поразило насъ одно мѣсто въ помѣщенномъ въ № 227 «Московскихъ Вѣдомостей» письмѣ профессора Ѳ. И. Буслаева изъ Франціи, гдѣ онъ разсказываетъ о поѣздкѣ въ Шартръ и тамошнихъ древностяхъ; тутъ онъ упоминаетъ о друидическомъ изваяніи женщины съ имѣющимъ родиться младенцемъ въ утробѣ. Надѣемся, что читатель, сравнивъ это извѣстіе съ описаніемъ Золотой бабы Герберштейна, приведенное дословно на 18 страницѣ настоящаго труда, согласится, что мы имѣли нѣкоторое основаніе для того, чтобы высказать нынѣ свой афоризмъ. Легко можетъ быть, что онъ и не оправдается фактически; но повѣрка его для людей, обладающихъ надлежащими средствами, ни мало не затруднительна, такъ какъ и теперь еще живо достаточное число недѣлимыхъ, принадлежащихъ къ тому и другому племени, и языки ихъ не вымерли окончательно, слѣдовательно и для антрополога, и для филолога готовъ превосходный источникъ.—Вреда отъ основательнаго изслѣдованія не будетъ: оно во всякомъ случаѣ принесетъ пользу, хотя отрицательнаго свойства. Высказывая свои мысль, мы не стѣсняемся мнѣніемъ, не сходнымъ съ нашимъ, одного извѣстнаго намъ французскаго писателя Figuier, который, въ книгѣ своей L'Homme primitif, Кельтовъ причисляетъ къ арійской расѣ (p. 201), а Финновъ—къ предшествовавшей арійцамъ расѣ монголоидовъ (p. 200) на основаніяхъ, кажущихся намъ тенденціозными.

это объясняется тѣмъ, что зачатки ихъ цивилизаціи были съ корнемъ выдернуты бурею татарскаго нашествія.

Намъ остается теперь опредѣлить, на сколько это возможно, степень нынѣшняго матеріальнаго благосостоянія Зырянъ. Существуютъ и на этотъ вопросъ два противуположные взгляда—оптимистскій и пессимистскій. И здѣсь такая разница происходитъ отъ болѣе или менѣе неправильной установки точки зрѣнія, именно отъ смѣшенія понятій о богатствѣ и довольствѣ. Пессимисты смотрятъ на богатство, какъ на математическую, безплотную величину: имъ все равно, изъ какихъ бы разнообразныхъ дробей ни слагалась величина, лишь бы итогъ былъ крупенъ. Оптимисты-же обращаютъ вниманіе только на то, какъ числители дробей относятся къ ихъ знаменателямъ,—и имъ все равно, какъ-бы великъ или малъ не былъ итогъ частностей, лишь бы каждая частная величина удовлетворялась отношеніемъ требованій къ средствамъ ихъ удовлетворенія, т. е. большею или меньшею равностію числителя съ знаменателемъ, большимъ или меньшимъ приближеніемъ дроби къ цѣлой воображаемой единицѣ. Въ первомъ случаѣ, т. е. смотря на массу матеріальныхъ средствъ Зырянъ безусловно, измѣряя ее отвлеченнымъ аршиномъ, футомъ и дюймами, мы встрѣтимся съ замѣчательною бѣдностію, сравнительно даже со средствами населенія сосѣднихъ съ Зырянскимъ краемъ русскихъ уѣздовъ Вологодской губерніи.—Если бы мы къ упомянутому сейчасъ итогу народнаго богатства присовокупили и тѣ капиталы, которые утекаютъ изъ края, вслѣдствіе стремленія его населенія къ ассимилизаціи съ Русскими, то и въ такомъ случаѣ итогъ этотъ значительно не могъ-бы увеличиться.

Когда же будемъ относиться къ богатству въ смыслѣ довольства, смотрѣть на отношеніе средствъ къ наличнымъ потребностямъ, а въ особенности на большую или меньшую равномѣрность распредѣленія средствъ между недѣлимыми, составляющими народную массу, —мы должны стать на сторону оптимистовъ. Если цифровая сумма народныхъ средствъ бѣдна; если между Зырянами нѣтъ сколько нибудь замѣтныхъ капиталистовъ, то нѣтъ и нищихъ. Пессимисты утверждаютъ, что въ старое время Зыряне пользовались большимъ довольствомъ, но мы видѣли, что общая масса цѣнностей въ настоящее время не только не меньше, а еще больше, чѣмъ встарину. Другаго рода было бы дѣло, если бы пессимисты утверждали, что теперь сумма средствъ менѣе благопріятно соотвѣтствуетъ суммѣ потребностей, т. е. что потребности развились сильнѣе, чѣмъ средства. А между тѣмъ это вѣрно. Несомнѣнно, что населеніе края возрастаетъ, слѣд. увеличивается и масса потребителей. Неотразимо вторгается роскошь. Намъ извѣстенъ, напримѣръ, курьезный фактъ, что лѣтъ 50 или 60 назадъ въ Устьсысольскѣ въ домѣ купца, вывезшаго изъ Сибири, какъ рѣдкость, нѣсколько фунтовъ чаю, не умѣли приготовить этотъ напитокъ. Хозяйка дома цѣлый фунтъ его сварила въ горшкѣ, и подала гостямъ за обѣдомъ, вмѣсто горячаго. Теперь-же, если и не каждый Зырянинъ пьетъ чай, то, покрайней мѣрѣ, всякій знаетъ, что̀ такое сьодъ-турынъ (черное сѣно). Говорить о распространеніи водки нѣтъ надобности. Повсемѣстно распространяются потребности въ мануфактурныхъ и другихъ привозныхъ товарахъ. Падающіе на мѣстныя средства расходы по содержанію постоянно усложняющейся администраціи болѣе и болѣе возрастаютъ. Между тѣмъ развитіе средствъ совершается медленнѣе и не съ такою очевидностью.

Возможно равномѣрное распредѣленіе средствъ между всѣми единицами народной массы и благопріятное отношеніе ихъ къ потребностямъ, конечно, имѣетъ свою хорошую сторону, кажущееся, успокоительное довольство. Но безусловно большая масса средствъ, какъ бы они распредѣлены ни были, и нѣкоторая несоотвѣтственность ихъ размѣрамъ потребностей, имѣютъ то безспорное преимущество, что послѣдняя возбуждаетъ энергію труда, а образованіе капиталовъ способствуетъ успѣхамъ цивилизаціи, которая, въ свою очередь, служитъ орудіемъ развитія благосостоянія.— Правда, рядомъ съ капиталами обыкновенно развиваются и народные недуги въ видѣ пролетаріата со всѣми его дурными послѣдствіями; но будемъ желать и ожидать, что это зло преходящее. Поэтому пожелаемъ и Зырянамъ не скуднаго лищь матеріальнаго довольства, а бойкаго всесторонняго развитія, хотя бы въ массѣ русскаго народа. Станемъ ожидать, что населеніе Зырянскаго края, въ какой бы народный цвѣтъ оно со временемъ ни окрасилось, когда нибудь будетъ считать въ средѣ своей не однихъ *мужиковъ*, какъ теперь.

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Столб.		Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
1	1	Въ прим. 1, стр. 2.	собитающіе	обитающіе
—	2	Въ примѣч. 4.	124	121
2	1	Стр. 3	сурьянскими	сурьянскими попами
—	1	Въ примѣч. 6.	1870	1850
3	1	Въ прим. 16, стр. 3	«осн»	«оеи»
8	2	Въ прим. 38, стр. 2	36	31
9	1	Въ примѣч. 40.	Сухарова	Суворова
14	1	Въ примѣч. 53.	83	81
15	1	Въ примѣч. 58.	См. Тамъ-же.	Волог. Губ. Вѣд. 1850 г. № 34: примѣч. къ ст. г. Михайлова »Устьвымъ».
—	—	Въ примѣч. 59.	Волог. Губ. Вѣд. 1850. № 34; примѣч. къ ст. г. Михайлова «Устьвымъ»	См. Тамъ-же.
16	2	Стр. 4	Сергіевскомъ	Сереговскомъ
17	1	Въ примѣч. 71.	56)	58
19	1	Стр. 27	Вышерскому	Вишерскому
—	—	» 29	Вышерѣ	Вишерѣ
20	2	Въ прим. 81, стр. 50	просторѣчія	краснорѣчія
22	2	Въ примѣч. 90.	78	79
23	2	Стр. 41	Василій Дмитріевичъ.	Димитрій Ивановичъ.
24	2	» 23	оно	его
29	2	» 5 и 6	епархія	епископская каѳедра
—	—	» 22	Онъ крестилъ Печорцевъ.	*(не нужно).*
31	1	» 15	Послѣдній	Песокъ
32	—	Въ примѣч. 138.	рѣчку	рѣку
33	2	Въ примѣч. 147.	Тамъ-же по примѣч. 136.	См. примѣч. 151.
38	2	Стр. 27	Ейвы	Елвы
43	2	» 14	пространствѣ	протяженія
—	—	Въ примѣч. 212.	1854 г. № 24	1848 г. № 25
44	1	Стр. 10	Помиздъ	Помоздъ
—	1	Въ примѣч. 219.		
		Стр. 7	танъ	такъ какъ
45	2	» 4	піявки	піявки (233)
—	—	» 5	пчела (233).	пчела.
—	—	» 7	кошки.	кошки (234)
—	—	» 8	вездѣ (234)	вездѣ.
50	1	» 11	и	изъ
52	2	» 26	порядокъ	порокъ
55	—	Въ примѣч. 283.		
		Стр. 5	и зерысъ	изэрысъ
58	—	Въ примѣч. 299.	202	292
62	—	Въ примѣч. 323.	323	239
63	1	Стр. 4	, яичница.	. Яичница.
66	1	» 24	умнешки	умники
68	1	Въ примѣч. 352.	Тамъ-же.	См. примѣч. 347
69	2	Стр. 8	7	8
73	1	Въ примѣч. 404.	157 и 169	387
—	—	Въ примѣч. 405.	387	157 и 169
78	2	Стр. 33	среднихъ годовъ	среднія
79	1	» 12	Вашской	Вашской
80	—	Въ примѣч. 435.	См. примѣч. 273	Соображенія наши основаны на оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ.

2007042762